

Автор: Белла Ди Корте

Книга: Беспринципный

Серия: Гангстеры Нью-Йорка

Книга в серии: #1

Оригинальное название: Machiavellian

Переводчик: Лена С.

Редактор: Alteplaza

Вычитка: Ms. Lucifer и Квазар

АННОТАЦИЯ

Мари: *«Я жаждала, чтобы меня заметили».*

О Капо Маккиавелло я знала наверняка три вещи:

Он был великолепен.

Он был затворником.

Он считался одним из самых диких животных Нью-Йорка.

И он хотел, чтобы я стала его женой. Простая договоренность – услуга за услугу, ты мне, я тебе. Никаких ожиданий. И всего одно условие: никогда не уходить от него.

Но жизнь не так проста, как может показаться. К двадцати одному году я осталась круглой сиротой, без работы и без крыши над головой. Я на собственном горьком опыте убедилась, что в этой жизни ничего не достается даром. Даже за доброту однажды приходится платить.

Капо, возможно, был единственным мужчиной, который когда-либо замечал меня, но я дала себе зарок: «Никогда не буду должной никому, особенно тому типу, которого называла своим боссом».

Капо: *«Я убивал, чтобы остаться незамеченным»*

Марипоса Флорес считала, что она никому ничего не должна, но она была всем обязана мне – призраку, которого когда-то называли Принцем этого города – Принцем Нью-Йорка без Принципов.

БЕСПРИНЦИПНЫЙ

**ГАНГСТЕРЫ НЬЮ-ЙОРКА.
КНИГА ПЕРВАЯ**

БЕЛЛА ДИ КОРТЕ

*Всем Бабочкам мира посвящается.
11:11 принадлежит вам.
Загадайте желание...*

«Мужчины вообще судят больше по внешности, чем по реальности. У всех людей есть глаза, но немногие имеют дар пронзительности».

Никколо Макиавелли

ПРЕДИСЛОВИЕ

Дорогой читатель,

Это путешествие началось с *Семейства* Фаусти. (Вы скоро встретитесь с ними на страницах этой книги.)

Когда я впервые начала писать Сагу о семействе Фаусти, я понятия не имела, *какую* историю я (на самом деле) создавала до тех пор, пока не начала писать вторую книгу серии. Но стоило мне погрузиться в написание, как я уже не могла остановиться. Семейство Фаусти открыли дверь в мир, который сразу же захватил меня, и вскоре они захватили *мой* мир.

К тому времени, как сага о Фаусти была завершена, я не могла дождаться момента, когда сяду за написание историй для новой серии. С этим связано так много миров, которые привлекли мое внимание, поэтому, когда я поняла, сколько было ответвлений от основного сюжета, я решила выделить целое семейство в антураже криминального мира.

С этого момента все мои книги о криминальном мире будут в одном месте, и большинство историй будут так или иначе связаны. У Фаусти длинные руки, они правят *этим* миром, и в какой-то мере вы, вероятно, пересечетесь с одним или двумя из них в каждой книге, даже если действие будет происходить в другом преступном мире.

Познакомьтесь с «Беспринципным».

Эта история, как и большинство других, полностью захватила меня. У меня были запланированы другие книги. Книги, которые строились вокруг некоторых главных лиц *семейства* Фаусти, но у Капо и Мари были другие планы на меня. Это было чудесным изменением - шагнуть с ними в похожий, и при этом совсем другой мир. И даже несмотря на то, что некоторые из членов семейства Фаусти появляются в «Беспринципном», вам не обязательно читать сагу о семействе Фаусти, до того, как перейдете к «Беспринципному» (или читать любую из книг о гангстерах Нью-Йорка). Если вы решились, то по временным событиям книга о Беспринципном попадает в промежуток между пятой и шестой книгами о семействе Фаусти.

Тем не менее, я составила список имен членов каждой семьи и их места в семействе, чтобы вам было легче ориентироваться.

«Беспринципный» занимает особое место в моем сердце. Эта книга абсолютно не похожа на те книги, которые я писала раньше. А сейчас, учитывая беспрецедентные времена, с которыми мы сталкиваемся, я думаю, что нам нужно больше историй, подобных этой. Истории, которые открывают дверь в новый мир и приглашают нас окунуться в него ненадолго. Я лишь упомянула о Саге Фаусти — но есть некоторые книги, с которыми забываешь обо всем.

«Беспринципный» - одна из таких книг лично для меня. Пусть и для вас она станет такой же.

С огромной любовью к вам,

Белла

P.S. Все (3) книги из серии «Гангстеры Нью-Йорка» являются отдельными произведениями, но действие каждой из них происходит в одном мире. Читайте дальше, чтобы узнать, кто будет следующим!

СЕМЕЙСТВО ФАУСТИ

La mia parola è buona quanto il mio sangue. Мое слово так же хорошо, как и моя кровь.

Члены семейства Фаусти, которые либо упоминаются, либо появляются в книге:

Марцио Фаусти (ныне покойный) был главой печально известной *семьи* Фаусти в Италии. У него пятеро сыновей: **Лука, Этторе, Лотарио, Освальдо и Никколо.**

Лука Фаусти (в заключении) - старший сын Марцио Фаусти, у него четыре сына: **Брандо, Рокко, Дарио и Ромео.**

Брандо Фаусти женат на **Скарлетт Роуз Фаусти** («Прекрасные годы»).

Рокко Фаусти женат на **Розарии Каффи.**

Тито Сала, доктор медицины, связан с семьей Фаусти по линии брака. Он женат на **Лоле Фаусти.**

Донатто:

Главный Солдат

Гвидо:

Солдат

Между Фаусти и Стоунами в *сэге о семье Фаусти* затяжная вражда. Я не касаюсь этой вражды в **Беспринципном**, потому что один из **Стоунов (Скотт)** появляется на страницах **книги** - он также будет во **второй книге серии «Гангстеры Нью-Йорка»** в качестве одного из центральных персонажей.

СЕМЕЙСТВО СКАРПОНЕ

Гипри; Волки

Артуро Лупо Скарпоне:

Он глава семейства Скарпоне, одного из пяти семейств Нью-Йорка.

У него двое сыновей: **Витторио Лупо Скарпоне** (мать - **Нозми**) и **Ахилл Скарпоне** (мать - **Бэмби**).

Витторио Лупо Скарпоне:

Он сын **Артуро** и **Нозми**.

Его дед по материнской линии, **Паскуале Раньери**, был всемирно известным поэтом и романистом из Сицилии. У него было пять дочерей (все они, кроме **Нозми**, живут в Италии): **Нозми Раньери Скарпоне**, **Стелла**, **Элоиза**, **Канделора** и **Вероника**.

У него один брат: **Ахилл Скарпоне**

Ахилл Скарпоне:

Он сын **Артуро** и **Бэмби**.

У него четверо сыновей: **Армино**, **Хусто**, **Джино** и **Вито** (только **Армино** и **Вито** упоминаются поименно в этой книге.)

У него один брат: **Витторио Лупо Скарпоне**

Тито Сала (женат на **Лоле Фаусти**) - двоюродный брат **Паскуале Раньери**.

БЕСПРИНЦИПНЫЙ

прилагательное

1. коварный, хитрый и беспринципный, особенно в политике.

существительное

1. человек, который строит планы беспринципным образом.

ПРОЛОГ

ВИТТОРИО

Когда-то мы правили миром. Мы с отцом бок о бок правили тем, что однажды должно было стать моим: царством неудачников. Причем он сидел на троне, воздвигнутом на страхе и уважении. Однако довольно скоро я обнаружил, что править этим миром - лишь одна из сторон суровой реальности.

Причем реальность отличается от человека к человеку, от души к душе, от перспективы к перспективе.

Например, мой отец рассматривал жизнь как игру, которую нужно выиграть, точнее, как шахматную партию. Ход за безжалостным ходом. Он стал королем Нью-Йорка благодаря своей жестокости и коварству. Что бы он ни делал, любое действие отец совершал с одной целью: *победить всех, независимо от того, кого, в конце концов, одолеет.* Стратегия, предусмотрительность и искусство не брать пленных, не проявлять милосердия, даже к самым близким — вот три кодекса, которые он неукоснительно соблюдал и по которым жил.

Отец завел правильные связи, женился на идеальной девушке, общался на всех роскошных вечеринках и заводил дружбу или убивал множество людей из всех слоев общества. Он доказал реальности, которую мы создали, миру, *которым мы правили*, насколько он был компетентен и насколько жестоким он мог быть. Даже те, кто правил улицами, боялись одного его имени.

Артуро Лупо Скарпоне, Король Нью-Йорка.

Никто не мог превзойти его в игре. Никто не мог приблизиться к нему. Даже его собственная плоть и кровь. Его сын.

Витторио Лупо Скарпоне, Принц-красавчик.

Артуро лишил меня будущего, *своего имени*, изгнал из королевства, к которому он так жестоко готовил меня, а затем *просто* взял и списал будто мертвый груз.

Его люди не зря называли его *il re lupo*. *Король-волк.* Он убил бы собственное потомство, чтобы упрочить свою власть.

Есть старая поговорка: *«Мертвецы не рассказывают сказок».* Мне нечего было рассказывать. У меня была только одна ужасная история.

Только на этот раз человек, давший мне жизнь, заплатит мне за все. Потому что если я уже был мертв в его глазах, как он мог увидеть мое приближение?

Бу, ублюдок. Ты называл меня Принцем. И я вернулся, чтобы править твоим миром, как Король.

18 лет назад

Договорные браки в нашей культуре были не редкостью. Я всегда знал, что когда-нибудь женюсь на Анджелине Замбони. У ее отца были связи, и, кроме того, он был одним из самых влиятельных людей в Нью-Йорке. Анджело Замбони, отец Анджелины, занимался политикой.

Мой же отец больше спец по страху и кровопролитию, хотя отец Анджелины тоже подобным не брезговал. Руки Анджело были чисты, чего нельзя было сказать о его совести. Артуро Скарпоне родился без совести и вырос в человека, не гнушавшегося запятнать свои руки кровью - большинство людей в нашем кругу восхищались этим и боялись его не меньше. Анджело жаждал такой поддержки, поэтому он согласился на брак до того, как его дочь смогла бы сделать свой выбор.

Мы были парой, которой все восхищались и хвалили. *Мы были прекрасной парой. У нас будут красивые дети. Мы бы прекрасно жили вместе,* даже если бы темные стороны моей жизни были скрыты за кажущейся идеальной внешностью. Когда настанет день, и я буду править этим безжалостным Королевством, которое оставил мне мой отец, она будет королевой рядом со мной на этом троне, воздвигнутом на непрекращающихся реках крови.

Анджелина также была бы моим собственным «кодексом чести» - моей *омертой*. Она будет моим гарантом молчания в самые трудные и тяжкие времена, в хорошие и плохие дни, в болезни и здравии, во время самых тяжелых полицейских допросов и в попытках противников испугать ее.

В этой жизни верность была даже сильнее любви. Необходимо было знать своих врагов лучше, чем друзей. Но я очень рано понял, что никто из тех, кто меня окружал, не был моим другом. Все зависит от того, насколько они нужны тебе, а ты им.

Анджелина усмехнулась и подтолкнула меня локтем, когда мы шли по улицам Нью-Йорка, выводя меня из задумчивости. На улице было уже темно, но множество огней вокруг нас освещали ее лицо.

Волосы Анджелины были цвета мягкой карамели, а загорелая кожа под цвет карих глаз. Мой брат как-то сказал, что у нее злой взгляд. Так и было. Когда Анджелина жаждала мести, взгляд ее глаз жалил похлеще кинжалов, не зная пощады. Ростом она была не выше меня, даже если надевала каблуки, но для женщины она была достаточно высокой. Ноги Анджелины были достаточно длинными, чтобы обхватить меня и притянуть ближе, когда мы предавались с ней любви.

Через месяц я назову ее своей женой — *Миссис Витторио Скарпоне* — и многолетние деловые отношения между нашими отцами наконец-то увенчаются успехом. Артуро любил рассказывать Анджело, что две семьи живут под сенью оливкового дерева. Анджело привез это дерево со своей бывшей родины. Артуро посадил его в Нью-Йоркскую почву. Когда придет время царствовать, обе семьи будут наслаждаться его плодами.

— Ты сегодня молчалив, — сказала Анджелина, ее глаза заблестели, когда она посмотрела на меня.

— Во время бродвейского шоу не поговоришь. — Дыхание вырвалось из моего рта легкой дымкой.

— Я не могу понять твой настрой. — Она остановилась. Я замер. Анджелина отступила на шаг, чтобы мы встали лицом к лицу. Ее глаза сузились.

— У тебя есть сомнения?

Между нами кружились снежинки. Они белыми хлопьями приземлялись на темную ткань моего пиджака. В течение нескольких секунд снежинки падали на мою одежду и даже на ресницы, прежде чем я заговорил.

— У меня к тебе встречный вопрос.

Она слегка улыбнулась в ответ и покачала головой.

— Это дело решенное.

В нашем мире речь всегда шла об искусстве ведения сделок и о том, что тебе придется смыть свои грехи кровью, если решишь пойти против воли Короля.

— Только Бог мог бы разорвать это соглашение, — сказал я.

— Бог или твой отец. — Анджелина сунула ладони в карманы своего дорогого жакета.

Мимо нас прошел мужчина в костюме, одной рукой держа портфель, другой прижимая телефон к уху. Но я не упустил взгляда его глаз. Он рассматривал Анджелину, пока спешил скрыться от холода. Меня это не особо беспокоило. Что меня действительно беспокоило, так это холод, который охватил мое тело, и погода здесь была ни при чём.

Анджелину использовали как пешку в этой игре еще до того, как она начала разговаривать. Я был рядом с ней с тех пор, как мы были детьми. Мы оба понимали, что любовь не имеет ничего общего с этим соглашением, но я хотел, чтобы это был крепкий союз, и было бы легче, если бы мы оба испытывали взаимные чувства друг к другу. Я ожидал от нее уважения, которое бы основывалось на верности.

Однако в последнее время я ощущал странные вибрации, исходившие от нее. Уже не в первый раз холодное предчувствие охватывало мое тело, заставляя мои инстинкты насторожиться.

— Ты и правда красавец мужчина, Витторио. Тебе следовало принять предложение отца, когда у тебя была такая возможность.

Мои глаза сузились, как будто это действие позволяло мне лучше ее рассмотреть. *Просканировать Анджелину.* Подобные замечания меня напрягали. Она была не из тех, кто скупится на слова. Анджелина все лучше и лучше овладевала тонкостями нашего ремесла. Мне это чертовски не нравилось. Особенно когда она начала разбрасываться словами, которые не должна была делать достоянием общественности.

Анджелина была права. Мой отец однажды уже предлагал мне выход. Шанс прожить свою жизнь так, как я считал нужным, но все еще делая для него грязную работу. Вместо того чтобы быть неотъемлемой частью бизнеса, он хотел, чтобы я стал его лицом. Я мог бы владеть всеми модными ресторанами и умасливать высшее общество, чтобы его члены были поближе к деньгам. Он сказал, что моя внешность и обаяние очаруют их. Мой брат Ахилл больше подходил на роль его правой руки.

Это был единственный выбор, который дал мне отец. Тем не менее, это можно было назвать выбором с большой натяжкой. Это был вызов. Пусть мой младший брат, которого он называл Шутом, будет лицом его Королевства, но что бы это дало мне? Я стал бы шестеркой, которая ему нужна, как собаке пятая нога. Я был бы даже ниже тех парней, которым он отстегивал по десять долларов, чтобы те убирали со стола.

Анджелина, казалось, знала, что мой отец никогда не позволит мне этого. Как только отец находил слабое место, он тыкал в него пальцем, пока рана не переставала заживать. Он ждал, пока рана не затянется вокруг его пальца, чтобы в любой момент он мог дать ей открыться, когда сам того захочет.

Отец знал, что мать - моя единственная слабость. Он все еще отпускал глупые шуточки о том, какой я красавчик, прямо как члены ее семьи в Италии, совсем как она сама.

Но Артуро никогда не скажет этого им в лицо. Моя мать была связана с могущественным кланом Фаусти, и если у отца не было намерения незамедлительно отдать богу душу, ему стоило относиться к ним с должным уважением. Меньше всего на свете ему хотелось, чтобы они заявили сюда и устроили разборки. Фаусти этого и не делали, если речь не шла о совместных делах с ними. Несмотря на то, что Артуро был Королем Нью-Йорка, он не мог и пальцем тронуть кого-то из клана Фаусти. Они правили всем миром.

После того как я сказал отцу, что скорее умру, чем отдам Ахиллу то, что принадлежит мне по праву, он расхохотался, словно сумасшедший, а потом ушел в комнату, которую делил со своей женой Бэмби. Не моей матерью. Бэмби была матерью Ахилла.

Мой отец всегда считал, что Ахилл лучше подходит для безжалостной части бизнеса. Но он вышел только лицом. Я же доказал свою ценность, несмотря на отражение, которое смотрело на меня в зеркале. Я был сыном своего отца, кровью от крови и плотью от плоти. Я убивал так же жестоко, как и он.

Анджелина никогда раньше не поднимала эту тему. Я никогда не делился этим с ней. *Откуда, черт возьми, она знает?*

— Ахилл снабжает тебя информацией? — Я сделал шаг вперед, но она не сдвинулась с места. — Зачем, *la mia promessa*¹?

Анджелина рассмеялась, и дыхание вырвалось из ее рта холодной дымкой тумана.

— Только ты так меня называешь. Твоей *обещанной*.

— Хочешь, я буду называть тебя как-нибудь по-другому? Через месяц я все равно назову тебя своей женой.

— Это не имеет значения. — Она стиснула зубы и сжала челюсти. — Все, что имеет значение, это то, что я твоя. Я принадлежу тебе. Ты *владеешь* мной.

— К чему ты клонишь?

Она засмеялась еще громче, а потом вздохнула.

— Я беременна, Витторио.

— Хорошо, — сказал я. — Это прекрасная новость. — Похоже, предупреждения о том, что защита не стопроцентная, были точными. Я всегда предохранялся, когда был с ней. Но были моменты, когда мы с ней забывались, и все выходило из-под контроля.

— Если мой отец узнает, что у меня...

— Он не тронет тебя. — Если ее отец узнает, что я занимался сексом с его дочерью до брака, это может вызвать некоторые проблемы. У Анджело был скверный характер. Он опустится до того, что стянет с нее штаны и отхлещет ремнем по заднице, если узнает, что Анджелина его опозорила. Ей было всего восемнадцать, но, как говорится в старой поговорке, *возраст - это всего лишь число*. Она была взрослой не по годам. По крайней мере, должна была быть.

У нее зазвонил телефон, и она отвернулась от меня, роясь в сумочке. Через мгновение телефон был уже у ее уха, и она тихо кому-то отчитывалась. С кем бы Анджелина ни разговаривала, они говорили о том, куда мы направляемся.

Двоюродный брат моего деда по материнской линии, Тито Сала, был в городе, и мы должны были встретиться в ресторане, куда мы с Анджелиной собирались пойти. Пока она была занята изменением наших планов, я отправил Тито короткое сообщение, сообщив ему, где он может со мной встретиться. Ранее он упомянул, что ему нужно кое-что обсудить со мной, и это очень важно. Тито был женат на Лоле, которая принадлежала семейству Фаусти по крови.

Мой телефон уже лежал в кармане, когда она обернулась.

— Планы изменились, — сказала она, сообщая мне то, что я уже и так знал. — Мама сегодня ужинала у Розы, и там было так много народу, что у Рэя кончилась телятина. Я хочу *Котолетта пармиджана*². — Она коснулась своего живота. — Вместо этого мы пойдем в «Дольче».

Я кивнул, но больше ничего не сказал. Я отказывался двигаться. Анджелина знала почему, поэтому продолжила объяснять.

— То, что я тебе рассказала, я подслушала в приватной беседе, Витторио. Твой отец и Ахилл обедали, и, проходя мимо столовой, я случайно услышала их разговор. Ты никогда не говорил мне этого раньше. — Она пожала плечами. — Мне стало любопытно.

— Это не твое дело, — отрезал я.

— Верно. — Анджелина снова отвернулась от меня. — Давай просто поужинаем. Я голодна и замерзла.

— Анжелина, — сказал я.

Прежде чем она повернулась ко мне лицом, изо рта у нее вырвалось облачко пара. Ей просто не терпелось попасть в ресторан.

— Ты же знаешь правила. Ты будешь моей женой, но то, что происходит в моей семье - это мое дело. Пока я не скажу тебе, что происходит, ты будешь заниматься своими делами, это ясно? — Была причина, по которой я общался с ней, когда она была ребенком, даже защищал ее. Я готовил

¹ *la mia promessa* (итал.) – обычно *la mia promessa sposa* – невеста. Здесь в контексте акцент на то, что героиня обещана.

² Исконно пармское блюдо; телятина, жаренная в пармезане

ее к тому, чтобы она стала моей женой. И Анджелина должна следовать правилам, иначе эта жизнь убьет нас обоих.

— Прекрасно, — сказала она, и в ее голосе просквозило нечто большее, чем горечь досады. — Мои дела и твои дела. — Эти слова она произнесла себе под нос. Я не стал перечить, потому что она говорила правду.

Мы молча шли рядом, пока я не сказал, прочищая горло:

— Мы расскажем семье о беременности, когда вернемся из свадебного путешествия.

— Прекрасно, — сказала Анджелина. — По крайней мере, к тому времени я буду уже далеко от его дома.

Она любила отца, но еще больше боялась его. Для нее брак по расчету означал свободу. Для меня брак по расчету означал, что засосёт еще глубже, настолько глубоко, что мне никогда не выбраться из этого болота, разве что в мешке для трупов.

К тому времени, как мы добрались до ресторана, дыхание у нее участилось, а шаг только ускорился. И снова она была слишком нервной. Я хотел положить руку ей на поясницу и проводить в ресторан, но она покачала головой.

— Пойдем через заднюю дверь, — сказала она. — Габриэлла и Бобби ужинают. Мама мне сказала. Мне не хочется сегодня попасть на язык сплетникам. У Патрицио зарезервирован отдельный столик.

Бобби работал на моего отца, а Габриэлла была одной из многочисленных кузин Анджелины. Каждый раз, когда мы виделись с ней - будь то на семейных ужинах, или, проходя мимо нее в холле, - она говорила только о свадьбе. *Бла-бла. Бла-бла. Бла-бла.* Эта женщина могла говорить днями напролет, не нуждаясь в том, чтобы перевести дух или выпить стакан воды.

Когда мы свернули за угол и вошли в темный и сырой переулок, идущий параллельно ресторану, нас встретили бодрые звуки Луи Примы, а также запах кипящей пасты, жареного чеснока, тушеных помидоров и уже подмерзшего мусора из мусорного контейнера.

Вместо того чтобы, как обычно, позволить мне открыть ей дверь, Анджелина остановилась перед ней, уставившись на металлическую ручку. Секунду спустя ее глаза метнулись вверх, чтобы встретиться со мной взглядом, прежде чем она вернулась к созерцанию холодной медной ручки.

— Ты тянешь время, — сказал я, выводя ее из оцепенения.

Луис Прима пропел «Анджелину» из-за двери, и взгляд ее глаз снова метнулся вверх, а тело напряглось. Когда до нее дошло, что никто не звал ее по имени, она заметно расслабилась, но я знал, что это не так. Она все равно нервничала.

— Ты ведешь себя глупо, Витторио.

— Разве, Принцесса?

Она резко повернулась ко мне, и я перехватил ее запястье, прежде чем она ударила меня по лицу.

— Пошел... ты, — выплюнула Анджелина мне в лицо.

— Задел за живое? — Отец называл ее принцессой, и она терпеть этого не могла. Она ненавидела это так сильно, что во время нашей приватной встречи для обсуждения условий нашего брака, я потребовал: «*Это то, чего я жду от тебя*».

«А это то, чего я жду от тебя», — возразила она, прося меня никогда не называть ее так. Но сегодня что-то было не так, и что бы она ни утаивала от меня, ей нужно было рассказать, чтобы избавиться от этого гребаного чувства. Молчание было не в ее стиле.

Анджелина выдернула свое запястье из моей хватки.

— Ты же знаешь, что это так! Ты прекрасно знаешь, что делаешь. Всегда! Ты такой бесчувственный. Так что... — она сделала паузу, словно пытаюсь собраться с мыслями. — Это не важно. Тебя не изменить! Бесполезно даже тратить свое время и сотрясать воздух.

Я поднял руку, и рукав пиджака вернулся на место, обнажая запястье. Мои дорогие часы освещали темноту и волка на моей руке.

— Время, — я кивнул на часы бренда *Panerai*³. — Говори сейчас или замолчи навсегда.

³ Panerai – шведская марка часов класса люкс.

Анджелина прищурилась, когда я произнес последние слова.

— Да что ты понимаешь...

Не успела она договорить, как из «Дольче» вышли два здоровенных амбала, которых я не узнал. Патрицио управлял рестораном, который служил отличной ширмой для семейки Скарпоне. Один из громил курил сигарету. У второго руки были засунуты в карманы кожаной куртки, а воротник поднят до ушей. Каждый из них занял место рядом с Анджелиной.

— Я повторю это только один раз, — сказал я.

— Что именно? — спросил верзила с сигаретой. У него был еле ощутимый ирландский акцент, который я, тем не менее, уловил.

— Отойди.

— Или? — поинтересовался тот, что был в кожаной куртке. Он был итальянцем, но я его не знал.

Я ничего не ответил, глядя на них, и давая им возможность отступить, не прибегая к насилию.

— Ребенок не твой, — выпалила Анджелина.

Мне потребовалось мгновение, чтобы оторвать взгляд от двух головорезов и сосредоточиться на ней.

— Я не могу выйти замуж за человека, который меня не любит, — продолжила она, и я видел, как два ублюдка, стоявшие рядом с ней, заставили ее почувствовать себя храбрее. *Увереннее.*

— Мне очень жаль, что нам придется расстаться на таких условиях, но я обещаю, что принесу тебе цветы. Это самое меньшее, что я могу сделать.

Мой взгляд переместился на двух ублюдков рядом с ней, которые придвинулись ближе - не ко мне, а к ней.

— После всех этих лет ты ни хрена до сих пор не знаешь меня, верно? — спросил я.

— Я узнала достаточно, чтобы понять, что ты просто не способен любить. Ты слишком испорчен, чтобы даже попытаться почувствовать это. Ноэми...

— Не смей даже произносить ее имя своим поганым ртом, — почти прорычал я.

Даже с этими двумя рядом с ней, Анджелина знала, что зашла слишком далеко, поэтому Анджелина перешла прямо к делу.

— Ты действительно думаешь, что у меня будет ребенок от тебя? Я хочу, чтобы в его жилах текла кровь Скарпоне, не твоя.

— Ты еще глупее, чем я думал, — ответил я.

Анджелина сделала шаг в мою сторону, без сомнения, чтобы дать мне пощечину, чего раньше сделать не могла, но мой брат как раз вышел наружу, обняв ее за талию.

— Ну же, милая, — сказал он ей. — Тебе не кажется, что у моего брата и так выдалась тяжелая ночь? Полегче с ним.

— Ахилл, — сказал я. — Я слышал, тебя можно поздравить. Ты скоро станешь отцом. — Все сразу встало на свои места - ее признание и его присутствие.

Он медленно улыбнулся, приподняв уголки рта, как чертов Шут.

— Анджелина тебе уже сказала?

— Не особо вдаваясь в подробности, — улыбнулся я в ответ.

Он пожал плечами.

— Мы оба знаем, что это не имеет значения.

Анджелина посмотрела на нас двоих, замешательство боролось с выдержкой на ее лице. Я видел, как ее горло дернулось, когда она с трудом сглотнула.

— Почему ты просто не убил ее, Витторио? — Краткий миг раскаяния пронесся в той буре эмоций, которые она пыталась скрыть.

— Да, почему ты не убил ее, милый Принц Витторио? — усмехнулся Ахилл. — Не то чтобы все обернулось иначе, но ты так легко убедил папу, что один из нас должен уйти. Он был полон решимости однажды подарить тебе королевство - прекрасную жену, прекрасный дом, прекрасное потомство, чтобы продолжить род, и все, что принадлежало ему, - и вот ты все испортил, предав его.

— Мы оба знаем, что это не имеет значения, — сказал я, повторяя слова Ахилла. Они так прекрасно подводили черту. Все, что мне было нужно, это причина, чтобы покончить с этим.

Ахилл зарылся носом в волосы Анджелины, вдыхая ее аромат, и крепко зажмурился.

— Спасибо, Ангел, — сказал он. — За все, но, похоже, твоя преданность мне была не нужна. В конце концов, мой брат сам забил гвоздь в свой же собственный гроб. Ты только что дала ему еще один повод для сожаления. Кому нужна такая женщина, как ты, когда мужчине лучше в постели с гадюкой? Предательство - непростительный грех, милая, и не важно, кого в моей семье ты предаешь.

Глаза Анджелины застыли, а дыхание участилось, когда он скользнул носом выше по коже ее лица и нежно поцеловал в щеку. Ахилл что-то прошептал ей на ухо, и Анджелина закрыла глаза, роняя одинокую слезу. Луч света из ресторана осветил траекторию падения слезы.

Ахилл наконец открыл глаза, одарил меня широкой улыбкой, а затем плечом остановил меня на выходе. Двое головорезов рядом с Анджелиной схватили ее под руки; одновременно с этим ко мне сзади подошли четверо мужчин, один из них приставил нож к моему горлу. Анджелина начала сопротивляться, крича Ахиллу, чтобы он вернулся.

— Как ты мог так поступить со мной? — теперь она просила меня о помощи.

Значит так, Принцесса, я тот, кого ты зовешь теперь? После того, как ты заманила меня на бойню?

Эти слова вертелись у меня на кончике языка, но они так и остались невысказанными. Вместо того чтобы звать меня, она должна звать Бога, единственную силу, достаточно сильную, чтобы остановить это. Никто не выберется отсюда живым. Нет, если это приказ Короля-Волка, и не было никого способного остановить его.

МАРИПОСА

Наши дни

Только по-настоящему бедные знают разницу между тем, что значит проголодаться и быть голодным. Мой желудок издал неприятный звук, напомнив мне о том, как сильно я проголодалась. *Сколько времени прошло с тех пор, как я ела в последний раз? Один день? Два?* Тут и там у меня были объедки, крекеры из какого-то ресторана быстрого питания, которые они оставляли с кетчупом и другими приправами, запечатанными в пластик.

Мой желудок издал еще более громкий звук, и я мысленно приказала ему заткнуться. Он должен был уже привыкнуть к такому положению дел.

Но в городе, который жевал тебя для того чтобы вскоре выплюнуть, сделать это было нелегко. Я никогда не жила нигде, кроме Нью-Йорка. Мечтала об этом, но у меня никогда не было средств уехать отсюда. Деньги означали свободу, а я ни в коем разе не была свободной.

Еще более печальным, чем состояние моего урчащего желудка, был тот факт, что как только я исчезну из этого места, называемого землей (или для некоторых из нас адом), от меня не останется ничего, что можно было бы по-настоящему вспомнить.

— Что такое, Мари? — спросила я себя. — А, жалкий и еще один дерьмовый день? Это твоя вина, и ты это знаешь. Тебе не следует здесь стоять.

Но я ничего не могла с собой поделать. Какими бы бедными ни были улицы Нью-Йорка, у них была и другая сторона, которая полностью соответствовала определению богатства. Трудно было не заметить привлекательность, деньги, абсолютную абсурдность всего этого. Того, как некоторые люди еле-еле сводят концы с концами, едят хлеб недельной давности и носят чужие (слишком маленькие) туфли, чтобы держать ноги в чистоте, торопясь получить заработанный доллар, в то время как другие тратят тысячи долларов на имплантаты задницы и одежду, которую они никогда не будут носить.

Не то чтобы я завидовала им... *Кого я обманываю? Я действительно чертовски завидую им.* Особенно имплантатам в заднице, но мой желудок напоминал стаю голодных волков.

Да, Нью-Йорк сжевал меня, но еще не выплюнул. Впрочем, не было никаких сомнений, что в один прекрасный день я вот-вот обернусь мусорным баком. Вероятно, закончу свои дни, мечтая о еде, которую я хотела бы съесть.

Я глубоко вздохнула, протяжно выдыхая и затуманивая витринное окно заведения под названием «Маккиавелло». Название ресторана было выведено золотом и выглядело элегантно. Это был такой ресторан, в котором, вероятно, нужно было бронировать столик на несколько месяцев вперед. По другую сторону блестящего стекла обедали мужчины в дорогих костюмах и их дамы в нарядных платьях, причем большинство из них аппетитно поедали бифштекс. Обычно так и было.

У меня потекли слюнки.

Если я выберусь из этого дерьма живой, то получу и стейк.

Хорошо было помечтать, верно? Я могла бы записать это в свою карту желаний. Однажды я увидела эту женщину с мегаваттной улыбкой и с наращёнными волосами, которая сказала, что я тоже могла бы жить своей мечтой, *лучшей версией моей жизни*, если бы у меня была одна из этих карт желаний. Мне следовало бы перечислить все то, за что я была благодарна каждый день, даже за то, чего у меня пока не было, но это казалось настолько недоступным моему пониманию, что иногда я называла себя дурой, даже просто думая об этом. Идея состояла в том, чтобы спроецировать все, чего желало мое сердце, на мою жизнь.

Но обернется все, о чем мечтается, правдой.

Ведь вся моя карта желаний состояла из одной фразы «*Я есть...*»

Я рада, что больше не бедна.

Я благодарна за то, что я миллионер, который ни в чем не нуждается.

Я благодарна судьбе за то, что путешествую по всему миру.

А еще была та версия, за которую я отдам жизнь скорее, чем позволю кому-либо ее увидеть.

Я благодарна за то, что меня безмерно любит кто-то особенный.

Я сделала мысленную заметку добавить, что я благодарна за стейк, который я съела в шикарном ресторане, в начало моего списка благодарностей. Может быть, мне нужно было чаще конкретизировать свои желания. Если хорошенько подумать, я думаю, что гуру счастья упоминал именно об этом. В то время я работала, так что, возможно, некоторые детали ускользнули от меня в связи с невнимательностью.

Этот гуру счастья никогда не говорил конкретного времени, когда эти вещи должны начать сбываться. Я чертовски надеялась, что это произойдет скоро. Этот бифштекс выглядел так аппетитно. Если кому-то из людей там за стеклом понадобится почка, я обменяю свою на бифштекс. Насколько я знала, обе мои были довольно здоровыми.

Кроме того, какая надобность в двух почках, если для жизни людям хватает и одной? В свете этой перспективы я не была жадиной, и если кто-то нуждался бы в моей помощи в обмен на хорошую еду — хотя бы раз в жизни — я бы оказалась там именно для этого.

Еще вчера.

— Эй!

Я обернулась на звук голоса, крепче вцепившись в лямки своего старого кожаного рюкзака. Обычно я не оборачивалась, но голос был близко, и отражение в стекле, казалось, смотрело прямо на меня.

— Вы ко мне обращаетесь? — спросила я.

— Да, — сказал он. — Убирайся отсюда на хрен. Ты пугаешь наших клиентов. Уставилась в стекло, как какой-то жук с широко раскрытыми глазами, который только и ждет, чтобы его раздавили.

Хотя его слова ранили меня до глубины души, потому что я понимала, что он знает, что я мечтаю о еде за стеклом и не имею возможности даже насладиться гамбургером из какого-нибудь фастфуда, не говоря уже об этом пятизвездочном ресторане, я расправила плечи и прищурилась, глядя на него.

— Интересно, что ты и твои люди сделают со мной?

— Если ты не уйдешь, я попрошу охрану сопроводить тебя туда, где ты сможешь найти то, чего ищешь. К мусорным бакам.

Если бы у меня еще оставались слова, я бы, конечно, все высказала этому закуливному шутнику.

— Я не делаю ничего плохого! Я пытаюсь решить, хочу ли я зайти перекусить. — *Ложь.* — Но учитывая, что ваш ресторан, вероятно, полон таких же крыс, как и вы, я, пожалуй, пас.

И подумать только, я была готова обменять почку на один из его паршивых бифштексов. Мне нужно было немного повысить свои стандарты, прежде чем подобные мысли овладеют мной окончательно и появятся в моем дневнике желаний. Кто знает, когда это дерьмо сбудется? Скорее всего, я буду должна этому мудаку почку за бифштекс.

Он согнулся пополам и расхохотался. Затем он внезапно остановился и указал мне за спину.

— Я не собираюсь повторять тебе это дважды, Принцесса мусорных баков. Убирайся отсюда к чертовой матери или...

Слова замерли у него в горле, когда к ресторану подъехала дорогая черная машина и припарковалась перед ним, словно тот, кто был внутри, был здесь хозяином. Как будто он был королем мира. Я не могла сказать, был ли водитель мужчиной или женщиной, но что-то в этой немой сцене указывало на то, что все-таки мужчиной. Со склонностью к доминированию.

Я подумала о том, чтобы уйти, прежде чем таинственный мужчина выйдет, но так как умник все же заткнул свой рот, я ждала, чтобы увидеть собственными глазами, что будет дальше.

Умник почти подбежал к шикарному автомобилю и поздоровался с мужчиной — *это был мужчина.* В голосе умника сквозило желание угодить, полная противоположность тому, как он разговаривал со мной.

Умник продолжал болтать, когда мужчина ступил на тротуар и направился прямо к двери ресторана. Я знала не так уж много мужчин, но этот... Не солгу, если скажу, что я не могла оторвать от него взгляда.

Под тем, что, без сомнения, было сшитым на заказ костюмом, у него, вероятно, было больше мышц, чем я могла сосчитать. Он был высок, широкоплеч, с черными, как смоль, волосами и смуглой кожей. Нос у него был угловатый, как и форма лица. Его губы были полными. Я хотела бы увидеть его глаза, но они были скрыты под солнцезащитными очками, которые, вероятно, стоили больше, чем я имела за последние три года.

Я чувствовала запах его одеколona - цитрусовый с легкими нотами сандалового дерева, - и это было похоже на глоток свежего воздуха в этом городе, где слишком много людей и слишком много мусорных баков. Он пах так, как я представляла себе океан - экзотическое место, где можно затеряться. Мужчина шел с таким важным видом, что я была уверена, - это владелец ресторана. Может быть, даже владелец тротуара под ним.

Умник открыл дверь ресторана для человека в костюме, и прежде чем они оба вошли внутрь, мужчина в костюме остановился. Две женщины в дорогих платьях проскользнули мимо него и умника, который приветствовал их с широкой улыбкой на лице и рукой, приглашающей их войти внутрь.

Один. Два. Три. Четыре. Через пять секунд после того, как женщины вошли, мужчина в костюме повернулся ко мне, и я выдохнула, не осознавая, что задержала дыхание.

Да чтоб меня.

С этого ракурса он выглядел еще привлекательнее - в полный рост. Единственное сравнение, которое пришло мне на ум, было сравнение *лобового столкновения с огромной волной, возникшей из ниоткуда*. Он унесет меня с приливом, с которым я не могу бороться, так как понятия не имею, как плавать, а затем разобьет меня, его силы хватят, чтобы швырнуть меня о скалу.

И это было легко. Разбить меня не составило бы труда.

Умник втянул воздух, когда понял, на кого уставился человек в костюме. Его лицо приобрело оттенок красного, характерный для сырого мяса. Может быть, из-за моей реакции на то, что умник смерил меня убийственным взглядом, мужчина в костюме посмотрел сначала на меня, потом на него.

— Прошу прощения, сэр, — сказал умник. — Я вот-вот...

Человек в костюме поднял руку и оборвал его, прежде чем тот успел произнести еще хоть слово. Я не могла вынести того, как напряженно мужчина в костюме изучал меня из-под очков. Я знала, что он изучает меня по тому, как реагировало мое тело. Прошло немало лет с тех пор, как я чувствовала себя... беззащитной в чьем-то присутствии.

Осужденной. Приговоренной. Высмеянной. Изгнанной.

Я посмотрела себе под ноги, играя с лямками рюкзака, и почувствовала себя еще хуже, когда мои глаза наткнулись на теннисные туфли. Они были на два размера меньше. Пальцы моих ног прижимались к ткани, почти прорвав ее, и иногда я думала, *какое это, наверное, будет облегчение*, когда туфли порвутся, потому что пальцы болели. Они были в пятнах от кровавых мозолей на моих ногах. С другой стороны, если бы у меня не было этих туфель, у меня не было бы почти ничего. У меня не было денег, чтобы купить подержанную пару, что уж говорить о паре новых туфель.

Я благодарна, что у меня есть обувь, которая подходит мне по размеру — шкаф ломится.

Подробности я расскажу позже, когда вернусь домой и смогу обдумать то, что мне больше всего нравится.

Я также благодарна за то, что эта бейсбольная куртка подходит к проклятым теннискам. Сегодня я ничем не отличаюсь от других.

Это было все, за что я должна быть благодарна в данный момент, что-то полностью мое и вместе с тем стоящее.

А, ладно, вернемся к парню в костюме.

Я хотела поднять глаза, бросить ему вызов, заставить его судить меня, чтобы я могла дать ему взгляд *«видишь, как сильно меня волнует твое мнение»* - пфф - но я не могла заставить себя

снова встретиться с ним взглядом. Мои щеки были краснее помидора. Капелька пота скатилась по моей груди, в ложбинке меж грудей, и я внезапно остро ощутила свое тело. Это было волнительно!

Внезапно я подняла глаза, притворяясь, что то, как он смотрел на меня, не заставляло чувствовать трепет. Даже такой малый интерес воспламенил меня, поэтому я повернулась, готовясь уйти.

Через два шага я остановилась и обернулась:

— Кому вообще нужен твой дерьмовый ресторан? — крикнула я. — Бифштекс, наверное, даже почки не стоит! — Затем я злобно глянула на них.

Поначалу темные брови мужчины поползли вниз, но потом он... неужели это была усмешка, тронувшая его губы? Трудно было сказать наверняка. Он казался безэмоциональным. Как будто он давно не пользовался своей мимикой. Но это не имело значения. Я скрылась в шумной толпе, прежде чем успела еще раз на него взглянуть.

Я была просто тенью в толпе окружающей меня серой массы.

МАРИПОСА

— Ну же, Каспар! Дай мне еще один шанс! Дай мне немного передохнуть.

— Ты опять опоздала. Уволена. Уволена. *Уволена.*

— Ты же не это имеешь в виду! Правда ведь?

— Имею. И если ты хочешь, чтобы я одолжил тебе свой словарь, чтобы ты могла по-настоящему понять значение этого слова, у меня есть один в моем офисе как раз на такой случай, как этот.

— Сегодня не тот день, чтобы меня увольнять! Я стараюсь не выходить из себя. На этот раз я действительно этого хочу. Я изменилась. Кое-что обдумала. Это больше не повторится!

Он шлепнул по столешнице тряпкой, которой протирал ее.

— Ты хочешь, чтобы я дал тебе поблажку?

Я нетерпеливо кивнула, прикусив нижнюю губу. Черт! Почему я так долго размышляла о том, чтобы обменять почки на бифштексы, и пялилась на мужика, который, скорее всего, был сыном владельца трастового фонда? Тем, кого больше беспокоило, на какой машине ему поехать, чтобы она была под стать его галстуку.

А как насчет этих *глаз*? Он даже не показал своих таинственных глаз... Множество цветов заиграло в моей голове — зеленые, ореховые карие, голубые? Льдистые, как океан в Греции, когда солнце касается поверхности, или черные, как море во время безумного шторма? Я мысленно примерила их на его лицо по очереди.

— Слушай внимательно слово дня, Мари.

Я моргнула, фокусируя внимание на Каспаре.

— Ты меня слушаешь, Марипоса?

Я сощурилась, стараясь не быть язвительной, но при этом мысленно ненавидя, когда кто-то называл меня полным именем. Каспару было хорошо известно об этом, потому что он принимал меня на работу.

— Да-да, слушаю.

— *Уволена.* Определение: уволить (работника) с работы. Позволь мне использовать его в предложении. *Марипоса* Флорес уволена. — Он произнес это, как *ОБОЖ-ЖЕНА*. — Поняла?

— Ну, Каспар, как это поможет мне немного расслабиться?

— Тебе не нужно идти в мой кабинет за словарем.

— Да ладно тебе! *Серьезно?*

— *Серьезно.* Ты прямо на него наткнулась. Когда ты подписалась работать здесь, это было одним из моих правил. Тебя уволят. Ты читаешь определение слова из словаря вслух. И это простое действие может спасти тебя от повторения той же ошибки дважды, — он сделал паузу. — Может быть, тебе стоит прочитать определение вслух?

Рюкзак в моей руке упал на пол, а я упала на стул с драматическим: «Уф!»

Как только моя задница стукнулась о дерево, я села и спрятала лицо в ладонях, мои волосы разметались веером, а лбом я уткнулась в мятую газету.

— Это так ужасно, Каспар, — пробормотала я приглушенным голосом. — Я так облажалась. Я думала, между нами происходит нечто хорошее. — Я жестом показала между нами.

Несмотря на то, что я пару раз делала ошибки, мне действительно нравилось работать в «Хоумране». Это был магазин бейсбольной тематики, который специализировался на редких бейсбольных памятных вещицах, а также обслуживал покупателей, которые хотели заказать персонализированные вещи. После того как бейсбольный бизнес пошел в гору, Каспар и его жена Арев открыли небольшую кофейню внутри заведения.

Она была небольшой, но пополняла клиентскую базу магазинчика теми, кому нравилось быть окруженными двадцатью четырьмя - двадцатью семью бейсбольными матчами (или спортивными каналами) и новостями. Сюда приходили представители всех слоев общества, но

нашим постоянным клиентам было за сорок пять, и большинство из них приходили выпить чашечку хорошего кофе и почитать газету.

Приходили оттянуться. *Клиентура Каспара*. А он, черт возьми, взял меня и уволил.

Я знала, что Каспар будет еще больше ругаться на то, что я уселась, вместо того, чтобы уйти, но прежде чем он успел начать, дверной колокольчик предупредил нас, что вошел клиент. Даже если бы не звон колокольчика, запахи, доносившиеся сюда, насторожили бы меня. Роза и... лаванда. Они были едва различимы, но отчетливы.

Лелея свое одиночество, я наблюдала, как Каспар здороваётся с двумя женщинами из-за прилавка. У одной из них были каштановые волосы, а у другой - светлые. Они обе отклонили его предложение выпить кофе, прежде чем женщина с темными волосами назвала свое имя.

— Скарлетт Фаусти. Пару месяцев назад я звонила по поводу того, чтобы оформить бейсбольную футболку и бейсболку специально для моего мужа. А моя подруга следила за готовностью заказа. Вайолет. — Скарлетт кивнула блондинке. — Нам сказали, что он готов.

Я была уверена, что это она, Скарлетт, пахла лепестками роз, а другая - фиалкой, лавандой. По какой-то причине - может быть, из-за каштановых волос и светлой кожи Скарлетт или из-за того, какой милой она казалась, было трудно не думать о ком-то похожем на нее, вдыхая аромат роз.

Каспар изо всех сил пытался вспомнить детали заказа, но что меня поразило, так это то, что при упоминании ее фамилии поведение Каспара, казалось, резко изменилось. Я и раньше видела, как он имел дело со знаменитостями или с кем-то, кого считал важным, и он будто сам становился выше, во всей его позе сквозила гордость.

Я подняла голову, сдувая с глаз непослушные пряди волос.

— Я принимала заказ, — сказала я. — Он в задней комнате. Вышло весьма неплохо. Вашему мужу понравится.

Скарлетт заказала мужу бейсбольную майку и бейсболку в тон. Очевидно, он играл в бейсбол в свою бытность в средней школе.

Когда Каспар захромал в заднюю комнату, чтобы забрать рамку, обе женщины повернулись ко мне.

— Кажется, я говорила с вами? — спросила Скарлетт.

Я кивнула.

— Когда вы впервые делали заказ.

— Мари, верно?

— Да, это я, — сказала я.

Скарлетт кивнула, но больше ничего не сказала. Вместо этого она, казалось, заглядывала мне в душу. Ее пронзительно-зеленые глаза, казалось, знали слишком много. И после того, что случилось со мной раньше — какого хрена я там натворила, когда тот парень в костюме пристально посмотрел на меня, — мне не хотелось, чтобы меня снова вот так запросто судили. Хотя я не была на все сто процентов уверена, что она в данный момент занималась именно этим. Она словно оценивала меня.

— Скарлетт. — Вайолет толкнула ее локтем.

— Хм?

Скарлетт, казалось, была в прострации. Вайолет снова толкнула ее локтем, когда Каспар вышел из задней комнаты, держа рамку. Скарлетт обернулась на звук его голоса, но как-то неохотно.

Что происходит сегодня в мире? Это что, был день «осуди Мари»? Весь мир, за исключением пары человек, понятия не имел, что я вообще существую, и один из них только что решил оторваться на мне по полной. И вдруг я оказалась в центре внимания, как жук на блюде.

Я снова уткнулась в газету, а трое на заднем плане продолжали болтать.

Скарлетт: *«О, моему мужу это точно понравится! Он играл в средней школе в бейсбол и получал за это стипендию. Его хотели видеть в высшей лиге, но он решил вместо этого поступить в Береговую охрану».*

Вайолет: *«Брандо Фаусти улыбнется, когда увидит это, и где-то в мире одна из женщин обретет окрыляющее вдохновение».*

Каспар вел с ними светскую беседу, заворачивая рамку Скарлетт в коричневую упаковочную бумагу. Когда он закончил, дверной колокольчик снова зазвонил, и когда я повернула голову, чтобы посмотреть, кто это, им оказался мужчина в костюме. Он пришел забрать пакет у двух женщин. Скарлетт называла его Гвидо. Он заговорил с ней по-итальянски. Темные волосы. Темные глаза. Если бы нужно было придумать для него тему, она обязательно была бы темной. Честно говоря, кроме того парня в костюме, я никогда не видела такого привлекательного мужчину. Он тоже был хорошо сложен. Его дорогой костюм идеально подчеркивал мускулистое тело мужчины.

Что, черт возьми, было в моей водопроводной воде этим утром? Слишком много железа? Сегодня я словно магнит привлекаю чертовски стремное дерьмо.

Гвидо, возможно, был до смешного хорош собой, но по сравнению с тем парнем в костюме... я резко выдохнула. Он не шел ни в какое сравнение. Парень в костюме заставил меня почувствовать неловкость. *Уязвимость*. Оттого возникло чувство, будто меня оценивали. Но я не чувствовала ровным счетом ничего, когда смотрела на Гвидо. Он был привлекателен лишь внешне. Впрочем, в этом нет ничего удивительного. Я редко испытывала к кому-либо какие-то чувства. Как один из моих приемных родственничков описал меня? Была *эмоционально мертвой*.

Гвидо вынес майку в рамке наружу, за ним последовала Вайолет, которая придержала дверь, чтобы она не закрылась. Скарлетт остановилась, когда подошла ко мне. Казалось, она хотела что-то сказать, но заколебалась. Вайолет позвала ее по имени и, прикусив губу, поблагодарила за помощь и ушла. Хотя я могла бы поклясться, что она сказала что-то вроде «*До скорой встречи*».

Когда они ушли, я ожидала, что Каспар тут же меня выставит, но через минуту он сел рядом со мной с чашкой кофе в руке.

— Читала это? — Он постучал по моей голове газетой, вероятно, испачкав мне лоб типографской краской.

Вздохнув, я села и взглянула на заголовок. *Да. Убийца в Нью-Йорке. Как насчет этого? Может быть, он сделает мне одолжение и навестит меня в следующий раз.* Сегодня я была чертовски саркастична, но так как это ни к чему не привело, я решила прикусить язык.

— Фаусти, — сказал он. — Тебе знакомо это имя?

Я хотела было спросить, какое отношение имеет имя Фаусти к заголовку, но промолчала. У меня не было сил вести с ним светскую беседу. Мой мир взрывался вокруг меня, и я ждала, что одна маленькая искра подожжет меня, так как казалось, что по моим венам вместо крови струился бензин. Эта бесполезная болтовня была похожа на замедленную съемку, пока конец медленно приближался ко мне. Мне хотелось бежать, чтобы спасти свою жизнь, но проблема была в том, что бежать мне было некуда.

— Они думают, что это кто-то из мафии совершает убийства. Или одна мафиозная семья точит зуб на другую, — вздохнул Каспар. — Не то чтобы милая девушка, которая только что ушла, имела к этому какое-то отношение. Она знаменитая балерина, но этим миром правят люди ее мужа. Это навело меня на определенные мысли.

— Не напрягайся, — сказала я.

Каспар рассмеялся. По большей части он понимал мое чувство юмора.

— Ты же знаешь, что это не связано с тобой лично, — сказал Каспар вполне искренне. Он пододвинул чашку поближе ко мне.

Когда я заглянула в чашку, в ней лежали четыре десятидолларовые купюры. Я уставилась на них, не зная, что сказать.

— Считаю, что это комиссия за то, что ты приняла заказ у Фаусти. — Он помолчал минуту или две, а потом откашлялся. — Я не могу на тебя положиться, Мари. Арев, она больна. И ты это знаешь. Я должен быть с ней сейчас. Химио... — он не закончил мысль. — Мой сын скоро приедет мне на смену, чтобы возглавить мое дело. Я не могу поручить ему дело с непрофессиональным работником под боком. Это было бы несправедливо.

Встав, я похлопала Каспара по голове, не имея сил кормить его жалкими отговорками. Правда, сегодня я опоздала из-за таинственного парня в костюме и этого проклятого бифштекса, но последние пару месяцев я училась в местном колледже. Мое учебное расписание не всегда совпадало с рабочим графиком.

Я хотела сделать что-то стоящее, но была слишком труслива, чтобы кому-то рассказать о своем намерении. Если я потерплю неудачу, я спрячу ее в своем метафорическом шкафу, который и так набит скелетами. Именно это я и собиралась сделать — оставить тайну там. Я никак не могла продолжать дальше.

Какой в этом был смысл?

Падение на дно не всегда заставляет тебя подниматься вверх, как утверждают люди. Иногда оно давит на тебя и погребает под пеплом. Бездна была бременем, которое не позволяло мне двигаться вперед.

Собрав сумку, я встала в дверях с чашкой кофе в руке. Я была настолько погружена в негатив, что даже этот маленький лучик доброты не мог найти во мне отклик.

— Надеюсь, Арев поправится, — сказала я и вышла, дверь за мной звякнула.

Нет, нет, нет, *нет!* Тяжело дыша, я бросила рюкзак на землю. Мое сердце, казалось, вот-вот разорвется.

Черт! Замки в убогой квартирке, которую я снимала, поменяли.

Однако слово «квартира» слишком приукрашено. На кухне, состоящей из ржавой плиты и еще более ржавого холодильника, стояла раскладушка, а ванная комната, вероятно, была построена, когда водопровод в доме был только изобретен. Это было немного, но она была *моя*.

Моя означало, что я не буду торчать на улице всю ночь. *Моя* означала, что я не буду скакать от одного ночного заведения к другому, надеясь, что мои деньги не кончатся до восхода солнца, чашка кофе за чашкой, чтобы я могла оставаться в том или ином заведении, а не бродить по улицам. *Моя* означала, что по большей части я в безопасности. Это была не самая лучшая часть города, но я держала голову опущенной, рюкзак не выпускала из рук, как и дерьмовые ботинки на ногах, пока брела вперед, обдумывая свои дальнейшие планы. А теперь?

Выперли. Меня. На. Улицу.

Кто бы ни сказал, что дьявол наносит удары трижды, он, черт возьми, именно это и имел в виду. Я была убеждена, что парень из пятизвездочного ресторана (не тот, что в костюме, а другой) - сам дьявол и начал транслировать этот день прямо из ада.

Тогда реальность нанесла мне хороший удар и сделала мои проблемы слишком очевидными. Я не могла дышать. Жара дня, казалось, давила на меня, оживая жужжащим звуком. Кислород у меня почти выбили из груди. Мое зрение то появлялось, то исчезало. Пот лил с меня градом и пропитывал одежду. Моя дурацкая бейсбольная майка, потрепанные джинсы и чересчур тесные ботинки после этого будут вонять еще хуже.

Может ли слишком тесная обувь вызвать головокружение? Перекрыть кислород в мозгу? Или Нью-Йорк в огне?

— Безумные мысли, Мари, — сказала я. — Перестань производить безумные мысли.

Когда я посмотрела вниз, я каким-то образом соскользнула на пол перед своей квартирой, разом обессилив. Ушла. Ушла. *Ушла.*

Меня тошнило от того, что я всегда на шаг опережала преследующего меня дьявола. Мне надоело бороться каждый день только для того, чтобы меня коснулся этот ад. Каково это - столько лет и столько беготни... И какая от этого польза? Никакой. Он все равно меня догнал.

Открыв сумку, я порылась в ней в поисках дневника.

Нет, нет, нет!

Мои пальцы судорожно сжались в попытке взять то, что я всегда держала при себе. Я это отчетливо понимала. *Заколочка в виде бабочки, новая пачка цветных карандашей, книжка-раскраска, жвачка, ручка.* Он должен быть здесь. Но его не было на месте! Еще одна моя вещь пропала! Мое священное место, где я хранила все свои мечты, желания и вещи, за которые я была благодарна, *пропало!*

Это было глупо, я знала, но это было то, за что стоило держаться... то, что было моим. Как и паршивая работа, и слишком тесные ботинки, и эта крысиная дыра, которая в настоящее время удерживает меня в вертикальном положении.

Думай, Мари! Когда он был у тебя в руках в последний раз? Я мысленно потянулась за ним, пытаюсь вспомнить, когда в последний раз писала в нем. Наверное, сегодня. Перед тем как отправиться в «Хоумран» Черт! Я оставила его рядом с Верой в «квартире».

Как будто судьба знала, что моя жизнь сегодня взорвется, и говорила: *«Оставь свою Книгу добра позади, малышка. Что менее болезненно, когда тебе приходится смотреть, как твои мечты сгорают дотла вместе с остальной жизнью».*

Я понятия не имела, почему так привязалась к этой глупой книжонке. То же самое касалось и Веры. Не то чтобы в моей жизни было *что-то хорошее*, что я могла бы назвать своим, но с ней я чувствовала, что могу. В этой книжонке была возможность для чего-то лучшего. Это был шанс, что со мной может случиться что-то великое, или я смогу сделать это для себя, если только смогу сделать два шага вперед.

В тот день, когда эта идея пустила корни, все это казалось таким страшным.

Во время одной из моих вечерних смен в «Хоумране» гуру счастья появилась по телевизору, утверждая, что она писала в своем дневнике в течение многих лет. Она записывала все, за что была благодарна, даже если у нее этого еще не было в реальности. Она утверждала, что если ты благодарен за жизнь, которой у тебя нет, это подготавливало тебя к жизни, которая могла бы у тебя быть дальше. Она сравнила это с верой в то, когда строятся железнодорожные пути еще до того, как поезд проложит свой маршрут по ним.

Все это звучало так... правдиво... и выполнимо.

Чтобы попробовать не требовались большие деньги. Все, что мне было нужно, - это дневник. Поэтому после работы я отправилась в район города, известный уличными торговцами, в поисках чего-нибудь, что я могла бы себе позволить. Это может оставить дыру в моем кошельке, но однажды оно бы того стоило. Я бы просматривала этот дневник и находила доказательства. Я бы изменила ход своей судьбы. Я выпила бы океан, чтобы потушить этот огонь, пожирающий меня.

В тот день я нашла две вещи: фиолетовый дневник и растение алоэ вера.

Растение стояло на обложке дневника, смотрелось очень вычурно, и продавец продал мне его и дневник по цене одного. Пять баксов за оба предмета. Я назвала растение Вера, а дневник - Путешествие. С этого дня и родилась Вера в Путешествие. Когда мне нужна была наперсница, я разговаривала с Верой. Когда мне нужно было почувствовать себя не такой разбитой, я писала в «Путешествии». Излишне говорить, что Вера довольно хорошо справлялась с нашими длинными беседами, в то время как в «Путешествии» было уже полно заметок.

И вот они оба были вне моей досягаемости. Мои руки покалывало, как будто я висела на самой высокой горе, а пальцы и ладони были слишком скользкими. Я падала.

— Просто не повезло, — пробормотала я.

Приступ паники прошел, и я вдруг почувствовала себя такой уставшей. Как будто я могу сидеть на этом дерьмовом полу целую вечность. Я подняла глаза к потолку и закрыла их. Желая. Надеюсь. Желая чего-то совсем иного.

Я нуждалась. Мне нужно было хоть раз в жизни оказаться в безопасном месте.

У меня даже не было сил открыть глаза, когда ботинок коснулся моей ноги.

— Я поменял замки, — сказал Мерв. — Ты не заплатила за квартиру. Я здесь не занимаюсь благотворительностью.

— Проваливай, Мерв, — сказала я. — Я не так уж и слишком задержала оплату.

— Больше месяца, и не в первый раз. Я забыл о просроченных платежах, не так ли?

— Ты когда-нибудь слышал о том, чтобы дать кому-то поблажку? Это же не королевский дворец. Ты же позволяешь крысам жить здесь бесплатно. Огромная семья жила со мной все это время. Ублюдки крали мою еду, когда она у меня была, а потом обосрали все вокруг!

Он молчал достаточно долго, чтобы я заставила себя открыть глаза. Я знала, что он не ушел, потому что его дешевый одеколон продолжал атаковать мои обонятельные рецепторы. Никогда не испытывала ничего хорошего по отношению к нему, поэтому обычно держалась на расстоянии, и

это чувство было таким же сильным, как и всегда. Что-то в его взгляде напомнило мне больную крысу. Я всегда считала его их лидером.

Я уперлась коленями в стену, держа лямки рюкзака зажатými в ладонях, и немного соскользнула вниз, но он быстро преодолел расстояние между нами и приблизился к моему лицу.

— Я могу забыть про оплату за этот месяц. — Он пожал плечами. — Если ты сделаешь кое-что для меня.

Еще до того, как он сказал мне, что я должна была для него сделать, я начала качать головой. Я знала, что это за «кое-что», и *ни за что на свете* не собиралась уступать ему. Это был не первый раз, когда он намекал на секс в счет оплаты, но на этот раз что-то изменилось. Он чувствовал себя скорее хищником.

Убирайся. Отсюда. Закричал голос в моей голове. Это исходило из моего нутра.

— Иди к черту, Мерв, — сказала я, и именно это и имела в виду. — Мне нужно всего пару минут, чтобы собрать вещи, а потом я уйду.

Он покачал головой.

— Ты моя должница. Тебе нужны твои вещи? Сначала ты должна кое-что сделать для меня.

— Скорее ад замерзнет, — прошептала я, надеясь, что грубый тон моего голоса скроет намек на страх. — Сначала тебе придется убить меня.

Я могла бы прыгать из дома в дом, с места на место, на протяжении всей своей жизни, но я не дошла еще до той точки, когда мой голод и страх стоили больше, чем мое тело, и все происходило исключительно на *моих* условиях.

Усталость, возможно, пробрала меня до костей, но мысль о нем заставила меня съежиться до такой степени, что у меня кислота подступила к горлу. Я скорее подцеплю в темном переулке потрепанного незнакомца, чем увижу кого-то вроде него рядом с собой при свете дня. Он долгое время был занозой в заднице, причем у этой занозы не всегда были черные волосы.

— Ты вернешься! — крикнул он мне, прислонившись мускулистым плечом к стене, пока я уносила свою задницу оттуда подальше. Дверь напротив моей открылась, и оттуда вывалились два человека. — И цена вырастет, когда ты соизволишь появиться!

Поскольку я жила на третьем этаже, то иногда оставляла окно приоткрытым. Назовите меня глупо лелеющей надежды или и вправду сумасшедшей, но я всегда хотела, чтобы какой-нибудь бродячий кот проскользнул через него, чтобы решить мою проблему с крысами. Я не могла позволить себе ничего другого, а заставить кого-нибудь слушать тебя в этом городе (жалобы на домовладельца) было труднее, чем уговорить кирпичную стену двигаться самостоятельно.

Что было еще более безумным, чем надежда на героя в виде кошки, так это заговор, чтобы вырвать мой дневник и растение из лап Мерва, жуткого домовладельца. Я отказывалась отдавать ему мои надежды и мечты — и мое растение. Может, я и достигла дна, но будь я проклята, если последние воспоминания обо мне достанутся *ему*.

Я хлопнула себя ладонью по лбу. Опять же, парень в костюме из сегодняшнего утра, казалось, перемешал мои мысли, и весь здравый смысл как будто ускользнул от меня. Я оставила окно открытым на случай именно такого сценария. Если не буду иметь возможности внести арендную плату и буду выставлена на улицу.

Будь это обычный день, я бы обязательно взяла с собой «Путешествие», но удел Веры всегда оставаться дома. Я имею в виду, кто обычно носит с собой растение? На случай, если дела пойдут плохо, я нарочно оставила окно открытым, чтобы можно было стащить ее с карниза.

Не имея ничего, кроме времени на своей стороне, я ждала в экстремальной жаре, слишком далеко, чтобы меня кто-то заметил, пока не наступила ночь, и я была уверена, что Мерв, вероятно, смотрел порно до самого утра.

Закрепив рюкзак, я как можно тише поднялась по пожарной лестнице.

Она была старой, и с каждым шагом ржавчина падала на улицу под моим весом. На пальцах ног я ощущала биение пульса, а в желудке было такое ощущение, будто на обед я съела кислый

бутерброд. Что бы ни говорили люди, как бы мало вы ни ели, вы никогда не привыкнете к чувству голода. Между рычанием и ревом была большая разница. Или, может быть, была большая разница между выбором: не есть и быть не в состоянии запихнуть в себя еду.

Мне пришлось остановиться на полпути до второго этажа. У меня закружилась голова, и все, казалось, поплыло, прежде чем снова пришло в норму. Я подняла глаза, вспоминая, почему я должна была это сделать.

Путешествие. Вера. Мои вещи. Мои. Все, что от меня останется.

Поднявшись на третий этаж, в свою квартиру, я заглянула внутрь, но никого не увидела. Вера стояла на карнизе, а Путешествие лежало прямо под ней. Это было правильно. Сегодня я старалась быть изобретательной.

Может быть, мне удастся прокрасться внутрь и прихватить две рубашки и одну пару шорт. Мои единственные шлепанцы. У меня даже была бутылка воды в холодильнике. На самом деле он не давал должного мороза, но хорошо охлаждал. *Она мне пригодится, когда сегодня вечером я буду бегать по жарким улицам. Может быть, Мерв даже не узнает, что я провела здесь ночь. Это даст мне лишний день, чтобы попытаться договориться с ним по-другому. Слишком поздно заваливаться в постель на ночь.* Мне и не нравилось там оставаться. Я всегда чувствовала себя в ловушке.

Я сузила глаза, когда одна из крыс не спеша прошла по полу. Да, они не боялись. Большинство из них могли справиться с маленькой кошкой, но иметь дело с крысами было лучше, чем иметь дело с людьми.

Сделав глубокий вдох, я полностью подняла окно и забралась внутрь, чувствуя себя на шаг впереди. Я никогда не чувствовала себя уверенной, с тех пор как мне исполнилось десять, но «стремление быть на шаг впереди» стало для меня нормой.

Жгучая боль пронзила меня от головы до шеи. Меня схватили за волосы, а голова откинулась назад под неловким углом.

— Я знал, что ты вернешься, — усмехнулся Мерв мне на ухо. — А что я тебе говорил? Твое появление обойдется тебе намного дороже. Сегодня вечером ты отведаешь Большого Мерва. Мари и Большой Мерв сольются в страстном П-О-Ц-Е-Л-У-Е прямо здесь на этой самой кровати. — Последнюю часть он пропел по-детски.

Мое сердце бешено колотилось, ладони покалывало, а мозг работал лихорадочно. Этот сукин сын ждал меня! В этом мерзком месте мне нечем было даже защититься.

Он еще сильнее откинул мою голову назад, и я посмотрела на него краем глаза.

— Ты не такая уж хорошенькая... *этот* нос... но что-то в тебе есть... — Он облил влажную дорожку от моего подбородка к уху, и мне пришлось подавить рвотный позыв. Его слюна воняла. — Ну, ничего. Я получу удовольствие, сломав его.

Слова. Они продолжали парить в моих мыслях. Мне хотелось пригрозить ему, сказать, что если он прикоснется ко мне, я убью его. Но в данный момент они были бессмысленны, потому что не имели веса.

Но в одном он был прав.

Мое тело.

Оно собиралось сражаться, даже если это будет последний бой, который мне предстоит выдержать. Тогда я начала бороться с ним, не заботясь о том, что я делаю. Казалось, мы ударились об одну стену, о плиту, а потом он ударил меня головой о другую стену, ближайшую к окну.

Он отпустил меня на секунду, тяжело дыша (ленивый придурок, вероятно, не мог даже преодолеть один лестничный пролет без отдышки), и мы совершили что-то вроде танца губки Боба. Мне чертовски хотелось добраться до двери. Крики не помогут, но это был шанс убежать от него. Я держала его *там*, но он держал меня *здесь*. В клетке, как животное.

Мерв снова бросился на меня, и я попыталась обойти его, но споткнулась о свои же шлепанцы. Как только я упала, он схватил меня за ноги и потащил подальше от двери. Он хрипел от борьбы, и я сделала какое-то едкое замечание о том, что ему, как правило, не приходится бороться за пропитание. Девушки, проживающие дальше по коридору, обычно расплачивались с ним сексом, но они больше ходили на трупы после того, как накачивались наркотой.

Из носа у него потекли сопли. Его щеки были ярко-красными. Его ладони были горячими, обжигали меня даже сквозь джинсы, а его белая майка была пропитана вонючим, нездоровым потом. Я смогла высвободить одну ногу из хватки Мерва, чтобы ударить его. Я двинула ему по колену, и он застонал. От удара мои пальцы полностью прорвали одну из туфель, но я смогла подняться и добраться до двери. Как только моя рука потянулась к ручке, он снова схватил меня за волосы и дернул назад.

Мерв развернул меня, обезумев от гнева, и впечатал головой в стену. Прежде чем я успела прийти в себя, он снова развернул и выбил из меня весь дух. Затем он впечатал свой кулак мне в нос прежде, чем нанести удар в глаз. Я почти не ощущала боли, знала только то, что мне нужно выбраться.

Я знала, что смерть скоро придет за мной, но я не хотела ее такой. И не с этим мудаком, который избил меня, прежде чем решил сделать из меня обед для крыс. Наверное, именно так он их и кормил. Я царапалась, брыкалась и издавала нечеловеческие звуки, пытаюсь собраться с силами, чтобы продолжить борьбу. Я знала, что со стороны это, вероятно, звучало так, как будто мы занимались диким сексом, потому что он тоже издавал странные звуки.

Каким-то образом мы добрались до окна, и у меня возникло ощущение, что он собирается просунуть в него мою голову. Может быть, он решил, что драться со мной не стоит. Он просто прикончит меня на месте, и дело с концом.

— Хорошо! — крикнула я, едва узнавая звук собственного голоса. Он был полон наглости, но при этом звучал так устало. — Хорошо! Я сделаю, что захочешь. — Он остановился, но хватку не ослабил. — Я... Я сделаю все, что ты захочешь.

В квартире было жарко - кондиционера не было... и единственное, что я ощущала - жжение от пота, который струился по моим ранам. Жар его дыхания обволакивал меня, словно жар миллиона огней, обжигающих мою кожу.

Медленно, без всякой борьбы, я позволила ему повернуть меня лицом к себе. Он отпустил мои руки, и когда его губы коснулись моих, пот с его волос брызнул мне на лицо, я потянулась назад и схватила Веру с подоконника.

Я ударила его изо всех сил, разбив ее маленький горшок о его голову. Глиняный горшок прижимался к его виску, пока я не пошевелила рукой, и его осколки не осыпались на пол. Я смутно помнила ошеломленное выражение его лица, прежде чем схватить «Путешествие», осколок керамического горшка цвета терракота и мои шлепанцы, и побежать так быстро, как только могла, в темноту переполненных улиц.

МАРИПОСА

Когда взошло солнце, я дала официантке небольшие чаевые в ночном кафе, где сидела. Она была достаточно мила, чтобы позволить мне остаться на ночь, постоянно наполняя мою чашку, так что мне не пришлось спать на улице. Она даже принесла мне кусок яблочного пирога, которому, судя по вкусу, было больше двух недель, но так как я уже давно ничего не ела, это была самая лучшая еда на свете.

Может быть, ей стало жаль меня, потому что я была вся избита. Окровавленный нос, опухшие глаз и губа, куски штукатурки со стены, застрявшие у меня в волосах. Скоро у меня на лбу расцветет синяк. Он болел при прикосновении и сильно распух. Несмотря на то, что это только привлекло бы больше внимания ко мне, я откинула волосы назад, используя заколку-бабочку, чтобы убрать их с лица.

Вера. Она спасла мне жизнь. От этой мысли мои глаза наполнились слезами, но я проглотила ком эмоций, не дав слезе пролиться. Плач ни к чему не приведет. Он никогда ничем не помогал.

Выйдя на улицу, я сунула теннисные туфли в сумку и надела мои однодолларовые шлепанцы. Они идеально подходили по размеру, но я не носила их часто, потому что, *во-первых*, я их берегла, а *во-вторых*, их долгое ношение приводило к появлению водянистых мозолей между большим и вторым пальцами ног. Но они защищали мои ноги, и я была рада тому, что они у меня есть.

Также я была рада, что мое «Путешествие» снова со мной. Я провела большую часть ночи, записывая что-то между страницами. Я даже нарисовала Веру в горшке на память. Все остальное время я раскрашивала в детской книжке-раскраске. Было что-то действительно расслабляющее в том, чтобы раскрасить всех этих принцесс и оживить их.

Парень, идущий по улице, толкнул меня, отчего я отступила на шаг. Он был в наушниках и не обращал ни на что внимания, но удар заставил меня остро прочувствовать последствия драки.

День обещал быть долгим.

Мне некуда было идти, и никого не было видно, и я позволила своим ногам нести меня в любом направлении. Я села на паром до Стейтен-Айленда и, немного погуляв, вернулась обратно. Посетив несколько рынков и совершив прогулку по Бродвею, затерявшись в толпе на Тайм-Сквер, немного позже я вернулась в пятизвездочный ресторан «Маккиавелло».

Как раз в самый разгар ужина. Должно быть, здесь был предусмотрен дресс-код, потому что никто не пришел в джинсах. Насыщенный запах духов и тонкий шлейф мужских одеколонов витали в воздухе улицы. Все это маскировало тот факт, что в Нью-Йорке было жарко, а мусорные баки будто засунули в раскаленную духовку. Пот покрывал мою кожу, и я чувствовала себя покрытой коркой. Надеюсь, ароматы богачей замаскируют и мой запах.

На этот раз я не смотрела в окно, а держалась на почтённом расстоянии. Я прислонилась к стене, наблюдая, как люди приходят и уходят. Мне было безумно скучно, и я решила пойти в библиотеку. Иногда я торчала там и читала целыми днями. Но мои ноги болели (на самом деле болело все мое тело), и мысль о том, чтобы немного посидеть и пораскрашивать, казалась более привлекательной. Потом я бы отправилась в ночлежку, стараясь попасть туда до того, как расхватают все кровати.

Достав свои припасы, я начала раскрашивать картинку, на которой молодая девушка в плаще разговаривала со злым волком. Прошло некоторое время, потому что немного похолодало. Опустив карандаш своего любимого синего цвета, чтобы промокнуть зудящее пятно на моем поврежденном носу, я случайно подняла глаза.

Я прищурилась, наблюдая за разворачивающимся перед моими глазами аналогичным сценарием, что и накануне. Умник поспешил открыть дверь в ресторан для парня в костюме, но

вместо того, чтобы войти, тот наблюдал за мной. Я подняла один глаз, не в силах открыть второй полностью.

Было трудно отвести взгляд. Когда он посмотрел на меня, я почувствовала себя загнанной в угол, не способной сдвинуться ни на дюйм. Но, как ни странно, это не беспокоило меня так сильно, как должно было бы. Тогда я поняла, что не чувствую осуждения с его стороны, не потому что *он* осуждает меня, а потому что я осуждаю себя в его присутствии, задаваясь вопросом, как я выгляжу.

Мерв был прав. Я вовсе не была писаной красавицей. У меня были тускло-каштановые волосы, карие глаза — мои гены так и не смогли определиться между золотым, зеленым и коричневым оттенками — и нос... Ну, один парень из района, где я раньше жила, сказал мне, что он у меня, как говаривала его мать, «огромный шнобель».

Джослин сказала мне, чтобы я не переживала из-за того, что сказал мне тот парень. Он ни хрена не понимал, точно так же, как его мать не знала, кто его отец - местный бармен или же ее муж.

Джослин говорила, что у меня орлиный нос, и иногда люди называли его «римским носом». Он был прекрасен и подходил к моему лицу, говорила она. Дошло до того, что она именовала мой профиль «царственным». Она даже водила меня в библиотеку смотреть картины. Должна была признать, что, по сравнению с некоторыми, у меня был хороший римский нос, который казался подходящим для моего лица, но вместе с тем он был несколько иным.

По крайней мере, у меня была чистая кожа. Ну, когда не было синяков.

Что думает парень в костюме о моем носе? Через секунду я моргнула, возвращаясь к действительности. Бессознательно я поглаживала переносицу, привлекая внимание к своим мыслям.

Что, черт возьми, со мной происходит? С чего бы мне вообще думать об этом, а тем более еще и переживать?

Но я по-прежнему не отводила взгляда, как и он. Пока что-то не заставило его обернуться. По улице проехала машина без опознавательных знаков. Казалось, она направляется прямо к ресторану. Уже через секунду парень в костюме скрылся за дверью, а Умник последовал за ним. У меня возникло странное чувство, что парень в костюме не хотел уходить, но был вынужден уйти.

Он собирался заговорить со мной? Я даже не могла объяснить, почему я так подумала.

Потом я начала смеяться. Я смеялась, пока собирала свои вещи, готовясь отправиться в ночлежку. Сама мысль о том, что *он* подойдет и заговорит *со мной*, казалась нелепой. Он, вероятно, оценивал меня, пытаясь понять, не собираюсь ли я стать причиной проблем. Если он вообще меня помнит. Может быть, он пытался вспомнить меня.

Мои пальцы замерли, когда я заметила кусок керамического горшка на дне сумки. Секунду я вертела его в руках, любуясь нарисованной бабочкой. Я хотела увеличить жилплощадь Веры и нарисовала несколько вещей на ее горшке. Бабочка была моей любимицей. Я всегда восхищалась вещами, которые должны были бороться, чтобы обрести красоту в жизни.

Если бы только нам всем так повезло найти красоту, обрести смысл, определить цель до того, как мы покинем этот бренный мир.

Осколок снова приземлился на дно моей сумки, и, застегнув молнию, я встала, вытирая грязь с рук о джинсы.

Высокий мужчина в дорогом костюме вышел из дверей ресторана и направился прямо к машине без опознавательных знаков. Из машины вышли два детектива, и мужчина встретил их прежде, чем они добрались до двери.

Я расслышала лишь обрывки разговора, но не очень поняла смысла. У высокого мужчины был сильный итальянский акцент. Похоже, он объяснял детективам, что человека, с которым те двое намеревались встретиться, там нет, и если у них возникнут еще вопросы, они должны сначала связаться с его адвокатом.

На мгновение мне показалось, что они вызвали полицию из-за меня, но тут вмешался здравый смысл. Я сомневалась, что детективов вызвали для кого-то вроде меня, сидевшей напротив здания и раскрашивающей картинку большую часть вечера.

Не желая быть еще больше втянутой в какие-нибудь неприятности, потому что я уже была в своем персональном аду, я решила ретироваться.

— Эй! — раздался позади меня мужской голос. — Эй, подожди! Ты, да, ты с рюкзаком!

Я остановилась и обернулась. Молодой парень пробирался мимо пешеходов, чтобы добраться до меня. В руке он держал пакет со льдом. Когда он приблизился ко мне, то протянул мне пакет, и я взяла его.

— Мистер Мак просил передать вам это. И еще это. — Он порылся в заднем кармане и достал подарочную карту. — Он сказал, что ты можешь приходить, когда захочешь. Просто используй эту карточку.

Мне потребовалось мгновение, чтобы мой голос снова прорезался.

— Мистер Мак, ваш босс? Парень, который выходил из той машины? — Я кивнула в сторону дорогого авто. Парнишка кивнул, и я продолжила. — Он всегда раздает эти карточки нуждающимся? — Я подняла ее вверх.

Парень прищурился, глядя на меня, прежде чем его напряжение спало.

— Нет.

— А как насчет женщин?

— Э, нет.

— А как насчет другого парня, того, который бросился со всех ног встречать мистера Мака? Не доставит ли он мне хлопот?

— Бруно? — он сморщил нос. — Нет. Все, что хочет Мистер Мак, Мистер Мак получает.

Я кивнула, и он кивнул в ответ, поспешив обратно. С минуту я стояла, уставившись на карточку. Если и было что-то, чему я научилась за всю свою жизнь, так это то, что ничто никогда не достается бесплатно. За все приходится платить. Я не возражала, чтобы Мистер Мак смотрел на меня, по какой бы то ни было причине, но это — неважно, насколько приятно, — заставляло меня чувствовать себя той, которая получает подачку.

Да, конечно, я была одной из тех, кто нуждался в благотворительности, но по какой-то причине, я не могла выносить того факта, что подачку бросал именно он.

Может быть, потому, что мне хотелось быть с ним на одном уровне. Я хотела, хоть раз в жизни, побыть женщиной, которая могла бы конкурировать с его... этим всем. Даже если бы я не была бедной, я сомневалась, что он заинтересовался бы мной. По крайней мере, не рядом с моделями, которые приходили и уходили из ресторана, которым он или владел, или часто навещался туда. Во всяком случае, он обратил на меня внимание, потому что я была бедной. Это очевидно, если внимательнее ко мне присмотреться.

Джослин однажды сказала мне, что женщина никогда не должна хотеть, чтобы с ней обращались как с равной мужчине. Она должна требовать, чтобы с ней обращались лучше. Перед нами должны открывать дверь, нам должны выплачивать жалование и предоставлять возможности наравне с мужчинами. И еще она сказала, что если мужчина по-настоящему любит тебя, он будет обращаться с тобой так, как будто не заслуживает тебя, но, черт возьми, понимает, что другой мужчина не сделает тебя счастливее.

Мои чувства и мысли не совсем совпадали, но по какой-то причине одно как-то подпитывало другое. Так или иначе, я отдала карточку Маккиавелло женщине и ее дочери в метро. У женщины был рак. Голова у нее была обмотана шарфом, волос под ним не было, а под глазами залегли темные круги. Может быть, хороший ужин отвлечет их от дурных мыслей, пусть даже на короткое время.

Я слишком поздно добралась до ночлежки. Поэтому я всю ночь бродила по улицам, думая о парне в костюме, Мистере Маке, и о том, почему он был так добр ко мне. Если я не смогу принять его доброту, может быть, мысли о нем защитят меня от любого зла, пока дневной свет не перекроет тьму ночи.

МАРИПОСА

— Черт! Мари! Что, черт возьми, с тобой случилось?

Кили схватила меня и так сильно притянула к себе, что я вздрогнула. Она любила обнимашки, но так как она была моей лучшей подругой буквально с самых пеленок, и я считала ее семьей, то не возражала.

Кили Райан и ее семья жили со мной по соседству на Стейтен-Айленде. Ее родители были ирландскими или шотландскими иммигрантами. У нее была большая семья - в общей сложности их было семеро. У Кили было четыре брата. Но после того как дети стали достаточно взрослыми, чтобы самостоятельно заботиться о себе, ее родители решили вернуться в Шотландию. Кили и двое ее братьев остались в Нью-Йорке. Оставшиеся ее братья уехали вместе с родителями.

Мы оставались близки даже после того, как меня отдали в приемную семью, когда мне исполнилось десять.

Она отпустила меня так внезапно, что я чуть не упала назад. Кили была очень порывистой. Ее волосы были огненно-рыжего цвета со множеством завитков. Ее фарфорово-бледную кожу украшали веснушки. У Кили были чистейшие голубые глаза, а ростом она была почти метр восемьдесят. Объем ее прически добавлял ей еще почти 3 сантиметра роста.

— Я звонила Каспару, и он рассказал мне, что случилось. — Она уперла руки в бока. — Я искала тебя повсюду. Почему ты не пришла ко мне раньше? Почему ты просто стоишь и не отвечаешь на мои вопросы?

— Если бы ты дала мне всего секунду, — сказала я, поправляя рюкзак, — я бы так и сделала.

— Что случилось с твоим лицом?

— Похоже, у Мерва было свое представление о том, что следует сделать со мной, когда я отказалась рассчитаться с ним натурой в обмен на арендную плату.

— Вот ублюдок! Он сделал это с тобой? — Она протянула руку, и я повела лицом.

— Ага, — мне не нравилась ее доброта, и я не хотела, чтобы она волновалась. Кили хотела бы, чтобы я осталась с ней, а поскольку ее соседка была дипломированной сукой и, возможно, психопаткой, поэтому я как могла отказывалась от ее предложения.

Кили тоже с трудом сводила концы с концами. Она много лет пыталась заполучить главную роль на Бродвее, но так и не смогла. Когда она пела, ее голос звучал, как у джазовой птички, и к этому добавлялось ирландское театральное чутье. Она работала на всех возможных работах, чтобы держаться на плаву.

Чтобы удержаться на плаву, ей приходилось делить арендную плату с кем-то вроде такой сучки. Сьерра была ее третьей соседкой за эти годы, но на нее она пока могла положиться. Но Сьерра меня не любила. Однажды я случайно съела ее яйца, когда Кили сказала мне, что я могу взять себе все, что захочу в холодильнике.

Вошла Сьерра и застучала меня. Она достала из кухонного ящика нож и поднесла его к моему лицу. Она пригрозила «прирезать такую суку», если еще раз увидит, что я ем ее съестные припасы. Кили и Сьерра не делились едой, а о том, чтобы брать ее вещи вообще речи не шло.

Я попыталась объяснить, что это было недоразумение, но Сьерра была не из тех, кто стоит и выслушивает оправдания. Она отказывалась уходить, пока я не произнесу волшебные слова. *«Это больше не повторится»*.

— Лучше бы чтобы так и было, — сказала она. Сьерра снова пригрозила мне ножом и вышла из кухни. Она пересчитывала свои вещи регулярно и, вероятно, дважды после моего ухода. Я взяла за правило держаться от нее подальше.

Было в ней что-то такое, что меня пугало. Вот почему я никогда не приходила к ним ночевать. Я боялась, что она причинит мне вред, пока я сплю. Я никогда не говорила об этом Кили, потому что они прекрасно ладили. Сьерра питала ко мне отвращение, а Кили нуждалась в ней, чтобы оплачивать долю арендной платы.

Мать Кили однажды предупредила меня о том, что происходит с двумя тонущими людьми. Один всегда тянет на дно другого. Кили не нуждалась в том, чтобы я тянула ее на дно, поэтому я всегда преуменьшала свои проблемы, когда она спрашивала о них. На этот раз я не смогла. Она позвонила и узнала, что меня уволили.

Она устроила меня на работу в «Хоумран» после того, как уволилась, чтобы работать где-то еще за большие деньги. Она тоже знала о Мерве, потому что я должна была ей рассказать. Кроме того, Кили чуяла дерьмо за милю, так что я могла преуменьшить проблемы, но никогда не выдумывала очевидную ложь. Что значило...

— Ты снова на улице, Мари?

Она выглядела такой разочарованной во мне, что я с трудом сдерживалась, чтобы не дрожать.

— Немного, — ответила я.

— Немного, — повторила она со вздохом. Она открыла дверь пошире и пригласила меня войти.

— Сьерра здесь? — поинтересовалась я.

— Да, она готовится куда-то уходить.

Наконец-то хоть где-то мне повезло.

— Она не так уж плоха, Мари, — сказала Кили. — У каждого своих скелетов хватает. И у нее, похоже, их немало. Кто знает, через что ей пришлось пройти, чтобы оказаться там, где она находится сейчас?

— А где она, *поконкретнее*?

Кили слегка рассмеялась.

— Последний раз, когда я проверяла, она была в ванной. — Ее веселость испарилась, как только Кили снова посмотрела на меня. — Ты и правда дерьмово выглядишь, сестренка.

— Как насчет того, чтобы сказать мне что-нибудь новенькое, Ки?

— Нет, но у меня есть хлеб, масло и сыр. Присаживайся. — Она указала на свой крошечный кухонный столик. — Я приготовлю тебе что-нибудь поесть, а потом ты расскажешь мне, что, черт возьми, происходит.

— Кто покупал продукты? — поинтересовалась я, пока занимала предложенное мне место. — Ты или Сьерра?

Она сощурилась.

— Разве это имеет значение? Если я что-то у нее одалживаю, то всегда возвращаю.

Я отрицательно покачала головой.

— Мне просто неудобно есть чужую еду.

— Она моя, — сказала она. — Клянусь.

Я ненавидела то, как Кили изучала меня, докапываясь до правды, поэтому попыталась развеять ее подозрения.

— Я в курсе, что ей приходится также сводить концы с концами. Я не хочу брать то, что мне не принадлежит. Я даже не настолько сильно голодна. Недавно я купила хлеба. — Я похлопала по рюкзаку. — Каспар дал мне немного денег после того, как уволил.

— Я все еще сделаю тебе сэндвич с сыром. И мама прислала немного хлеба. Попробуй. Он в сумке на стойке.

Пока Кили готовила наши жареные бутерброды с сыром, я честно рассказывала о том, что произошло. Бруно. Каспар. Мерв. Единственное, что я упустила - или *кого* именно, - это парня в костюме. По какой-то причине я еще не была готова поделиться этим с ней. Я провела всю ночь, думая о нем и его доброте, и не хотела, чтобы она разбиралась в моих чувствах. Обычно у меня их не было по отношению к мужчинам.

Чувств.

Мне был двадцать один год, и у меня никогда не было отношений, серьезных или каких-либо вообще. У меня не было на это времени, когда все моя жизнь уходила на то, чтобы выжить. Вот, кем я стала. *Просто - Выживающей Мари.* Я понятия не имела, каково это - жить по-настоящему.

Кроме того, было нелепо даже думать о нем в таком ключе. Этот парень, скорее всего, был миллионером, и в довершение всего он выглядел как модель.

Кили пододвинула ко мне тарелку, запах ее содержимого на мгновение подавил мои чувства. Я потерла руки и облизнула губы. Она рассмеялась, и я подняла глаза, прежде чем откусить кусочек.

Кили улыбнулась мне, и в уголках ее глаз появились морщинки. Потом она села рядом со мной и взяла меня за руку.

— Мне очень жаль, Мари, — сказала она с нажимом. — Хотелось бы, — она на мгновение закрыла глаза и глубоко вздохнула. — Я хотела бы... Боже, я хотела бы сделать для тебя что-нибудь еще.

По ее щеке скатилась слеза, а я поморщилась. Я ненавидела тот факт, что Кили воспринимала мои проблемы, как свои собственные. Кили была мастерицей в этом, она делала это для своих братьев, и я отказывалась делать с ней то же самое.

То, что сказала мне ее мама, имело смысл.

У каждого из нас был свой собственный ад, который мы должны были пережить. Некоторым из нас казалось, что мы тонем. Другие же оказывались в комнате в огне без возможности выхода. Несмотря на то, что я чувствовала адское пламя, Кили была близка к тому, чтобы утонуть. Едва держала голову над водой. Мои проблемы только расстроят ее.

— Кили, — сказала я, откладывая бутерброд. Я сжала ее руку. — Вот что. Одного твоего присутствия здесь, в моей жизни, более чем достаточно. Это стоит больше, чем все золото в мире.

— Ха! — она рассмеялась, но прозвучало это совсем не весело. — Верно, но деньги помогают.

— Ага, — я улыбнулась ей. — Я в этом не сомневаюсь.

— Ты должна позвонить в полицию и донести на Мерва, Мари. Ему это с рук не сойдет. Я могла бы... я могла бы просто грохнуть его за то, что он поднял на тебя руки!

Я встала из-за стола и подошла к раковине. Я достала из шкафа стакан и наполнила его водой из-под крана. Сьерра не смогла бы за это зарезать меня.

— Ты видела себя, Мари? Ты просто обязана это сделать. Ты должна засадить его за решетку.

— Как долго он там пробудет, Ки? Не долго. А когда он выйдет? Мне не нужно, чтобы какое-то животное преследовало меня. Он знает мои привычки. Он выследит меня.

— Я ему не позволю. Я подключу парней.

— Нет! — Я тут же пожалела, что набросилась на нее. — Нет, — я понизила голос. — Я не хочу наседать, но нет.

Кили подошла сзади и обняла меня за плечи.

— Я знаю, сестренка, — сказала она. — Я просто не могу смириться с мыслью, что ему это сойдет с рук. А если хочешь, я поговорю с Каспаром. Он питает ко мне некую слабость. Может быть, мы сможем вернуть тебе работу.

Решив сменить тему, я сделала шаг в сторону, а затем повернулся к ней лицом.

— Я хотела сказать это, когда только приехала сюда, но ты не дала мне шанса. И на этот раз все серьезно, Ки. Что, *черт возьми*, на тебе надето? И почему?

Мгновение мы смотрели друг на друга, а потом разразились хохотом. На ней был какой-то костюм. Я знала, что это как-то связано с ее наследством. Зеленое бархатное платье с расклешенными рукавами было слишком длинным, доходило почти до пола. Ее волосы были прикрыты каким-то покрывалом, а сверху была надета корона.

Она еще немного посмеялась и вытерла глаза.

— У меня работа в северной части штата Нью-Йорк. Типа шотландцы организуют средневековую ярмарку, и им нужна была старомодная дева, чтобы ходить и приветствовать гостей. Лаклэн чуть не обосрался от страха, когда увидел меня раньше. Он сделал фотографию и разослал ее *всем*.

Лаклэн был одним из ее братьев. И это на него похоже. Если бы у меня был телефон, я бы, без сомнения, тоже сделала фото. У большинства братьев Кили было отличное чувство юмора, у

всех, кроме ее брата Харрисона. Ее семья за глаза называла его ворчливым Индианой Джонсом. Хотя он не выглядел сердитым. У всех ее братьев были темные волосы, светлые глаза и золотистая кожа. Кили была пламенем среди их тьмы. Джослин часто говорила, что в один прекрасный день мальчики Райаны будут красавцами. Она была права.

— Держу пари, твои родители гордятся тобой. — Я вытерла глаза.

— Мама прославляла Господа! Она надеется, что я найду подходящего парня, пока буду там работать. Того, кого, без зазрения совести, смогу привести в дом.

Наш смех стих, когда раздался стук в дверь. Секунду или две спустя Сьерра материализовалась из того места, где она все это время пребывала. Ее платиновые светлые волосы струились по спине идеальными волнами. Ее топ был достаточно длинным, чтобы прикрыть микрошорты. Она выглядела так, словно работала над своей внешностью весь день, хотя на самом деле, вероятно, только что проснулась. На какой работе бы она не работала, она явно делала это по ночам.

Кили приподняла брови, и мы обе замолчали, когда Сьерра открыла входную дверь. С тех пор как она жила с Кили, у нее была целая вереница бойфрендов, но тот, который стучал, продержался дольше всех. Поэтому мы обе удивились, когда он начал ругаться.

Очевидно, она порвала с ним. Секунду спустя, тот все еще требовал ответа:

— «*Это тот богатенький ублюдок в клубе?*»

Она захлопнула дверь перед его носом. Когда Сьерра вошла в кухню, высокий тон его голоса все еще продолжал доноситься приглушенно из-за двери.

Заметив меня, Сьерра смерила меня убийственным взглядом. Ее брови были намного темнее волос, что делало взгляд ее карих глаз более напряженным. *Злым*. У нее были злые глаза, которые идеально подходили ее злобному характеру.

— Куда-то собралась? — спросила она Кили, глядя на лежащий на столе бутерброд, который та сделала мне.

— На работу, — сказала Кили. — Я вернусь поздно.

— А ты, Мари? — Сьерра дернула подбородком в мою сторону.

Я ненавидела то, как она произносила мое имя. Вместо «Мар-и», как произносило мое имя большинство людей, она сказала «Мэри». Кроме того, что она сделала неправильный акцент, в результате получилось Мерри. На самом деле ей было все равно, куда я иду, она просто не доверяла мне, если я оставалась одна в квартире. Может быть, она думала, что я что-нибудь украду, раз съела одно из ее яиц.

— Я...

— Мари проводит сегодня день со мной, — оборвала меня Кили. — Я отвезу ее на ярмарку после того, как она съест сэндвич, который я для нее приготовила, и примет душ.

— Я тоже вернусь поздно, — сказала Сьерра.

— На работу? — спросила Кили.

— Ты же знаешь, как это бывает. Увидеть тех и сделать то и сё, — она усмехнулась. — Не беспокойся об Армино. Скоро ему надоест торчать под дверью. Если ему захочется выпить. Так что я буду очень признательна, если никто из вас ему не откроет.

Кили кивнула.

— Не беспокойся. Я не открою, и Мари тоже.

Сьерра бросила последний, более долгий взгляд на бутерброд на столе и медленно вышла из кухни. Я могла бы сказать, что она хотела пересчитать свои ломтики сыра, прежде чем сделать это, но вместо этого она захлопнула дверь в свою комнату через несколько секунд.

Харрисон заехал за нами. Кили не сказала мне, что он приедет. Не то чтобы я обычно возражала, но он всегда был чересчур милым со мной. Я ценила саму мысль об этом, но я ненавидела отказывать ему, когда он всегда пытался делать мне подарки. Харрисон учился на

юридическом факультете, но из-за экономики и других факторов оказался в той же ситуации, что и Кили: едва держался на плаву.

По дороге к машине Кили сказала мне, что он недавно получил хорошую работу, и дела у него налаживаются. Старинный спортивный автомобиль, на котором он ездил, был очевидным свидетельством этого утверждения.

Он был довольно милым на протяжении всей поездки, но я все время ловила его пристальный взгляд на моем лице. Челюсти Харрисона были напряжены, а руки крепче сжимали руль. Кили, должно быть, заранее предупредила его, чтобы он не придавал этому большого значения.

Как только мы приехали на ярмарку, и я отказалась позволить ему купить мне еду и вещи, он засунул руки в карманы джинсов, отказываясь даже смотреть на меня. После того, как Кили спросила меня, не хочу ли я помочь с кабинкой, в которой не хватает одного человека, он ушел, даже не сказав, что увидится с нами позже.

Работа на ярмарке обеспечила меня парой дополнительных банкнот, плюс еда была включена. Единственным недостатком было то, что мне пришлось надеть какой-то средневековый наряд. Когда Харрисон наконец вернулся и увидел меня, он ухмыльнулся. Харрисон сфотографировал меня, чтобы отправить своим братьям, я была в этом уверена. Они бы посмеялись надо мной.

На обратном пути в машине царил тишина. Я была благодарна за это. Мои нервы были на пределе. День принес временное облегчение от всех моих проблем, но чем ближе мы подъезжали к городу, тем больший страх нависал над моей головой. Я никогда не была одной из тех, кто постоянно думает: «*Что же мне теперь делать?*» Я просто делала это, несмотря на то, что большинство представляющихся мне возможностей были как листья на ветру.

На этот раз, однако, жизнь, казалось, жестоко обломала меня. У меня не было денег, кроме жалкой пары долларов в сумке, и никакой еды, кроме буханки хлеба. Работы у меня не было. Никаких перспектив. Не было дома, и, возможно, сумасшедший парень, у которого из виска торчал осколок керамического цветочного горшка, уже идет по моему следу.

Я тяжело вздохнула, когда Харрисон подъехал к дому Кили.

— Я зайду на минутку, — сказал Харрисон, выключая зажигание. — Дай мне секунду.

Кили бросила на него прищуренный взгляд, но вышла, подождав, пока я выйду, прежде чем подойти к своей двери. Я вздохнула с облегчением, когда поняла, что Сьерры нет дома. Должно быть, она ушла в спешке, потому что дверь в ее комнату была приоткрыта. Может быть, она так и делала, когда были только она и Кили, но когда я приходила, дверь всегда была заперта.

— Я собираюсь переодеться, — сказала Кили, направляясь в свою комнату. — Даже не думай уходить, Мари! — крикнула она через плечо. — Нам нужно разработать план. Нам нужно, чтобы ты взялась за ум до того, как удерешь от меня снова. Кстати, если ты это сделаешь, без шуток, я тебя выслежу.

Я села на их выдавший лучшие дни диван, погрузившись в его комфорт. Я подняла ноги, покрытые пылью от чрезмерного блуждания по дорогам ярмарки, и заметила пятна крови между пальцами. Раньше, когда я принимала душ, они адски горели — и порезы на лице тоже. Я подумала о том, чтобы вытащить из сумки пакет с холодом и засунуть его в морозилку, но слишком устала, чтобы встать.

— Мари?

— Хм? — Я подняла глаза и увидела Харрисона, стоящего в дверях и наблюдающего за мной. В руке он держал завернутый подарок.

— Это на твой день рождения, — сказал он. — Я знаю, он у тебя скоро.

Я чуть не застонала. Почему? Почему? Почему? Почему он должен быть таким милым, когда на самом деле это не так? Не зря братья и сестры называли его ворчливым Индианой Джонсом. Он не был милым, но по-своему был добр ко мне, хотя и знал, что подарки заставляют меня чувствовать себя неловко. А мой день рождения был только в октябре. А сейчас было начало апреля.

Я никогда ни от кого ничего не принимала бесплатно, разве что платила или отработывала то, что получала. Никаких исключений. Кроме того, его мать, Катриона, лопнула бы от гнева, если бы узнала, как он всегда пытался купить мне что-нибудь. Их мать не испытывала ко мне ненависти, как и любви. Единственная причина, по которой она попыталась найти меня после того, как меня отдали в приемную семью, заключалась в том, что Кили отказывалась есть, пока она этого не сделала. После того, как она потеряла сознание в третий раз, Катриона сделала над собой усилие и нашла меня.

— Почему у тебя всегда такое выражение лица, когда я пытаюсь сделать тебе приятное, Ниточка?

Харрисон дал мне прозвище Ниточка, когда мы были детьми.

— Харрисон, ... — я прикусила губу, чувствуя, как она снова лопается. — Я уже говорила тебе. Просто я не люблю подарки.

— Уважь меня. Ты же можешь пожертвовать его после того, как откроешь.

Да чтоб меня. Я потеряла висок и, снова встретившись с ним взглядом, кивнула. Чтобы сделать ситуацию еще более неловкой, он сел рядом со мной, наблюдая, как я открываю сверток. Я подняла его, не зная, что еще сделать.

— Ты купил мне сотовый?

— Ага. Так ты сможешь поддерживать связь с Кили. Или... с кем-то еще. Я сказал Ки, что ничего не скажу, но я не могу молчать. Этот ублюдок узнает почему фунт лиха после того, что он с тобой сделал.

Ему было трудно встретиться со мной взглядом, поэтому я посмотрела на телефон. Впервые за долгое время мне было трудно сопротивляться его доброте. Он дал мне его, поскольку переживал за меня. И все же. Мое правило стоило куда больше его заботы обо мне.

— Ты не должен был этого делать, — тихо сказала я. Потом подняла сумку, порылась в ней и протянула ему два доллара. — За телефон. Я не могу взять его, пока ты не возьмешь деньги.

Ему очень не хотелось, но он это сделал. Харрисон сунул два доллара в карман.

— Что ты сделал?

Я вздрогнула, не заметив, что Кили вернулась в комнату. Я выпрямилась, чувствуя себя так, словно нас застучали за чем-то нехорошим. Харрисон встал с дивана, засунув руки в карманы.

— Ничего, Ки, — сказал он. — Я сделал Мари подарок на день рождения.

— Ее день рождения только в октябре, — сказала она, указывая на очевидное.

Он пожал плечами.

— Ненавижу опаздывать.

Она открыла рот, чтобы что-то ответить, но в дверь громко постучали. Я посмотрела на Кили, Харрисон - на меня, а Кили - на дверь.

— Кого-то ждешь? — спросил Харрисон.

Кили покачала головой.

— Нет, Сьерра сказала, что вернется поздно.

— Я открою, — сказал он.

Я стояла рядом с Кили, пока мы слушали, как Харрисон разговаривает с кем-то, находившимся по ту сторону двери. Через минуту он вошел в сопровождении двух мужчин в костюмах. Это были те же двое полицейских из «Маккиавелло».

— Кили, — сказал Харрисон. — Это детектив Скотт Стоун и детектив Пол Маринетти.

Тот, что помоложе из них двоих, детектив Стоун, подошел первым и протянул руку. Мужчина постарше приблизился после него.

— Мисс Райан, — сказал детектив Стоун с серьезным выражением лица. — С сожалением вынужден сообщить вам, что ваша соседка по комнате Сьерра Андруцци была найдена мертвой. Мы пытались связаться с вами ранее, но нам удалось это только сейчас.

Кили отшатнулась, явно находясь в шоке. Она села на диван после того, как мы с Харрисоном помогли ей сесть.

— Она... — Кили покачала головой. — Она сказала, что вернется поздно. Ее бывший парень. Армино. Ранее он терся у нашей двери. Был в бешенстве. Она порвала с ним. Он...

— Судя по тому, что мы выяснили, Мисс Андруцци ранее ходила в магазин, и именно тогда на нее напали, а затем убили. Похоже, она направлялась сюда. На данный момент мы не можем сказать наверняка. Вот почему мы здесь. Чтобы собрать всю картину воедино.

— Я... я имею в виду... — пробормотала Кили.

— Нам очень неприятно просить вас об этом, Мисс Райан, но не могли бы вы поехать с нами, чтобы опознать тело? Мы не можем найти ближайших родственников Мисс Андруцци.

— Да, — сказала Кили. — Она была приемным ребенком.

— Моя сестра не...

— Нет, — сказала Кили, обрывая Харрисона. — Я сделаю это. Это самое меньшее, что я могу для нее сделать. — Она явно взяла себя в руки, но чтобы встать, у нее ушел весь запас сил. — Дайте мне немного времени, чтобы собраться.

Детектив Стоун достал визитную карточку и написал на обороте адрес того места, где держали тело Сьерры. Он передал ее Харрисону, который сказал, что они скоро будут. Я стояла посреди комнаты, не зная, что мне делать. Мне не нравилась Сьерра, но никто не заслуживал смерти.

Вот дерьмо. Это был Армино?

Перед уходом детектив Стоун предупредил нас, что Армино может скрываться. Фамилия Армино была Скарпоне. Ему не нужно было больше ничего говорить. Они были одной из самых подлых криминальных семей в округе.

— Мари?

Я обернулась на звук голоса Харрисона. Кили стояла рядом с ним.

— Пойдем с нами.

— Нет, — сказала я. — Я бы предпочла этого не делать.

— Ты не можешь исчезнуть, — сказала Кили, и мольба в ее голосе ударила меня прямо в самое сердце. — Мне нужно знать, где ты. После того, что с тобой случилось, а теперь еще и сегодня. — Кили шмыгнула носом, хотя и не плакала. Затем она налетела на меня, почти выбив воздух из моих легких.

— Можно мне остаться здесь? — спросила я, едва переводя дыхание. Я не была профи в проявлении любви, но я не была уверена, как вырваться из ее объятий, не поторговавшись немного.

— Бывший Сьерры. — Харрисон покачал головой. — Может быть, и нет...

— Он не вернется сюда. — Я сделала шаг назад. — Он, наверное, давно ушел.

Кили полностью отпустила меня, кивнув.

— Да, он, наверное, ушел. Только не забудь запереть двери.

— Обязательно, — сказала я.

— Воспользуйся мобильником, — Харрисон кивнул в сторону дивана, — и позвони мне, если тебе что-нибудь понадобится. Мой номер забит в память.

После того как они ушли, я заперла замки, дважды проверила их, а затем придвинула старый стол Кили к двери.

Дверь в комнату Сьерры все еще была приоткрыта. Не было никаких причин, почему бы ей не быть незапертой, но все же было странно думать, что она никогда не закроет ее снова.

Куда она направлялась? Что она собиралась делать? Детектив сказал, что она просто выбежала что-то купить.

Я понимала, что, возможно, поступаю неправильно, но ничего не могла с собой поделать. Открыв ее дверь полностью, я был потрясена, увидев, что ее комната была безупречна. Постель была застелена. Никакой одежды на полу. И в воздухе все еще витал ее запах. Как будто она брызнула духами перед уходом.

Единственной странной вещью, по сравнению с остальными, были вещи, которые она оставила на своей кровати - причудливое черное платье, золотая карточка с надписью на ней и несколько золотых коробок. Туфли в тон платью стояли на полу.

Вошла и остановилась. Я ждала. И ждала. Ждала, что она выскочит на меня и закричит: «Я тебя прирежу, сучка, за то, что ты здесь!» Страх так и не накрыл меня, но я все еще была на грани. Мои руки покрылись мурашками.

Однако страха было недостаточно, чтобы я перестала оглядываться. Мертвые - не те, кого следует бояться. Бояться стоило живых.

Черное платье было шикарным. Верхняя часть напоминала мне крылья, в то время как остальная часть, казалось, идеально облегла бы фигуру. Ткань казалась дорогой. Я взяла карточку, лежавшую рядом с платьем. Это было похоже на приглашение. Дата (*сегодня*), время (*11:11 вечера*) и место (*Клуб, Нью-Йорк, Нью-Йорк*) были написаны царственным черным почерком. Оно выделялось на золотом фоне. Внизу мелким почерком было написано, что без карточки вход воспрещен.

Интересно.

По дороге на ярмарку Кили упомянула, что Сьерра в восторге от новой работы. Сьерра сказала Кили, что если она получит эту работу, то уедет и сможет позволить себе жить лучше, чем сейчас.

— *Все ее проблемы будут решены навсегда,* — вот что сказала Кили.

Интересно, она собиралась стать дорогой ночной бабочкой? Я не высказала эту мысль вслух, потому что не хотела бы просто даже думать о чем-то подобном, но я не могла понять, что еще она может сделать, чтобы решить все свои проблемы раз и *навсегда*. Сьерра была приемным ребенком, как и я.

Золотые коробки были наполнены духами из Бразилии. Я открыла их, приняв их. Ваниль и карамель выделялись сразу, и я смогла уловить намеки на фисташки, миндаль, лепестки жасмина и сандаловое дерево после того, как прочитала описание аромата на коробке. Я снова вдохнула, почти опьяненная экзотическим запахом. Это было чертовски далеко от несвежего запаха, который обычно преследовал меня повсюду. Я открыла лосьон, немного растерев его по руке. На коже он пах еще лучше. Сьерра даже вымылась, чтобы соответствовать.

Присев на ее кровать, я поставила лосьон и снова взяла приглашение, вертя его между пальцами. Туфли стояли рядом с моими босыми ногами. Ноги Сьерры были на размер или два больше моих.

Как уместно, подумала я, *или слишком большое, или слишком маленькое.* Мне никогда ничего не подходило.

Потому что ты не можешь позволить себе ничего, что будет сделано специально для тебя.

А потом на меня как будто сразу обрушилась целая куча голосов:

Воспользуйся случаем, Мари. У тебя есть платье. Туфли, даже если они слишком тебе велики. Духи. Приглашение. Сьерра не может этого сделать. Но. Ты. Можешь.

Даже у принцессы, которую ты раскрашиваешь в своих книжках с картинками, была Фея-крестная. Это твой шанс получить все.

Тебе некуда идти, нет денег, ничего.

Это может быть твоя последняя возможность.

Дела плохи.

Настолько плохи.

Было бы неплохо иметь пару подходящих туфель. Телефон, который я могу себе позволить, но свой собственный. Хлеб и сыр. Теплое место для сна, когда на улице холодно, и прохладное, когда жарко. Никаких крыс. Никакого Мерва.

Безопасность.

По другую сторону стекла.

Что, если это означает торговлю своим телом?

Разве можно сделать что-то подобное с таким лицом, как у тебя?

Это стоит того, чтобы попытаться выжить. Чтобы жить. Это может быть твой последний шанс, единственная в жизни возможность решить все твои проблемы. Раз и навсегда.

Можешь ли ты обменять то, что принадлежит только тебе и никому другому, на мирские блага?

Это не будет сделано по доброте душевной. Это будет сделка. Я буду работать ради этого.

Была ли защита моего тела, моей чести более ценной, чем вещи, которые можно купить только за деньги?

Мне потребовалась всего секунда, чтобы ответить.

Уже нет.

Я сделала свой выбор.

Чтобы жить.

Я взяла мыльные принадлежности и направилась в ванную, готовясь превратить себя в максимально обольстительную особу, насколько это возможно.

МАРИПОСА

Туфли комично скользнули каблуками, когда я вышла из такси на тротуар. Я истратила последние из моих денег, чтобы добраться сюда на такси. В Нью-Йорке такси было эквивалентом волшебной кареты.

Несмотря на то, что таксист взял мои деньги и его счетчик продолжал работать, он со смешинкой во взгляде наблюдал, как я пытаюсь проложить себе путь от его машины к фасаду здания. Это было недалеко, но и не близко, а мои туфли постоянно скользили, потому что мои ноги были слишком маленькими. Я не знала, что хуже. Туфли, которые нещадно жали мои пальцы, или туфли, которые заставляли меня ковылять, как утка, чтобы подстроиться под естественный ритм походки.

Кроме того, я никогда в жизни не носила каблуков. Прибавьте к этому факту пару лишних размеров, и что вы получите в итоге? Стихийное бедствие на ногах.

Я надеялась, что тот, кто будет проверять меня сегодня вечером, *если* это так, не будет заострять внимание на моих ногах. Я сняла каблуки, пока шла к такси, и мои подушечки были в черных пятнах.

Свист сзади заставил меня повернуться, чтобы посмотреть. Мимо, улыбаясь мне, прошли два парня в дорогуших костюмах.

— Привет, красавица, — сказал один из них и подмигнул мне. — Ты благоухаешь так же хорошо, как небо. Хочешь попробовать стать моим грехом сегодня вечером?

Я оглянулась, чтобы убедиться, что он говорит со мной. Да, так и было. По моим щекам расплзлись красные пятна, и я отвернулась, пытаюсь скрыть улыбку. Впервые за долгое время я улыбнулась. И не потому, что он называл меня красавицей или даже пытался флиртовать. Потому что он сказал, что от меня хорошо *пахнет*.

Жара снаружи усилила аромат из золотой коробочки, но при этом он не был слишком насыщенным. Он заставил мои мысли витать в облаках. Мне захотелось дважды в день отмачивать тело в ванне и намазывать себя кремом трижды в сутки.

— Чувак! — сказал другой парень, толкая его. — Что это был за подкат? Ужасно. Нам нужно поработать над твоими навыками.

Как только двое парней прошли мимо, я вспомнила, зачем я здесь, и мои нервы снова сдали. Трясущимися руками я вытащила из рюкзака золотое приглашение. Карточка мерцала в свете огней клуба.

Клуб был огромным и казался эксклюзивным. Потоки разодетых людей могли пройти прямо в него, но другим не так везло. Очередь огибала здание, обычные люди вроде меня ожидали своей очереди в шикарный ночной клуб. Изнутри гремела музыка, гремели басы, и время от времени в легком ветерке чувствовался запах алкоголя.

Сделав глубокий вдох, я сунула карточку под мышку, а затем вытащила мобильный телефон, который Харрисон позволил мне купить за два доллара. Я отправила сообщение Ки. Харрисон запрограммировал в телефоне ее и свой номера.

Я: Как дела?

Через секунду загорелся экран телефона.

Ки: Кто это?

Я: Я.

Ки: Кто я?

Я поняла свою ошибку.

Я: Мари

Ки: Я так рада, что у тебя теперь есть телефон. И все идет, как и ожидалось. Я не могу это развидеть, понимаешь? А как твои дела? Чем занимаешься?

Я: Вышла ненадолго.

Ки: ...?

Я: Не волнуйся. Я буду дома не очень поздно, Мэм. Если что, я буду на связи.

Прошло несколько секунд, а она все не отвечала. Потом телефон зазвонил у меня в руке, и я слегка подпрыгнула, не ожидая этого.

Ки: Я поняла, почему ворчливый Индиана Джонс все время так злится.

Прежде чем я успела напечатать ответ, ее ответ пришел молниеносно.

Ки: Он влюблен в тебя.

Телефон выпал у меня из рук. Он звякнула о бетон, и я поспешила его поднять. Ки уже отправила еще одно сообщение, прежде чем я успела ответить.

Ки: Ты не обязана отвечать. После сегодняшнего вечера я понимаю, как коротка может быть жизнь. Нет ничего страшного в правде. Поэтому я должна говорить от его имени. Он слишком упрям, чтобы признать это, но после того, как он дал тебе телефон, я поняла. Некоторые люди не могут произнести эти слова. Некоторые люди должны доказывать это *делами*. Они делают такие вещи, как дают вам телефон, чтобы убедиться, что вы в порядке. Любовь существует не только на одном языке — она говорит больше, чем просто словами.

Еще один звонок с моего телефона раздался секундой позже.

Ки: Я люблю тебя, сестренка. Береги себя. *Чмоки-чмоки*.

Я: Взаимно, Ки-Ки. *Чмоки-чмоки*.

У меня не было времени обдумать то, что она мне сказала. Было одиннадцать часов, а в приглашении значилось 11:11 вечера.

Надо поторопиться.

Я понятия не имела, должна ли я стоять в огромной очереди или делать что-то еще. Я ничегошеньки не знала. Заметив мужчину, который открывал и закрывал дверь где-то сбоку, я вразвалку направилась к нему, боясь, что мои колени подогнутся и я упаду.

Вся королевская конница, и вся королевская знать не могли Мари по кусочкам собрать...

— Вам помочь? — поинтересовался здоровяк, когда я подошла. Он явно был итальянцем. У него был сильный акцент.

Я не знала, что сказать, и, не желая сказать что-то не то, показала ему карточку. Его брови поползли вверх, когда он понял, что я держу. Он заговорил в наушник, который носил, быстро произнося слова по-итальянски. Затем, не говоря ни слова, взял меня за руку и потащил в сторону здания. Он притормозил, заметив, как тяжело мне приходится. Этому парню не мешало бы освоить ходьбу маленькими шажками.

Наконец мы добрались до бокового входа. Это был вход для «своих». В дверях стояли еще двое итальянцев. Во всяком случае, я так предполагала. Все они говорили на одном языке. Потом один из них попросил у меня приглашение по-английски.

Я протянула ему карточку. Он пристально изучил ее, прежде чем использовать какое-то хитрое приспособление для сканирования карты. Через секунду раздался сигнал, и он кивнул.

— Мисс Андруцци, подтверждаю. И еще мне нужно проверить вашу сумку.

Он был весь из себя деловой. И я начала потеть. Надеюсь, что приглашения будет достаточно, но на всякий случай прихватила из комода удостоверение личности Сьерры. Мы были совсем не похожи, но один из приемных детей, с которым я когда-то жила вместе, сказал мне, что вышибалы никогда не смотрят на фотографию, только на дату рождения. Но каким-то образом я понимала, что здесь происходит что-то... совсем *иное*. Если он меня поймает, у меня будут серьезные неприятности.

У меня не было денег, и не на что было надеяться. Я полагала, что это будет рискованно, но я, по крайней мере, надеюсь пройти через дверь, прежде чем меня закопают невесть где.

Глубоко вздохнув, я порылась в своей сумке, вручая ему удостоверение, если бы он отвернулся от меня, не было никаких причин проверять мою сумку.

Он изучил фотографию, осветил фонариком мне в лицо и сделал это еще раз. Секунду спустя он снова заговорил в наушник на языке, которого я не понимала.

Затем, даже не узнав собственного голоса, я подняла руку к человеку, который пронесся мимо охраны, даже не остановившись.

— Гвидо, — сказала я громиле у двери. — Можешь спросить у Гвидо... Фаусти, — я попыталась вспомнить его фамилию, но это звучало так, будто я собирала два разных имени на случай, если его фамилия на самом деле не была Фаусти. — Попроси его опознать меня, если не веришь.

Гвидо был итальянцем, который пришел со Скарлетт Фаусти в «Хоумран». Он появился в клубе, и все, казалось, убиралось с его пути. Было ясно, что ему бы поверили насчет меня.

Фаусти. Помимо всего прочего, они были в основном членами итальянской королевской знати.

Во что, черт возьми, я вляпалась?

Парень с удостоверением Сьерры в руках на мгновение замер. Может быть, он слушал то, что ему говорили в его наушник, но все это время наблюдал за мной. Затем он кивнул.

— Все чисто. Теперь вашу сумку, Мисс Андруцци. — Он протянул ко мне свою ручищу.

Я выдохнула, хотя и не осознавала, что задержала дыхание, и протянула ее ему. Он взял ее и заглянул внутрь, и я прикусила губу, надеясь, что она не лопнет снова. Я использовала косметику Сьерры, чтобы скрыть синяки как можно лучше. У меня было не так уж много опыта в нанесении макияжа, поэтому результаты были... сомнительными. Я думала о макияже, как о раскраске в одной из моих книг, делая принцессу с помощью цветных карандашей.

Другой охранник наблюдал за мной, но перевел взгляд в другую сторону, когда другой парень, у которого была моя сумка, вернулся.

— Где мои вещи? — спросила я, прикусив губу.

Вместо сумки он протянул мне мое приглашение.

— Регистрируются. Все сумки остаются у нас, пока вы не покинете это место.

— Чуть собачья. — Меня обуревали чувства собственности относительно моей сумки. Это все, что у меня было. Там было все, что принадлежало *мне*.

Он опустил взгляд.

— Вы читали правила?

Вопрос с подвохом, я бы сказала.

— Да, — ответила я. Я попробовала быть честной. — Читала. Но это все, что у меня есть.

Он никак не отреагировал. Мужчина шагнул в сторону и вытянул руку в приглашающем жесте.

— Входите.

В дверях меня встретил еще один охранник. Он велел мне следовать за ним. Первое, что я заметила, был запах, витающий в воздухе. Шоколад. Казалось, этот запах исходит от... свечей. Они освещали все пространство от одного конца зала до другого, и сладкий аромат, казалось, исходил от них.

В конце коридора мы поднялись по лестнице на второй этаж. Если бы меня попросили предположить, я бы сказала, что Клуб был старым складом, который был переделан в пространство, которым он стал.

Роскошь. Слово возникло сразу же после *шоколада*. Клуб должен был играть на всех чувствах.

Натертое до скрипа стекло тянулось по всему второму этажу, и я могла видеть весь клуб от одного конца до другого. Внизу танцевали и сливались тела сотен людей. Наверху люди только сливались в толпу. Мужчины и женщины в изысканных нарядах сновали туда-сюда по комнате. Некоторые развалились на темно-синих бархатных диванах или креслах с бокалом в руке и застывшими улыбками на лицах. Хрустальные и золотые штрихи подчеркивали смятую текстуру бархата. Свет свечей смягчал атмосферу до теплого сияния. Все вокруг мерцало.

Должно быть, это была VIP-зона, где тусовались все великолепно разодетые люди. Эти люди были на ступеньку выше просто красивых людей.

Как только мои ноги коснулись пола, я узнала двух безумно популярных актрис, двух актеров, трех певцов, пару знаменитых бейсболистов и нескольких влиятельных бизнесменов, которых я видела по телевизору в «Хоумране». Они высказывали свое мнение об акциях и тому подобном. Единственное, что у них было общего, помимо того, что они были достаточно

знамениты, чтобы признать это, было то, что все они были молоды. Если бы мне предложили угадать, все они были примерно моего возраста, от двадцати до двадцати пяти лет.

Кроме одного человека.

Он выделялся своим возрастом. Ему было, по крайней мере, под шестьдесят, хотя оливковый цвет лица, казалось, скрывал его истинный возраст. На нем был старомодный костюм с подтяжками и красивые туфли. Он сидел в углу с бокалом в руке, наблюдая, почти изучая.

— Мисс Андруцци. — Охранник, который привел меня сюда, привлек мое внимание, назвав фамилию Сьерры. — Располагайтесь поудобнее. — Он указал на комнату, которую было трудно разглядеть сквозь толпу. — Там вы найдете еду и прохладительные напитки. Если вы хотите выпить, мимо ходят официанты, которые могут принять ваш заказ. Что бы вы ни пожелали, не стесняйтесь об этом просить, — он помолчал секунду. — Не беспокойтесь о своей сумке. Если вы потеряете свое приглашение, чтобы забрать сумку, достаточно назвать свой номер. Он у вас - одиннадцать.

Потом он ушел.

Одиннадцать. Мой номер. *Да чтоб меня.* Значит ли это, что, когда назовут мой номер, придет время... время для чего? Трахнуть кого-нибудь в этой комнате? Мой желудок свело, а к горлу подступила желчь. Мне нужно было выпить.

Я медленно направилась в комнату, где предлагали еду и *прохладительные напитки*. К счастью, там было не так много народу, как в других местах. Он был в основном заполнен женщинами, которые задерживались вокруг различных пятачков с едой. Лобстеры. Креветки. Икра. Разновидности густых, сливочных супов. Пятачок с мясом, которое человек вырезал ножом. Сотни десертов и конфет. Кофе. Чай. Казалось, здесь было все, чего только могла пожелать ваша душа.

Я хлопнула себя по лбу с такой силой, что раздался громкий *хлопок!* Потом я втянула в себя воздух, вспомнив, что у меня там синяк.

Черт!

Помнится, как-то раз Кили пригласила меня в один из воскресных дней, редкий для нее выходной, и заставила посмотреть с ней фильм. Речь шла о девочке, которая поменялась местами со своей младшей сестрой, чтобы той не пришлось становиться жертвой за все человечество. Девушке пришлось сражаться, чтобы выжить, в то время как вся страна наблюдала за ней. Я заметила, что это ничем не отличается от выживания в Нью-Йорке, но эта мысль внезапно поразила меня.

Что, если это какая-то извращенная игра?

Кто бы ни был хозяином, он ничего не утаил, в плане финансовых затрат. Я даже представить себе не могла, сколько денег потребуется, чтобы устроить вечеринку такого масштаба. А потом, когда мы нажрались и напились до отвала, - что потом? Мы должны были бы бороться за что-то важное в этом огромном роге изобилия, что-то, что позволило бы нам одержать победу в вопросе выживания?

Это было то, в чем Кили явно преуспела. Она была мастером стрельбы из лука. Моя сестра из совершенно другого мира, а мама была просто офигенной.

А что насчет меня? У меня даже не было при себе того жалкого осколка глиняного горшка, чтобы использовать его в обороне.

Взяв стакан с янтарной жидкостью, я потягивала ее, изучая всех этих женщин в комнате. Никто из них не разговаривал друг с другом. Переглядки. Вежливые улыбки. Но иногда, когда никто не обращал на соперниц внимания, взгляды тех задерживались на потенциальных конкурентках дольше. Оценивающие взгляды. С интересом, кто же был одет лучше. Каждая женщина здесь, казалось, разоделась по случаю. Мы, то есть девушки в комнате и я, выглядели так, как будто принадлежали этому месту.

Однако чего-то не хватало. *Нам* здесь явно было не место. По крайней мере, не в обычной жизни.

Это витало в воздухе. Никто из людей, находящихся за пределами этой комнаты, не осмеливался войти сюда. *Конечно, нет. Если вы не голодаете, вы не беспокоитесь о том, что голодны.* Я не думала, что кто-то из этих девушек бездомный как я, но что-то подсказывало мне, что все они тоже играют с дьяволом.

Они изголодались. Девушки находились в постоянном состоянии борьбы или бегства. Они только существовали.

Прямо как я.

Да чтоб меня.

Безумное желание спросить кого-нибудь, что происходит, просто распирало меня изнутри, но вес моего отяжелевшего языка мешал мне сделать это. Казалось, в густо пахнущем воздухе витают невысказанные правила. *Никаких разговоров. Никаких вопросов. Вы же читали правила. Вы приняли их. Сейчас. Тсс. Молчите.*

Я не читала правил, что ставило меня в крайне невыгодное положение. Я понятия не имела, зачем я была здесь, или что должно было произойти со мной. Все, что я знала, это то, что отчаяние - мерзкая сучка, и когда она царапается ядовитыми ногтями, ты слушаешь эту сучку. Несмотря ни на что, я отделила свое тело от разума, *своих эмоций* и продолжу жить.

В каком-то смысле это было выживание наиболее приспособленных. Где бы ни был тот рог изобилия, что бы он ни содержал в своем нутре, я была готова сражаться за него. Единственная проблема заключалась в том, что эти женщины были великолепны во всех отношениях. Это будет кровопролитная война.

Если бы не было конкуренции и нас всех загоняли, как животных, чтобы продать тому, кто больше заплатит... что ж, тогда я не чувствовала себя такой одинокой. Мы все были здесь с одной и той же целью - жить, а не выживать. Раз и навсегда.

Только время покажет, на чьей мы стороне - единства или битвы.

Вошел парень в костюме, с наушником в ухе, направившись прямо к девушке, собирающейся запихнуть в рот слойку с кремом. Оказавшись достаточно близко к ней, он протянул ей руку. Она посмотрела на него, вытерла рот салфеткой, еще раз оглянулась на десерты и взяла его за мускулистую руку. Они повернули направо и через секунду исчезли из комнаты.

Интересно, какой у нее номер и когда настанет мой черед?

Взяв свой напиток и выйдя из комнаты с буфетом, я решила присесть на удобный стул посреди этого хаоса. Смех становился все громче. Двое мужчин передо мной издевались друг над другом, в то время как одна из женщин, которых я видела в столовой ранее, наблюдала за их дурацким поведением. Еще несколько женщин, находившихся в комнате, тоже общались с мужчинами.

Разве нам позволено было флиртовать с парнями, если это был какой-то аукцион? Мне была ненавистна сама мысль о том, чтобы даже попытаться продать себя. Вся эта ситуация была плоха сама по себе, но не продавать же товар до того, как на него сделали ставку? *Невозможно.* Как я должна была конкурировать со всеми этими королевами красоты?

Вышел еще один парень с наушником, внимательно оглядывая толпу.

Только не я. Только не я. По крайней мере, пока.

Я выдохнула, когда взгляд его глаз скользнул мимо меня и остановился на женщине, смеющейся над двумя парнями. Он подошел к ней, подал руку, и прежде чем увести, она что-то успела сказать обоим парням. На этот раз человек с наушником пошел не направо, а налево. Они с женщиной направились к лестнице.

Ага. Он ведет ее обратно на улицу. Знала ли она об этом?

Через несколько минут то же самое произошло еще с двумя женщинами, которые смешались с мужчинами в толпе.

Каждый раз, когда парень в костюме приходил осмотреть толпу женщин, мой желудок сжимался. Я поставила стакан на мраморную подставку, чувствуя, что мне уже не так жарко. Все это было плохой идеей. Мне было холодно и жарко одновременно, а руки покрылись мурашками. Меня прошиб холодный пот, и я понадеялась, что косметика Сьерры была не из дешевых. Я промокнула испарину вместо того, чтобы сильно тереть, надеясь, что синяки останутся скрытыми еще некоторое время.

Как раз в тот момент, когда я подумала о том, что поход в туалет - хорошая идея, старикан в подтяжках уселся рядом со мной и сказал что-то по-итальянски.

Я отрицательно покачала головой.

— Я не говорю по-итальянски, — сказала я, мой голос был близок к тому, чтобы выдать, как сильно я нервничаю и меня уже начинало мутить.

— Ах, — сказал он почти со вздохом. — Как вы себя чувствуете?

Добрые глаза под стеклами очков впились в мое лицо, и я не почувствовала необходимости лгать.

— Честно? — выдохнула я. — Не очень хорошо. Это все нервы.

Он кивнул в ответ.

— Я Тито. А вы кто?

— Ма... Сьерра. Сьерра Андруцци.

Его глаза под стеклами очков стали щелочками, и он склонил голову набок.

— Сьерра Андруцци, — повторил он.

— Сьерра Андруцци.

Этот Тито знал, что я не Сьерра. Он внешне не показал своего удивления, что я назвала ее имя, но я просто знала, что он знал. Он открыл рот, чтобы что-то сказать, но в этот момент передо мной появился еще один человек в костюме и с наушником. Он посмотрел на меня сверху вниз, но ничего не сказал.

Время пришло. 11:11 вечера.

Загадай желание, Мари.

Сделав глубокий вдох, украдкой бросив последний взгляд на Тито с добрыми глазами, я взяла предложенную руку сопровождавшего меня парня. Он повел меня по коридору, подстраиваясь под мой неуклюжий шаг, мимо комнаты с едой, *направо*, прямо в крошечную тьму.

В темноте запах шоколада казался более концентрированным. Мне стало интересно, восполнят ли мои чувства утраченное зрение. Я ничего не видела, но парень рядом со мной, казалось, знал, куда мы направляемся. Мы ни на что не натолкнулись.

Музыка в этой части тоже казалась более интенсивной. Ритм был насыщенным, пульсирующим, медленным. Певица пела о том, как впала в немилость ради любимого мужчины.

В песне пелось о преданности. Она была до крайности преданной, даже когда любовь сводила ее с ума.

Я не была уверена, как долго мы шли в темноте - пару минут, по крайней мере, - но, когда мы остановились, я почувствовала, как мой сопровождающий толкнул что-то. Затем мы вошли в пространство, имитирующее темноту.

Стены комнаты были темными, все места для сидения обиты черным бархатом, а столы - того же черного цвета. Пространство вокруг нас было полностью монохромным, за исключением двух декоративных дополнений - хрустальной люстры, свисающей с потолка, горящей большим количеством свечей, и самого потолка. Все пространство наверху было выложено перламутром.

— Не хотите ли выпить, Мисс Андруцци? — спросил сопровождающий хриплым голосом.

Не знаю, ты мне скажи, чуть не выплюнула ему в лицо. Я понятия не имела, что меня ждет, и была слишком труслива, чтобы спросить об этом напрямую. Когда я решила на эту авантюру, я поставила на кон все, что у меня было. И собиралась довести дело до конца.

Такова ставка. Раз и навсегда. Мой последний шанс.

Сделай глубокий вдох, Мари.

— Нет, — сказала я, мой голос был лишь шепотом, вдох, который я сделала, чтобы произнести, выскользнул из моей груди. Может быть, это было мое воображение, но свечи, казалось, качались от невидимого ветерка в комнате, заставляя меня чувствовать, что я оказалась в мире, который существовал в тени тьмы отдельно от остального мира.

Мой сопровождающий кивнул, его глаза заблестели в мягком свете.

— Вы готовы, Мисс Андруцци?

Может быть, лучше не говорить о деталях. Так я не смогу убежать.

С другой стороны, что, если существует какой-то протокол?

Если я сделаю что-то не так, может быть, они узнают, что я лгу.

Может, и нет.

Если бы я могла просто свыкнуться с мыслью и не спотыкаться, пытаюсь выбраться из ада... или же я меняла один ад на другой?

Закрыв глаза, я кивнула.

Будь, что будет...

Секунду или две спустя что-то мягкое коснулось моего лица, и у меня перехватило дыхание. Мои глаза накрыли повязкой из прохладного шелка, руки сопровождавшего меня парня крепко завязали ее, и даже если бы я захотела открыть глаза, я бы ничего не увидела.

Я не слышала, как он ушел, но у меня было такое ощущение, что он ушел. Я была одна.

Или одна ли? Трудно было сказать наверняка.

Было ли это дыхание свечей, покачивающихся, дышащих, поглощающих воздух? Или я теряю контроль? Мое дыхание учащалось. В груди было пусто, как будто в комнате не хватало кислорода, чтобы поддерживать меня. Моя кожа горела. Огонь лизал мою кожу, но обжигал душу.

Что они собираются со мной сделать? Или это я должна была что-то делать?

Когда я вдохнула, пытаюсь контролировать свое дыхание, все, что я могла чувствовать, был запах шоколада, который перебивал даже аромат моих духов, которыми я воспользовалась ранее. Это почти казалось... было сделано намеренно, чтобы сбить кого-то с толку.

Все здесь, казалось, делалось с определенной целью. *Скрыть что-то.*

Мягкий, прохладный ветерок, казалось, проник в комнату, заставив свечи шипеть, а не пыть. Капелька пота скатилась с моей шеи между грудей. Я почувствовала, как его прохлада пробежала по моей коже, пытаюсь охладить жар разгоревшихся вокруг меня костров.

Руки, которые касались меня из темноты, были теплыми, приятными, но я все равно съежилась от неожиданности. Кто-то вошел в комнату и встал у меня за спиной. Я чувствовала его присутствие, его тепло, которое отличалось от жара пламени свечей. Более дикое. Горячее. Его дыхание едва касалось моей кожи, от чего я чувствовала себя только еще более раскаленной.

Мужчина.

Это явно должен быть *мужчина*. Эти руки. Они были большими по сравнению с моими руками. Он был высоким. Широкоплечим. Сильным. Его сила поглотила меня.

Несомненно, этот человек был охотником, но на чью сторону он встанет? Убьет ли он ради меня или сделает своей добычей?

Пожалуйста, не делайте мне больно. Пожалуйста.

Мои колени начали стучать друг о друга от этой мысли. От нахлынувших воспоминаний, которые я так долго подавляла.

Если бы я могла закрыть глаза еще крепче, я бы так и сделала. Я не могла. Ноги начало сводить судорогой от напряжения, которое не давало мне обделаться на месте. Та янтарная жидкость, которую я выпила раньше, была маленьким глотком храбрости, но и ей было не под силу облегчить неопределенность этого момента. Она только подогрела меня сильнее.

Я заставила себя прислушаться к голосу разума и хорошенько все обдумать. *Проследи за линией его прикосновения.* Оно было жестким, но не причиняло боли, как будто его руки были не мягкими, но и не грубыми. Он прощупывал меня. Прослеживая мои изгибы. Запоминая их?

Хотя я понятия не имела, кто он такой, что-то в том, как он прикасался ко мне, не торопясь, заставило меня почувствовать, что он ищет что-то более глубокое, чем тело, возможно, некую связь? Искру?

Может быть, я сошла с ума, вообразив, что он делает это не только ради секса.

Или, может быть, я просто выдавала желаемое за действительное.

Его руки медленно обхватили мою талию, и мужчина притянул меня к себе, прижав спиной к своей груди. Мы двигались в такт музыке, покачиваясь из стороны в сторону, пока я не расслабилась настолько, что почти растаяла в объятиях. Казалось, он знал, когда это со мной произошло. На этот раз его руки словно прожигали ткань платья.

Я вдохнула, желая уловить его запах, но... шоколад. *Бинго*, подумала я. Я была права. Это было одной из причин, почему это место было пропитано столь насыщенным ароматом. Он не хотел, чтобы я *знала* его, *видела*.

Может быть, это было к лучшему. Все это скоро закончится, и, может быть, после этого жизнь станет лучше. Я не смогла бы вспомнить его лицо, когда бы ни думала о том моменте, который все изменил. Я думала только о *шоколаде*. Никаких ниточек, которые тянули бы меня обратно в огонь.

Еще один вздох вырвался из моего рта, когда одна из его рук начала вырисовывать узоры на моем теле. В темноте его прикосновение напомнило мне белую молнию, проносящуюся по ночному небу. Волоски на моих руках встали дыбом, мурашки побежали по коже, и что-то в том, как он двигался, заставляло меня чувствовать себя... податливой, как будто он мог придать мне форму, соответствующую его.

Мой разум хотел отгородиться от всего этого, смириться с этим, *покончить с этим*, но мое тело... оно отзывалось так, как никогда раньше.

Реагировало.

Мое тело начало заглушать здравый смысл, желая, принимая, желая, принимая. Я охотно расслабила руку, чтобы он мог держать ее в своей руке, свободно блуждающей по моему телу. Он переплел пальцы наших рук вместе, и движением таким плавным, что казалось, оно было идеально рассчитано, он повернул меня.

Мы должны быть лицом друг к другу. Свечи освещают мое лицо, и теперь он действительно увидит меня.

Полная тишина.

Я ждала. Я ждала. Я ждала. И ждала еще некоторое время.

Какого хрена?

Он ушел?

Мне было стыдно думать об этом, чувствовать это, но я жаждала его прикосновения в темноте. Я хотела, чтобы его руки снова были на мне. Мне хотелось ощутить их успокаивающее тепло. Я хотела снова почувствовать эту безопасность. Нереальность происходящего, отгораживающая нас повязкой, начинала казаться волнительной. Нервирующей.

В темноте я не чувствовала себя такой злой, реагируя на его прикосновения. *Для него*.

Я подняла руку, собираясь снять повязку, но заколебалась. Я знала, что как только я это сделаю, чары будут разрушены. Он задал тему и тон. Сделал все идеальным. Даже романтичным. Не так уж трудно было думать о словах... *Я справлюсь. Прикоснись ко мне еще раз*.

Еще через минуту или две я не выдержала бешеного биения сердца, неуверенности, которая начала закрадываться в меня, и начала снимать повязку.

Он остановил меня.

Его руки снова были на мне, в моих волосах, и его рот так грубо завладел моим, что я знала, что моя губа снова лопнула. Он пил что-то с острым привкусом, с корицей, и это смешивалось с привкусом железа от крови, смешивающейся с нашим поцелуем.

Поначалу его было не остановить. Даже кровь не остановила его. Язык мужчины переплелся с моим, и, казалось, он изголодался. Истосковался подобно мне в течение долгих лет. Я чувствовала его в стремлении поглотить все, что только можно. В кои-то веки я была тем, кто отдавал. Может быть, именно поэтому наши действия не казались нам неправильными.

Голова на его плечах, тело, которое несли ноги, руки, которые тянулись и касались, физическое, казалось, не имело значения для меня. Он мог выглядеть как людоед, но почему-то все еще приходило в голову, что он *красив*. Я встречала много красивых людей, и их красота была лишь поверхностной. Но люди, которые были добрыми, что само по себе редкость, в них было то, что я считала истинной красотой.

Где-то в глубине души я задавалась вопросом, не настиг ли меня за последние два часа *страх, который преследовал меня большую часть моей жизни*. Мой разум принимал ужасную ситуацию и делал ее идеальной, чтобы я могла справиться с этим.

Я назвала эти мысли чушью.

Но это было нечто большее.

Трудно было выразить все словами.

Проще говоря, я хотела продолжать целовать его. Я хотела, чтобы он продолжал целовать меня — прикасался ко мне.

Я хотела *большего*, что бы это ни было. Это подпитывало меня так, как я никогда не знала, за исключением тех случаев, когда Кили и ее семья заставляли меня чувствовать себя частью их семьи. С другой стороны, все было по-другому. Ощущения были новыми, даже если я не могла определить их, светясь изнутри.

С чем певица сравнила ту страсть, которую она испытывала к своему возлюбленному раньше? Наркотиком.

Этого я никак не ожидала. Тяга. Необходимость. Кайф от прохладных волн захлестнувших ощущений.

Интенсивность этих ощущений почти заставила меня отстраниться, передохнуть несколько минут, чтобы успокоиться, но, с другой стороны, мои руки отказывались отпускать его. Я зажала в руках его рубашку и замерла. Прикасаюсь к нему было все равно, что прикасаюсь к источнику жизни. Я никогда не чувствовала этого раньше.

Жизни. В моих руках. Мой.

Затем, движением настолько сильным, что я отшатнулась, ударившись о стену, упершись ладонями за спиной, чтобы я не упала, он оторвал свой рот от моего.

Мужчина тихо выругался. Это прозвучало так же яростно, как и его отказ.

Как бы много не прошло времени — минута, миллион лет - я не двигалась. Я не знала, что сказать. Я дрожала с головы до пят, как и после нападения Мерва. Потом что-то пришло мне в голову, и прежде чем я успела отфильтровать эту мысль, я заговорила в темноту.

— Кровь из моей губы. — Я указала на нее. — Я здорова.

Мужчина молчал так долго, что мне показалось, будто он снова ушел.

— Не трогай ее, — предостерегающе произнес он. Тон его голоса пробрал меня, как бурные волны, но прохлада скользнула по покрытой волдырями коже, как чудо. Его голос был тихим, но каким-то надтреснутым. Не похоже, чтобы он делал это нарочно. Я хотела услышать его снова.

Возьми себя в руки, Мари! Ты даже не видела его лица! Он может быть извращенцем, тем, кто пришел сюда только за тем, чтобы трахнуть тебя за деньги. Или еще хуже. Он любит завязывать глаза. Извращенное дерьмо.

Лжец, лжец, лжец, мое сердце, казалось, пело, сбиваясь с чертовски привычного ритма. Он прекрасен.

«Дьявол тоже был прекрасен», пронеслось у меня в голове.

— Ладно, — сказала я, опуская руки. Я уже собиралась снова снять повязку, когда он набросился на меня со словами: *«Не трогай»*.

— Ты бедна.

Вот он снова, мой самый любимый звук в мире. Его голос. Мне нравился этот скрежет.

Подождите-ка.

Что?

Ты бедна.

Я слегка рассмеялась. Я ожидала, что он прокомментирует мои слова: *«Я здорова»*. Вот почему я заговорила об этом. Подумала, что, возможно, как только он попробовал вкус моей крови, он почувствовал отвращение и беспокойство. Вместо этого ударил меня своим: *«Ты бедна»*.

Кто же спрашивает о таком?

— Истинно так, — вздохнула я. — Любой, кто беднее меня, с таким же успехом мог бы оказаться в собачьем дерьме. У меня нет дома. Нет работы. Да и денег нет. Я истратила последние, что у меня оставались, чтобы попасть сюда сегодня вечером. Да и семьи у меня нет. — Не хотела, чтобы он знал про Кили и ее семью. Ему не нужно было этого знать. Если он ненормальный или кто-то еще похуже, лучше ему не знать об их существовании.

— Имя, — сказал он.

— А? — Я сделала вдох и выдохнула. — Меня зовут... Мари. Я не Сьерра. Она... она не могла прийти. Я заняла ее место. Итак, о правилах...

— Имя, — повторил он. — Не ваше, мисс Флорес. Мне нужно имя человека, который сотворил это с вашим лицом.

— Откуда вы знаете, что это был мужчина? — Прошептала я, игнорируя тот факт, что он знал мою фамилию, хотя я не говорила ему.

— Имя, — повторил он. У меня было такое чувство, что он теряет терпение.

Зачем ему эта информация?

Я выпрямилась, немного покачиваясь на каблуках, воздвигая стену против всего, что я чувствовала с тех пор, как он коснулся меня.

— Это не ваше дело. Возможно, я мало что знаю об этой ситуации, но я знаю одно. Это окупается. Я приехала сюда, чтобы заработать денег. Так получу я эту работу или нет? Мое время ценно, Мистер?..

— А что бы ты сделала, чтобы получить эту работу?

— Я думала, что *вы* - та работа, которую я буду делать.

— Ответь мне, Марипоса.

Я облизнула губы, радуясь, что кровь больше не сочится. Хотя я знала, что это выглядит плохо. Пока он меня целовал, вся моя помада стерлась.

— Я здесь. А это значит... все, что ты захочешь. Я слышала, что за эту работу хорошо платят.

— А, — произнес он неожиданно по-итальянски. — За это очень хорошо платят. Миллионы. Плюс льготный пакет.

Я задержала дыхание, но мне хотелось сделать вдох. Миллионы? Льготы? Он что, издевается надо мной? Нет, Сьерра упоминала, что это *раз и навсегда*. Если бы девушка заботилась о том, чтобы пересчитывать кусочки сыра, она бы не стала возиться с этим. Внезапно вся эта ситуация со Скарпоне стала понятна. Неужели она рассталась с ним ради такой возможности? Тогда это имело смысл.

— Звучит неплохо, — сказала я. — Я в деле.

На этот раз я почувствовала, когда он сделал шаг ближе. Я мало что о нем знала. *Только то, что он удар молнии, освещающий мою личную тьму*. Я попыталась сделать шаг назад, но он обнял меня за талию, притягивая ближе. Я прижала руку к его груди, отталкивая мужчину, но он не сдвинулся с места.

— Мы, — сказал он. — Расскажи мне об этом. О том, что произошло здесь, между нами.

— Это слишком громкое слово. «Нас». Нет никаких «нас», — сказала я. — Только бизнес. Все, что я делаю, и я имею в виду *все, что я делаю*, я делаю в рамках сделки. В этой жизни ничего не дается бесплатно, даже любовь. Я уже давно не такая наивная... Так что, либо ты даешь мне *работу*, либо попроси кого-нибудь из этих мужчин проводить меня, как ты сделал это с теми девушками, которые флиртовали с парнями в главном зале.

— Ты оказываешь мне услугу...

— А ты платишь мне за это, — сказала я.

— Больше ничего, — сказал он.

— Совсем ни хрена.

— Для протокола, Марипоса. — Он приблизился, делая вдох, его дыхание обдувало мою шею. Я снова закрыла глаза, изо всех сил стараясь сдержать бешеное биение сердца. Я знала, что он это чувствует. — Никогда, черт возьми, не прерывай меня, пока я говорю.

Я кивнула.

— Будет сделано... *босс*. — Это слово прозвучало как горькое оскорбление, соскользнувшее с моего источавшего мед языка.

— Я никогда не говорила, что ты получила эту работу, Марипоса.

Его нос проложил дорожку вверх по моей шее, коснувшись уха, затем вернулся к моим губам. Он целомудренно поцеловал меня в уголок рта, а потом в губы, прямо там, где лопнула губа.

Эта чувствительная область горела, но это было единственным напоминанием о реальности происходящего. Что он существовал.

Жжение все еще было сильным, пока сопровождающий меня парень снимал повязку, а тот другой - *босс*, исчез. Чувства, которые он оставил после себя, были такими же обжигающими, как пламя, опаляющее воздух вокруг меня.

Дав мне секунду, чтобы я могла успокоиться, сопровождающий вывел меня наружу, не сказав ни слова.

КАПО

Из всех клубов мира она должна была войти именно в мой.

Мой.

Она вторглась в мое пространство, даже не подозревая об этом.

Она выглядела совершенно по-другому, но почему-то я ее запомнил.

Глаза. Нос. Губы. Форма ее лица. Она была моей невинностью, *la mia farfalla*⁴, но она повзрослела. Стала женщиной за те годы, которые показались мне столетиями. Увидев ее, я вспомнил все. Я был мертвецом, проживающим жизнь, которую оставил позади, заново.

Она была катализатором смерти, новой жизни, а теперь и момента, в котором я сейчас оказался.

Она считала, что поступила умно, явившись в клуб с эксклюзивным приглашением, которое, тем не менее, принадлежало мертвой девушке. Ее убил Армино Скарпоне. Яблоко от яблони.

Затем *mia farfalla* упомянула Гвидо, когда швейцар поймал ее, думая, что она может легко проскользнуть мимо моей охраны.

Порывшись в ее сумочке, я, наконец, понял, кем она была.

Заколка с бабочкой. Осколок разбитого керамического цветочного горшка с нарисованной на нем бабочкой. Книга со всеми ее записями. Книжки-раскраски и цветные карандаши.

Взрослая женщина, таскающая с собой цветные карандаши.

Она представляла собой странную смесь женщины и ребенка.

Воспоминания, хранящиеся в моей памяти, обрели форму подобно осколку керамического горшка у меня в руке.

Если кто и заслуживал верности, так это она.

Она просто еще не знала этого.

Она не могла вспомнить. Ей было всего пять.

Но когда я прикоснулся к ней в клубе, она расслабилась, растворилась во мне, и словно не было всех тех лет. Это вернуло меня в то место, в то время. Не важно, как сильно она будет отрицать это, а она будет, но она доверяла мне. У нее были на то причины.

Прежде чем я смог остановить себя, я отпустил образ ребенка и поцеловал женщину, стоящую передо мной. Пересек черту, которую уже не смог бы начертить снова. Она была привлекательна в том смысле, который трудно было объяснить. Но одно слово пришло мне на ум, когда я посмотрел на нее. Царственная. Она была королевой. А эти губы? Это была самая мягкая и нежная вещь на свете, не считая подушки, на которую приземлялась моя голова.

Нахождение рядом с ней в непосредственной близости заставило мой внутренний компьютер перезагрузиться. Весь мой мир потемнел, исчез, а когда я открыл глаза, вкус ее крови заполнил мой рот.

Красный. Напоминание.

Кто-то посмел поднять на нее руку. Запятнал ее своими грязными лапами. На ребенка, ради которого я пожертвовал своей жизнью.

Что бы ни случилось с ней за эти годы, она превратилась в женщину, которая никому не позволяла помогать ей. Доброта означала, что она чем-то обязана своему благодетелю. Было ясно, что она никому не хотела быть должной. Даже если это означало голод. Даже если это будет стоить ей жизни.

Большинство людей называли меня Мак. Другие звали меня своим худшим гребаным кошмаром. Но никто - *никто* и никогда - не называл меня *боссом*. По крайней мере, не так, как она, с нотками язвительного сарказма. Несмотря на то, что она не знала обстоятельств, в которых оказалась, она собиралась поставить свои условия.

⁴ (итал.) «Моя бабочка»

Она хотела коснуться жизни, в которой ей пришлось выживать так долго.

Ее готовность сделать все возможное, чтобы получить эту работу, независимо от того, как изменится ее жизнь, показала мне, насколько отчаянной она была. Она попала в переломный момент, попав в самую суть за пределами голода, и готовая к нечто большему. У нее не было выбора.

Не было дома. Не было работы. Да и денег не было. Она была на нуле, выживала из последних сил. Черствый хлеб в ее сумке выдал ее с головой, не говоря уже о том, что сама она была кожа да кости, причем это не потому, что она пыталась быть худой.

Отчаяние не всегда означает, что человек предан, но после того, как кто-то пробыл в окопах так долго, рука, которая помогает ему подняться, принимает его и кормит, станет рукой, которая внушает доверие. Для кого-то вроде нее, кто остался должен мне, даже если она этого не знает, она станет преданной.

Верность вознаграждалась в мире, в котором я жил.

Я бы сделал для нее все. Она бы сделала то же самое для меня.

У нее было общее представление о вещах, уже укоренившееся в ней, даже при том, что я ненавидел сам факт мысли о том, как же она до такого докатилась.

Я все узнаю об этом. Я всегда так делал.

Голубой был когда-то любимым цветом Мариетты Палермо - той самой маленькой девочки, которая любила бабочек и книжки-раскраски. Я бы хотел знать, был ли голубой любимым цветом Марипосы Флорес к тому времени, когда я закончу.

Бабочки и книжки-раскраски все еще красноречиво говорили за нее. Я все еще делал ставку на голубой.

Я бы знал, если бы ей снились кошмары, и я играл в них главную роль, или если бы она полностью забыла всю ту ситуацию. В ту ночь в клубе ее тело помнило меня, хотя разум отказывался давать волю воспоминаниям.

Я изучу каждый шрам на ее теле и выслежу каждого, кто хотя бы раз пальцем касался этого тела со злым умыслом. Мне пришлось заплатить за множество грехов. Еще несколько не будут иметь значения, когда придет время прощения.

На ее коже не было бы ни одной веснушки, которую я не знал бы в таком интимном ключе.

Мне очень хотелось провести пальцем по ее носу, запомнить, как он ощущается на моей коже. Я уже запомнил изгибы ее тела. То, как она прижималась ко мне. Как она чувствовала себя, будучи прижатой к моей груди. Ее запах все еще, казалось, плыл у меня под носом, когда я меньше всего этого ожидал.

Вернемся к гребаной сути. Она у меня в долгу.

— *Капо*, — сказал Рокко, напомнив мне, что я в его кабинете. Этот остряк называл меня *боссом* по-итальянски. Он был мне самым близким братом, которого я когда-либо знал, но мы не были братьями. По крайней мере, не по крови, но кое-что я усвоил на собственном горьком опыте: семья - это не всегда родная кровь. Семья - это звание, которое нужно заслужить, а не говорить о ней как о данности. Несмотря на то, что мы были близки, между нами все еще была пропасть. Из-за него. Из-за меня. Так было всегда, когда дело касалось мира, в котором мы жили.

Я отвернулся от окна, за которым раскинулся город Нью-Йорк, и сделал еще глоток виски. Я поставил бокал на его роскошный стол из красного дерева и поправил галстук.

— *Да*, — ответил я. — Подготовь документы.

— Ее имя, — в его взгляде, в том, как Рокко изучал меня, не было ни капли осуждения.

Я посмотрел на часы. Мне нужно было быть в другом месте.

— Пусть она сама решает.

— Я пошлю Гвидо.

— *Да*, — усмехнулся я. — Уверен, ей это понравится, ведь она так хорошо знает Гвидо и *клан* Фаусти. Знакомое лицо могло бы облегчить эту задачу.

Он улыбнулся в ответ, кивнул и принялся за бумажную работу.

МАРИПОСА

Прошло уже больше недели с тех пор, как *мы* встретились в клубе, и столько всего произошло за это время.

От *него* не было вестей. После того, как его человек подвел меня к ожидающей машине с тонированными стеклами, создающими ощущение уединения, которая выглядела так, будто стояла как таунхаус в Нью-Йорке, водитель в дорогом костюме отвез меня домой. Я заставила его высадить меня в двух кварталах от дома Кили, хотя у меня было такое чувство, что он проследил за мной.

Итак, этот жизненный опыт пошел коту под хвост. Мое тело даже не стоило того, чтобы им торговать.

Я свалила все на свой нос и попыталась двигаться дальше.

Это было легче сделать, когда вокруг меня происходило так много всего хорошего. Кили могла немного отлынивать на работе, когда Харрисон вызвался оплачивать ее месячную арендную плату. Ситуация со Сьеррой действительно сильно ударила по ней. Кили снились кошмары после того, как она увидела девушку, с которой так долго жила в одной комнате, мертвой. Детективы решили, что Сьерра была убита. Харрисон сказал мне, что ее жестоко зарезали. Армино Скарпоне был подозреваемым номер один, но его еще не нашли.

Было страшно думать, что Армино на свободе, но на улицах города было полно таких, как он, и тот факт, что *он* был там, на самом деле не шокировал нас. Мы подготовились и выживали, как могли.

Через два дня после того, как Харрисон помог Кили с арендой, ей позвонили. Она получила огромную роль в знаменитом бродвейском шоу. Мы все знали, что когда-нибудь она это сделает, но это стало настоящим потрясением, когда все же случилось. Лучше этого поворота никто из нас и не ожидал. Кили заслужила это, как и многое другое.

Кили потребовала, чтобы я осталась с ней. Она не хотела, чтобы я выходила на улицу, так как Армино видел, как мы уходили в тот день. Он знал, что мы с Кили дома, когда стучал в дверь и кричал. Харрисон подумал, что, возможно, он захочет устранить всех свидетелей, но было уже слишком поздно. Мы с Кили уже поговорили с полицией, так как обе были там. Мы были последними тремя людьми (Кили, Армино и я), которые видели Сьерру живой, не считая продавца в магазине. Она выбежала купить чулки и попала в засаду по дороге домой.

Невзирая на то, что я чувствовала себя иждивенкой, принимающей подачки, я решила остаться с Ки. Не потому, что я не могла заставить себя снова оказаться на улице, а потому что беспокоилась за нее. У Кили были действительно тяжелые времена, даже когда она должна была праздновать. Но мое правило не проявлять доброту, пока она не будет оплачена, все еще действовало, поэтому, чтобы загладить свою вину, я помогла ей упаковать вещи. С тех пор как она получила хорошую работу, Кили собирала вещи, чтобы переехать в более приятное место, как только закончится ее аренда в квартире, которую она делила со Сьеррой.

Чайник зазвенел, и она вскочила, чтобы выключить его. Я не была особой любительницей чая, но Ки и Компания (вся ее семья) просто молились на него. Ее мать была женщиной, которую называли «предсказывающей судьбы по чаинкам». У меня не было желания читать что-либо, кроме мельчайших частиц, плавающих в моей чашке кофе.

Какое-то время я наблюдала за Кили, а затем вернулась к упаковке вещей, которые ей не понадобятся на кухне.

— Мари?

— Да? — я снова посмотрела на нее. Она опускала пакетики с чаем в заварочный чайник. Что-то сладкое, и вместе с тем пряное наполнило воздух. Ваниль. Корица. *Корица*. Это заставило меня подумать о вкусе *его* губ — я оборвала эту мысль, прежде чем успела увлечься. Я думала, что запомню только ноты шоколада, но, видимо, это была ложь, которой я кормила себя.

— Я все думаю... все эти хорошие вещи начали происходить после смерти Сьерры. Мне не нужно так много работать, чтобы платить за аренду этой крысиной норы. Мне позвонили насчет шоу. Все это кажется таким неожиданным. Как ты думаешь... как мне пережить это, чтобы не показаться бессердечной стервой? — Кили сунула в чайник еще один пакетик, изучая его содержимое. — У Сьерры были свои способы выживать, но по большей части мне было жаль ее. Она напомнила мне тебя.

Я с трудом сглотнула.

— Правда?

Ки кивнула, наливая горячую жидкость в старую чашку.

— Не характером. Ее историей. Тем, как ей приходилось бороться, чтобы выживать. В ней определенно было что-то подлое, чего в тебе явно нет, но Сьерра тоже была сиротой. А потом она попала в приемную семью. Я думаю, ей приходилось бороться за еду; вот почему я никогда ничего не говорила Сьерре, когда она пересчитывала яйца или сыр.

Кили помешала ложкой в чашке и села, заправив огненно-рыжий локон за ухо.

— Я вот к чему клоню. Интересно, не мешала ли она своему счастью, а значит, и моему? Я ненавижу - *ненавижу* - саму мысль о том, что ее убили, но еще раньше я думала, что нам пришло время расстаться. Теперь, когда она мертва, я чувствую себя... я чувствую облегчение.

Я положила декоративный четырехлистный клевер в коробку, а затем положила ладонь ей на плечо. Оно было напряжено. У Сьерры не было семьи, как у меня, и все, что она оставила, досталось Кили. От нее требовалось немало усилий, чтобы принимать решения за женщину, которую никто по-настоящему не знал. Даже Кили.

— Согласна, — сказала я. — В ней было что-то такое, что заставляло меня чувствовать себя... не в своей тарелке. Это трудно объяснить.

Кили уставилась на свою чашку с чаем с отсутствующим выражением в глазах.

— Может быть, ее новое начало вот-вот должно было произойти. Может быть, ее темнота вот-вот стала бы светлее. Работа, о которой она мне рассказывала. Она так и не пришла на собеседование. Платье все еще лежит на кровати.

— Ты знаешь, что это была за работа?

Я не сказала Кили, что сделала и что произошло. Я все еще не имела ни малейшего понятия, что это за работа и что она за собой повлечет. Вечером, когда я вернулась домой, Кили спала, и я на цыпочках вошла в комнату Сьерры и положила все так, как она оставила. В сумке у меня лежал запасной комплект одежды, поэтому я переделась в машине на случай, если Кили меня ждет. С тех пор я ни разу не заглядывала в комнату Сьерры.

— Нет, — сказала Кили. — Но у меня такое чувство, что она решила, что эта *работа* для нее. Что ей больше не придется бороться. Я понятия не имею, какая работа приносит такую безопасность, но она была в этом уверена.

Определенно. У меня тоже было такое чувство. Что бы ни приготовил *босс* для одной из этих девушек, ей больше никогда не придется работать. Но я все еще не могла понять, в чем дело. Что может стоить так много для него или для кого-то еще?

— Эй, — сказала Кили, сжимая мою руку. — Давай поговорим о чем-нибудь другом. Ты никогда не рассказывала мне, что делала на днях. Тебя не было какое-то время. Ты искала другую работу?

В первый раз я оставила ее одну, чтобы вернуться к «Маккиавелло». Я снова села у стены, краснея, ожидая, не появится ли тот парень в костюме. Это было глупо, так глупо, но что-то в нем внушало доверие. Со всеми проблемами, возникающими вокруг меня, было приятно видеть кого-то, кто действительно, казалось, умел держать себя в руках. Он казался таким всемогущим. Как будто он знает, что делать в любой ситуации. У него были бы ответы на любую проблему.

Мое ожидание не было напрасным. Он появился примерно через час после меня, выглядя таким же спокойным и прекрасным, как всегда. Возможно, это было мое воображение, но как только он вышел из своей дорогой машины, он повернулся прямо ко мне, как будто знал, что я ждала именно его.

Мы смотрели друг на друга, пока я не решила сделать то, ради чего пришла. Я расстегнула сумку, достала пакет со льдом, подняла его вверх и поставила у стены. Потом повернулась и ушла.

Я поклялась себе, что не вернусь. У меня были проблемы, проблемы, которые не решались ожиданием в ресторане, обслуживающем только богатых. Возможность паяться на какого-то недоступного (мне) миллионера в шикарном костюме ничего не решала.

Желание рассказать Кили обо всем, что произошло, поднялось внутри меня. Я чувствовала себя виноватой за то, что использовала платье Сьерры, ее духи, ее туфли, ее приглашение на таинственную вечеринку в клубе и не сказала об этом Кили.

Я хотела рассказать ей о парне в костюме. Мне хотелось сказать ей, что независимо от того, любит меня Харрисон или нет, я никогда не испытывала к нему ничего, кроме братской любви. По сравнению с тем, что я чувствовала за последние пару дней — к парню в костюме и *боссу*, — я понимала, насколько другими были мои чувства к Харрисону. Платоническими. И только.

Кили была всем, что у меня было в этом мире, и я надеялась, что она поймет причины того, что я сделала. Я надеялась, что она сможет услышать правду за всеми моими чувствами.

Пришло время изгнать демонов и очиститься.

Я сжала ее руку и села рядом. Уставившись на ее чашку с чаем, я начала говорить.

Слова, казалось, слетали с моих губ. Я начала с парня в костюме, потом перешла к тому, что произошло в ночь смерти Сьерры. Рассказала ей все подробности о клубе. Затем я дала ей секунду, прежде чем покончить со своими вопросами относительно моих чувств к ее брату.

Я не могла прочесть выражение ее лица, и когда тишина стала невыносимой, я прошептала:

— Скажи мне хоть что-нибудь.

— Ты мне *кое-чего* не сказала, — сказала Кили. — Ты говорила мне только *факты*. Много-много чего.

— Я слишком долго держала все в себе, — сказала я.

— Считаешь? — Кили покачала головой. — Почему ты мне не сказала?

Я пожалала плечами, ковыряя сломанный ноготь.

— Не хотела тебя разочаровывать. По сути, я украла одежду, обувь и духи мертвой девушки и притворилась ею. Если бы я потерпела неудачу, что я и сделала, это было бы похоже на удар ниже пояса. Последний удар. Ты бы сказала мне не ехать. Что бы ни собиралась сделать Сьерра, оно того не стоит. Но так оно и было. Так и *было*. Для меня. А теперь... я... я все еще не знаю, что мне делать, Ки.

— Она работала официанткой в клубе, — сказала Кили. — Сьерра. Там она и работала. И парень, который владеет им, не обычный гражданин, Мари. Он богат, как мультимиллионер или даже больше. Он затворник. Но то дерьмо, о котором она иногда говорила, о людях, которые часто посещали это место, такие как Фаусти, заставили меня понять, что это был больше, чем просто клуб. Значит, ты чертовски права. Я бы сказала тебе не ехать. О чем ты только думала? Что, если бы он продал тебя тому, кто больше заплатит? Или... использовал тебя для какой-то странной сексуальной фантазии? Тебе там не место, Мари! Я не хочу, чтобы ты там была. Ты заслуживаешь от жизни большего, чем быть проданной. Ты заслуживаешь человека, который никогда не поставил бы на тебя ни доллара, потому что никаких денег в мире не хватит! Ты заслуживаешь человека, который думает, что не заслуживает тебя!

— Я не получила эту работу, Ки! — Я стояла, не в силах сесть. — В этом я тоже потерпела неудачу! Я даже не смогла продать свое тело. Я ничего не стою! Я не могу сохранить работу. Я даже не могу остаться в колледже! Поэтому я рискнула. Это был мой *последний* шанс. И в этом я тоже потерпела неудачу! Из-за моего носа или моего гребаного рта! В конце концов, я разобралась во всей этой ситуации с ним.

— Хорошо! — крикнула она. — Этого ублюдка надо отчитать! Вероятно, он явился туда, чтобы снять женщину на ночь!

— Нет, — я отрицательно покачала головой. — У меня такое чувство, что все по-другому. Это было на долгий срок. *Раз и навсегда*.

— Что это вообще значит?

Я пожалала плечами, не зная, как это объяснить. *Жить всю оставшуюся жизнь, а не просто выживать, ради еды.*

Раздался стук в дверь, и мы обе подскочили. Кили посмотрела на меня, а я на нее, и обе наши брови поднялись в подозрительном удивлении.

— *Возьми чугунную сковородку, которую дала мне мама,* — одними губами сказала она.

— *Я буду стоять позади тебя,* — одними губами ответила я.

Кили приоткрыла дверь, а я встала позади, пряча сковородку за спиной. Если это был Армино, он бы не увидел ее, пока бы я не стукнула его по голове.

Это был не Армино Скарпоне. Это снова были детектив Стоун и детектив Маринетти. Казалось, что они живут где-то поблизости.

Мы отступили назад и пропустили их. Детектив Стоун удивленно приподнял брови, заметив сковородку в моей руке, но ничего не сказал. Решив, что они пришли обсудить что-то с Кили, я повернулась, чтобы вернуться на кухню.

— На этот раз нам нужно поговорить с вами, Мисс Флорес, — сказал детектив Маринетти, указывая на диван.

Я прихватила сковородку с собой и села. Кили села рядом со мной. Перед нами стояли два детектива.

— Вы знакомы с человеком по имени Мерв Джонсон? — спросил детектив Стоун.

— Мерв-извращенец? — Кили сморщила нос.

Стоун улыбнулся ей, и его взгляд смягчился.

— Я знаю его, — сказала я, глядя на него, пока он не посмотрел на меня. — Но не очень хорошо. Он был управляющим в моей последней квартире, если это место вообще можно так назвать. Место для сна, которое не снаружи, больше похоже на него.

— Да, — сказал детектив Маринетти. Он казался таким усталым. *Измученным.* Он вздохнул. — Мы это уже поняли.

— Что насчет Мерва? — Кили села чуть выше. — Если вы пришли сообщить нам, что он мертв, скатертью дорога. — Она притворно плюнула на край дивана. Я видела, как ее мама делала это все время, когда что-то вызывало у нее отвращение.

— Мерв Джонсон *мертв*, — прямо сказал детектив Маринетти.

Я толкнула Кили локтем, и она закашлялась. Казалось, она была шокирована тем, что он на самом деле был мертв. Кили, вероятно, думала, что они пришли расспросить меня о его характере после того, как одна из девушек в здании пропала.

— Что с ним случилось? — спросила Кили, вырывая слова из моего потока сознания.

Во рту у меня пересохло, тело покрылось потом, а сердце бешено колотилось. Все, о чем я могла думать, было его ошеломленное лицо после того, как я ударила Мерва в висок Верой. Неужели я убила этого ублюдка? Я не стала задерживаться, чтобы узнать. И неизвестно, как долго он пробыл в этой квартире.

Личный рекорд того крысиного места - два месяца. Мерв не проверял квартиры до тех пор, пока не наступал второй месяц оплаты. Некоторые женщины в здании расплачивались с ним за аренду сексом, поэтому он ходил за деньгами, когда ему нужен был секс. Я была уверена, что никто, *никто* не станет искать его, пока запах не станет слишком сильным. Они, наверное, подумали, что это я, если он все еще был в моей старой квартире.

— Убит, — сказал детектив Стоун. — Мы здесь потому, что хотим узнать, не знаете ли вы кого-нибудь, кто мог желать его смерти, Мисс Флорес. После инцидента с Мисс Андруцци мы с детективом Маринетти посчитали, что это убийство имеет какое-то отношение к вам. Никто в здании не заговорит. Похоже, у мистера Джонсона не так уж много друзей.

Кили открыла было рот, чтобы заговорить, но детектив Маринетти вздохнул. Он взял из кухни стул, поставил его перед диваном и сел. Он выглядел смертельно скучающим, как будто знал, к чему ведет этот разговор. У Мерва здесь тоже не было друзей.

— Когда был убит этот извращенец? — выпалила Кили. Как только вы задевали ее, пути назад уже не было. Кили ожесточалась по отношению ко всем, кто, как она чувствовала, причинял ей или ее семье зло. Она простит, но никогда не забудет.

— Вчера.

Это исключало Веру и меня.

— Мисс Флорес, не могли бы вы рассказать нам что-нибудь, что помогло бы привлечь к ответственности человека, ответственного за это преступление?

Я открыла было рот, но тут заговорила Кили. Ее шея покраснела, и по щекам поползли мурашки. Она посмотрела детективу Стоуну прямо в глаза.

— Я могу вам кое-что сказать. Мерв Джонсон напал на мою сестру. — Она схватила меня за руку. — Вы заметили ее лицо на днях, детектив? Он сделал это с ней. Он пытался надругаться над ней в том кишасщем крысами месте, которое называл квартирой. Он выменивал секс на уплату аренды. Если вы говорили ему «нет», он отыгрался бы за это на вашем лице. Так что нет, никто из нас не знает, кто мог желать его смерти, потому что список таких лиц слишком длинный. Но я скажу вот что. Я никому не желаю смерти, но я рада, что он мертв. Справедливость? Тот, кто сделал это, сослужил на благо всего человечества. А теперь, если у вас больше нет вопросов, то это была долгая неделя для нас. И после того, как вы уйдете, мы хотели бы быть благодарны за смерть еще одного хищника в мире.

Четыре часа спустя в дверь снова постучали.

Я подняла глаза от коробки, которую упаковывала, и сдула с лица выбившуюся прядь волос. Она выскользнула из моего самодельного пучка. Я услышала, как Кили направилась к двери, и, схватив сковородку с дивана, встретила ее там.

— На этот раз открою я, — сказала я.

Она взяла у меня сковородку и спрятала ее за спину.

— У меня много сдерживаемой агрессии, поэтому я вымещу ее обязательно. — Кили кивнула в сторону двери. — Сезам, откройся.

Я сделала шаг назад, столкнувшись с Кили после того, как открыла дверь.

— Гвидо, — его имя вырвалось прежде, чем я успела остановиться. В руках он держал коробку, завернутую в золотую бумагу.

— А мне обязательно его бить? — прошептала Кили.

Я отрицательно покачала головой.

— Я так не думаю.

— Хорошо, — сказала она. — У него слишком красивое лицо, чтобы его портить. Если бы та певица, которая пишет обо всех своих старых увлечениях, когда-либо видела этого чувака, она бы писала песни о парне по имени Гвидо.

Гвидо посмотрел на нас обеих так, как смотрят мужчины, когда думают, что женщины в их присутствии неуравновешенны. Затем он усмехнулся и сказал:

— Необходимости в насилии нет. Я пришел с миром.

Мы обе слегка охнули. Его лицо преобразилось.

— Я использовала твое имя, — выпалила я, не подумав. — Той ночью в Клубе. Это было неправильно, но я думала, что они собираются арестовать меня. Я вспомнила вас по «Хоумрану», когда Скарлетт приехала за майкой в рамке для мужа.

— Будь осторожна, — сказал он серьезным тоном, но в его темных глазах светились озорные огоньки. Из-за этого его было трудно понять. — Мое имя хорошо известно, но не все знают тебя так, как я. Они могли бы выгнать тебя из-за одного моего имени или посадить за решетку, чтобы мой враг разобрал тебя на части. Имя Фаусти не всегда гарантирует безопасность. Иногда оно притягивает одни лишь неприятности.

— Черт, Мари! — Кили хлопнула меня по руке. — Фаусти!

Я слегка обернулась и бросила на нее неприязненный взгляд.

Гвидо, казалось, ничуть не смутила ее вспышка. Он протянул мне сверток.

— *Il capo*⁵. — Он помолчал, борясь с усмешкой. — Он послал меня передать сообщение. Все, что вам нужно для начала, находится в коробке.

— Ее будут забирать на работу из дома? — Кили подзадоривала Гвидо, принимая эту ситуацию более серьезно, так как она знала, что я получила эту работу, какой бы она не была.

— Инструкции в пакете, — только и сказал он, поворачиваясь, чтобы уйти.

— Гвидо, — позвала я, но мой голос едва был громче шепота.

Он остановился и повернулся ко мне. Солнце ударило в его темно-шоколадные глаза, и они заблестели. *Да чтоб меня.* Что эти люди едят такого в своей Италии? Они были слишком хороши, чтобы существовать в реальности.

— Что значит *il capo*? — поинтересовалась я.

— Это означает *босс* по-итальянски, — рассмеялся он. Гвидо смеялся всю дорогу до своей шикарной машины.

Гангстеры с чувством юмора. Кто бы мог подумать?

Закрыв дверь, я прислонилась к ней спиной, потому что мои колени словно превратились в желе. Коробка в моих руках могла быть подарком или же бомбой.

— Мари, — сказала Кили, заставляя меня посмотреть на нее. — Все стало очень серьезно. Фаусти! — Она продолжала повторять эту фамилию, как будто это заставило бы их исчезнуть, если бы она произносила ее достаточно долго.

Я подняла указательный палец:

— Ш-ш-ш. Мне нужна минутка.

— Мне нужно выпить! — сказала Кили, и я поняла, что она хочет ирландского виски.

Я же сползла на пол под тяжестью собственного веса, а дверь стала моей опорой. Через пять минут, десять часов - кто знает? - дрожащими пальцами я открыла коробку.

Пара действительно хороших теннисок была спрятана под тонкой бумажной паутинкой. *Моего размера.* На девственно-белых теннисках лежала записка:

«Мисс Флорес,

Вы всегда должны идти на важную встречу в обуви, подходящей под ваш наряд. Первое впечатление может стать последним.

Это первая пара из многих. Стоимость уже вычтена из вашей зарплаты. Носите их с удовольствием. Оправдания не принимаются.

Я оказываю тебе услугу. В следующий раз ты оказываешь услугу мне. Ничего личного. Просто бизнес».

Он подписался *«Капо»*.

— Умник, — пробормотала я.

Под той, что была написана от руки, лежала карточка поменьше с указанием времени и даты встречи. Два дня. *Понедельник, 11:11, а утра* адрес был указан где-то на Манхэттене, какое-то шикарное здание, без сомнения. Водителя отправили бы заехать за мной.

Да чтоб меня.

Неужели я действительно собираюсь это сделать?

Мой взгляд уловил водоворот янтарной жидкости, внезапно появившийся в поле моего зрения.

Кили помахала передо мной рюмкой, наполненной виски.

— Я бы посоветовала тебе не делать этого, но что толку? — Она села рядом со мной на пол, стараясь не пролить содержимое своего стакана. Кили вздохнула, прислонившись ко мне головой. — Обещай мне, что будешь в безопасности?

Я подняла свой бокал, и она подняла свой. Я не могла обещать ей то, что не контролировала. Мы чокнулись и выпили, даже не потрудившись произнести тост.

⁵ (итал.) Босс

МАРИПОСА

В понедельник, ровно в 11:00, я сидела в высотном здании, в каком-то шикарном офисе, в своих пластиковых шлепанцах, ожидая, когда мистер Рокко Фаусти пригласит меня в свой кабинет. Его секретарша как-то странно посмотрела, когда я поинтересовалась, чем занимается мистер Рокко Фаусти. На двери не было никаких надписей.

— Он адвокат, — сообщила она, и, судя по окружающему меня богатому убранству, он был довольно успешным адвокатом.

Ровно в 11:07 Рокко Фаусти вышел из своего кабинета и поприветствовал меня. У него был сильный итальянский акцент, но понять его было нетрудно. Он протянул мне руку, и я почти взяла ее, но вовремя остановилась, потому что не хотела пачкать его красивую кожу. Я чувствовала себя ребенком, который вот-вот замазает отпечатками ладоней какую-нибудь важную мраморную статую.

Рокко был высокого роста, намного выше меня. У него были черные волосы, золотистая кожа и глаза... цвета морской волны. Ресницы у него густые и черные. У Рокко были полные губы. И он источал запах... чего угодно, только не добра. А его тело. Под сшитым на заказ костюмом невозможно было скрыть его мускулистое тело. Кем бы ни был этот *Kapo*, он окружал себя красивыми людьми. Компетентными во всех отношениях.

Людьми, непохожими на меня.

Если бы я уже не осознавала, насколько простоватой была в плане внешности, и не приняла бы это как данность, возможно, у меня бы развился комплекс неполноценности.

Мы прошли мимо помещения, похожего на кабинет Рокко - оно было пропитано его запахом, - и остановились в комнате с длинным столом в центре. Вокруг стола располагалось двенадцать стульев, по шесть с каждой стороны, а посередине - круглый поднос со стаканами и кувшином с водой. Он жестом пригласил меня сесть поближе к стеклянной стене, которая тянулась вдоль задней стены.

Как только я это сделала, Рокко сел во главе стола, прямо рядом со мной. Через минуту или две вошла секретарша и принесла папку с бумагами. Прежде чем уйти, она налила три стакана воды, поставив один перед своим боссом, один передо мной и один справа от него. Позже к нам присоединится кто-то третий.

— Мистер Фаусти?

Он оторвал взгляд от бумаг, и в его зеленых глазах вспыхнули искорки от солнечного света, льющегося через окна.

— Зовите меня Рокко.

Я кивнула.

— Рокко. Почему я здесь?

Пока он смотрел на меня, я взяла стакан воды и отпила немного.

Ровно в 11:11 я поперхнулась водой так, что стала задыхаться. Я вскочила со стула, размахивая руками перед лицом, пытаюсь побороть приступ удушья. Третий человек вошел в комнату как раз в тот момент, когда вода почти начала вытекать у меня из носа.

Я подняла глаза к потолку, все еще пытаюсь дышать, думая: «*Это сарказм или просто жестокая шутка?*»

Чертова вода обожгла мне горло, и я не могла перестать кашлять. Вода в буквальном смысле убивала меня. *Его* присутствие убивало меня. Что он здесь делает?

Он не мог быть...

Мужчина протянул мне руку:

— Можешь звать меня Капо, — сказал он, — если хочешь.

Это был тот тип в костюме. Мистер Мак. Босс. Капо. Четыре чертовы буквы означали именно это.

Голубой. Я могла думать только о синеве... его глаз. Они были голубыми. В их синеве можно потеряться, плыть, не желая возвращаться на бrenную землю. Они успокаивали, но что-то в них было настороженное. Как если бы тебе пришлось пережить ад, чтобы заслужить право оказаться в его раю.

— Марипоса...

Его голос. И тут меня захлестнуло, как в ту ночь в клубе. Он был низким, хриплым и самым сексуальным голосом, который мне когда-либо доводилось слышать.

Хотя мои глаза наполнились слезами, его рука все еще была протянута, и я не могла не смотреть на нее. Я продолжала думать о том, как он прикасался ко мне. Держал меня. О нашем моменте в освещенной свечами комнате.

Рука, которую он протянул мне, обрела более твердую форму, жила в *этом* моменте, и я заметила татуировку, которая покрывала всю его левую руку. Она начиналась у запястья и заканчивалась в начале длинных пальцев. Рисунок складывалась в морду рычащего черного волка. Глаза животного были ярко-голубыми, как и у него.

Если этот мужчина хочет, чтобы женщина занималась с ним всеми видами секса, зачем ему вообще кому-то платить? Я готова была поспорить на свою черствую буханку хлеба, что почти любая женщина захочет, чтобы он к ней прикасался. Капо был потрясающе привлекательным, и в нем было что-то такое, что уравнивало его красоту. Это было что-то дикое и грубое одновременно. В нем было нечто, что существовало глубоко внутри него, глубже физического уровня, то, что невозможно было объяснить.

Нет. Это можно было бы сделать простыми словами. Он был грубой силой. Я чувствовала, как он давит на меня, даже не прикасаясь.

Капо откашлялся, и мои глаза автоматически устремились туда. Это был первый раз, когда я видела его так близко. Точно так же, как я не заметила татуировку, я не заметила шрам, который шел у него через все горло. То был старый шрам, незаметный, но почти в тон коже.

— Мисс Флорес, — сказал Рокко, вырывая меня из транса. — Ну что, начнем?

Это заняло у меня мгновение, но после того, как Капо убрал свою протянутую руку, я прочистила горло и прохрипела:

— Да, но зовите меня Мари.

Рокко кивнул.

— Мари, — он жестом указал на место.

Я заняла его, не сводя глаз с Капо. А он не сводил глаз с меня. Между нами нарастало напряжение, но почему-то мне было все равно. Мне захотелось посмотреть на него. Я не была уверена, что когда-нибудь устану смотреть на него.

Смотреть на него издалека вдруг показалось мне грехом. Все его черты были лучше видны вблизи.

Капо занял место напротив меня, запах его одеколona заполнил мне нос, а от его движений костюм натянулся до предела. Рокко дал нам минуту, пока листал бумаги, лежавшие перед ним.

Капо снова взял меня за руку.

— Марипоса, — сказал он. — Можешь звать меня Капо или Мак.

Я прочистила горло, зная, что это прозвучит не так, как мне хотелось бы, когда я заговорю. Я все еще не брала его за руку. Я знала, каково это - ощущать его прикосновение, и почти боялась, что искра погаснет, когда наши руки соприкоснутся. Интересно, не погасла ли искра, когда он дотронулся до меня в темноте в клубе? Я ее почувствовала.

— Я бы предпочла называть тебя Капо, — сказала я тихим, скрипучим, словно мне в рот насыпали песка, голосом. — А ты можешь звать меня Мари.

Я протянула руку, чтобы установить связь, не желая показаться трусихой, но когда я приблизила руку, касание превратилось в подобие жеста «дай пять» только немного вбок. *Слишком рано*. Было слишком рано снова прикасаться к нему. Быть пойманной им. Я не хотела, чтобы мои глаза выдали то, чего он, возможно, не увидел в темноте. Как сильно он на меня подействовал.

Капо ухмыльнулся, но улыбка не коснулась его глаз.

— Марипоса, — произнес он испанское имя с итальянским акцентом. — Я буду звать тебя Марипоса. Бабочка.

Бабочка. Я склонила голову набок, почему-то думая, что так смогу лучше его разглядеть. Это не проясняло ситуацию, но с любого ракурса его внешность ошеломляла. Самая красивая вещь, которую я когда-либо видела, не считая моей любимой. Бабочек. Вот почему я ненавидела, когда люди, которые ничего для меня не значили, называли меня моим полным именем. Это было единственное, что было особенным во мне, и когда они сухо произносили мое имя, как будто оно ничего не значило, это усиливало все, что я чувствовала — быть невидимкой. Гусеница все еще застряла в уродливой фазе своей жизни.

Ничего не имела против того, как он произносил мое имя своими полными губами. Мне понравилось, как Капо с акцентом произнес мое имя. *Марипоса*. В его устах оно звучало... по-особенному. Даже красиво.

— Мари, ты спрашивала меня, почему ты здесь, — сказал Рокко, пробиваясь сквозь окружающий меня туман.

Я кивнула и сделала еще глоток воды.

— Осторожнее, — ухмыльнулся Капо. — Похоже, вода здесь гуще, чем обычно.

Я прищурилась. *Умник*. Затем я отвернулась от него, решив, что больше не буду смотреть на Капо, пока Рокко не прольет свет на лежащие перед ним бумаги.

— Ты знакома с понятием брака по договоренности, Мари?

— Брак по договоренности? — повторила я, и это прозвучало так же безумно, как и глупое выражение на моем лице, которое у меня образовалось. Конечно, я знала, что это такое, но почему, черт возьми, он заговорил об этом во время сегодняшней встречи? Я ожидала услышать такие слова, как «секс по договоренности» или рассуждения о цене плоти и о том, что я сделаю и чего не сделаю за деньги. Но брак?

— Брак по договоренности - это когда... — начал было Рокко.

Я подняла руку, прерывая его объяснения.

— Я знаю, что это такое, но какое это имеет отношение к тому, почему я здесь?

— Если бы вы знали заранее, во что ввязываетесь, — сказал Рокко, многозначительно глядя на меня, — я бы не стал об этом говорить. Однако, поскольку вы были выбраны Капо для этого соглашения, и вы не были заранее осведомлены о тонкостях сложившейся ситуации, я здесь, чтобы прояснить ситуацию. Браки по договоренности не редкость в нашей культуре, хотя обычно в них участвуют обе заинтересованные стороны семьи. Кроме того, Капо хочет выбрать невесту. Проведя с тобой некоторое время, он выбрал тебя. Вот почему мы здесь, Мари. Капо хочет жениться на тебе.

— Жениться на мне? — как попугай повторила я, переводя взгляд с одного мужчины на другого и снова глядя на Капо, поскольку Рокко объяснил, зачем я здесь. Ни один из них не смеялся и даже отдаленно не выглядел так, как будто они играли со мной. *Тем не менее*, я не удержалась от смеха. Кудахтала, как ведьма.

Потом я успокоилась, поняв, насколько они были серьезно настроены.

— Да чтоб меня, — произнесла я, вытирая глаза от выступивших слез. Потом я перевела взгляд на Капо. — Ты действительно хочешь на мне жениться?

Он кивнул один раз, очень медленно, очень резко.

— Договоренность.

— Эту часть я поняла. — Посидела так с минуты две, впитывая все услышанное. Все стало проясняться.

Он проверял всех тех женщин. Может быть, играл на поле, чтобы узнать, с кем из них он связан. Он завязывал им глаза, чтобы они не увидели его, а потом не смогли узнать на улице.

Затворник - вот слово, которым Сьерра описала его Кили.

Женщин, флиртовавших с другими мужчинами, он выпроводил с вечеринки.

Сьерра была одним из его вариантов.

Брак. Он хотел, чтобы я вышла за него замуж. Он выбрал меня для этой *договоренности*.

Я встала со стула, отказываясь смотреть на него. Хотела, один лишь раз, но заставить себя не могла. Это и без того оказалось труднее некуда.

— Я зря потратила твоё время. Ты выбрал не ту девушку для этой *работы*. Замужество не для меня, и дело не в договоренности. — Я повернулась, чтобы уйти, но остановилась, когда голос Капо молнией ударил меня в спину.

— Это ты пришла *ко мне* в поисках работы, и теперь, когда я предлагаю тебе работу, которая не включает в себя твоё моральное падение ради денег, ты собираешься взять и уйти. По крайней мере, скажи мне, что тебя пугает в этом соглашении — соглашении с особыми условиями, с которыми ты ещё даже не удосужилась ознакомиться. Если ты уйдешь, не выслушав подробностей, это ещё не значит, что ты победила, Марипоса. Все это делает тебя похожей на пугливое дитя. А теперь сядь и докажи, что я ошибаюсь.

— Ладно, — сказала я, оборачиваясь. Я снова повесила сумку на стул и села. Несмотря на то, что мы обсуждали брак, не было никаких сомнений, что это была деловая встреча. Слияние двух жизней, сведенных вместе на бумаге с заранее продуманными подробностями. Если я собиралась пойти на это, то мне предстояло выработать максимально деловой подход. Эмоции должны были быть сметены со стола, но мне нужно было кое-что выяснить по поводу наших чувств. — Прежде чем эта встреча официально начнется, и все стороны будут рассмотрены, вы должны ответить мне на один вопрос.

Капо с минуту смотрел на меня, а потом кивнул. Он взял стакан с водой и сделал глоток, не сводя с меня глаз.

— Почему именно я, Капо?

Его имя странно ощущалось у меня на языке. Я произнесла его не так, как Рокко, с итальянским акцентом, но сделала все возможное, чтобы сделать это уважительно. Он сделал то же самое для меня, поэтому я хотела оказать ему такое же уважение. Лицо Капо изменилось, когда я произнесла его имя, и почему-то это вернуло меня в клуб, в освещенную свечами комнату. К напряжению. Интимности момента.

— Не возражаешь, если я отвечу вопросом на вопрос?

Протянула руку, как бы говоря: *Валяй*.

— А почему не ты, Марипоса?

Я снова взяла свой бокал и осторожно сделала глоток. Поставив его на стол, я честно ответила. Ни у кого в этой комнате не было времени на ложь.

— Я видела других женщин в клубе. И тех, кого бы ты выбрал. Сьерра была соседкой моей сестры. Я видела, как она выглядела по утрам. Видела ее, когда она была утомленной и не выспавшейся. И я никогда не видела ее непривлекательной. — Я указала на свое лицо, а затем провела пальцем по носу от переносицы и вниз.

За несколько секунд взгляд Капо из расслабленного стал жестким. Я задавалась вопросом, видел ли эти изменения внешний мир, потому что это слишком быстро исчезло, но я успела уловить. *И я теперь понимала многое*.

— Ты согласишься мне, если я поставлю под сомнение твои слова?

— Да, — ответила я. — Ты не похож на человека, у которого есть время для игр.

— Ты не такая как остальные. Ты выделяешься. Ты могла бы стать королевой на троне. Той, которую я считал бы за честь назвать своей женой. У тебя самое красивое лицо, какое я когда-либо видел. — Капо сцепил пальцы, наблюдая за мной еще более... напряженно, почти изучая меня так, как я не привыкла: с благоговением. — «И сказал человек: вот, это кость от костей моих и плоть от плоти моей; она будет называться *женою*, ибо взята от мужа [своего]». Для меня будет честью называть тебя костью от костей моих, плотью от моей плоти. Своей женой.

Мне потребовалось мгновение, чтобы собраться с мыслями. Его слова были слишком резкими, но в них было столько правды, что я чуть не упала в обморок.

Наконец я поняла, что должна что-то сказать, иначе он поймет, что несколькими словами сделал меня слабой.

— Никто и никогда... — Что я вообще несла? Он сделал меня слишком честной, признав, что некоторые вещи лучше оставить недосказанными. *Он и так слишком хорошо меня знает.* В этих глазах было слишком много света. Я знала, что они тоже скрывают темноту, но контраст между темными кольцами вокруг его радужек и голубизной только делал их еще ярче для меня.

— К черту их, — Капо пренебрежительно махнул рукой. — Они не имеют значения.

— Правда?

— Единственное, что имеет значение, — сказал он, — *Il capo*⁶.

— Я приму твои мотивы — ответила я, желая сменить направление разговора. — Но есть кое-что, что выбивается из твоего объяснения. Назови мне другие причины.

Рокко и Капо обменялись взглядами, прежде чем Капо заговорил снова.

— А если других причин нет? Что, если единственная причина, по которой ты сидишь здесь со мной, это то, что я хочу услышать, как ты произносишь своими мягкими губками мое имя, и хочу слышать его из твоих уст всю оставшуюся жизнь, и я отказываюсь позволить другому мужчине оказывать ему подобную честь?

Я сделала еще глоток воды, снова чуть не задохнувшись.

— Это благородно, — сказала я, радуясь, что мой голос не дрогнул. — Но это не вся правда.

— Верно, — сказал он. — Не делай никаких предположений в отношении меня, Марипоса. Это было бы ошибкой. Я честен, но только до определенной степени. — Его взгляд, казалось, горел от того, что он думал. Цвет каким-то образом стал темнее, а внизу моего живота разыгралась дикая буря.

Капо использовал всего несколько слов, чтобы намекнуть на нечто гораздо более сложное. *В какой-то степени нечто значимое.* Притяжение между нами ощущалось как живое существо, существование которого невозможно было отрицать. Мне хотелось прикоснуться к нему. Я хотела, чтобы он снова прикоснулся ко мне. Я стала онемевшим небом для его раската молнии.

— Мари, — сказал Рокко, и я повернулась к нему. — Да или нет. Согласны ли вы продолжить эту встречу? Если вы это сделаете, мы проработаем условия, но при этом договоренность будет существовать.

По иронии судьбы он использовал слово «существовать».

Выдержав взгляд Капо, я облизнула губы и спросила:

— Жить?

— Ты станешь моей женой, — сказал Капо, понизив голос.

— Да, — ответила я без колебаний. — Мой ответ «да». Я согласна. Давайте перейдем непосредственно к нашему соглашению.

Прежде чем мы смогли по-настоящему перейти к делу, Рокко рассказал о самой важной причине, по которой Капо хотел «выбрать невесту».

— Его дед болен, — повторила я. С таким же успехом они могли бы называть меня попугаем, а не по имени. Чем дальше, тем шок становился сильнее.

Рокко кивнул и стал рассказывать подробнее.

— После смерти бабушки Капо все, что у него осталось, - это дедушка, который исполнял роль родителя для него.

Его дед умирал, и одним из его последних желаний было увидеть внука женатым. Прежде чем я успела задать следующий вопрос, Рокко ответил на него.

— Капо никогда не привел бы женщину домой, чтобы познакомить со своим дедом и солгав о женитьбе на ней. Об этом не могло быть и речи.

Я кивнула, встретившись взглядом с Капо. Он почти не сводил с меня свой взор. Даже когда я переводила взгляд на Рокко, я все еще чувствовала на себе его пристальный взгляд.

⁶ (итал.) Босс

— Я могу это понять, — сказала я. — Моя приемная мать умерла от рака, когда мне было десять.

— Мне очень жаль это слышать, — сказал Капо.

— У тебя нет семьи, Мари, но тебе придется поехать в Италию, чтобы встретиться с семьей Капо.

— Верно, — мой голос прозвучал твердо. — Но у меня есть семья.

Оба мужчины прищурились.

— Моя лучшая подруга, Кили. Она - моя семья. Как и ее братья.

Рокко посмотрел на Капо, ожидая ответа.

— Я встречу с ними официально, — сказал он, — на вечеринке, которую устраивает ее семья. У них вечеринка по случаю ее новой работы. Примерно через две недели. В воскресенье.

— Откуда ты это знаешь?

— Я все знаю, Марипоса. Я знаю еще больше, когда дело касается тебя.

Капо загибал пальцы, называя имена ее родителей, а затем назвал каждого из ее братьев и их возраст. Он дал мне секунду, прежде чем продолжил:

— Мы знаем, что это соглашение, Марипоса, но люди, которые тебя окружают, знать этого не должны. Я не стану требовать, чтобы ты лгала своей подруге, но это будет не совсем правда. Мы встретились сегодня для собеседования по поводу возможного назначения на должность в моем клубе. Как только ты поняла, что я - тот парень из «Маккиавелло», между нами пробежала искра, и все изменилось. Я посчитал, что идея о том, чтобы нанять тебя, сопряжена с конфликтом интересов. Мы пообедали, обсудили то, что делают люди, когда их захватывает удовольствие, и ты захотела пригласить меня на их семейное мероприятие, — он махнул рукой. — Мы проведем вместе две недели. Я буду забирать тебя из дома. Будем ходить на свидания. — Казалось, он ненавидел это слово, потому что почти выплюнул его. — Потом, во время их семейного торжества, ты объявишь, что мы помолвлены. Мы поженимся в мэрии Нью-Йорка в следующие выходные. И мы поженимся в конце июня в Италии. Это будет настоящая свадьба. Твои друзья также приглашены.

После всего, что он сказал, я могла сосредоточиться только на одном.

— Ты знаешь обо мне все, но что я на самом деле знаю о тебе?

Капо наклонился вперед, положив руки на стол, взгляд его глаз больше не поглощал меня.

— Ты упомянула и другие причины, по которым я это делаю. Ты получила второе, главное, желание моего деда. Мое сердце наполнено только двумя основными мотивами. Но здесь играют роль и другие факторы, Марипоса. Мне нужно, чтобы ты дала мне время, чтобы я смог все тебе рассказать.

— Сколько их? — поинтересовалась я.

— *Scusami*⁷?

Я усмехнулась. Хотя я и не знала итальянского, почувствовала, что он сказал что-то похожее на «Извини?»

— Сколько мотивов мне стоит ожидать от тебя? Те, что наполняют твоё сердце?

— Тебе нужно точное число? — Он откинулся на спинку стула, изучая мое лицо. — Два.

— Нет, — сказала я. — Выбери другое число.

— Ты хочешь, чтобы я его придумал.

— Нет, — повторила я. — Но все плохое происходит трижды. Я не хочу, чтобы ты что-то придумывал, но я призываю тебя найти что-то хорошее в этой ситуации после того, как ты откроешь для меня оба своих мотива. Дашь мне три, чтобы мы, в конечном счете, вышли на четыре, ведущие к самому главному.

Капо пристально смотрел на меня, по крайней мере, минут пять. Затем он кивнул.

— Согласен.

Рокко что-то записал.

Мне это понравилось. Мне это очень, очень понравилось. Заранее выкладывать все карты на стол. Мы торопили события, прежде чем оказались тверды в своем решении. Брак не должен был

⁷ (итал.) Извини

быть деловой сделкой, но, как ни странно, я подумала, что, возможно, иногда так и должно быть. *Я жду этого от тебя. Ты ждешь этого от меня. Ты оказываешь услугу мне. Я оказываю тебе услугу.* И ни один из нас не пересечет определенные границы. Это сняло большую часть груза ответственности, который, казалось, обрушился на меня, когда Капо впервые сделал свое предложение.

Я села немного выше и действительно начала обращать внимание, когда речь зашла о полиции, что я должна все время молчать, если Рокко не скажет мне иначе.

— Ты... вовлечен в не совсем законные дела?

Я не ожидала, что Капо будет так откровенен, но он был. Он без колебаний кивнул.

— Мои руки не всегда чисты в конце дня, Марипоса.

— Насколько сильно?

— Тяжесть греха имеет для тебя значение?

— Я не уверена.

— Облегчит ли твою совесть то, что я действую только из мести, а не ради выгоды?

— Мне нужна честность, — сказала я. — Любой ценой. Если... если я спрошу. Мне нужно, чтобы ты был честен со мной. — В этот момент сама близость к его честности просто ошеломила меня. Если бы у меня было больше времени на раздумья, я бы хотела, чтобы он сейчас был максимально прямым, и это могло бы убрать все возможные недопонимания. Я не была уверена, что это делает меня человеком, который не хочет понимать, что он может делать ужасные вещи из мести, и в итоге я бы закрыла на это глаза, чтобы получить всё.

Чтобы получить его.

Я открестилась от этой мысли, как только она посетила меня. За этим столом не было места эмоциям. По крайней мере, я не чувствовала их от него. Он не почувствует их и от меня.

Капо кивнул.

— Согласен.

Рокко записал еще что-то.

Так продолжался разговор. Рокко или Капо предлагали какое-нибудь условие, мы обсуждали его, а потом либо соглашались, либо нет. Если не соглашались, то дискутировали до тех пор, пока не будут удовлетворены обе стороны.

Деньги. Я получу доступ ко всем его средствам после того, как мы с ним поженимся. Миллионы и миллионы, которые у него были. Он не установил никаких ограничений. Однако если я уйду от него, или захочу развестись с ним, или нарушу “основные” правила нашего соглашения, я ничего не получу. Ни гроша.

— Последнее, — сказал Капо, и его взгляд никогда не был более серьезным. — Я не верю в развод. Ты моя, до моего последнего вдоха.

— Но что... что, если один из нас будет несчастен?

— Это соглашение не имеет ничего общего с любовью, Марипоса. Ты ведь понимаешь это, не так ли?

— Да, — сказала я, слишком защищаясь. — Верно. Ты сам это сказал. Я, конечно же, это понимаю.

В его глазах читался вызов, но Капо не стал настаивать.

— Любовь не является основанием всего этого, — Капо сделал характерный жест между нами. — Никто из нас никогда не будет несчастлив. У нас есть свои условия, и они должны нас устраивать. У нас обоих есть цель для этого брака. Мне нужна преданность. Ты хочешь жить. Не все браки строятся на любви. Любовь - это хрупкий дом, стены которого быстро рушатся. То, что мы создадим за этим столом, будет незыблемым.

— Давай дальше, — только и сказала я.

Я буду получать «стипендию» в десять тысяч долларов, пока мы не поженимся. Чтобы покупать еду, одежду и все остальное, что мне понадобится, пока дело не будет сделано.

Мы даже затронули такие детали, как: сколько раз мы будем путешествовать в течение года. Мы могли бы указать больше, но не могли не касаться этого вопроса. Мы решили, что два раза в

год - идеальное число. Он выбрал бы одно место, я бы выбрала второе, и не было никаких посредников, если бы мы решили иначе.

Эти двое мужчин шокировали меня все это время, поэтому я решила шокировать одного из них в ответ. Выпала им, что ни при каких обстоятельствах не вставлю импланты в задницу. Эта мысль была еще свежа в моей голове, и я заставила Рокко отразить ее на бумаге. Капо усмехнулся и сказал:

— Согласен. Никаких имплантатов или косметических операций, если только моя жена не попросит меня об этом. Однако я бы предпочел, чтобы ты их не делала вовсе. Это оказалось бы пустой тратой денег. К чему делать бабочку искусственной?

После того как прошел час, раздался стук в дверь. Мы втроем откинулись на спинку стула, разговор прервался на время, пока секретарша Рокко приняла наши заказы на ланч. В животе у меня громко заурчало, а щеки запыхали. Несмотря на то, что я жила с Кили, я почти не ела ее еду, только когда она меня заставляла. Я все еще помогала ей собирать вещи, но этого было недостаточно.

Капо буквально приказал мне. Он заказал десерт и для меня.

— Очень мило с твоей стороны, — сказала ему я. Я слишком смущалась, чтобы осмелиться сделать заказ самой. Я знала, что еда дорогая, и никогда раньше не заказывала ничего подобного.

Капо кивнул, а затем улыбнулся мне.

Секретарша Рокко замерла. Наблюдала за ним. Она смотрела на Капо, пока он не повернулся к ней.

— Это все для меня и моей невесты.

Она кивнула, поправила волосы и улыбнулась ему. Секретарша прижала список к груди, когда он отвернулся, не ответив. Я смотрела ей вслед, пока она не закрыла за собой дверь. Девушка была привлекательной брюнеткой, хоть сейчас на подиум. Джада, так называл ее Рокко. Она была кем-то, кого я ожидала увидеть рядом с Капо. Она будто создана, чтобы ходить с ним под руку.

Джада и Капо. Их имена даже казались подходящими друг другу.

Рокко предложил продолжить встречу, пока не доставят еду. Я не могла не согласиться.

Я подняла руку, как в школе.

— Я хочу получить на тебя исключительные права, — сказала я. — Начнем прямо сейчас.

— Тебе придется объяснить это более подробно, Мари, — сказал Рокко, переключая какие-то бумаги.

— Она имеет в виду, — сказал Капо, и легкая усмешка коснулась его глаз, — она хочет, чтобы мы состояли в официальных отношениях. Начиная с этого момента.

— Немного опередила меня, — сказал Рокко, и я услышала усмешку в его голосе. Мы с Капо уставились друг на друга. — Мы собирались обсудить это следующим.

— Сколько бы раз Капо ни хотел пригласить меня на свидание, меня это вполне устраивает, — я махнула рукой. — Пусть это будет сюрприз, только не три раза в неделю. Но я готова обсудить эти условия сейчас.

— Мы перешли к понятию исключительности по настоянию юной леди, — Рокко перевернул еще несколько бумаг. Он снова ухмыльнулся. Думаю, он находил меня забавной. — Поскольку вы заявили о своих чувствах по поводу исключительности, мы знаем, что вы имеете в виду, но я считаю, что лучше обсудить этот вопрос в деталях. Если вы не хотите близости с Капо, вы не вправе ожидать от него целибата. Он будет заводить любовниц, но, конечно, будет осторожен в этом вопросе.

— Осторожен, — пробормотала я. — Конечно. И меня выставят полной дурой. — И что еще хуже, мне не нравилась мысль о том, что секретарша-брюнетка будет проскальзывать в его комнату, пока я сплю по соседству или где-то еще.

Рокко кивнул.

— Мари, вы также должны быть осторожны...

— Нет, — сказал Капо. — Никто не трогает мою жену, кроме меня.

В комнате стало необычайно тихо. Когда я повернулась к Рокко, он смотрел на Капо. Лицо Рокко редко выражало какие-либо эмоции, но ответ Капо, казалось, застал его врасплох. Этого он не ожидал.

Разве раньше это имело большое значение? Наверняка они обсудили несколько пунктов условий заранее. Я даже могла сказать, какие именно, когда Капо становился непреклонным в некоторых вещах, прежде чем я даже имела возможность обдумать их.

— Значит, решено, — сказала я. — Никто не трогает меня. Никто не трогает *тебя*.

— *Esclusiva. Esclusivo*⁸. — Рокко записал что-то на своей бумаге.

— Ты девственница, Мари? — спросил Капо.

— Зачем тебе об этом знать? — выпалила я. — Это делает меня дороже? Я не думаю, что это возможно. Я имею в виду, что ты уже итак предложил мне всё с точки зрения денег, до тех пор, пока я не уйду от тебя.

Мне не понравилось, как Капо посмотрел на меня. Он пытался добыть информацию одной лишь силой воли. Неужели он ожидал, что у меня будет большой опыт, потому что я была бедной девушкой на улице?

О да, цинично подумала я. Я же пришла в его клуб, чтобы продать свое тело за доллар. Оказалось, я собиралась продать свой секрет в обмен на свою жизнь.

— Разве это имеет значение? — попробовала я еще раз.

— Для меня это важно, — сказал Капо. — От твоего ответа будет зависеть, как пройдет наш первый раз вместе.

Наш первый раз? Что это вообще значит? Он что же, был бы груб со мной, если бы я не была девственницей?

Я встала со своего стула, впервые с тех пор, как попыталась уйти от него, и подошла к окну. Вид с такой высоты был головокружительным. Нью-Йорк казался красивым с такой высоты, когда ноги не могли коснуться земли.

— Не знаю, — ответила я почти шепотом.

— Ты не знаешь, — повторил Капо. Я представила себе его лицо, темные брови.

В комнате воцарилась тишина. Через некоторое время он попросил меня объяснить.

— Не знаю! — сказала я чуть громче. — Когда мне было шестнадцать, меня взяла на воспитание семья богачей. Политик. Он... прикасался ко мне. Но до секса не дошло, потому что я смогла убежать от них до того, как это произошло. Я отказалась позволить ему сделать *это* со мной. Кили помогла мне получить поддельное удостоверение личности, и я подрабатывала, где только могла. Спала в приютах. Иногда у Кили, когда ее мать позволяла мне это.

— Я не высывалась, чтобы меня не отправили обратно в приемную семью. Избегала копов, пока не стала достаточно взрослой, чтобы жить самостоятельно на законных основаниях. Но он делал со мной вещи, которые я предпочла бы не обсуждать. Я уверена, что вы оба достаточно умны, чтобы понять, почему я действительно... не знаю, девственница я или нет. Но я чиста. Ни один мужчина не прикасался ко мне ни до, ни после. У меня никогда не было времени беспокоиться об отношениях, но даже если бы и было, я никогда не думала, что захочу, чтобы ко мне снова прикасались.

— Или быть кому-то обязанной, — тихо сказал Капо, но в его словах было двойное дно, которое я ощущала прямо с того места, где стояла. От его слов пробежал холодок по спине.

Он понял, почему я терпеть не могу принимать доброту, не давая ничего взамен. Приемный папаша сказал мне, что сделал мне одолжение, взяв меня к себе, и я в долгу перед ним за его доброту. Сначала я поверила ему и сделала все, чтобы чувствовать себя как дома. *Дом*. Но когда я поняла, чего он на самом деле от меня ждет, доброта никогда не казалась мне настолько грязной.

Мне было стыдно. Каждую ночь я знала, что он все ближе и ближе подходит к тому, чтобы сделать со мной что-то такое, чего уже никогда не исправить. Пальцы - это одно, а его мерзкий член - совсем другое. Поэтому я спрятала нож в сумку, а когда он попытался, сказала, что закричу и порежу его, если он меня тронет. Жить на улице было лучше, чем жить в том месте, которое было для меня клеткой. У него были жена и дети, и все они спали в соседних комнатах.

— Доброта, — сказала я. — Я никогда не хочу быть у кого-то в долгу.

— Ты хочешь близости со мной, Марипоса?

⁸ (итал.) Исключительное право. Эксклюзивный.

— Здесь действуют и другие факторы, Капо. — Повторила я его слова, только заменив его имя своим. — Прошу тебя дать мне время лечь с тобой в постель.

— *Concordata*⁹, — тихо произнес он. И я знала из предыдущих разговоров, что это означает «согласен» по-итальянски.

Я так долго стояла у окна, что, обернувшись, увидела, что Капо сидит за столом один и смотрит на меня.

— Встреча окончена? — спросила я, внезапно испугавшись, что мое признание могло заставить его отказаться от своих намерений. Была ли я второсортным товаром? Я никогда не признавалась в этом вслух, даже Кили. Я только рассказала ей, что этот придурочный политик был груб со мной, почти оскорбителен, но никогда не вдавалась в подробности. Думаю, она понимала, но не давила на меня, только сказала, что, если я когда-нибудь захочу пойти в полицию, она будет там рядом со мной.

— Нет, — его голос был очень хриплым. — Всего лишь перерыв. — Я кивнула, снова отвернувшись. — Присядь, Марипоса.

Полагая, что мы сейчас поедем и скоро начнем снова, я сделала, как он сказал. Указания от Капо легко было выполнять. Он действительно держал себя в руках.

Капо поднялся со стула, его фигура была внушительных размеров, это я успела оценить, пока он приближался ко мне, прежде чем опустился передо мной на колени. Он положил руку мне на колени.

— Ты не надела новые тенниски, которые я тебе прислал, — сказал он.

Свет ударил ему в глаза, и я подумала об океане, о глубинах, которые хотела бы исследовать. Нельзя было отрицать, что за пределами света было что-то темное, но каким-то странным образом я хотела исследовать и эти темные глубины. Хотела знать, что то, что я сделала из страха, из отчаяния, не было настолько плохо, как я чувствовала - хотела бы не кричать, когда политическая задница коснулся меня в первый раз. Хотела знать, что у других людей тоже есть секреты, которые трудно раскрыть. Просто надеялась, что я не единственная в истории, кто променял бы свой рассказ на шанс выжить.

— Нет, — я слегка усмехнулась. — Тогда ты не был моим официальным *капо*.

Он улыбнулся в ответ. Затем потянулся к моей сумке. Когда я вздрогнула и схватила ее, Капо не спеша вырвал сумку из моих рук. Он открыл ее и достал новые тенниски, как будто знал, что я их упаковала. Что я и сделала. Он медленно потянулся за одним из потертых пластиковых шлепанцев.

Я хотела отодвинуться, но Капо крепко удерживал меня.

— Они такие грязные, — прошептала я.

— Я касался настоящей грязи, и она касалась меня.

Я позволила Капо взять мои ноги, наблюдая, как он меняет мои старые шлепанцы на новые тенниски. Они сели идеально. У меня не было пары обуви, которая бы принадлежала исключительно мне, с тех пор как мне исполнилось десять.

— Твоя сумка, — сказал он. — Она принадлежала твоей матери.

Мне потребовалась секунда.

— Моей матери? Ты имеешь в виду Джослин?

— Нет, — сказал он. — Джослин Флорес была той женщиной, которая приняла тебя и любила как родную. «*Черт бы меня побрал*», так говаривал старик Джанелли, ее отец, когда его раздражали насекомые в саду, поедающие его урожай. Сицилийцы любят свои сады.

— Ты знал мою... Джослин? Папашу? Папаша был отцом Джослин, моим приемным дедушкой. Я не была знакома с мужем Джослин, Хулио Флоресом. Он умер еще до того, как меня удочерили, но мне дали его фамилию.

Он кивнул.

— Я хорошо их знал.

— Папаша умер первым, — сказала я, желая рассказать ему. — Джослин умерла через год.

⁹ (итал.) Согласен

— Сердечный приступ, — сказал Капо. — Рак.

— Верно, — только и могла ответить я. Их дом был единственным стабильным местом, который я когда-либо знала.

— Ты все равно вернешься на Стейтен-Айленд, чтобы еще раз осмотреть дом.

— Правда.

— Я дал им достаточно денег, чтобы они могли позаботиться о тебе.

— Ты... *что?*

— Что случилось с домом, Марипоса?

Я встала, стараясь держаться на некотором расстоянии.

— Она была так больна. Мы использовали его для того, чтобы покрыть расходы на ее лечение. Потом они забрали дом. Денег не осталось. Некому было обо мне позаботиться. — Я прикусила губу. — Откуда тебе все это известно?

Капо все еще стоял на одном колене, грязные шлепанцы болтались у него меж пальцев.

— Я знал твоих родителей, твоих биологических родителей, Коррадо и Марию. Тебя звали Мариетта Палермо.

— Мариетта Палермо, — я попробовала это имя на вкус. Оно казалось чужим. Неправильным. — Мне было пять лет, когда... ты ведь имел какое-то отношение к тому, что я осталась жить с ними, не так ли?

— Ага. Я привез тебя, чтобы ты жила с ними. Я сменил твое имя.

— *Марипоса*, — произнес он испанское имя с итальянским акцентом. — Я буду звать тебя *Марипоса. Бабочка.*

Этот ублюдок дал мне это имя.

— Почему? — Я сжала руки в кулаки.

— Мариетта означает «море горечи» или что-то в этом роде. Я хотел, чтобы у тебя было что-то получше, что давало надежду. Я хотел, чтобы ты стала той, кого любишь больше всего. Бабочкой. Ты заслужила этот шанс. Оба имени начинались с Мари, как тебя называла твоя мать. Я хотел, чтобы ты сохранила и эту часть в память о ней. И знал, что так тебе будет легче. Будучи маленьким ребенком, ты всегда могла сказать окружающим тебя людям, что тебя зовут Мари. Это была не такая уж большая проблема.

— Я не это имела в виду. Зачем ты привел меня, чтобы жить с ними? Что случилось с моими мамой и папой? — Эти два простых слова чуть не разорвали меня надвое, но я сдержалась.

— Погибли, — сказал он.

— В автомобильной катастрофе? Так мне сказали Папаша и Джослин.

Капо благоговейно поставил старые шлёпки на пол и встал лицом ко мне.

— Их убила Семья Скарпоне.

— Это... — даже не могла произнести это слово. *Мафия.*

— Они потребовали и твоей крови.

— Понимаю, — я осела под тяжестью собственного веса. Я не могла стоять, хотя и потянулась к сумке, чтобы прижать ее к себе. Это было единственное, что, как мне сказала Джослин, было при мне, когда я подошла к ее двери. В сумке лежали две книжки-раскраски. Одна была заполнена изображениями бабочек, а другая - принцесс. Коробка цветных карандашей. Заколка для волос в виде бабочки.

— Едва ли, — ответил он.

Услышав односложный ответ, я подняла глаза, чтобы посмотреть в глаза Капо. Он смотрел на меня, всегда смотрел с такой силой, что я не могла оторваться, но чувствовала, что могу летать.

— Ты же знал, что я люблю бабочек. Раскраски.

Марипоса. Бабочка.

— Ты сама мне говорила, — сказал Капо. — Ты просила пораскрашивать вместе с тобой. Голубой был твоим любимым цветом.

— И остается таким до сих пор, — сказала я, думая о цвете его глаз.

Меня сейчас стошнит. Я закрыла глаза, делая глубокие вдохи и выдохи.

— Ты... — мне пришлось сделать еще один вдох. — Ты следил за мной.

— Нет, — сказал Капо. — После того как я оставил тебя с Джослин и стариком Джианелли, я разорвал все связи. Так было безопаснее. Я планировал, что кто-то из приближенных ко мне людей будет проверять тебя время от времени, чтобы убедиться, что деньги все еще там и что о тебе заботятся, но потом что-то случилось, и жизнь потекла своим чередом. Когда ты в первый раз появилась у «Маккиавелло», мне показалось, что ты мне знакома. Когда ты появилась в клубе, я уже знал наверняка. Пакет со льдом, который ты оставила, подтвердил это. Проверил по ДНК крови на пакете.

— Ты спас меня. Спас меня от этих людей.

«Твоих людей?» вопрос обжег кончик моего языка. Я хотела получить ответы, но мы говорили о семье Скарпоне - в последнее время они, похоже, часто попадали в список обсуждаемых мной персон. Любой знал, кто такие Скарпоне. Они ни в коем случае не были похожи на Фаусти, но были известны своей безжалостностью до глубины души.

Пять семей правили Нью-Йорком, и семья Скарпоне была одной из них. Они были вожакими. Из-за таких людей, как они, я рано научилась держать голову опущенной и отводить глаза. Это была одна из причин, почему я не настучала на Квиллона Замбони, человека, который прикасался ко мне, когда я находилась в приемной семье. Любопытство шло вразрез со всем, что я знала, как обезопасить себя, но я выходила замуж за этого человека. По крайней мере, я должна была знать наверняка.

— Ты один из них.

Капо смотрел на меня с минуту, его лицо ничего не выражало.

— Я был одним из стаи.

— А теперь?

— Я одинокий волк.

— Почему? Почему ты спас меня?

— Ты была самым красивым существом, которое я когда-либо видел. Такой невинной, что это разбивало мне сердце. У тебя была заколка в виде бабочки в волосах, и все, что ты хотела делать, это раскрашивать картинки. Я никогда не испытывал такого раньше, чего-то достаточно мощного, способного изменить мою жизнь. Ты заставила меня увидеть нечто другое. Я увидел тебя, Марипоса. Я хотел, чтобы твоя детская непосредственность осталась жива.

Он произнес эти сильные слова без тени эмоций. Как будто говорил о том, что надеть, чтобы выйти на улицу - и если было достаточно холодно, нужно было надеть куртку.

— Какой ценой? — Его или моей, я не была уверена, о чем именно спрашивала у него?

— Мотивы, — сказал он. — В другой раз.

— И это все, что ты готов мне дать? — вот что я сказала.

— На сегодня.

Я знала, что Капо нарушает сделку. Он мне ничего не сказал. И действительно ли я хотела знать эти подробности? Изменит ли это исход соглашения? Как только я вошла, я подписала на все. Без права покинуть его. Капо уже предупредил меня. Не было никаких сомнений, что он собирается действовать. Было в нем что-то такое, что заставляло тебя переходить ему дорогу, но останавливало прежде, чем ты делал последний решающий шаг. *Заставляло подумать дважды.*

Хотя я была совершенно уверена, что, может, Капо и был одним из них, он, должно быть, считался человеком, которого можно было пустить в расход, раз он сумел выжить в таком месте, где у клана Скарпоне были везде свои люди. Не был тем, кто входил во внутренний круг, иначе его бы сейчас передо мной не было.

На кону стояли деньги, *жизнь*, но для меня это было гораздо большее. Что именно, я понятия не имела, но это было опасно. Не то, к чему можно относиться легкомысленно. Все мои годы я жаждала жить, и вот когда мне выпал шанс, он подобно сердцебиению оказался с отягчающими последствиями. *С нездоровыми мотивами.*

— Какое имя будет указано в документах? — спросил Капо, не давая мне времени подумать.

— Я в опасности? — Это был первый раз, когда мне пришлось в голову спросить. Я была так занята, ослеплена возможностью жить, что позабыла о тусклой завесе смерти.

— Да, — ответил он без колебаний. — Ты всегда была в опасности. Я сделал все, что мог в то время. Ты, находясь на улице, не привлекая к себе внимания, не давала им, так сказать, возможности напасть на твой след. Есть и другие факторы. Например, Фаусти. Никто не прикасается к тому, что принадлежит им, если у них нет желания умереть. Как видишь, я считаю их семьей. Я доверяю им настолько, насколько могу. Однако это не меняет действительности. Я не могу обещать полной твоей защиты. Но я клянусь, что сохраню тебя в безопасности ценой своей собственной жизни.

— Ты уже это сделал, не так ли?

На минуту он замолчал. Потом повторил:

— Что будет указано в документах?

— Марипоса, — без колебаний ответила я.

— Марипоса, — он кивнул, собираясь пойти к двери за Рокко. Я могла сказать, что он был готов двинуться дальше.

— Капо?

Он остановился, но не обернулся.

— Какой... Какая у меня будет фамилия?

— Маккиавелло, — выдохнул он. — Марипоса Маккиавелло, — голос его при этом звучал удовлетворенно. — Это не то имя, которое мне нравится. Дело в том, что независимо от того, откуда оно взялось, оно досталось тебе от меня, и ты будешь носить его, как чертово кольцо на пальце.

Капо оставил меня одну и с тихим *щелчком* закрыл за собой дверь.

Оставшись одна, я поникла на сиденье. Внезапно я поняла, что он был единственным человеком, которому я когда-либо была обязана. И он знал это. Капо знал это с самого начала.

Он хотел преданности и добивался этого любой ценой.

Но никогда больше никто, включая человека, который намеревался стать моим мужем - Капо Маккиавелло, не убьет меня своей добротой. Потому что доброта не убивает быстро. Она пожирает тебя медленно, разъедает подобно кислоте, пока ты не начинаешь призывать смерть.

МАРИПОСА

Через пару недель Капо отвез нас на Стейтен-Айленд на одной из своих многочисленных скоростных машин. У этого человека был настоящий фетиш на автомобилях. Мое первоначальное предположение о том, что он подбирает марку машины в тон галстуку, было ошибочным, но недалеко от истины. Казалось, у него имелась любая машина на все случаи жизни.

Та, за рулем которой он сейчас был, казалась немного пафосной для того места, куда мы направлялись, а именно на вечеринку, которую Харрисон устраивал по случаю большого бродвейского прорыва Кили. Когда я спросила Капо, что это за марка, он ответил: «Бугатти Вейрон». Я была полной невеждой, когда дело касалось автомобилей, поэтому просто отметила ее для себя как матово-черное чудовище, которое, вероятно, можно было бы использовать на ипподроме.

С тех пор как мы познакомились, он постоянно возил меня на «свидания». После того, как я прояснила ситуацию Кили, она, казалось, приняла это как данность, но я могла сказать, что при этом у нее остались подозрения. Тем не менее, это не помешало ей сделать замечание о том, каким прекрасным был Капо, когда она впервые с ним познакомилась.

— Черт, — сказала она. — Эта певица - как ее зовут? Та, которая всегда поет о своих парнях? - понятия не имеет, чего ей здесь не хватает в последнее время. Много-много-много творческого вдохновения. Эта татуировка на его руке вызывает у меня желание облизать ее, не говоря уже об *этом* идеальном лице и *этом* подтянутом теле. Ты уверена, что он настоящий, Мари? У этого человека нет ни одного гребаного недостатка.

Я еще не нашла ни одного, если не считать его холодности. Не похоже, чтобы он был таким на самом деле, но в нем всегда было что-то настороженное. Казалось, ему требовалось некоторое усилие, чтобы убрать настороженность, когда мы оставались с ним наедине. В клубе, в темноте, он был теплым, осмелюсь сказать, открытым, но при дневном свете он был сдержанным, как ледяная волна.

Его сдержанность не умаляла того, насколько хорошо он, казалось, уже знал меня, потому что Капо уже давал мне те вещи и *переживания*, о которых я писала только в «Путешествии». Наши свидания, казалось, были подогнаны под меня.

После очередной нашей встречи он выдал мне карточку с установленной суммой денег. Капо сказал мне, что я должна пользоваться ей, иначе он решит, что я нарушаю свою часть сделки. В конце концов, это было соглашение с условиями.

Мне нужен был новый гардероб. Я работала над этим.

Мне нужно было начать лучше питаться. Я *погрузилась* во все это.

Мне нужно было кое с кем поговорить о наших двух свадьбах. Что я и сделала.

Секретарша Рокко, Джада, сделала замечание по поводу моих волос, когда я отправилась на встречу с организатором свадеб, который занимался этими вопросами в Италии. Большинство моих встреч проходило в офисе Рокко. Я по-прежнему понятия не имела, где живет Капо.

В тот же день Джада устроила мне встречу с одним из самых лучших парикмахеров Нью-Йорка, Сойером Филлипсом. У Фаусти был настоящий талант. Однако Сойер был добр ко мне, и после того, как мы закончили, мои волосы были насыщенного каштанового цвета с завитками карамельного оттенка. Перемена была почти шокирующей.

Мои глаза стали более яркими, а кожа светилась, буквально светилась изнутри. Возможно, я также хорошо питалась и не так переживала из-за того, где буду спать и что буду есть. И я получила постоянную бронь у Сойера на неопределенный срок после первого сеанса, а также у двух мастеров маникюра, которые занимались моими руками.

Еще у меня был человек по имени Джованни, который ходил за мной повсюду, когда рядом не было *il capo*. Я видела Капо только по вечерам, когда мы встречались, поэтому больше времени

проводила с Джованни. Он был хорошим парнем, и я обычно не возражала, чтобы он следовал за мной. Я не могла не заметить, насколько... он отличался от Капо и людей, которые работали на Фаусти или были с ними как-то связаны.

Джованни был не так привлекателен, что не имело для меня никакого значения, но мне показалось, что Капо нанял его намеренно. А у нас с Джованни не было ничего общего. Ничего, кроме разговоров о погоде и того, что ему нравилось и не нравилось в Нью-Йорке. Он был родом из Италии.

Капо. Моя внешность. Даже Джованни.

За такой короткий промежуток времени произошло так много перемен. Просыпалась, зная, что какая-то часть моей жизни изменится. А после свадьбы чувствовала, что все изменится еще больше. Капо, казалось, выжидал, когда наступит подходящее время для «свиданий». Он хотел, чтобы все было официально. И все же я не ожидала одного: я все еще чувствовала себя... собой, но без давления разных стрессовых факторов.

Меня беспокоила цена одежды, которую я покупала. Количество продуктов в моей продуктовой корзине в супермаркете. Поэтому я торговалась, почти боясь, что деньги кончатся, и я снова останусь голодной и бездомной, хотя я все еще оставалась с Кили, пока не закончится срок ее аренды, и я не выйду замуж.

Некоторые вещи никогда не изменятся, догадывалась я. Во мне всегда будет присутствовать некая доля страха. Определенную сумму я могу себе позволить, но как насчет этого? Можно ли мне напиток и картошку-фри?

Однако все эти перемены нужно было объяснить Кили, чтобы она не слишком заподозрила неладное. Поэтому я сказала ей, что, хотя Капо не дал мне работу, Рокко предложил мне ее. Я работала в его офисе девочкой на побегушках. Чтобы это казалось правдой, потому что я чувствовала себя виноватой за то, что лгала ей, я приносила Джаде кофе всякий раз, когда заезжала в офис к Рокко.

Капо кивнул и сказал: «*Vene*¹⁰», когда я рассказала ему о том, что сказала Кили. Мы с ним должны были придерживаться одной линии.

Я вздохнула, и Капо накрыл ладонью мою руку.

— Перестань беспокоиться. Это заставляет тебя выглядеть нервно.

— Да, — ответила я. — Нервничаю.

Я вертела на пальце подаренное им обручальное кольцо. Это была старинная увесистая штуковина с бриллиантом в четыре карата. Бриллиант в центре был овальной формы. От центра по кругу шла еще одна алмазная дорожка. И венчали все бриллианты по бокам. Это было действительно вычурно, женственно, и я могла бы поклясться, что боковые завитки и бриллианты создавали абстрактных бабочек.

Единственная причина, по которой я знала, сколько там каратов, заключалась в том, что Капо сам сказал мне. Он не хотел, чтобы я беспокоилась о том, что кольцо будет с бриллиантом в три карата. По-моему, он мог бы подарить мне простое золотое кольцо. Кольцо было увесистым, и иногда я побаивалась того, что кто-нибудь отрубит мне за него палец.

Но Капо сделал этот момент особенным. В полночь он взял меня с собой на вертолете в Нью-Йорк, а после приземления велел проверить сумку. Внутри я нашла новую книжку-раскраску. Надпись на ней гласила: «*Принцесса Марипоса*». Я улыбнулась, когда открыла ее. Это была толстая книга, и первая половина ее была заполнена моими портретами в самых разных позах.

Он велел мне смотреть дальше и остановиться только на полпути. Вторая половина книги была вырезана, но кольцо располагалось точно в центре, и оно смотрелось так, как будто было на моем левом пальце. Внизу страницы изящным почерком было написано: «*Когда знаешь, то знаешь*». Я сунула книжку-раскраску обратно в сумку, думая, что она ценнее кольца.

— Так у нас будет настоящая история, — сказал он. — Никакой лжи, которую нужно будет помнить. — Он надел кольцо мне на палец, и с тех пор мы не говорили об этом.

¹⁰ (итал.) Добро

Я же рассказала об этом Кили в тот же день. Я не хотела, чтобы ее застали врасплох во время вечеринки, и не хотела объявлять это в присутствии всей ее семьи. Это был *ее* день. Я сказала Кили, чтобы она рассказала им, если захочет, но я собиралась молчать об этом.

Но она не сдержалась, когда я рассказала ей обо всем.

— *Еще слишком рано! Ты его едва знаешь. Он связан с одной из самых влиятельных криминальных семей в истории. И знаешь, что это значит? Возможно, именно из-за них его богатство грязное!*

Он был богаче греха.

Когда мы обсуждали финансовую сторону дела во время нашей встречи, мне было ясно все, чем владел Капо. Он владел не только одним из самых преуспевающих ресторанов, но и одним из самых преуспевающих клубов и целой вереницей шикарных отелей. Я знала о его активах больше, чем о нем, как о человеке. А если он вел криминальные делишки? Капо не говорил о них при нашей встрече. А я и не спрашивала.

Не желая слушать Кили, пока она продолжала гнуть свою линию, я достала книжку-раскраску, которую он мне дал, кольцо и показала их ей. Кили прочитала вслух надпись внизу страницы.

«Когда знаешь, то знаешь».

— Ты действительно хочешь этого, Мари? — спросила она, глядя мне в глаза. — Если ты скажешь «да», я отступлю.

Я усмехнулась.

— Да, Ки, — сказала я. — Я действительно этого хочу. Но мы обе знаем, что ты не отступишься.

Она рассмеялась, крепко обняла меня и поцеловала в лоб.

— Тебе ведь это известно. Я твоя старшая сестра. Я всегда буду заботиться о тебе.

— Через две недели, Ки!

— Италия. Моя сестра выходит замуж в Италии!

У меня было такое чувство, что наша свадьба будет считаться большой новостью на этой вечеринке. Осознание этого заставляло меня нервничать. Я не была уверена, как отреагирует Харрисон. Узнав о его чувствах ко мне... Я надеялась, что мой брак с Капо не сделает наши отношения неловкими.

Капо согласился, что я могу рассказать Кили пораньше, но я не была уверена, как он отреагирует на Харрисона. Я все думала о том, как он сказал: *«Никто не тронет мою жену, кроме меня»*. С нажимом. Властно. Судя по тону голоса Капо, он все еще бегал с волками. Это было так же ясно, как татуировка на его руке.

— Ты бросила колледж.

Эти слова вытащили меня из нервного тумана, в котором я пребывала.

— Откуда... — я хотела спросить, откуда он это знает, но остановилась. Когда Капо сказал, что знает все, так и было. — Ага. Из этой затеи ничего не вышло.

Мы все еще держались за руки, и как бы я ни была погружена в свои мысли, я поняла, что большим пальцем руки он вырисовывал на моей коже сложный узор. Капо часто держал меня за руку на публике, это была единственная близость между нами с той ночи в Клубе, но он вырисовывал узор инициала его имени у меня на коже только тогда, когда мы были в машине. Это помогало, особенно, когда я понимала, насколько мы уже приблизились к цели.

— Работа мешала, а потом тебя уволили.

— Да, если обобщить.

— Тебе следует подумать о возвращении в колледж. У тебя будет полно свободного времени, когда меня не будет рядом с тобой. Рокко предложил право.

— Право? — Я рассмеялась, но он серьезно посмотрел на меня, и я сменила тему. — Почему именно право?

— Он был впечатлен тем, как ты вела себя во время нашей встречи. Ты отстаивала свои интересы. Ты была готова подчиниться условиям, которые не считала важными, но те, которые

предложила сама, — Капо пожал плечами, — ты предпочла снять перчатки и драться голыми руками. Ты отличный переговорщик, Марипоса.

На них произвело впечатление, что я смогла отстоять свою точку зрения. Не похоже, чтобы многие так поступали. Мужчины *или* женщины. Мне нечего было терять, когда я вошла в этот офис, и как только я узнала, что Капо интересуется мной, мне было, о чем торговаться. Думаю, он это знал. Думаю, именно этого Капо и хотел от меня. Что заставило меня уважать его еще больше. Капо знал, что я иду туда с сумкой, полной старых воспоминаний, дневником и буханкой черствого хлеба. Он дал мне козырь. *Мне.*

— Я подумаю об этом. — Мне и в голову не приходило, что это может быть право. Это казалось мне настолько недостижимым, тем, что удавалось достигать только богатым людям со связями. Может быть, я спрошу мнение Харрисона по этому поводу... При мысли о Харрисоне у меня вспотели ладони, и я сменила тему. — Ты собирался выбрать Сьерру?

— Что заставило тебя вспомнить о ней?

Я пожала плечами, стараясь не юлить.

— Рокко. Договоренность. — Мысль о ней всплыла у меня в голове.

Мы ехали минут пять, прежде чем он ответил.

— Она была одним из моих лучших вариантов.

— Потому что она была красива?

— Нет, потому что она была одной из самых голодных.

Ах. Было похоже на правду. Она голодала и в прямом, и в переносном смысле. Он искал самую голодную из них, женщину, которая поддавалась бы головокружительным чарам его магнетической силы. У него было все, о чем только может мечтать девушка. Внешность. Очарование. Деньги. И он дарил чувство стабильности, такое, которое говорит: *«Я всегда буду заботиться о тебе, если назову своей»*. Возьмите такую девушку, как Сьерра, *как я*, и верность к кому-то вроде него будет максимально высокой. Нам редко выпадали такие шансы, как он.

— А... связь имеет к этому какое-то отношение?

— Зависит от того, что ты подразумеваешь под словом «связь». Если имеешь в виду сексуальную совместимость, сильное физическое влечение, то да.

Мои щеки вспыхнули, и не от смущения. Я немного завидовала, что он так относится к Сьерре. Его влекло к ней в сексуальном плане. Мне было интересно, занимались ли они сексом, поскольку она работала в его клубе, но вместе с тем мне не хотелось поднимать эту тему.

— Ты собирался подарить ей это кольцо, если бы выбрал ее? — Я подняла руку с кольцом, и он искоса взглянул на нее.

— Нет, — Капо плавно перестроился в другую полосу и придерживался выбранного курса. Я уставилась на него, надеясь, что он даст мне немного больше информации, но, похоже, Капо закрылся. Я вздохнула и отвернулась к окну. Мир пронесся мимо, как в тумане. Мы ехали слишком быстро, чтобы я могла что-то уловить.

Тишина в машине внезапно начала угнетать меня. Наклонилась вперед и впервые за все время поиграла с какими-то кнопками. Видела, что Капо наблюдает за мной из-под очков, но ничего не сказал. Наконец, я нашла управление стереосистемой. Я усмехнулась, услышав последний трек, который он слушал. Продолжала нажимать на стрелку вперед, чтобы посмотреть, что у него в плейлисте.

Bee Gees. 2Pac. Андреа Бочелли. White Snake. Sam The Sham и The Pharaohs. Staind. Seven Mary Three. Фрэнк Синатра. Nazareth. Его модная машина показывала мне имена артистов и их песни. Я понятия не имела, кто из них кто, но все они были такими разными. Его музыкальные вкусы не давали мне никакого представления о том, какой он. *«Он чрезвычайно загадочный парень»*, - саркастически подумала я. И остальная часть его списка представляла собой жанровую мешанину.

— Ты смеешься надо мной, — сказал он. — Над моими музыкальными пристрастиями.

Я засмеялась еще громче, а потом сжала пальцы, оставив между ними небольшую щель.

— Немного.

— У тебя извращенное чувство юмора, — покачал он головой. — И дикий смех в придачу.

— Что такое дикий смех?

— Некоторые люди сажают его в клетку, дрессируют, чтобы он был таким, каким они хотят, - тихим животным. Некоторые люди притворяются, скрывая, что на самом деле им не над чем смеяться. Ты не делаешь ни того, ни другого.

Я продолжала смеяться, включив радио вместо его стариковской музыки. В августе ему должно было исполниться сорок лет, а мне - двадцать два в октябре. Несмотря на восемнадцатилетнюю разницу в возрасте, время, проведенное на улице, состарило меня. Я чувствовала, что мы близки даже с этой точки зрения.

Потом заиграла популярная поп-песня, и разрыв между нами еще больше увеличился. Это заставило меня вспомнить о Кили и о том, что она рассказывала мне о Капо и его семье, истории, дающие достаточно творческого вдохновения для бесконечных песен.

— Ты же не всерьез сейчас. — Он взглянул на радио так, словно оно нанесло ему непростительное оскорбление. — Ты бы предпочла эту цыпочку Бочелли?

— Я? Ты же не серьезно? Что происходит? — Я притворилась, что теряю сознание, прижав руку ко лбу. — Я подавлена. Помогите мне, *красавец мужчина!*

— Вот что происходит, когда твой мозг слишком долго переваривает подобную музыку. Ты. Ты должна быть на постере для детей, которые слушают подобную музыку. — Он переключил музыку на Бочелли, какую-то настоящую романтическую итальянскую балладу.

Я переключила обратно, чувствуя себя легче, чем за весь день. На самом деле я чувствовала себя легче, чем когда-либо за последние годы.

— Мы слушали твою музыку. Позволь мне немного послушать мою. И я не согласна. Я люблю эту музыку. Это ее новая песня. Она прекрасна. Особенно эта песня. Только послушай.

Мой смех грозил вырваться из импровизированной клетки, в которую я его загнала. Он серьезно слушал песню, а когда становился серьезным, его густые брови опускались, а линия губ становилась жесткой.

— У тебя *есть* друг, — сказал он, когда песня подошла к концу.

— Да, — ответила я. — Но ты и *правда* слушал? Сначала она упоминает детскую любовь, потом любовь, которая возникает между ними, пока они растут, а потом они женятся. Хорошо *иметь* лучшего друга, но, когда твой лучший друг одновременно и твой любовник, это объясняет все. Во всяком случае, я бы так подумала.

— Очень философски, — сказал он, и я снова чуть не рассмеялась.

— Что? Ты не понял?

— Все, что в данный момент я *понял*, это саундтрек к фильму Тима Бертона, засевший у меня в голове прямо сейчас.

— Кто такой Бертон? - поинтересовалась я.

— Эдвард Руки-Ножницы? — пожала я плечами. — Не слышала о таком.

— Это меня поражает. Ты понятия не имеешь, кто такие Тим Бертон или Эдвард Руки-Ножницы, но когда мы познакомились, ты прекрасно осознавала, кто такие Фаусти.

— Это печальный факт жизни на улицах. Ты стараешься опередить то, что может тебя убить, — пожала я плечами. — Остальное не имеет значения, когда ты настолько голоден, что готов ограбить маленького ребенка, чтобы полакомиться его мороженым. Я сомневаюсь, что Тим Бертон и Эдвард, — я сделала движение пальцами, словно резала бумагу ножницами, — погонятся за мной и убьют, может быть, даже замучают, если я увижу что-то, чего не должна была видеть.

Я знала кое-что о Фаусти, но еще больше обо всех пяти кланах. Фаусти не занимались мелким дерьмом. Они были королевской семьей в Италии и за ее пределами. Их имена попадали в заголовки газет. То же самое происходило и в их браках, когда один из них брал невесту, используя архаичный термин Капо. И когда я спросила Капо, как глубоко это зашло, он сказал: «*Считай Фаусти незаконной землей, которую не может коснуться ни президент, ни диктатор. Они правят своими территориями. И все, что они чувствуют, принадлежит им. Конец истории.*»

Он взглянул на меня, прежде чем снова вернуться к тому, чтобы следить за дорогой.

— Тебе еще многое предстоит узнать о хорошем в жизни, Марипоса. Я с удовольствием все тебе покажу, и научу тебя всему.

С этими словами мы сменили музыкальный фон, пока не подъехали к дому по адресу, который Кили дала Капо.

Мой желудок сжался, когда Капо припарковался перед домом, в котором я росла до десяти лет.

— Почему мы здесь?

Он снял темные очки и внимательно посмотрел мне в лицо.

— Ты не знала?

— Знала что?

— Что именно сюда мы и направлялись, Марипоса.

— Нет, — я немного сместилась на сиденье. — Кили только сказала мне, что вечеринка в доме друга на Стейтен-Айленде.

Утром у меня была примерка платья. Джованни забрал меня, а потом Капо повез меня на вечеринку Кили. Она хотела выехать пораньше, поэтому дала Капо адрес, пока я собиралась. Она хотела помочь с приготовлениями. Капо, должно быть, решил, что я уже знаю.

Судя по его суровому лицу, он понятия не имел, что она мне об этом не говорила. Похоже, он не любил сюрпризов. Я могла сказать это по тому, как все вокруг рассказывали ему обо всем.

— Думал, именно поэтому ты нервничаешь, — сказал Капо, глядя мимо меня в сторону дома. Интересно, помнит ли он, как привез меня сюда?

— Нет, — сказала я. — Я *нервничала* в основном, потому что ты встречаешься с семьей. Теперь я *нервничаю*, потому что не переступала порога этого дома уже одиннадцать лет. Это место - единственное, которое я когда-либо называла домом.

— Это не поможет. — Он взял меня за руку, останавливая мои потуги отмахаться от жары.

На улице было жарко, а мои нервы были на пределе. Небесная канцелярия работала сверхурочно. Вся машина сладко пахла. Мне нравилось, как ароматы, казалось, слегка менялись время от времени. Иногда я чувствовала запах карамели, иногда фисташки или сандала. В тот момент она больше пахла миндалем.

Какое-то время мы молчали, но мои мысли были безудержны, и если я не скажу что-нибудь в ближайшее время, чувствовала, что у меня может лопнуть какой-нибудь кровеносный сосуд. Мое сердце было близко к этому.

— После смерти Джослин я была слишком молода, чтобы всерьез задумываться о том, что со мной случилось. Я потеряла единственных родителей, которых помнила. Была выброшена из своего безопасного места, брошена в лапы дикой и небезопасной системы. Только когда мне исполнилось восемнадцать, я поняла, как много потеряла, когда потеряла их. У меня никогда не было времени задуматься об этом, понимаешь? Главное было выживать, выжить, выжить. И вот однажды ночью меня осенило. Кили и ее семья любили меня, но у меня не было родителей. Я не была ничьей малышкой. Так называла меня Джослин, ее малышка. Они были добры ко мне. Настолько добры ко мне.

— Дом там, где ты его создаешь, — сказал Капо хриплым голосом. — Пойдем, Марипоса. Сейчас или через десять минут ожидание не изменит твоих чувств. Это лишь заставит тебя чувствовать себя хуже.

Я не могла решить, на чем сосредоточиться в первую очередь, когда Капо открыл мне дверь машины. То, что мы поднимались по ступенькам к дому, в который я не думала, что когда-нибудь войду снова. Или том факте, что Капо носил удобную одежду — черную футболку, которая облегла его грудь, как перчатка, джинсы, которые демонстрировали его тонкую талию и подтянутые ноги, и эту *классную* задницу. Его ботинки только добавляли градус его привлекательности. Или том факте, что, когда дверь в дом открылась, Харрисон стоял с другой стороны, глядя на нас убийственным взглядом.

Мне стало интересно, действительно ли Кили отправилась помогать с организацией вечеринки, или же она отправилась сообщить новость своему брату, прежде чем он узнает об этом.

Прежде чем Харрисон успел издать хотя бы звук, его взгляд скользнул по Капо, и глаза Капо сделали то же самое. Внимание Харрисона замерло на наших сцепленных руках, прежде чем он встретился со мной взглядом. Чувствовала, что Капо наблюдает за ним, а тот пристально смотрит на меня.

Я понятия не имела, чего ожидать, но боль в глазах Харрисона застала меня врасплох. Она срикошетила мне прямо в грудь, и у меня перехватило дыхание. Он был мне как брат. Он был моей семьей. Даже до Капо у меня никогда не было романтических чувств ни к нему, ни к кому-либо еще.

Кили подошла сзади Харрисона и поздоровалась с нами, сделав ситуацию менее неловкой для меня. Казалось, этим двоим было все равно. Ни один из них не пожелал представиться. Кили сделала это за них.

— Харрисон, — произнесла она с некоторой ноткой предупреждения в голосе. — Это Мак, Мари... — она немного помедлила, прежде чем произнести, — Капо Маккиавелло. Все, кроме Мари, зовут его Мак. Мак, это мой брат, Харрисон Райан.

Харрисон кивнул. Капо сделал то же самое. Воздух между ними был наэлектризован. Я не потрудилась рассказать Капо о том, что Кили говорила о чувствах своего брата. Не чувствовала в этом необходимости. Харрисон никогда не признавался мне в этом, и обсуждать эту тему с Капо было равносильно предательству Кили. Она сказала мне это по секрету.

Впрочем, Капо это уловил. Его хватка на моей руке стала крепче, и мне не особенно понравилось выражение его глаз. Я никогда не видела у него такого выражения раньше. Глаза его были холодны, как камень. Напряжение немного спало, когда мы вышли на улицу, и там было больше людей, с которыми предстояло встретиться. Родители Кили (они прилетели на вечеринку), несколько членов семьи, пара друзей и трое других ее братьев - Лаклэн, Деклан и Оуэн. А еще там был парень, которого я никогда раньше не видела. Лаклэн называл его Кэш Келли, но я слышал, как один из дядей Кили шепнул другому дяде, что его зовут Кэшел. Светлые волосы. Зеленые глаза. Ирландский акцент. Его глаза были напряжены, когда он время от времени наблюдал за Кили.

На вечеринке распространились новости о нашей помолвке, и все поздравляли нас. Несколько дам попросили показать мое обручальное кольцо и послушать историю о том, как Капо сделал мне предложение. Я была рада, что он продумал историю, которую я могла рассказывать.

Я старалась держаться подальше от Харрисона, который молчал, наблюдая за мной настолько пристально, что мне стало не по себе. Как будто он хотел, чтобы я осталась с ним наедине. Он пил и почти ни с кем не разговаривал, но я знала, что Харрисон хочет поговорить со мной. Лаклэн, Деклан и Оуэн, казалось, чувствовали себя более комфортно рядом с Капо, хотя сам он старался не высовываться. Взгляд его глаз поглощал окружающую его обстановку, но не так, как он иногда поглощал меня. Он был насторожен.

Вечеринка в основном проходила во внутреннем дворике. Огни были развешаны, старый сад начал выглядеть так, как он выглядел, когда Папаша его запустил, и запах барбекю плавал в воздухе, смешиваясь с запахом пива. Кили и ее семья могли пить лучшее из лучшего.

Как только мы побыли там некоторое время, я начала расслабляться и рассматривать дом. Он был в хорошем состоянии, словно и не прошло этих одиннадцати лет. Даже фреска, которую мы с Джослин сделали в коридоре, все еще была на своем прежнем месте. Она позволила мне выбрать, и я нарисовала голубую бабочку.

Когда наступил вечер, принося с собой сладкий ветерок, я заметила, что Кили вошла в дом. У меня не было возможности поговорить с ней наедине и спросить, кому принадлежит этот дом. И еще мне хотелось расспросить ее о детективе Стоуне. Накануне она сказала мне, что пригласила его, но он не смог приехать. У него возник форс-мажор. Пропал какой-то политик, и его вызвали на работу.

Я извинилась перед Капо - он был погружен в разговор с отцом и дядей Кили - и вернулась в дом. Я искала Кили, но не могла ее найти. Мама Кили была на кухне, и она спросила меня, не возражаю ли я организовать поднос с десертом и приготовить кофе. Ее сестра собиралась уходить, и она хотела попрощаться. Я хорошо знала кухню, и, честно говоря, мне было приятно вернуться домой.

Дом.

Послышались шаги, но я продолжала раскладывать маленькие пирожки, пироги и кексы. Секунду или две спустя Харрисон уже стоял рядом со мной. Я опустила глаза, пытаюсь сосредоточиться на том, что делаю. Ногти у меня были темные, почти черные, и на фоне белых пирожных они выделялись еще больше. Я хотела, чтобы что угодно отвлекло меня от жара, исходящего от него. От него пахло, как от бара.

Харрисон стоял рядом со мной, опершись бедром о стойку.

— Ты хорошо пахнешь, Стрингс, — сказал он.

— Это что-то новенькое, — сказала я, стараясь говорить ровным голосом. Он никогда раньше не заставлял меня нервничать, но я чувствовала его разочарование или, может быть, гнев на себя.

— Пахнет натурально. Как будто на тебе ничего нет, но это не так.

Я подумала то же самое. Парфюм смешивался с моим запахом и действовал волшебным образом. Но это был пустяковый разговор. Харрисон к чему-то намеренно подводил. Мне не понравилось, куда мы направляемся, поэтому я пробормотала «угу», прежде чем повернуться к кофейнику.

— Ты так сильно изменилась. Я тебя с трудом узнаю.

— Я получила работу, Харрисон. Теперь я могу себе это позволить.

— Новая прическа. — Он взял прядь и проанализировал ее. — Новая одежда. — Харрисон кивнул в сторону моей шелковой блузки фиолетового цвета. Я надела ее в пару к синим джинсам и босоножкам на каблуке, практически полностью открывающим мои пальцы. Поскольку я планировала надеть туфли на свадьбу, я практиковалась. — Я бы сказал, что эта работа очень хорошо оплачивается, Стрингс.

— За это платят достаточно. — Я закончила заполнять фильтр кофейника кофе и поставила его вариться. Мне не хотелось поворачиваться и смотреть на него. Боль в глазах Харрисона была слишком сильной. Я просто хотела, чтобы между нами все было как раньше. — Я бы сказала, что твоя работа тоже хорошо оплачивается. Похоже, у тебя дела идут лучше.

— Кили сказала тебе, что я купил этот дом?

Я повернулась к нему так быстро, что почувствовала дуновение воздуха, который циркулировал между нами. Фисташка слетела с меня.

— Ты купил этот дом?

Харрисон кивнул, взял со стойки стакан и сделал еще глоток виски.

— Не думал, что ты из тех женщин, которых привлекают золотые вещи, Стрингс.

— Что ты имеешь в виду? Золотые вещи?

— Золотые вещи, — повторил он немного невнятно. — Тот парень снаружи. Капо. Кольцо на твоём пальце. И этот дом. Это мелочь по сравнению с тем, что он может предложить тебе.

— Я никогда не думала об этом доме как о мелочи, — сказала я, снова отворачиваясь от него. — Этот дом - единственный дом, который я когда-либо знала. Даже если бы это была мелочь, я бы все равно назвала ее домом.

Только несколькими людям я могла рассказать об этом. Я никогда никого не подпускала к себе. Но Харрисон мог приблизиться ко мне, потому что я любила его как брата, и было трудно притворяться, что между нами все в порядке, когда это было не так.

— Идет война, — сказал он, проверяя меня.

Может быть, он был пьян в стельку. Обычно это была прерогатива Оуэна, но несколько раз я видела Харрисона пьяным. Обычно он был более расслаблен.

— Слышала об этом.

— Сомневаюсь, что тебе об этом что-то известно, — сказал он. — Прямо здесь. На родной земле. В Нью-Йорке.

Я снова повернулась к нему.

— О чем ты говоришь?

Он улыбнулся мне.

— Кто-то связался с пятью семьями. Кто бы это ни был, он развязал войну. Одна семья обвиняет другую. Территории пересекаются. Даже ирландцы в этом участвуют. Тот, кто с ними связался, убил одного из опаснейших людей в этом мире. Это слишком серьезно.

— Ты что, пьян?

— Может быть. — Он ухмыльнулся: — Немного.

— Это чертовски многое объясняет, — сказала я, собираясь снова повернуться, когда Харрисон взял меня за руку и заставил посмотреть на него. Его взгляд был слишком... пристальным. — А тебе-то какое дело? — вспыхнула я. — До всего этого?

Он пожал плечами.

— А мне и нет дела. Просто рассказываю последние новости. Ты работаешь на Фаусти. Я подумал, что тебе следует знать.

— Сомневаюсь, что они станут вмешиваться. Никто с ними не связывается.

Он снова пожал плечами.

— Хочу, чтобы ты была осторожна.

Я попыталась высвободить руку из его хватки.

— Принято к сведению.

Время, казалось, остановилось, пока мы смотрели друг на друга. Харрисон не оставлял мне места, чтобы отодвинуться от него. Я не хотела устраивать сцену. Я не доверяла Капо. Что бы он сделал, если бы вошел и увидел, как мы стоим? Я не хотела этого выяснять.

— Знаешь, почему я называю тебя Стрингс? — поинтересовался Харрисон, наконец, немного разрядив напряжение. — Ты никогда не спрашивала.

— Нет, — покачала я головой. — Я думала, это просто милое прозвище.

Он засмеялся, его дыхание обдало мое лицо.

— Милое, — повторил он. — В первый раз, когда я тебя увидел, ты опутала мое сердце, *Стрингс*. И эти нити все еще обвивают мое сердце. Я хочу, чтобы ты вышла за меня замуж, Мари. Живи здесь со мной. Я хочу заботиться о тебе. Доброта не означает, что ты мне что-то должна. Мы можем быть добры друг к другу. Вот что делают муж и жена. Они добры друг к другу, когда они не разрывают друг друга на части от слишком сильной страсти. Любовь. Она может стать причиной несчастий, но по своей сути она хороша. Так хороша, что даже слишком.

— Харрисон, — сказала я, пытаюсь высвободиться из его хватки. Отстраниться от ситуации, но он хотел получить ответ. Мне хотелось бежать. — Мы же семья.

— Нет, — сказал он. — Кили - это семья. Ты - моя семья, потому что я хочу, чтобы ты была моей. Я всегда хотел, чтобы ты была моей. Знаешь, сколько ночей я лежал без сна, потому что боялся, что с тобой что-нибудь случится? И ты отклонила все мои предложения о помощи. На этот раз я не приму отказа, Мари. Доброта тебе не враг. Любовь тебе тоже не враг. Ты заслуживаешь любви. Моей любви.

— Я... — я попыталась отодвинуться, боясь, что если произнесу, что *«люблю тебя, но не так, как ты того бы хотел»*, то потеряю всю свою семью.

— Ты не любишь его, Стрингс. — Его хватка на моей руке стала крепче, но Харрисон не причинял мне боли. — Ты его почти не знаешь. Он просто еще один богатый ублюдок, который думает, что может превратить бедную девушку в то, чем он хочет ее видеть. Я люблю тебя такой, какая ты есть. Поцелуй меня, Мари. Поцелуй меня один раз.

— Нет, — сказала я, и на этот раз мой ответ был тверже. Харрисон прижал мои руки к своей груди, прямо к сердцу, и я прижалась к нему. — Нет. Я не могу этого сделать. Я *не буду* этого делать. Я выхожу замуж.

Что-то заставило меня обернуться, и я подпрыгнула. Капо стоял в дверном проеме, наклонившись к раме, и наблюдал за нами. Как долго он там пробыл? Все это время? Я бы в этом не сомневалась. Он испытывал меня? Как он проверял тех женщин в клубе? Может, он выйдет и тоже повернется ко мне спиной?

Харрисон задержал меня еще на секунду, прежде чем отпустить. У меня перехватило дыхание, когда он остановился перед Капо и пристально посмотрел на меня. Капо стоял так, как

будто у него не было никаких проблем, как будто у него было все время в мире, но что-то в его глазах заставило мое сердце забиться быстрее. Они казались опасными. Беспринципными.

— Харрисон? — сказала Кили, подходя и становясь позади двоих мужчин. — Пошли. Выйди на улицу и подыши свежим воздухом.

Лаклэн шел прямо за ней и, взяв Харрисона за плечи, вывел его наружу, что-то шепча ему на ухо.

Не желая больше причинять неприятностей, я поцеловала Кили на прощание, и мы ушли.

Когда мы добрались до последней ступеньки дома, я услышала, как семья на заднем дворе все еще наслаждается вечеринкой. Уходя, я чувствовала себя виноватой, но я предпочла бы жить с чувством вины, чем жить с чем-то непростительным, происходящим между моим будущим мужем и единственной семьей, которая у меня осталась.

Я сосредоточилась на том, что произошло, поэтому, когда Капо взял меня за руку и подвел к стене дома, прижав спиной к ней, я ахнула. Капо не был грубым, но я знала, что он тоже не дурачился.

— Ты любишь его? — спросил он. Его глаза искали мои, жестоко выискивая ложь на кончике моего языка, если она вообще была.

Я покачала головой, с трудом сглотнув. Я не могла сказать, был ли комок в горле моим сердцем или всей едой, которую я съела. Я не боялась его - он мог убить меня много лет назад, - но я была настороже. Несмотря на то, что у нас была договоренность, мы все равно должны были научиться жить друг с другом. Настоящий он забрался слишком глубоко мне под кожу, и пока я не смогла вырваться на поверхность, я не оставляла попыток понять, как ориентироваться в этих условиях.

Прежде чем я успела ответить, он выпалил мне:

— Ты знала, что он влюблен в тебя. — Его тон был обвиняющим и резким.

— Ага. Узнала об этом в тот вечер, когда встретила тебя в Клубе.

— Ты мне не говорила.

— А должна была?

— Это и мое дело, — сказал он.

— Нет. Это *мое* дело. Это произошло до тебя.

Капо ухмыльнулся, но это вышло чертовски пугающе.

— Все, что касается тебя, касается и меня. Ты берешь рыбу вместо бифштекса, который заказала, и я знаю об этом, поняла?

— Я знаю условия, *Капо*, — ответила я, повышая голос. Он начинал меня бесить. — Но. Это. Произошло. До. *Тебя*.

— Не было никого до меня. И не будет никого после меня. Ты. Ты моя.

— Ты не можешь злиться из-за этого. Ты не имеешь права. Он чувствует то, что чувствует. Я чувствую то, что чувствую. Конец.

— Что ты чувствуешь, Марипоса? Ты никогда не отвечала своей подруге, когда она говорила тебе. Ты не отвечала Сварливому Индиане Джонсу на кухне. Ты так мне и не ответила.

Я прищурилась. Капо прочитал СМС-ки в моем телефоне, когда Кили написала мне в Клубе. И сегодня вечером он слушал. Ничего удивительного, но внезапно у меня возникло безумное желание закричать: «*Я тебе не принадлежу!*» Но именно так и было. И он принадлежал мне. Вот как работала эта договоренность. Мы оба поставили свои условия и поклялись их соблюдать.

— Если бы я его *так* любила, — процедила я сквозь стиснутые зубы. — Я бы ни за что не согласилась выйти за тебя замуж! За кого ты меня принимаешь? Если бы я хотела любви, я бы не стояла здесь с *тобой*! Если любовь коснется меня, я никогда, никогда не предаю ее. Если бы любовь управляла моей жизнью, я была бы ее главной поклонницей. Любовь до гроба, Капо. Продам ли я свое тело, чтобы жить? Мы оба знаем ответ на этот вопрос. Продам ли я любовь ради этого соглашения? Никогда! Вначале умру я. Так что нет, я *не* люблю его так, как ты думаешь!

Мои слова, казалось, на мгновение ошеломили его, хотя он быстро пришел в себя. Капо не хотел, чтобы я видела, что какая-то часть моей правды коснулась его, но слишком плохо. Он не хотел от меня ничего, кроме честности, и собирался ее получить. Даже если это означало удар кинжалом в его закованное в железо сердце. Возможно, он и не поцарапает его, но оставит вмятину, которая навсегда останется на нем. И она будет говорить «*Марипоса была здесь*».

— Ты принадлежишь мне, *Стрингс*, — сказал он холодным голосом, — и я не потерплю, чтобы кто-то бежал за тобой, как кобель за сучкой в период течки.

Словно в замедленной съемке, моя рука поднялась и коснулась его щеки. Звонкая пощечина раздалась в ночном воздухе.

— Ты можешь быть моим *капо*, — сказала я, — но это не значит, что я позволю тебе относиться ко мне без должного уважения.

Он даже не вздрогнул от моей пощечины, но что-то в его взгляде изменилось. Он немного смягчился, но не так, как обычно.

Один, два, три, четыре вдоха, и Капо взял меня за запястья, подняв руки над моей головой, его лицо приблизилось к моему. Его губы были на расстоянии поцелуя, а теплое дыхание касалось меня, я дышала его воздухом.

На заднем дворе зажгли лампочки, и между нами в темноте вспыхнула белая искра. Моя грудь вздымалась и опускалась, полушария прижимались к его груди. Трение было таким приятным. Никогда в жизни я так не жаждала такой связи. Я жаждала безусловной любви родителей, еды, всего того, что можно купить за деньги, но никогда чего-то *подобного*.

Прикосновения любовника.

Он показал мне нечто такое, чего я жаждала даже при одной мысли об этом. Я попробовала запретный плод вечером в Клубе и уже пристрастилась к этому аромату.

Я снова вдохнула, вдыхая его еще глубже. Жара лишь усилила этот запах. Холодный. Чистый. Исцеляющий. Его глаза потемнели, стали цвета самой глубокой части воды. *Сапфировыми*.

Прижимаясь ко мне, Капо выглядел таким пугающим, как никогда прежде. Он был похож на чудовищную волну, до того момента, когда она обрушится на того, кто не умеет плавать. Все в нем было из жестких линий, и он излучал силу, контроль, в то время как он увлек меня.

Его зубы скребли по нижней губе, и в свете фонарей со двора она блестела. Мне хотелось лизнуть его, снова ощутить вкус губ Капо.

— Помнится, я уже говорил тебе, что я не благородный рыцарь, Марипоса.

— А я, кажется, говорила тебе, что ты не будешь *так* со мной разговаривать, — сказала я, надеясь, что он увидит вызов в моих глазах. — Если ты предпочитаешь женщину, которая пойдет на что угодно, на *покупку* такого рода, ты знаешь, в какой стороне город. Тебе *туда*, — я склонила голову набок, чтобы подчеркнуть свои слова. — А я просто вернусь на вечеринку после того, как ты уйдешь.

— Чтобы ты могла вернуться к малышу Гарри и закончить ранее начатый разговор.

— Нет, — я отрицательно покачала головой. — Чтобы я могла побыть с семьей и друзьями, пока жду, когда ты сделаешь то, что считаешь нужным. Потом, когда ты вернешься за мной... я знаю, что ты вернешься — мы поговорим с Рокко об изменении условий соглашения. Ты будешь *осторожен* со своими любовницами, и я тоже. Если твой рот не может уважать меня, то твоим рукам не будет места на моем теле.

Когда я произнесла слова «*будешь осторожен со своими любовницами, и я тоже*», его хватка на моих запястьях усилилась настолько, что мне почти захотелось вырваться из этой хватки. Я была близка к тому, чтобы сдаться и сопротивляться, отталкивая его, чтобы повернуться к нему спиной и сделать столь необходимый мне вдох. Но я этого не сделала. Я держалась стойко.

Всю свою жизнь я думала, что отстаивать свою позицию - значит бороться за нее. В этот момент я кое-что поняла. Иногда держаться стойко означало движение по течению, экономию энергии, поэтому, когда волна проходила, я могла свободно двигаться в лучшем направлении.

Мы пришли к соглашению в кабинете Рокко, но мы оба знали, что будут времена, когда нам придется провести черту за пределами этой комнаты. Это был один из таких случаев. И Капо либо раскроет мой блеф, либо не раскроет, но так как я посвятила свою жизнь этому человеку, несмотря

на его предложение, и он мог легко раздавить меня, я должна была быть так же подкована в вопросах условий нашего с ним соглашения, как и он. Капо, казалось, нравился контроль, который давало ему это знание, и для человека, который всегда все контролировал, мне нужно было научиться обходить его так, чтобы он об этом был осведомлен.

После напряженного момента времени Капо опустил голову, скользнув носом мне по шее.

— *Concordato*¹¹, — пробормотал он в мою разгоряченную кожу. *Договорились*. — Я буду обдуманно подбирать слова в твоём присутствии, Марипоса. Они, кажется, стоят мне больше, чем наше с тобой соглашение.

Я закрыла глаза, отдаваясь ощущению его тела так близко к моему.

— Никогда... — сказал Капо, прижимаясь бедрами к моему животу, давая мне почувствовать вкус того, что должно было произойти, когда я буду готова. Несмотря на то, что я была всего лишь кожей и костями, он все еще был тверже меня, и Капо заставлял меня чувствовать себя... мягче, женственнее. — Не думай, что я буду платить кому-либо за секс. Я никогда этого не делал. И никогда не буду. Приходи завтра, и ты будешь единственной, кто будет со мной раз и навсегда. Планы, даты и время могут идти к черту. — Потом Капо что-то сказал по-итальянски, щупая мой пульс. *Il tuo profumo mi fa impazzire*¹². Думаю, это было как-то связано с моим запахом. Он продолжал вдыхать меня, вдыхая мою кожу, как воздух. Запах сандала тяжелым шлейфом повис между нами.

Я прикусила губу, не желая, чтобы смущающий звук вырвался из моего рта от того, как хорошо мне было рядом с ним. Мой живот скрутило в узел, как кулак, и все мое тело было влажным, и не только от пота.

— Ты так же хороша на вкус, как и на запах. — Капо вдохнул еще сильнее, а затем его язык прошелся от моей шеи к сердцу и обратно к подбородку, остановившись рядом с моим ртом. — Скажи это, Марипоса.

— *Concordato*, — повторила я. Нам обоим пришлось повторять это слово во время нашей встречи, чтобы Рокко зафиксировал условие и перешел к следующему. Он придерживался этих правил. Я понизила голос. — Мы только разговаривали. То, что Харрисон сказал мне эти слова, не означает, что я чувствую то же самое. Я люблю его, но как брата.

Нейтральная территория, на которой мы стояли, казалось, исчезла у меня под ногами, и мы снова оказались по разные стороны линии фронта. Как только слова «Я люблю его» слетели с моих губ, я сразу почувствовала перемену в нем.

— Ты. — Его голос был грубым и врезался в мою кожу, как сотня камней. — Ты - моя территория. И я диктую, кто может, а кто не может приближаться к ней. И я единственный, кому дозволено прикасаться к тебе.

Территория. Как собственность.

— Я - твоя собственность? — У меня загорелись глаза, когда я подняла взгляд, чтобы посмотреть в глаза Капо. И он был прав. В каком-то смысле он действительно владел мной. Ему принадлежала моя преданность, но я не потерплю, чтобы со мной обращались как с куском земли, на который он может нагадить, когда захочет.

— Моя гребаная собственность. Моя территория. Ты, кажется, забыла, что именно ты добровольно села за мой стол. Ты узнала все детали. Условия. Ты подписывала бумаги своей кровью. Мы заключили сделку.

Я хотела ударить его кулаками в грудь, вложив в удар весь мой гнев.

— При всей твоей мудрости, — вскипела я, — ты не настолько умен. Когда заключаешь сделку, она обязательна для обеих сторон. Может, ты и мой *капо*, но ведь ты тоже принадлежишь мне, не так ли? Я - твоя территория, а ты — также *моя* собственность.

Мы все еще пытались адаптироваться в тех условиях, которые находились за пределами кабинета Рокко, заполненного терминами, условиями и юридическими бумагами, но, казалось, мы кружили вокруг чего-то личного, чего я не могла понять.

¹¹ (итал.) Договорились

¹² (итал.) Твой запах сводит меня с ума

Через несколько минут Капо, наконец, заговорил.

— Мне не понравилось то, что я увидел. Или то, что я слышал.

Вот оно. Водоворот, который продолжал засасывать нас. Ему не нравилось видеть нас с Харрисоном вместе. Почему? В этом не было никакого смысла. У Капо была я, все части меня, которые он просил за столом переговоров. Какая разница, что чувствует Харрисон, и что он мне говорит? Это были просто слова, если только я не вкладывала в них больший смысл. И все же потребовалось немало усилий, чтобы заставить Капо признать это.

— Все, что тебе нужно сделать, это сказать. Говори прямо, Капо. Я все пойму. Тебе не нужно причинять мне боль, чтобы получить то, чего ты хочешь.

Капо смотрел на меня несколько напряженных секунд, а потом кивнул.

— *Concordato*. — Но его взгляд не смягчился. В нем разгорелось что-то еще, и сводящее с ума желание во мне автоматически отреагировало, когда Капо сделал что-то своими бедрами, прижимаясь ко мне еще сильнее, так сильно, что я втянула воздух, и звук, который я никогда раньше не слышала, сорвался с моих губ.

Черт бы меня побрал, держу пари, он будет хорош в постели. Капо не только прикоснется ко мне, он поглотит меня. И все же. Я заколебалась. Я не была готова идти с ним до конца. Эта жестокая жажда будет грызть меня до тех пор, пока не будет разрушена вся защита.

Я зажму рот руками, чтобы не закричать. Пот. От него и от меня. Пальцы. Мерзкие пальцы. Отвратительный. Злобный. Доброта. Обязана.

Капо перестал прикасаться ко мне, и когда я открыла глаза, его глаза были на моем лице. *Видели меня насквозь*. Я не вздрогнула от того, что он знал. Я оценила тот факт, что Капо, казалось, понял меня без необходимости повторять слова вновь.

Пожалуйста, не делай мне больно.

Капо отпустил мои запястья, взял мою руку в свою — его ладонь практически поглотила мою — и повел меня обратно к своей машине.

Туман немного рассеялся после того, как он освободил пространство между нами, и его слова полностью впечатались в мой разум. *Приходи завтра, и ты будешь единственной, кто будет со мной раз и навсегда. Планы, даты и время могут идти к черту.*

— Мы же должны пожениться на следующих выходных в Нью-Йорке, — сказала я, но мой голос шел вразрез с ощущениями, которые терзали мое тело. Спокойный. Прошло несколько секунд, а Капо все не отвечал. — В следующие выходные, Капо. Это произойдет в следующие выходные?

— Слишком долго, — сказал он. — Это произойдет завтра. Утром я поговорю с Рокко об изменении условий. Мы поженемся вечером.

— Платье, на которое ты потратил кучу денег! Оно не будет готово так скоро.

— Пусть Джада позвонит дизайнеру. Скажи им, что я заплачу втридорога, чтобы они закончили. Если нет, можешь надеть хоть *рабочие* джинсы.

Когда все будет улажено, на следующий день я стану замужней женщиной. *Понедельник*. Кто женится в понедельник? Эта мысль вылетела у меня из головы, когда следующая пришла на ее место.

Меньше чем через двадцать четыре часа я выйду замуж за Капо Маккиавелло. За человека, который держал меня силой там, где ему нужно, на его стороне на всю мою оставшуюся жизнь.

КАПО

Воздух в мэрии был прохладным. Пахло старыми бумагами, моим одеколоном и чем-то, что пахло любовью и верностью, и, если я принимал во внимание нелепые слова Марипосы, дружбой. Существует три разные причины, по которым мужчина стоит на том же месте, что и я, ожидая, когда женщина посвятит ему свою жизнь.

Я посмотрел на Рокко и прищурился. На его лице играла улыбка кота, который съел канарейку. Ему было слишком любопытно, почему я беру в жены свою невесту именно сегодня, а не в запланированный день.

К черту свидания.

Дело было сделано, ждать не было причин. Свадьба в Италии требовала времени. Все должно было быть спланировано; это значимое событие для моего деда. Он заслужил, чтобы его внук женился. Моя женитьба была одним из его желаний. Этот вопрос должен был быть решен до того, как он покинет сей бранный мир.

Однако не было никаких причин откладывать свадьбу на потом. Другой день, другое время были непредсказуемы. А когда я чего-то хотел, я это делал.

Сегодня я хотел, чтобы Марипоса стала моей женой.

Я поднял руку, отогнул рукав костюма, и посмотрел на часы. Она опаздывала. *Три минуты.*

— Гвидо сказал десять минут, — сказал Рокко. Он и его жена Розария стояли в качестве свидетелей. Она сидела рядом с ним, покручивая браслет на своем запястье и наблюдая за мной.

Я встретился с ним взглядом, не желая оттягивать неизбежное. Его ухмылка начинала раздражать меня. *Parla¹³. Говори.*

Рокко повел плечами, поправляя свой костюм.

— Я этого не ожидал, — сказал он по-итальянски.

Мы вели наш разговор по-итальянски.

— Мы это уже обсуждали, — сказал я.

— Это было частью соглашения, — покачал он головой. — Мы обсуждали другую дату. *Позднее.* И вот мы здесь. Сегодня. — Наши взгляды встретились, и он переключился. — Ты не рассказал мне, как прошла встреча с ее семьей.

— Они ей не родственники, — сказал я. — Друзья.

— Она считает их семьей, — сказал Рокко, не заботясь о том, разозлил он меня или нет. — Они заботятся о ней. Она им доверяет.

— Насколько я знаю, члены семьи не должны пересекать границы амурных дел. — Кровь в моих жилах горела при мысли о Малыше Хэрри. *Стрингс.*

Он рассказал слишком много. Упомянул войну, чтобы разжечь любопытство Марипосы, хотя он и был ее частью. Малыш Хэрри был новым адвокатом Кэшела «Кэша» Келли, главы влиятельного ирландского клана. Как раз перед тем, как Малыш Хэрри взялся за эту работу, старый глава клана был убит, и Кэш занял его место. Вскоре он нанял Малыша Хэрри. Кэш называл его Малыш Хэрри, как и я. Я хотел, чтобы он знал, что я знаю все. Вскоре после этого он купил дом на Стейтен-Айленде для женщины, на которой я скоро женюсь.

Слишком поздно, ублюдок, я перерезал эти нити. Раз. Два.

— А, — сказал Рокко, улыбаясь все шире. — Один из братьев Райан заботится о ней.

Я снова посмотрел на часы. *Семь минут.* Я начал расхаживать по коридору. Женщинам нужно время, чтобы подготовиться, но часы тикали, и этот звук гулко отдавался в моей голове. Его нужно было заставить замолчать.

¹³ (итал.) Говори

— Тебе не стоит беспокоиться, — Розария пренебрежительно махнула рукой. — Сомневаюсь, что найдется на свете женщина, которая смогла бы тебе отказать.

Мое замечание о том, что семья не пересекает амурные границы, было направлено и на нее. Рокко и Розария тоже заключили брак по договоренности, но их брак был в какой-то степени свободным. За эти годы она много раз делала поползновения в мою сторону. Рокко был мне как брат. А Розария была не в моем вкусе.

Кроме того, Розария еще не видела Марипосу. Она понятия не имела, насколько она другая, и Малыш Хэрри мог предложить ей то, чего я не мог. Историю без шрамов. Если Хэрри все испортит, его найдут в канаве, а может, и вообще не найдут никогда.

Одиннадцать минут.

— Я знаю, что опаздываю! — Ее голос донесся до меня через просторный коридор, каблук торопливо стучали по мраморному полу.

Я обернулся и увидел, что Марипоса спешит ко мне, как будто на ней не было одного из самых красивых платьев, которые я когда-либо видел, и она не была самой великолепной женщиной в моем мире.

Руки Марипосы вцепились в платье, поднимая его так, чтобы не испачкать подол об пол.

«Разве ты не знаешь, женщина, что грязь - это то, что однажды оставит воспоминания», - хотелось мне сказать, но я промолчал. Все, что Марипоса покупала, она ценила, почти благоговела перед купленной вещью. Ей потребуется время, чтобы понять, что если ее жизнь полна новейших вещей, то она живет недостаточно долго, чтобы выносить их до дыр.

Шрамы на коже означали жизнь. Кровь на костяшках пальцев означала жизнь. Грязь на белой одежде означала жизнь. Жить - значит рисковать, даже если в процессе мы измараемся в грязи.

Вечерний свет падал на ткань, когда она проходила мимо окна, заставляя шелк светиться, а жемчуг и кристаллы сиять. Ее тонкая талия и ярко выраженные ключицы четко просматривались. Ее груди - единственная часть, наполненная жиром, которая у нее была на теле, - были приподняты вверх и покачивались, когда Марипоса пыталась поторопиться. Ее волосы были зачесаны назад, маленькие завитки обрамляли лицо. Стиль прически подчеркивал царственную посадку ее носа и мягкие черты лица, эти губы.

— Поскольку это было в последнюю минуту, — сказала она, не обращая внимания на то, что я не мог оторвать от нее глаз, — мне пришлось поторопиться и сделать несколько дел сразу. — Она оглядела меня с ног до головы. — Ты выглядишь...

— *Sei sbalorditiva*¹⁴, — сказал я, прежде чем она успела закончить.

Марипоса сощурилась и напряженно поразмышляла.

— Ты назвал меня сногшибательной. *Ты выглядишь потрясающе*, — повторила она по-английски.

— Верно. — Я покружил ее немного. Платье заканчивалось глубоким V-образным вырезом на спине. — Это платье мне нравится. *Ты угодила мне*.

— Ты хотел, чтобы я была в платье, я выполнила твое желание, — сказала она. — Но это не так... Я поняла, что ты сказал мне, и тебе не нужно было переводить сказанное.

Я кивнул.

— Ты начинаешь понимать.

Марипоса пожалала плечами, но я не дал ей ни секунды на раздумья. Я предложил ей руку, и мы вошли в комнату, где нас уже ожидал служащий, сочетающий браком. Через несколько минут мы повторили наши клятвы, и я надел ей на палец кольцо, которое подарил. Когда настала ее очередь сделать то же самое со мной, я подошел, чтобы сказать, что мы пропустим эту часть.

— Подожди! — Марипоса повернулась к Гвидо. Он подошел и протянул ей коробку. Она открыла ее и достала массивное кольцо из белого золота с квадратным черным бриллиантом в центре и золотой буквой «М». Марипоса вернула ему коробку и повернулась ко мне, слегка улыбаясь. — Опоздала, помнишь? Что-то приходится делать в последнюю минуту. Оно не должно

¹⁴ (итал.) Ты потрясающая

было быть готовым, но ювелир сжалился надо мной и поспешил с заказом. — Она взяла меня за руку и надела кольцо на мой левый палец.

После того, как служащий мэрии объявил нас мужем и женой, поцелуй, которым мы скрепили сделку, был мягким, мои губы нашли уголок ее рта, а ее - мою щеку. Розария и Рокко потянули Марипосу в сторону, после этого, обнимая ее. Пока они это делали, я водил кольцом вверх и вниз по пальцу, не готовый к его весу, он напоминал поводок вокруг шеи взрослого волка.

Затем что-то привлекло мое внимание внутри. Надпись.

Il mio Caro.

Моему Боссу.

— Капо?

Я повернулся, чтобы посмотреть на мою жену. Она сидела рядом со мной в машине, пока Джованни вез нас домой. Судя по выражению ее лица, она уже пыталась заговорить со мной.

После того как мы поженились, что-то не давало мне покоя, пока я не понял, что она сделала.

Она не особо пользовалась выделенными ей средствами, всегда находя выгодные сделки, даже при покупке еды. Она даже пользовалась купонами. Но кольцо, которое она купила, стоило больше двух тысяч долларов.

Марипоса потратила на меня все свои деньги.

Единственным человеком, который сделал бы это у меня под носом, был бы Рокко. Он пригласил нас отпраздновать это событие в эксклюзивном итальянском ресторане, которым владел вместе с одним из своих братьев, Брандо. Когда я отвел его в сторону, чтобы расспросить об этом, он сказал мне, что она пришла к нему и попросила оказать ей услугу.

Одолжение.

От Фаусти.

Она хотела купить кольцо так, чтобы я не мог отследить транзакцию. Взамен она предложила заменить Джаду, пока та будет в отпуске. Бесплатно. Рокко принял ее предложение, но другие женщины в его офисе по-прежнему регулярно помогали моей жене. Он сказал, что у нее много дел со свадьбой в Италии.

— Его сделал *семейный* ювелир. — Рокко отмахнулся от этого вопроса, выпив стакан виски. Он был безжалостным главой своей собственной ветви семьи, а его отец был одним из самых безжалостных людей, которых когда-либо видела Италия. И все же Рокко любил свадьбы и хорошие праздники. — Ты ничего не должен. Твоя жена выполнила свою часть сделки. Мы квиты. Услуга за услугу. Давай не будем обсуждать это в день твоей свадьбы, а? Дела следует вести в офисе.

У Фаусти был ювелир в постоянном доступе. Семья ювелира работала только со своими с незапамятных времен, и они работали исключительно на них. Поскольку я был связан с их фамилией, считаясь семьей, он также работал и на меня. У меня был оплаченный счет.

Марипоса, казалось, лучше всех понимала, что такое услуга за услугу. Это было единственное правило, которого, казалось, она придерживается. Доброта за доброту - ничего никому не должна. Кроме меня. Она была обязана мне жизнью. И не так давно - я поднял руку с часами, проверяя время, - она поклялась мне в этом. Но то, что она обратилась с просьбой к мужчине, который, как она знала, ожидал чего-то взамен, обычно за высокую цену, раздражало меня, казалось чертовски неправильным.

— У тебя назначена встреча где-то еще?

Машина дернулась, и я повернулся, чтобы посмотреть на нее. Глаза Марипосы почти светились в темноте. Золото в ее глазах, волосах и коже, казалось, дополняло друг друга. Ее губы были мягкими и розовыми, и когда она улыбнулась, почти застенчиво, я снова встретился с ней взглядом.

— А почему ты спрашиваешь?

— А? — она глубоко вздохнула. — С самого ужина ты постоянно отвлекаешься. Минуту назад я пыталась поинтересоваться у тебя, куда мы едем, но ты не ответил. Потом ты посмотрел на часы. — Марипоса наклонилась, изучая их. Ее близость овевала меня ее запахом, и сладкий аромат кожи Марипосы заставил меня облизнуть губы. Я понял, что она была проблемой в тот момент, когда запах ее кожи проплыл у меня под носом в клубе. Феномен феромона и вся его магическая чушь. Это оставляет мало контроля тому, кто хочет вдыхать чью-то кожу, подобно наркотику. — При всех твоих миллионах тебе явно нужны новые часы. На этих уже проявились пятна ржавчины.

Я пожал плечами, белая рубашка на пуговицах натянулась.

— Некоторые вещи не стоят того, чтобы их заменять, независимо от того, сколько им лет. — Я указал на здание, перед которым машина замедлила скорость. — Мы дома, Марипоса.

— Дома, — повторила она, поворачиваясь лицом к окну. — Ты живешь рядом с пожарной станцией! Мило. Это будет кстати, когда я буду готовить тебе ужин. — Она замолчала, когда Джованни нажал кнопку на приборной панели и дверь гаража открылась. — Ты владеешь всем этим зданием?

— М-м-м-м.

— Это не то, чего я ожидала.

— А чего ты ожидала?

— Пещеру летучих мышей?

— Откуда ты знаешь о пещере летучих мышей?

— От братьев Кили. Я однажды вместе с ними смотрела этот фильм.

Я тихонько рассмеялся, еще глубже похоронив мысль о Малыше Хэрри.

— Не настолько прекрасное место, чтобы ослепить тебя?

Почему этот убудок все еще влияет на мои слова?

Марипоса прищурилась, глядя на меня.

— Нет, я просто подумала... что это должно быть где-то на Манхэттене. Пентхаус. — Потом она усмехнулась, и мои слова дошли до нее. — И все же это далеко не *соломенный домик*.

— Тогда я буду *стараться свистнуть посильнее*, чтобы *разнести* к чертям твой дом.

— Большой злой волк, одетый в прекрасный итальянский костюм. — Марипоса коснулась моей руки, ее пальцы были такими же мягкими, как и губы; там, где ее пальцы касались татуировки волка она, казалось, ожила в свете огня гаража. — Я должна была догадаться.

Ее взгляд скользнул к моим губам, потом снова к глазам, и когда Марипоса больше не могла выдерживать мой взгляд, она начала теребить мой галстук. *Нервные руки, словно трепещущие крылья*. Я хотел чувствовать их на своей коже, вокруг своего члена, руки, ласкающие мои яйца.

Марипоса прочистила горло.

— Ты мне все покажешь?

Я постучал в окно костяшками пальцев, и появился Джованни, открывая мне дверь. Я сказал Марипосе, что буду говорить по-итальянски, и она, как и в мэрии, казалось, поняла меня без перевода. Я обошел машину и открыл ей дверцу. Она взяла меня за руку и вышла, все еще придерживая платье.

— Теперь я знаю, почему ты купил это здание. — Марипоса огляделась. — Тебе явно нужно было место для всех твоих машин.

Я сжал ее руку, чувствуя дрожь в теле Марипосы, ведя ее внутрь здания. Это не было сознательной реакцией, но когда мы вошли, она крепче сжала мою руку.

— *Черт меня дерит*, — выдохнула она, заглядывая внутрь. — Я никогда не была в таком... большом месте.

Я показал Марипосе все вокруг, устроил грандиозную экскурсию, но, в конце концов, понял, что у нее что-то на уме. Она почти ничего не сказала.

— Что случилось? — Я остановился в чулане хозяйской спальни. — Можешь говорить прямо.

Она опустила подол платья, пожалала плечами и заправила за ухо длинную прядь волос.

— Здесь прекрасно, Капо.

— Ты можешь изменить все, что захочешь. Разбери все на части и снова собери.

Марипоса кивнула, но больше ничего не сказала.

— Давай я тебе кое-что покажу, — сказал я.

— Еще?

Я усмехнулся.

— Смотри внимательно.

Она не сводила с меня глаз, пока я нажимал кнопки на часах. Задняя стена начала бесшумно двигаться, скользя перед другой стеной, и открылось пространство за ней. Это было похоже на лифт. Холодный. Стерильный. С другой стороны располагалась металлическая стена. Я протянул руку, жестом приглашая ее войти. Марипоса колебалась, но только секунду. После того, как мы вошли в помещение, я закрыл дверь в чулан. Секунду спустя я открыл другую дверь и жестом пригласил ее выйти первой.

— Хорошо, — сказала она, широко раскрыв глаза. — У тебя *тут* есть пещера летучих мышей. Потайная дверь.

Смех, вырвавшийся из моей груди, звучал прерывисто.

— Не совсем. Это пожарная часть.

— Да, но ее переделали. Полностью переделали. Снаружи она выглядит заброшенным зданием.

Марипоса подошла к стеклянным перилам и посмотрела на нижний этаж дома. Я переделал его для нее. Никто не знал, что это здание мое. Насколько всем было известно, это была бездействующая, заброшенная пожарная часть.

Первая часть дома была холодной, с резкими линиями. Эта часть была для нее: теплые тона и мягкая мебель. На стенах висели многочисленные картины с бабочками. Здание не соответствовало внешнему виду, но редко внешность соответствует внутреннему наполнению. Одна из моих тетушек поговорила с декоратором. Она дала им представление о том, кто такая Марипоса, из того, что я ей рассказал, и женщина все заказала. Я взял идею отсюда.

— Это твой дом, Марипоса. С другой стороны фасад, показуха. Если у нас гости, званые обеды и тому подобное, мы развлекаемся в той части. Эта часть предназначена только для личного пользования. Семь человек, включая нас, знают, что мы здесь живем.

— Это больше, чем я могла себе представить, — выдохнула она.

— Я рад, что тебе нравится.

— А кто остальные пять человек, которые знают о тайном доме?

Тайный дом. Я чуть не усмехнулся.

— Рокко, мои дядя и тетя, брат Рокко Дарио - он архитектор - и еще Донато. Он начальник Службы безопасности Рокко. Ты с ними скоро познакомишься, на свадьбе в Италии.

— Если никто не знает, как ты все это провернул?

— Дарио помог мне кое в чем. Он потратил на это некоторое время. Остальное, — я поднял руки, — я работаю над этим местом уже пять лет. Все припасы поступали через другое здание. До сих пор я здесь никогда не жил.

— Затворник, — прошептала она.

— У тебя такие же часы, как у меня, но они новее и женственнее. Если хочешь, можешь менять ремешки, чтобы они подходили к твоей одежде. Ты найдешь их на прикроватном столике. Но только мы семеро должны знать об этом, Марипоса. Больше никто.

— Понятно, — сказала она. Она играла со своими волосами. *Agitarsi*¹⁵. *Нервничала.* Она нервничала.

— *Vieni*¹⁶, — сказал я, отводя ее от перил. — Давай я тебе все покажу.

На этот раз, когда мы осматривали дом, Марипоса была более оживленной, ее глаза блестели, рассматривая все, вместо того, чтобы пытаться понять, куда она впишется. Ее тело расслабилось, как и в ту ночь в клубе, когда я двигал ее в медленном ритме. В ту ночь ее сердце

¹⁵ (итал.) Взволнована

¹⁶ (итал.) Идем

билося так неистово, что я чувствовал, как пульс Марипосы ускоряется, чтобы не отстать от ритма, заданного сердцем.

Когда я показал ей вторую спальню, она кивнула и сказала:

— Я останусь здесь?

— Это тебе решать. Частью нашего соглашения было то, что я дам тебе время привыкнуть ко мне. — Я намеренно сделал вторую хозяйскую спальню более мягкой по сравнению с моей собственной спальней по собственным эгоистичным причинам.

Чем ближе мы подходили к комнате, тем больше она теребила свое платье. Когда мы добрались туда, она заглянула внутрь, почти опасаясь войти.

— Большой злой волк живет здесь. — Я усмехнулся. — Ты в безопасности.

— Пока, — пробормотала она, наконец-то заходя внутрь.

Марипоса провела рукой по огромной кровати, по всей мебели, даже по стенам. Она двинулась в ванную, ее глаза метнулись прямо к перламутровому потолку, настенному камню, массивной душевой кабине и ванне на массивных ножках в виде когтистых лап, а затем к полу, выложенному лучшим итальянским мрамором.

Она остановилась, когда подошла к входу в гардероб. Это была комната внутри комнаты. Там был коридор, а по обеим сторонам стеклянные двери, за которыми располагались одежда, обувь и места для хранения драгоценностей. Одна сторона была ее. Другая - была моей.

— Не хочу показаться грубой, — сказала она, собираясь оторвать жемчужину с платья. Ее взгляд был прикован к полке, уставленной теннисными туфлями самых разных цветов, в основном итальянского производства. — Но чья это одежда? Я знаю, что одна сторона - твоя, там только костюмы, но как насчет другой?

Я чуть не рассмеялся над тем, как тонко она пыталась все разузнать.

— Ни одна другая женщина не бывала здесь раньше. — Я встал у нее за спиной, и, когда выдохнул, мое дыхание обдало спину Марипосы, и на ее коже появились мурашки. — Здесь все новое. Вот почему здесь до сих пор пахнет свежей краской. Все эти вещи - твои.

— Я не покупала эти вещи.

— Ты этого не делала. Это сделал я. Скоро мы увидим, насколько хорошо я тебя знаю, а?

Марипосе потребовалось некоторое время, чтобы осмыслить, но она кивнула. Ее это ошеломило. Несмотря на то, что это была сделка, ей было трудно перейти от бедности к роскоши, не чувствуя, что это чересчур. Я толкнул ее на самое дно, а она не умела плавать.

— Я вижу, как ты тратишь деньги, Марипоса, и нам нужно поработать над твоими навыками. — Я не следил за ней, чтобы узнать, сколько она тратит. Я следил за ней, потому что ничто из того, чего она жаждала, она не приобрела. Если бы мне пришлось заказывать каждый гребаный пункт в меню, чтобы она могла понять, что ей больше нравится, я бы это сделал. И она получила бы все, что пожелает. Ей нужно было многое наверстать.

— Это слишком...

— У нас уговор, — сказал я. — Ты держишь свое слово. Я держу свое. Я делаю это не для того, чтобы быть добрым, а ты не принимаешь, потому что я требую расплаты. У нас соглашение.

Я сделал шаг ближе к Марипосе, проводя пальцем по ее шее, рисуя букву «К» на идеальной коже. Она задрожала, а мой член дернулся и затвердел.

— Полежи в ванне, Марипоса. — Мой голос был низким, грубым, почти прерывистым. — Примерь свою одежду. Возьми что-нибудь перекусить. Посмотри телевизор или послушай музыку. Бочелли, чтобы привести мысли в порядок. Почитай книгу.

Розария пригласила ее присоединиться к ней и другим женам — у Рокко было три брата — чтобы провести девичник. Они обсуждали книги, вязали спицами и крючком и делали все, что обычно делают женщины. Поэтому я купил ей устройство для чтения электронных книг вместе с сотнями книг в твердом переплете. Когда она вошла в эту комнату, она сказала: *«Что, никаких книжек-раскрасок или дневников?»*

Я отказывался отнимать у нее принципы, по которым она жила все эти годы, так что нет, она не получит этого от меня. Она была удивлена, что я думал об этом именно так. Были вещи, которые

все еще были особенными для меня, даже несмотря на то, что мир упал к моим ногам, и в отличие от книжки-раскраски или дневника, никто не мог заменить их.

— Хорошенько выспись. Это первая ночь из многих. Чувствуй себя как дома, Марипоса. Потому что это твой дом. *Per sempre*¹⁷.

— Подожди. — Она повернулась ко мне. — Ты куда-то собрался?

— Поработать.

Прошло почти два часа с тех пор, как я оставил жену, чтобы она могла побродить по дому и устроиться поудобнее. Я сидел за столом в своем кабинете, глядя на все мониторы и пытаясь определить различные запахи, проскальзывающие внутрь. Выпечка торта. Лазанья. Попкорн.

Через час раздался стук в дверь, и прежде чем я успел ответить, она открыла ее и вошла. Марипоса приняла душ. Ее волосы были влажными. В комнату ворвались ароматы фисташек, миндаля, карамели и сандалового дерева. Вместо того чтобы надеть одну из многих вещей, которые я купил для нее, чтобы она могла спать в них, она надела мой халат. Он был в три раза больше нее. Ее руки терялись в рукавах, и халат практически висел на ее теле.

В руке Марипоса держала тарелку. Когда она поставила ее передо мной, ее обручальное кольцо выглянуло из-под ткани.

— На кухне, должно быть, больше сотни поваренных книг. Я нашла рецепт свадебного торта. У нас есть разнообразные ингредиенты, поэтому я попробовала испечь.

— Попробовала. — Я посмотрел на торт. Я взял вилку и воткнул ее в торт. Он был жестким, как доска, и темнее, чем должен быть белый свадебный торт. Может быть, это должен был быть шоколад. — А он должен быть именно таким?

Марипоса сморщилась.

— Это спорный вопрос.

Я отрезал вилкой кусочек и сунул в рот. Я сделал паузу, прежде чем действительно начал его пробовать. Поднял на нее глаза, а она посмотрела на меня сверху вниз, сделав чертовски странное лицо, напомнившее рыбу-фугу.

— Что скажешь? — спросила она, поджав губы. Она старалась не рассмеяться.

Я заставил себя проглотить кусок. Если бы я знал, каков на вкус картонный торт, я был бы уверен, что он вкуснее, чем этот.

— Ты в первый раз испекла торт?

Она кивнула.

— В самый первый раз.

— Отлично, — мой голос был напряжен.

Она указала на меня, громко смеясь:

— Ты ужасный, ужасный лжец, Капо! — Она рассмеялась еще громче.

— Ты, должно быть, кое-что забыла. Например, молоко, яйца и масло. Что ты сделала, просто добавила муки? У тебя есть вода в карманах халата? — Мой голос стал хриплым от напряжения в горле и сухости, которую вызвал недоторт.

Марипоса со смехом вышла из комнаты и вернулась с бутылкой холодной воды для меня. Я выпил ее, а ее дикий смех превратился в довольную ухмылку.

Она прошлась по комнате, изучая все мое оборудование.

— Что все это значит? — наконец спросила она.

— Я занимаюсь частной охраной на стороне.

— Ты шпионишь за людьми.

— Можно так сказать.

— Тебе платят за то, чтобы ты вынюхивал?

— Иногда.

¹⁷ (итал.) Навсегда

— Ох. Понимаю. — Она посмотрела на один из мониторов. — Это твоё здание?

— Наше здание, — сказал я. — Смотри. — Я указал на точку на экране и увеличил изображение. Джованни прошёлся по дому, делая обход. Он понятия не имел, что мы на этой стороне. Он предположил, что мы находимся в нашей комнате на той стороне. Он всегда так считал.

— Ты ведь не сделаешь этого со мной, правда? — Её глаза сузились, когда он вытащил штаны из своей задницы. Джованни был самым уродливым сукиным сыном, какого я только мог найти, с достаточным опытом, чтобы заботиться о моей жене, когда меня не было рядом. — Не будешь подглядывать за мной?

— Зависит от обстоятельств. — Я откинулся на спинку стула, изучая её черты в свете мониторов. Марипоса выглядела отдохнувшей.

— От каких? — Моя жена широко раскрыла глаза, что делала, когда хотела, чтобы я продолжил или был детален.

— Насколько хорошо ты будешь себя вести.

— Я хорошая девочка. — Она подошла и встала передо мной, скрестив руки на груди, которая исчезла под массивным одеянием. — Но знаешь, что говорят о хороших девочках? Они никогда не вершат историю.

Марипоса сократила расстояние между нами и протянула руку, чтобы коснуться моего галстука. Я развязал его, но не снял. Марипоса медленно двинулась, наблюдая, как черная ткань соскользнула с моего воротника, а затем положила её на стол. Я закатал рукава до локтей раньше, и она провела пальцем по одной из моих вен, сосредоточившись.

Мы оба притихли, и когда она подняла глаза, мы уставились друг на друга.

— Тебе что-нибудь нужно, Марипоса?

Она покачала головой.

— Мне стало одиноко. Это большое место. Я ещё не привыкла к нему. Мне было интересно, когда ты ложишься в кровать.

Я приподнял брови, и она на секунду отвела взгляд в сторону, на один из многочисленных мониторов.

— Спать, — тихо добавила она. Затем она принялась возиться с завязками халата. Я чувствовал её беспокойство. Она готовилась либо сказать что-то, либо сделать.

— Не делай этого со мной, — сказал я.

— Чего? Этого? — Она крутила галстук, заставляя его кружиться и кружиться, слегка улыбаясь.

Я протянул руку, чтобы остановить её.

— Да. *Agitarsi. Не суепись.* Не нервничай.

Марипоса кивнула, и я увидел, как дернулось её горло, когда она сглотнула.

— Ты понял, *Kano*.

— Ты хочешь сказать, *il mio capo*.

— Ты это заметил?

— Я все замечаю.

— Почему ты выглядишь... расстроенным?

— Забегая вперед, больше никаких сделок с людьми, которые не являются мной.

— Ты имеешь в виду Рокко? Кольцо.

— Ага. Рокко. Кольцо. Никогда больше.

— Как пожелаешь, Капо.

Когда Марипоса впервые назвала меня так, я с трудом удержался, чтобы не отыметь её прямо там в Клубе. И чем больше она говорила, тем больше я чувствовал себя диким зверем в клетке. Не иметь возможности прикоснуться к ней, пока она не будет готова, было все равно, что думать о важных словах, но не иметь возможности произнести их.

Через несколько минут Марипоса сделала глубокий вдох, развязала халат и распахнула его, выпустив воздух, который задерживала. Под халатом она была полностью обнажена.

Мои глаза пировали на ее обнаженном теле, как у голодного зверя. Каким-то образом наши роли поменялись. Я был тем, кто, казалось, не мог насытиться. Она была чертовски совершенна. Свет от мониторов подсвечивал каждый ее изгиб. Полнота ее груди могла бы с легкостью заполнить мои ладони. У Марипосы была тонкая талия и слегка покатые бедра. Ее соски затвердели, а по внутренней поверхности бедра бежал еле уловимый след ее желания. Я чувствовал запах ее возбуждения - такой чертовски сладкий, что ощущал его привкус на языке. Я облизнул языком нижнюю губу, жаждая продолжения.

— Я подумала, что вам следует посмотреть, чему вы посвятили себя полностью, *il mio caro*. Мне. Надеюсь, я стоила такой высокой цены. — Когда я смог оторвать взгляд от ее тела, я встретился с Марипосой взглядом, но она смотрела в другую сторону. — Я всего лишь кожа да кости, но...

Когда мои руки крепко обхватили ее бедра и подняли на стол, она ахнула. Когда я притянул Марипосу ближе к себе, рот Марипосы приоткрылся, и прохладный поток ее дыхания коснулся моей горячей кожи. Я прижал ее ближе к своему члену, прижимаясь к ней, пока из ее мягкого рта не вырвалось хныканье. Руки Марипосы протянулись, почти царапая мою рубашку, пытаюсь добраться до кожи.

Мои зубы впились в ее шею, прокладывая путь к уху.

— Я заключил сделку, — сказал я. — А тебе следовало потребовать большего.

— А. — Марипоса втянула воздух и зашипела, когда я сильнее укусил ее за шею. Ее ногти впились в мою кожу, и от этого я захотел ее еще больше. — Может, нам лучше вернуться за стол?

Мне понадобятся неограниченные средства, потому что, *черт возьми. Un estimabile valore*¹⁸. Не было цены, которую бы я не заплатил, чтобы заполучить ее. Нет такого условия, на которое я бы не согласился. Возможно, она и вступила в сделку без каких-либо денежных средств, но полная власть надо мной была в ее руках. Было в ней что-то такое, что овладело мной. Делало меня одержимым.

Затем удар чего-то другого, чего-то чужого, глубоко обжег меня.

Ревность.

Это слово, казалось, обрушилось на меня, как удар молнии во время грозы — прямо в тот момент, когда я стоял в луже рядом с деревом.

Лицо Рокко в мэрии, его слова вдруг вспомнились мне.

Я был достаточно взрослым, чтобы понимать, но мне было наплевать. Я ревновал, когда Малыш Хэрри сказал Марипосе, что любит ее. Когда он назвал ее этим жалким прозвищем. *Стрингс.*

Эта мысль заставила мои пальцы впитаться в ее бедра, притягивая Марипосу еще сильнее к моему члену. Что-то дикое заставило меня заявить свои права на нее. Обладать ею. Контролировать. Доминировать над ее запахом своим собственным. Мои губы скользнули вниз по ее груди, мой язык смаковал вкус ее кожи, и когда я втянул ее сосок в рот, Марипоса дернулась подо мной.

— Только, — выдохнула она, — не закрывай мне рот.

Я снизил напор, чтобы она не почувствовала, что своими словами заставила меня остановиться. Я посмотрел на нее снизу-вверх. Руки Марипосы вцепились в мою рубашку, но когти она спрятала. Ее глаза были плотно закрыты. Сердце в груди Марипосы, казалось, билось у меня в ушах, но не от удовольствия - от страха.

Ее крылья пытались взлететь, но в то же время она была прикована к земле.

Марипоса хотела меня. Хотела этого. Но этот ублюдок сделал с ней что-то такое, от чего она так и не оправилась. Впервые я услышал в ее голосе уязвимость. Даже в Клубе, когда она понятия не имела, на что подписалась, она была сильной мученицей.

*Vivo o tuoi provando*¹⁹. Я живу или умираю, пытаюсь.

¹⁸ (итал.) Оценочный лот

¹⁹ (итал.) Живи или умри, пытаюсь

Когда я замедлился, Марипоса, казалось, немного расслабилась, и момент прошел. Она согласилась дать мне время. Я согласился на то же самое.

— Марипоса, — сказал я низким и хриплым голосом.

Ей потребовалось мгновение, чтобы открыть глаза. Когда она это сделала, то, что я увидел то, что потрясло меня. Стыд.

Я поднял ее, прижимая к себе.

— Когда будешь готова заняться со мной сексом, надень что-нибудь красное. *Consumami*²⁰.
Ублажи меня.

— Ты хочешь, чтобы в твоей постели полыхал огонь, — она сказала это так, словно это утверждение было сомнительным. Как будто огонь - плохое слово. Как будто это то, чего стоило бояться. Может быть, для нее так оно и было. Бабочка - хрупкое создание, и ее легко может поглотить пламя, но только если бабочка не будет нести его в себе. Что она, в сущности, и делала. Моя жена несла в себе мощь, достаточную, чтобы покорить меня.

— Да, — ответил я. — Пожар. Тогда я буду знать, что ты готова.

— Я хочу быть готовой, — прошептала она.

— Так и будет. Мы над этим поработаем.

Я почувствовал ее улыбку у себя на груди. Марипоса поцеловала меня там, под шеей, вокруг шрама. Я замер, но она этого не заметила. *Спасибо, блядь.* Она зевнула и прижалась ко мне.

— Пора спать. — Я поднял Марипосу со стола и понес в спальню.

— Мы будем спать в одной постели? Я хочу. Когда я попала сюда в первый раз, то во время встречи ты сказал, что это только мне решать.

Вот почему я сделал другую комнату такой непривлекательной. Ей нужно было быть рядом со мной.

Я поставил Марипосу на середину чудовищно огромной кровати, а она сняла халат, положив его на край матраса. Забравшись под одеяло, она подобралась поближе к подушке и вытянула одну ногу. Марипоса выглядела вполне прилично, ее единственная голая нога торчала из-под одеяла. Мягкая задница моей жены отлично уместилась бы у меня в ладонях. Это был первый раз, когда я смог хорошо рассмотреть ее. Мне хотелось кусать ее задницу до тех пор, пока она не закричит. А потом бы мне хотелось трахнуть ее.

— Ты присоединишься?

Я откашлялся, чтобы избавиться от комка в горле.

— Позже. Мне нужно еще кое-что закончить. Если я тебе понадобится, твои часы на тумбочке. Нажми кнопку сбоку и скажи: «Позвони Капо». Они соединят меня с тобой сию секунду. Ты можешь позвать Джованни точно так же.

— И его тоже зовут Капо?

— Нет. Это только для меня. Просто произнеси *его* имя, и устройство сразу же свяжет тебя с ним.

Марипоса сделала свою руку похожей на дуло пистолета, направив ее на меня, а затем подмигнула, одновременно издавая *щелкающий* звук ртом, ее «пистолет» немного наклонился.

— Заметано. — Потом она рассмеялась, и я понял, что все это время Марипоса издевалась надо мной. Прошло уже много лет с тех пор, как я проводил так много времени с женщиной. И ни с одной, похожей на нее. Мне придется прибавить скорость, чтобы не отстать.

Она села, протирая глаза, одеяло упало. Ее соски все еще были твердыми.

— Ты один из тех людей, которые не могут заснуть?

Я пожал плечами.

— Зависит от ночи. *И если ты будешь готова трахаться со мной всю ночь.*

— Значит, я и *вправду* поселилась в пещере летучих мышей.

Далеко не так, но, если это означало, что она чувствовала себя в большей безопасности здесь, со мной, я позволил этому случиться.

²⁰ (итал.) Поглоти меня

— Эй, — сказала она, останавливая меня перед уходом. — У тебя есть время посмотреть фильм перед работой? Может быть, мы сможем приготовить коктейли с рутбиром? Я всегда хотела попробовать такой. У нас есть все необходимое.

Это место было большим. Это было что-то новое. Ей было трудно привыкнуть. Потом я подумал о доме на Стейтен-Айленде, о том, как там уютно, и это запретное слово снова вспыхнуло у меня в голове. *Ревность*. Малыш Хэрри заранее все это продумал. Место было удобным для нее.

Вернемся к сути. Ей просто нужно привыкнуть.

Я снял рубашку и протянул Марипосе. Она подвинулась на кровати, забирая ее у меня. Наши руки соприкоснулись, и тот электрический шторм, который назревал во мне всю ночь, казалось, послал ударную волну вверх по моей руке. Она взяла предложенную мной одежду, но ее взгляд скользнул по моей обнаженной груди.

— Надень это, — сказала я, понизив голос.

Марипоса кивнула и надела рубашку. Она висела на ней, словно слишком большое платье.

— Так значит, да?

— Какой фильм?

— А как насчет Фредди Руки-ножницы? И я сделаю коктейли!

Фары моей машины осветили въезд в гараж у одного из принадлежащих мне зданий. Секундой позже дверь в него открылась, и я заехал внутрь, поставив машину на стоянку. По радио зазвучала одна из нелепых песен Марипосы. Я чувствовал, как мой мозг сжимается каждый раз, когда поющая цыпочка брала очередную ноту. Но Марипосе нравилась эта песня. А иногда, когда играла какая-то конкретная строчка, она показывала на меня пальцем и повторяла текст.

Это была одна из самых странных вещей, которые я когда-либо видел. Но в следующую секунду мне приходилось напоминать себе о том, как она молода. Эта невинность, которую я отчаянно хотел спасти, каким-то образом сохранилась в ней, и когда она чувствовала себя достаточно раскрепощенно, чтобы снова воссоединиться с ней, невинность буквально просвечивала сквозь Марипосу в такие моменты.

Мои ботинки бесшумно ступали по асфальтированной дорожке, когда я вошел внутрь. Донато прислал двух парней, чтобы они наблюдали, поэтому я сощурился, стараясь понять, кто был третьим, прежде чем, наконец, расслабился.

Я протянул руку, и Донато пожал ее. Затем он притянул меня к себе, и мы похлопали друг друга по спине.

— Я слышал, вас можно поздравить, — сказал он по-итальянски. Донато поднял со стола бокал, и мы чокнулись, прежде чем оба произнесли привычное «салют», а затем осушили превосходный виски.

— Он все еще щебечет, словно птичка? — Я натянул перчатки. Поначалу меня было бы трудно разглядеть, так как я был с ног до головы облачен в черное.

— Мы уже прошли через это. Теперь он злится. Требуется поговорить с человеком, который приказал его взять. Он уверяет нас, что заплатит любой выкуп.

Мы оба ухмыльнулись. Я похлопал Донато по плечу, он взял своих людей и ушел.

Прежде чем войти в комнату, я натянул на лицо лыжную маску. Свет был тусклым и освещал только стол и два стула. Кроме этого, там была только койка. Ванная располагалась немного в стороне, голая, словно остров скелета, виднелся только слив. Ни в одной из комнат не было окон, только кирпичные стены.

Человек, к которому я подошел, встал с кровати, пытаясь вести себя тихо, но ему это удавалось с трудом. Он тяжело дышал.

— Теперь ты у меня в руках, ублюдок. — В его голосе слышалась легкая дрожь. — Ты оставляешь пистолет и надеешься, что я не применю его против *тебя*?

Он взвел курок, а затем...

Щёлк.

Щёлк. Щёлк. Щёлк. Щёлк.

Я рассмеялся, когда он отшвырнул пистолет в стену.

— Сукин сын! Ты меня одурачил!

Мужчина бросился на меня, а я остановил его, ударив кулаком в живот. Его рот открывался и закрывался, пока он пытался, словно рыба, вытасченная из воды, восстановить дыхание. Я схватил его за шиворот и швырнул к столу. Он приземлился на пол и вместо того, чтобы встать, сопротивляясь, уставился на меня.

— Сядь, — приказал я.

Он сощурился.

— Мы знакомы?

— Не-а, — ответил я.

Он облизнул губы и поднял грязные руки.

— Я говорил другим парням, тем, что без масок, что я дам тебе все, что ты захочешь. У меня есть связи. Я сделаю все, что потребуется. Все, что ты только захочешь, станет твоим. Все, что тебе нужно сделать, это сказать.

— А, — выдохнул я. — Твои люди больше не собираются нас убивать?

Он болтал о том, какие у него связи и что мы с парнями все были покойниками, когда поймали его. Мертвецы. Он понятия не имел, что его похитил всего *один* человек. Я. Остальные были просто сторожевыми псами, пока я не вернулся, чтобы закончить с ним.

Он сощурился так, что его глаза почти закрылись, так старательно он пытался разглядеть сквозь окутавшую меня тьму.

— Нет, они будут с тобой помягче, если ты меня сейчас отпустишь. Я позабочусь об этом.

— Почему ты не воспользовался пистолетом, Квилло?

— Я пытался. Он был не заряжен.

— Я имел в виду раньше. Не воспользовался им для себя. Ты даже не проверил, есть ли в нем патроны.

Он попытался сделать это незаметно, когда отодвинулся от меня, но я все заметил.

— Что толку от пистолета без патронов?

— Тебе известны правила игры, — сказал я. — Я лишь предлагал тебе легкий путь.

Один из людей Донато оставил пистолет на столе. Он дал ему выбор: выбрать легкий путь, всадить одну пулю ему в голову, или же я покончу с этим. Вот только человек Донато не назвал моего имени. Он называл меня Судьбой и рассказал ему, какой я жестокий ублюдок. Но проблема с такими людьми, как Квиллон «Квилло» Замбони, заключается в том, что они наивно полагают, что весь мир принадлежит им. Поэтому он решил, что выберется отсюда живым.

У него были *связи*. Как и у его отца до него. Но ему были известны правила этой игры, и если кто-то достаточно могущественный захочет твоей смерти, ты будешь мертв. А если бы ты оказался трусом, то приставить пистолет к собственной башке с целью вышибить себе мозги, было бы куда проще, чем то, что уготовила тебе судьба.

Он ни разу не попытался применить оружие для себя. Даже не задумывался об этом. Один из людей Донато стоял на страже у двери, и не было слышно ни единого щелчка. Если бы раздался щелчок курка, ему бы выдали пулю, чтобы он попытал удачу снова.

Дурацкая, блядь, шутка. Если он решил покончить со всем этим до того, как начнется настоящая пытка, ему придется попытать удачу снова, потому что пистолет был разряжен. Это был мой изощренный способ еще немного поиздеваться над ним.

Прошла всего какая-то доля секунды, но когда Квилло осознал, как я его назвал, он встал, покачиваясь, как будто в лодке во время шторма.

— Ты назвал меня Квилло, — он склонил голову набок.

— И что? Ты слишком хорош для Квилло, *Квилон*? Ты всегда был придурком, но никогда не показывал, насколько напыщенным придурком ты был, пока не стал баллотироваться в президенты. Я уверен, что Квилон звучит более прилично, чем Квилло. Вы, политические ублюдки, начинающие в окопах, все одинаковы. Пытаетесь доказать, что вы те, кем никогда не станете. — Я поднял пистолет с пола, прежде чем сесть за стол напротив него. Положил оружие и расслабился на стуле. — Честное слово. *Sincero*.

Он с трудом сглотнул, делая шаг ближе к столу.

— Сними маску, — сказал он. — Я тебя *знаю*.

— А, — я взялся рукой за верхнюю часть лыжной маски. — Ты думал, что знаешь. Но уже нет. — Затем я полностью снял маску.

Квилло начал задыхаться, инстинктивно попятился, из-за чего снова оказался на койке. Он впечатался в нее коленями, и упал, потом снова вскочил.

— Нет! — он качал головой, отчаянно размахивая руками. — Нет. Ты призрак! Я мертв. Они, должно быть, убили меня. Я в аду. В аду с тобой. Мне нужно прощение. Боже милостивый, избави меня. — Он упал на колени и начал молиться по святым четкам. Его страх наполнял воздух горечью. Он имел тот же привкус, что и свежая кровь.

— Перестань драматизировать. — Я ногой придвинул к нему поближе другой стул. — Сядь. Давай поболтаем. Пора нам с тобой наверстать упущенное.

— Витторио, — он покачал головой, словно пытаюсь проснуться. — Ты призрак. Что тебе от меня нужно?

Я назвал его дураком по-итальянски.

— Ты боишься призрака. Тебе следовало бы больше бояться меня. Я могу истечь кровью. Меня можно убить. Снова. А ты знаешь, что это значит? Я опасен. Я - живой призрак, которого тебе стоит бояться.

Он встал, все еще слегка покачиваясь, и придвинул стул поближе к столу. Несмотря на то, что ему было не по себе, Квилло немного расслабился, думая, что сможет отговорить меня от моей затеи. Думая, что он может попытаться сыграть на нашей истории, чтобы раздавить эту проблему как муху. Он предположил, что это связано с бизнесом.

— Можно? — Квилло положил свою руку рядом с моей.

Я кивнул, и он указательным пальцем потрогал пульс на моем запястье. Он отстранился, когда почувствовал его биение.

— Ты не умер.

— Очевидно.

Потом он улыбнулся, и улыбка осветила его лицо. Его захлестнула волна облегчения.

— Сукин сын! Ты жив. — Он постоял секунду, а потом, слишком взволнованный, чтобы продолжать стоять, сел. — И когда это вообще было проблемой? Ты *не* опасен? Скажи мне что-нибудь, чего я *не* знаю, например, почему я здесь.

— Всеу свое время, — сказал я, наблюдая, как он снова расслабляется, находясь ко мне так близко. Сидя рядом с ним, я чувствовал себя как в старые добрые времена, но на этот раз я собирался разорвать ему горло в клочья и смотреть, как он истекает кровью у моих ног. Или, может быть, я стал бы действовать более изобретательно. — Ты должен мне кое-что рассказать. Для начала.

— Подожди, — он поднял руку. — Это ты развязываешь войны между всеми семьями. Твой отец приказал тебе? Мой Папаша влип в неприятности. Я подумал, что, может быть, это как-то связано с ним, но потом обмозговал еще немного. У него были неприятности с тех пор, как Анжелина... — он замолчал, остановившись на полуслове.

Да, его старик покинул город после того, что случилось. Квилло не успел среагировать, и Артуро начал использовать его для своих делишек. Квилло был равнозначен наемному слуге. Он должен был заплатить за грехи своего отца и за грехи сестры, которая переспала с двумя братьями. То, что она поимела нас обоих, не имело значения. Дело в том, что она передавала секреты - секреты, о которых никто не просил, - а потом подставила одного из нас. Ее проверили на верность, которая на поверку оказалась тоньше водной глади. *Если хочешь остаться в этой игре, тебе нужно смыть грехи кровью.*

— У меня нет отца, — сказал я. — У меня нет никого, кроме врагов.

— Черт, — Квилло провел рукой по волосам, отчего светлые пряди взъерошились словно тонкие иглы. — Значит, ты организовываешь масштабную войну. Ты убил глав этих семей. Их сыновей. Да ты рехнулся! То, что ты творишь. Это настоящее безумие. Самоубийственная миссия. После твоей смерти, ну, не смерти, а...

— Моей смерти, — подчеркнул я.

— С Ахиллом на его стороне Артуро стал еще сильнее. Ему все равно, кого убивать. Он дикарь. Он забирает жизни невинных, даже не моргнув глазом. Он чертов бешеный волк. Единственная семья, от которой Скарпоне когда-либо отступались, - это клан Фаусти, но никто не посмеет бросить им вызов.

Я сжал и разжал кулаки.

— Похоже, у моей жизни всегда был короткий срок годности. Ахилл позаботился об этом. Артуро пошел на это.

— Ему пришлось. Ты не можешь отдавать приказы и наблюдать, как твои люди не подчиняются им.

— Подчиняться, — я покатаю это слово у себя на языке. — И это ты называешь спасением маленькой девочки от судьбы, которой она не заслуживала?

Он, казалось, что-то почувствовал от меня, но он понятия не имел, что это, если только он не понял, кто она, а я сомневался, что он был в курсе. Если бы он это знал наверняка, то отдал бы ее Скарпоне, когда у него была такая возможность.

Взгляд Квилло остановился на моем шраме, а затем он снова встретился со мной взглядом.

— Почему ты спас ее? Дочь Палермо? Он никогда не делал тебе никаких одолжений. Он пытался убить Артуро прямо у тебя на глазах. Единственный человек, который когда-либо осмелился ранить *Лиро Волка*. Палермо много лет работал на твоего старика... Артуро. Артуро доверял ему, как сыну. И он обманул его самым ужасным образом. Так почему?

— У меня были на то свои причины, — ответил я.

— Причины. И куда, черт возьми, они тебя привели? К жизни призрака в городе, который по праву принадлежит тебе? Нечего сказать? — Несколько минут мы смотрели друг на друга; единственным звуком был шум стекающей в ванной воды в бачке унитаза. Потом он снова заговорил: — Теперь я понимаю. Ты вернулся, чтобы уничтожить их всех. Ты развяжешь войну, а они и не будут знать, кому больше доверять. Одна семья пытается уничтожить другую. Даже ирландцы ввязались. Что они с тобой сделали?

Я улыбнулся.

— Это хаос, не так ли?

— Ага. — Он коротко кивнул. — Можно и так сказать.

— Я так и сказал. А теперь скажи мне то, чего я не знаю.

— Похоже, ты знаешь все. Единственное, чего ты никогда не знал, так это того, что Ахилл ухватится за возможность вернуться к Артуро и сдать тебя за то, что ты не убил дочь Палермо у него на глазах. И его жену тоже.

— А, — я снова улыбнулся. — Я знал.

— Тогда я *действительно* не понимаю, зачем ты это сделал. Некоторые говорят, что они скорее сгинут в преисподней, чем встретятся лицом к лицу с Артуро Скарпоне.

— Я столкнулся с адом и выжил. — Я немного подался вперед, сокращая дистанцию. — Расскажи мне о девочке, которую вы воспитывали пять лет назад.

Квилло прикусил губу и посмотрел на стену. Это было одно из его гребаных выражений лица а-ля политик. У него был такой вид, будто он решил прямо сейчас сходить по-большому.

Я вскочил так резко, что стул опрокинулся у меня за спиной, а он не успел среагировать. Я схватил Квилло за горло и сжимал до тех пор, пока у него не начали слезиться глаза. Когда я отпустил его, Квилло упал на свое место, задыхаясь. Я поднял свой стул, поставил его и снова сел.

— Ты же знаешь меня, Квилло. Я сверну тебе шею и за меньшую попытку меня набить, пока ты прикидываешься дурачком.

— Пять лет назад, — выдавил он. — Пять лет назад...

Интересно, скольких невинных детей он и его семья воспитали за эти годы, и скольких из этих детей он трогал, в то время как его сучка карьеристка жена игнорировала этот факт. Она регулярно наведывалась в «Маккиавелло» в компании своих псевдодрузей. Он переспал с половиной из них.

— Мари... — он хотел произнести ее полное имя, но я покачал головой, бросая ему вызов. — Ты хочешь знать ее фамилию? — У него перехватило дыхание, но голос был как наждачная бумага.

— Да, назови мне ее, — сказал я.

— Флорес.

— Что ты помнишь о ней? — я прикусил нижнюю губу. — Подробности.

Он уловил этот жест и кивнул.

— Просто дай мне секунду. — Он сделал несколько глубоких вдохов, а затем выдохнул. — Молоденькая. Лет тринадцати, может, даже младше.

Нет, ублюдок, она выглядела моложе, потому что находилась в приемной семье и никогда не получала еды в достаточном количестве. Что делало его поведение еще хуже. Квилло подумал, что она моложе, и все же посмел прикоснуться к ней.

— У нее было личико, которое могло впоследствии открыть перед ней все двери. Нос у нее был странный, но тело поджарое. У нее были красивые сиськи. А эта задница? Она была тощая, но уже тогда она была *сногшибательной*, — рассмеялся он. — Мы прикасались друг к другу... — когда он поймал выражение моего лица, снова прикусил губу, на этот раз он подбирал слова осторожнее. Он скорректировал свой рассказ. — Я касался ее. Ладно! *Я* касался *ее*. Она была неотразима.

— Она боролась.

— Не сразу. Она этого не ожидала. В последний раз она замахнулась на меня ножом. А потом она исчезла. Сбежала. Какое-то время они держали ее за беглянку, но она была ребенком системы. На самом деле никто их не контролирует.

— Вы заставили ее поверить, что доброта идет рука об руку с определенными условиями.

— Так и есть. Я приютил бездомную сучку. — Его лицо было напряжено, но внезапно оно расслабилось. — Это она! Дочь Палермо! Ты ищешь ее. — В чем-то он был глуп, но в чем-то слишком проницателен. Квилло знал, что если я спрашиваю, значит, на то есть причина.

— Скарпоне напали на нее, — он издал звук, свидетельствующий об его недоверии. — *Да*. За ее голову назначена награда. Так было с той самой ночи. И со временем она только растет. С годами интерес возрастал. Первый, кто принес бы Артуру ее отрубленную голову, получил бы весь куш. *О боже*. — Он покачал головой и присвистнул.

Я знал, что он хотел бы понять это все раньше, узнать ее, чтобы сорвать куш, получив полный доступ к ее киске, прежде чем передать девочку. Дело было не в деньгах, а в том, чтобы быть в лучших отношениях с Артуро и его Бойцовым псом Ахиллом. Если Квилло приходилось отчитываться перед Артуро, то с Ахиллом он имел дело регулярно.

— Я все еще не могу смириться с тем, что ты называешь клан Скарпоне *Скарпоне*. Боже, что за времена пошли, — Квилло вздохнул, а затем его глаза расширились. — Я помню о ней еще кое-что. Ее губы. Эти губы. — При этой мысли его взгляд смягчился. — Ты ее сейчас ищешь? Я могу тебе помочь. Я не могу вспомнить цвет волос или глаз, но это действительно не проблема. Я знаю людей и узнаю ее где угодно. И если ты беспокоишься о том, что я вернусь, чтобы рассказать твоей семье, ты знаешь, что я ничего не скажу. Ты и моя сестра...

Он остановился, и, к счастью для него, сделал это вовремя. Я собирался отрубить *ему* голову и бесплатно доставить ее на блюдечке клану Скарпоне.

— Просто предлагаю. — Он поднял руки вверх.

Я наклонился в сторону, достал из-за спины еще один маленький пистолет и положил его на стол. Квилло взглянул на него, прежде чем снова перевести взгляд на меня. Я наклонился вперед и сложил ладони домиком, прикрывая пальцами рот.

— Мне не нужно ее искать, Квилло. Я знаю, где она прямо сейчас в эту чертову секунду.

— Правда?

— Да, правда. Она дома, в нашей постели, спит. Она моя жена. А ты трахался с моей женой, Квилло. Ты прикасался к ней, когда она была ребенком, находившемся на твоём попечении. То, что должно было стать для нее безопасным местом, ты превратил в грязную тюрьму. Хочешь знать, почему я сделал то, что сделал? Почему я спас Мариетту Беттину Палермо? — я прикусил губу зубами. — Я спас ее, потому что она была невинна. Я променял свою жизнь на ее невинность. А потом представляешь, что я узнаю, Квилло? Я узнаю, что больной ублюдок заставил ее поверить, что доброта - это что-то отвратительное. То, что таит в себе *определенные условия*. Ты взял все, чем я пожертвовал ради нее, и испортил. Ты лишил ее невинности и заставил стыдиться. Ты превратил что-то, что изначально должно было быть чистым, в самом начале жизни, во что-то очень грязное, лишь приложив к этому свою руку. Как, по-твоему, я к этому отношусь, Квилло? Как ты думаешь, что я сделаю, чтобы убедиться, что ты никогда не сделаешь этого снова? Ни со мной. Ни с кем-либо еще.

Некоторое время он молчал. Он даже не пытался это отрицать или защищаться. Квилло не мог. Есть люди, которые будут сидеть и плести оправдания. Только не он. Не было никакого оправдания, которое могло бы спасти ему жизнь. Деловые вопросы можно обсудить, но личное оскорбление? Непростительно.

Он снова вспотел, поджал губы.

— Ты влюбился в нее. Ты влюбился в дочь Палермо.

Я улыбнулся, и Квилло откинул голову назад в ответ, но он собирался использовать весь свой гнев, чтобы скрыть свой страх. Старые привычки трудно искоренить, но я никогда их не забывал.

Он стукнул кулаком по столу. Пистолет задрожал.

— Ты, блядь, любишь ее! Отродье этого ублюдка Палермо! Он был таким же злым, как твой отец! Моя сестра. Она была хорошей девочкой. Она не заслужила того, что с ней случилось! А ты сидел и смотрел. А теперь ты сидишь передо мной и осуждаешь меня, когда твоя совесть так же грязна, как тогда, когда они, блядь, пришли. Ты видел, как они разорвали мою сестру надвое, и ничего не почувствовал! Она хотела, чтобы ты любил ее! Она *любила тебя*. А ты даже не мог сказать этого. Ты даже не боролся за нее! А теперь ты женился на дочери Палермо. На шлюхе! Су...

Я перегнулся через стол и снова схватил его за горло, и на этот раз он попытался сопротивляться. Квилло вцепился в перчатку, но я подавил его жалкие порывы.

— Ты не в форме, Квилло. Все эти жирные, сытые яства заставили твое сердце разжиреть. Слушай эти хрипы. — Я отрицательно покачал головой. — Это нехорошо. Выбирай выражения, иначе мне придется вырвать твой поганый язык. Приоткрой немного рот, чтобы сделать вдох.

Как только он расслабился и перестал сопротивляться, я отпустил его, и Квилло снова упал на стул. На этот раз он задыхался, стуча кулаком по столу, чтобы глотнуть воздуха. Я поднял пистолет, осмотрел его и положил, когда Квилло успокоился.

— Дело не в любви. Речь идет о верности. Уважении. О том, о чем твоя семья понятия никогда не имела. Так что... — Я подтолкнул к нему пистолет. — Что выбираешь? Пистолет или меня? — Я улыбнулся ему, показав зубы.

Квилло схватил со стола пистолет, приставил его к виску и закрыл глаза. Он продемонстрировал мне средний палец, произнеся:

— *Пошел ты, красавчик-принц. Увидимся в аду,* — и нажал на курок.

Щёлк.

Это заняло секунду, но глаза Квилло распахнулись, когда он понял, что пистолет не заряжен.

Щёлк. Щёлк. Щёлк. Его палец лихорадочно нажимал на спусковой крючок.

Я откинул голову назад и рассмеялся.

— Они могли убить меня, но некоторые вещи всегда остаются неизменными, Квилло. Очевидно, то же самое относится и к тебе. Ты никогда не научишься на своих ошибках, — вздохнул я. — Тебе ли не знать. Ты бы никогда так легко не отделался. — Затем я поднялся со своего места и ударил его так сильно в грудь, что почувствовал, как его кости треснули под натиском моей перчатки. Затем я зажал ему рот и нос рукой, высасывая из него остатки жизни.

МАРИПОСА

— Как ты думаешь, Вера II? Может, добавить еще розмарина? Еще базилика? А как насчет тимьяна? — Я поднесла его к носу и слишком сильно вдохнула. Потом чихнула и закашлялась. — Хочу немного добавить. Но как насчет розмарина? Мне нравится его запах. — На этот раз я не поднесла бутылку так близко.

Вера II выглядела в точности так же, как Вера I, если не считать того, что ее горшок был другим. После того, как Капо провел для меня экскурсию, и я начала обустриваться, я заметила Веру II на столе рядом с моей стороной кровати, прямо около часов. Листья Веры I были скудными, и то же самое можно было сказать о листьях Веры II. Могла бы поклясться, что это одно и то же растение, но мне-то было известно лучше.

Как он узнал, что мне нужно точно такое же растение?

Просто казалось странным, так они были похожи. А я-то думала, что он купит растение с большим количеством листьев алоэ.

На этот раз я поклялась вырастить Веру II. Я уже внесла подкормку для суккулентов. Время от времени я передвигала ее горшок так, чтобы у нее было равное количество света и отдыха.

Во время одного из плановых осмотров у моего врача по поводу моего цикла, который случился у меня уже несколько раз, и которого не было у меня давно — я читала в приемной, пока ждала своей очереди. Журнал утверждал, что разговор с растениями заставляет их расти быстрее. Там также говорилось, что растения, похоже, реагируют на женские голоса лучше, чем на мужские. Поэтому всякий раз, когда я оставалась дома одна, мы с Верой II беседовали.

Так как я готовила ужин и была дома одна, она получила от меня нагоняй. Я могла бы позвонить Кили, но решила этого не делать.

Я была замужем уже две недели, и хотя разговаривала с Ки, что случалось не часто, и наши разговоры казались... короткими. Я знала, что она все еще любит меня, но она разрывалась между романтическими чувствами Харрисона и моими платоническими после того, как он сделал признание. Мы стояли на зыбкой почве. Обычно мы говорили обо всем — в основном о том, как мы собираемся выжить, — но поскольку все было перевернуто с ног на голову, мы просто меняли то, что когда-то называли “проблемами бедных”, на “проблемы богатых”.

Для меня это был совершенно новый мир, и я все еще не понимала. Так много всего, что я записала в своем дневнике, происходило одновременно. И где-то в глубине души темный страх пожирал меня. Я все ждала, когда исчезнут теннисные туфли по размеру, а те, что были слишком тесными (и из-за которых у меня шла кровь), снова появятся.

Взглянула на свои ноги. Я стояла босиком. Мне нравилось чувствовать под ногами полы в пожарной части. Холодные. Чистые. А в некоторых комнатах было так тихо, что хотелось плакать.

Это место. Здесь пахло как дома. Здесь я *чувствовала* себя, как дома. Мне не хотелось покидать это место никогда, а с тех пор, как я приехала, я только встречалась с организаторами свадьбы в офисе Рокко, делала примерки моего второго свадебного платья и покупала продукты. У меня была гладкая черная карточка, на использовании которой настоял мой муж. На ней было мое имя - *МариПОСА Маккиавелло*, и неограниченный лимит.

Однако черная карточка не шла ни в какое сравнение с моим новым удостоверением личности и паспортом. Мои глаза наполнились слезами.

— Как насчет этого, Вера II? Такая последовательность кажется тебе правильной? — Я подняла миску, показывая растению смесь, которую я приготовила, чтобы пройтись ею между слоями макарон, кипящих на плите. Я пыталась приготовить *лазанью аль форно*²¹. Когда Капо

²¹ Итальянское блюдо из пасты, помидор, базилика и сырного соуса, уложенное слоями и запеченное в духовке до золотистой корочки. Внешне напоминает слоенный пирог, так как для его приготовления берется паста в форме квадрата.

привез меня сюда после свадьбы, в холодильнике стоял полный поднос с этим блюдом. Это было лучшее, что я когда-либо пробовала, поэтому я заглянула в одну из своих многочисленных кулинарных книг и нашла рецепт.

До сих пор я не готовила еду, которая действительно была бы вкусной, но так как у меня не было ничего, кроме времени, я была полна решимости в какой-то момент сделать всё правильно. Поставив миску, я решила взять ингредиенты, которые мне понадобятся для итальянского кремowego торта. Это было похоже на попытку коснуться вершин двух гор за один день, как если бы я стояла перед выбором - покорить вершину или отправиться домой восвояси. В любом случае, выиграю я или проиграю, я была честна.

— *Да чтоб меня,* — выдохнула я. Чудовищные размеры кладовой всегда шокировали меня. Она была больше, чем квартира, которую я снимала у Мерва Мертвого извращенца (новое прозвище Ки). И там не было крыс.

Пока я рылась в поисках продуктов, из кухни донесся хлопающий звук, и сначала я подумала, что кто-то стреляет в меня. Я прижала сахар к груди, гадая, что происходит. Затем запах дыма ударил мне в нос, и раздался громкий сигнал тревоги.

— Черт! Паста!

Все еще прижимая к груди пакетик с сахаром, я побежала так быстро, что, войдя в кухню, поскользнулась на блестящем, гладком деревянном полу. Однако Капо опередил меня, сняв кастрюлю с плиты и пустив ее под холодную воду. Кастрюля шипела и трещала, по-настоящему взбешенная, и еще больше дыма сгустилось в воздухе. Он кивнул в сторону плиты.

— Включи вытяжку.

Я положила сахар на стол и сделала, как он сказал. Это заняло несколько минут, но воздух начал проясняться, только белые завитки, подсвеченные солнцем, задерживались некоторое время. И запах. Это была смесь между горящим пластиком и чем-то, чему я даже не знала названия, но точно знала, что это *хреново*.

Поставив испорченную кастрюлю в раковину, он повернулся ко мне.

— Может быть, мне следовало оставить все как есть. Пожарную часть.

Слов я не находила. Капо был без рубашки, а на его стройной талии было обернуто полотенце. Его кожа была гладкой и упругой, скользкой после горячего душа. Влажные волосы Капо - иссиня-черные - были зачесаны назад, и капли стекали по его плечам и груди.

Взгляд глаз Капо стал напряженным. Они были такого потрясающего синего цвета, что я подумала, не позаимствовал ли он этот цвет из скрытых глубин океана. Несмотря на то, что в воздухе все еще витал прогорклый запах, казалось, его собственный запах только усилился после душа. Как будто он только что пришел с пляжа, только в десять раз лучше.

Это был первый раз, когда я видела его таким, почти без одежды. У Капо были широкие плечи. Его мускулистая грудь и живот казались высеченными из камня. Вероятно, у него было семь кубиков пресса вместо шести. Полотенце спустилось низко на бедра, демонстрируя два глубоких углубления, образующих букву V. Оттуда выглядывала густая прядь черных волос. Его руки выглядели как у модели из тех фитнес-журналов. Ноги у него были длинные и худые. Они казались крепкими, но не слишком громоздкими.

За то короткое время, что мы провели вместе, я поняла, что даже когда ситуация становилась неловкой, ему было все равно. Казалось, он принимал ее с удовольствием. Мои глаза бесстыдно изучали его, впрочем, как и его, меня. Капо не пытался отвлечь меня или сделать вид, что не знает, что на меня нашло. Он не помахал бы испорченной сковородкой и не сказал: *«ужин, забыла?»*, он говорил: *«Ты не в красном, и ты не в моей постели, так что я знаю, что это значит. Ты еще не готова заняться со мной любовью»*.

Потом мы либо еще немного изучим друг друга, либо займемся чем-нибудь другим. Мы смотрели фильмы, слушали музыку или говорили о местах, куда мы могли бы поехать, или о том, что мы могли бы сделать с домом позже. Он хотел, чтобы я добавила к нему свой собственный штрих, как только выясню, чего хочу. Но дело в том, что он и так был совершенен. Даже одежда, обувь и украшения, которые он выбрал для меня в шкафу. Все это было моей сбывшейся мечтой.

Может быть, Капо и сам балансировал там - на поверхности. Он еще не затащил меня в самую пучину.

Наконец, я поняла смысл слов, которые я так желала облечь в словесную форму.

— Когда это ты успел вернуться домой?

— Примерно в то время, когда ты читала рецепт *лазаньи аль форно*... — он посмотрел на растение на прилавке, а затем снова на меня, — Вере II. Кстати, она не очень-то разговорчива.

— Нет, — сказала я, прислоняясь к стойке. А мой взгляд почти каждую секунду перемещался на его полотенце. Он не был возбужден, но при этом полотенце демонстративно оттопыривалось в причинном месте. Я не могла притвориться, что мне не интересно, как это выглядит. Как *он* выглядел. Будучи полностью обнаженным. Я сделала глубокий вдох и медленно выдохнула.

— Она хороший слушатель, но не любительница сплетен.

— Есть ли что-то, о чем бы ты хотела поговорить?

— Почему ты спрашиваешь? Неужели, будешь меня слушать?

— Разве не так поступают мужья?

Из моего рта непроизвольно вырвался истерический смешок.

— Может, я ничего и не знаю о том, что такое быть одомашненной, но я знаю, *знаю* наверняка, что мужчины не умеют слушать. У них такой избирательный слух.

— Избирательный слух, — повторил Капо с подозрением в голосе. — Где ты об этом слышала?

Я улыбнулась.

— На девчачьих посиделках.

Жена Рокко, Розария, пригласила меня присоединиться к ней и женам из *клана* Фаусти на так называемый девичник. Некоторые были просто подругами, но все они были в основном связаны браком. У Рокко было три брата. Брандо, Дарио и Ромео. Брандо был самым старшим и самым зашоренным. Он едва кивнул, когда я спросила, нравится ли ему футболка в рамке, которую подарила ему его жена Скарлетт.

Однажды я пригласила Кили пойти со мной, но она, казалось, завидовала тому, как хорошо мы со Скарлетт ладили. После этого я больше не приглашала Кили, потому что не хотела, чтобы все стало неловко.

Когда Скарлетт впервые увидела меня, она сказала: «*Я же говорила, что увижу тебя снова!*» А потом она обхватила меня своими маленькими ручками и крепко обняла. Она была знаменитой балериной и по сравнению с мужем казалась такой крошечной. Я не могла сказать, что в ней было такого особенного, но она заставила меня почувствовать себя легче. Скарлетт заставила меня почувствовать, что я принадлежу их кругу. Она и другие жены заставляли меня чувствовать себя рядом с ними, как в семье.

Девичник всегда проводился в одном из их домов (на следующий уик-энд – в нашем, в здании рядом с пожарной станцией), и это заставило Капо относиться к нему прохладнее. После нашей свадьбы в мэрии он усилил нашу охрану. У меня было три новых Джованни, то есть четыре, и Капо казался... немного нервничал, когда мы выходили на публику.

Хотя вечера, которые я проводила вне стен дома, казались мне веселыми. Мы говорили о книгах, которые читали, некоторые девушки вязали крючком или спицами, и в какой-то момент мы всегда заканчивали разговор о наших мужчинах.

Наших мужьях.

Мой мужчина.

Капо был моим.

От правдивости этих слов у меня перехватило дыхание.

Я была чьей-то женой.

Его женой.

Я коснулась кольца на левом пальце - напоминания. *Это не сон.*

Капо подошел ближе, прижимая меня к стойке, заключив меня в кольцо своих рук. Его обручальное кольцо звякнуло о мрамор, когда он положил на стойку руки. Я протянула руку и потянула его за кончики влажных волос. Капли стекали по его груди.

— О чем мы говорили? — спросил он.

Я улыбнулась.

— Видишь? Избирательный слух. Девичник... ох, — начала смеяться я. — Ты издеваешься надо мной!

— Тебе *нужно* прибавить скорость, чтобы не отстать, Бабочка. — Он поцеловал меня в лоб.

Бабочка. Он никогда раньше не называл меня так. Только Марипоса.

— Да, — сказала я мягко. — Если я хочу побегать с одиноким волком, мне нужно поднять ставки.

Рот Капо скользнул от моего лба к носу, его губы были мягкими, но твердыми. Он поцеловал меня в переносицу, запечатлев по одному поцелую с каждой стороны и по одному в центре, прежде чем его губы встретились с моими. Как обычно, я ответила Капо, изголодавшись по его прикосновениям. Мои руки потянулись, чтобы прикоснуться к нему, приблизить его, и я провела ногтями по боку Капо, по ребрам.

От легкого прикосновения он открыл глаза и пристально уставился на меня. Когда мои ногти двинулись к его спине, мои прикосновения стали жестче, Капо издал дикий горловой звук и закрыл глаза. Его язык двигался быстрее, жестче, переплетаясь с моим, и все вокруг меня, казалось, исчезло.

Подняв мои руки, Капо снял с меня футболку, которая была на мне надета; ее цвет напоминал мне глаза Капо. Поцелуй прервался, но только на секунду, недостаточно долго, чтобы вернуть меня к реальности. Руки Капо гладили мои груди, его большие пальцы гладили мои соски. С моих губ сорвался тихий скулящий звук. Мои ногти впились в кожу Капо, желая большего.

Он снова прервал поцелуй, почти яростно, голова моего мужа опустилась, вода с его волос холодила мою разгоряченную кожу. Я с шипением выдохнула, когда его рот заменил один из больших пальцев. Он жестко вобрал мои соски в рот, заставляя мой низ живота сжиматься. Желание между ног нарастало, а тело просило разрядки. Мое нижнее белье было насквозь мокрым.

— Пожалуйста, — сказала я, даже не осознавая, что произнесла это слово. Мне было все равно. — Еще.

— Произнеси мое имя, Марипоса. Имя, которое ты мне дала.

— *Il mio capo*²².

Его руки быстро расстегнули пуговицу на моих джинсовых шортах. Они соскользнули вниз по моим ногам, и я перешагнула их. Я пнула шорты через всю комнату. Прodelала то же самое со своим нижним бельем.

Капо поднял меня, как тряпичную куклу, на стойку, прижав задницей к холодному мрамору.

— Найди опору, — он кивнул на мои руки.

Едва дыша, я заложила руки за спину, положив ладони на стойку. Его губы снова приблизились к моим, и началась прекрасная война между нашими языками. Из моего горла вырвался хриплый стон, и он, казалось, проглотил его. Затем его рот двинулся вниз, я облизнула губы, снова захотев попробовать Капо на вкус; я откинула голову назад и закрыла глаза. Капо лизнул меня от шеи до пупка, потом снова вверх и вниз.

Все мое тело, казалось, вот-вот взорвется. Разлетится на миллион осколков. У саднящей боли меж моих ног не было названия. Даже *испытывать голод*, казалось, было недостаточно. Мои бедра дрожали от ожидания. Щетина на его лице царапала мою кожу, его язык был полной противоположностью, и влага от волос Капо все еще оставляла прохладный след. Он раздвинул мои бедра еще шире, и когда его рот сомкнулся на *мне*, мне пришлось сильнее прижаться к стойке, чтобы не упасть.

Да чтоб меня.

Да чтоб меня.

²² (итал.) Мой босс

Да чтоб меня.

Никогда еще мне не было так хорошо.

Это чувство было сосредоточено в одной области, где его рот и язык творили свою магию, и она посылая электрические разряды по всему моему телу.

Я сопротивлялась его рту, ни капли стыда, имя Капо было у меня на языке.

— Капо. Мне так, так... — я с шипением выдохнула, когда его рука поднялась и начала крутить мой сосок. — Мне оочень, оочень хорошо, *il mio Capo*²³.

Капо постоянно делал из меня лживую сучку. То, что вытворял со мной Замбони, нанесло мне травму, но всякий раз, когда Капо прикасался ко мне, я отвечала на его прикосновение без страха.

Мое дыхание участилось, я задыхалась. Я тяжело дышала и издавала звуки, которых никогда раньше не слышала. Если он остановится, я сделаю ему больно.

Капо что-то сделал со мной, что-то своим волшебным ртом, который унес меня за край в водоворот чувств, из-за чего я потеряла над собой контроль. Он *сильно* укусил меня *там*, внизу. Хватка моих ладоней ослабла, но прежде чем я успела отлететь назад, Капо поймал меня.

Я крепко зажмурилась.

— У меня так кружится голова, — сказала я. — Это нормально?

Он тихо рассмеялся, целуя меня в макушку.

— Ага. Когда это хорошо.

— Так хорошо, — прошептала я. — Так, так хорошо.

Мы остановились на некоторое время, ни один из нас не двигался. Это было самое большое расстояние, которое мы когда-либо преодолевали. И хотя я еще не осмелилась надеть красное белье, я все ближе и ближе подбиралась к огню. Я хотела Капо больше всего на свете, но что-то во мне остановилось, едва не дойдя до конца.

Замбони был главной причиной, но была и другая. Я не осознавала этого до тех пор, пока не переехала сюда и не обнаружила, что борюсь с желанием отдаться ему. Я хотела, чтобы между нами возникла связь, прежде чем я отдам ему свое тело. Любовь не была вариантом, он ясно дал это понять, но это не означало, что все остальное, о чем мы договорились, не могло перерасти в нечто большее.

Более глубокие отношения. Более глубокое чувство близости. Более глубокая преданность.

Может быть, даже более глубокая дружба.

Может быть, я была дурой, но мне нужно было чувствовать от него больше, немного больше тепла, чтобы после того, как все закончится, моя душа не чувствовала себя такой одинокой. Это прозвучало бы как полная чушь, если бы я сказала все вслух, но в глубине души я знала, что это правда. Его холодная натура иногда бывала такой жесткой. Ничто не могло разрушить ее, даже огонь.

Перед смертью Джослин попыталась втиснуть годы в месяцы. Однажды ночью, когда ее ум, казалось, был острее, чем обычно, она сказала мне: *«Нет ничего более одинокого, чем проснуться с кем-то, кому ты отдал все, только чтобы понять, что этот кто-то отдал тебе всего лишь половину. Это произойдет, и будет больно, но ты выживешь»*.

Смогу ли я пережить это соглашение, если это произойдет между нами?

Я могла бы жить без любви, ради которой люди жертвуют своей жизнью и душой в любовных романах и фильмах, и я догадывалась, что в реальной жизни тоже иногда, но могла ли я жить, не чувствуя... взаимности от него?

Ответ не имел значения, только моя реакция на него. Моя преданность ему была высока, как небо. Он добился этого давным-давно, когда мне было пять.

Я буду *жить* с этим соглашением, но я вряд ли переживу *просто секс*.

Капо посмотрел мне в глаза, а потом наклонился и поцеловал меня в губы.

— Одевайся.

²³ (итал.) Мой Капо

Он сделал шаг назад, и полотенце превратилось перед ним в вигвам. Его размер не казался... нормальным. Полотенце и то, как он был тверд под ним, оставляли мало места воображению. И я представила себе змею. Огромного питона. Одно дело - предполагать, и совсем другое - видеть его очертания так близко. Он был на расстоянии удара.

Как будто *этот* гигант впишется в мою Уну.

— Мы совместимы, — сказал он, прочитав мои мысли. — Твое тело было создано для меня.

Я кивнула, глядя ему в глаза. Мои ногти застучали по столешнице. То, что он назвал *agitarisi*²⁴ на итальянском. *Я нервничала*. Я остановилась, потому что ему не нравилось, когда я это делала. Капо сказал, что у меня нет причин нервничать. Никогда. Но если бы он впервые увидел то, что я только что сделала? Он тоже будет нервничать.

— Куда мы направляемся? — Мой голос звучал грубо, как будто я кричала. Каждая часть меня чувствовала себя опустошенной, но в лучшем, черт возьми, смысле. Каким-то первобытным образом мне нравилось, что он оставил на мне след, куда глубже кожи. Он коснулся мышц и костей.

— В «Маккиавелло» ужинать. — Он оглядел меня, голую, если не считать кружевного лифчика, сидящую на мраморной стойке. — Но ничто из того, что я сегодня положил в рот, не сравнится с тем, что я только что вкусил, — Капо прикусил зубами нижнюю губу. — *Vieni*²⁵, — он протянул руку. — Пора одеваться.

Когда мы вошли в хозяйскую спальню, Капо вздохнул и произнес:

— Расскажи мне, почему ты так сильно нервничаешь.

Кроме того, что я только что видела могучего питона? Хотела ему сказать, но промолчала. Лед, который был неотъемлемой его частью, был слишком толстым. Я решила быть честной в другом:

— Ну, парень, который... ну, я не знаю, чем он занимается. Он выбегает тебе навстречу, когда ты приходишь в ресторан. Он был, в некотором роде, груб со мной. Это будет наш первый ужин в его ресторане. — Этого болтливого парня, Бруно, который сказал мне, что раздавит меня, как жука, было трудно забыть. Он напоминал мне Замбони. И то же чувство стыда, словно кислота, пронзило мою душу.

Капо резко остановился, и я чуть не врезалась ему в спину. Капо отпустил мою руку и повернулся ко мне. Я едва не сделала шаг назад, но устояла от этого. Его напряженность иногда могла быть угрожающей, но хорошая вещь в девичнике заключалась в том, что я узнала, что Капо был не просто капо. Все мужчины в этом кругу, казалось, были похожи в этом отношении.

«Стой на своем», сказала мне Скарлетт. «Ты столь же могущественна, как и он».

Ее совет пронесся у меня в голове, но я продолжала воображать оленя, который убегал от волка. Я посмотрела на татуировку Капо, а затем снова на его лицо, благодарная, что он назвал меня Бабочкой, а не добычей.

— Что ты имеешь в виду? — его голос прозвучал сурово. — *Довольно подло*. Либо да, он был груб со мной, Капо, либо нет, он не был груб со мной, Капо. Между ними нет ничего, Марипоса. Используй все свои слова со мной.

Отлично. Он перебрасывал на мое поле мои же слова с того вечера у Харрисона.

Я вытянула руки перед собой, хрустнув костяшками.

— Все не так просто. Может быть, я делала что-то, чего не должна была. Я не знаю, для чего ты его нанял. Если для того, чтобы отгонять бродяг от окна, чтобы они не пугали клиентов, то нет, он не был злым. Он просто делал свою работу, показывая острые зубы и большие когти. Если он не должен заставлять бедных людей стыдиться того, что они не могут позволить себе стейк в твоём дорогом ресторане, то да, он определенно был груб ко мне. Мелкая душонка. Мудак.

Мгновение Капо изучал мое лицо.

²⁴ (итал.) волноваться, нервничать

²⁵ (итал.) Идем

— Зачем ты приходила к «Маккиавелло»? В наш ресторан. Ты что-то вспомнила?

Он убедился, что произнес слово «наш» довольно убедительно, чтобы я считала его бизнес своим. Это было тяжело, когда половину времени все это казалось сном.

Я отрицательно покачала головой.

— Нет. Я иногда проходила мимо, когда шла на работу в «Хоумран». Снаружи видно, как люди едят. Пахло очень вкусно. Я была голодна, — пожалала я плечами. — Никто никогда не выходил с остатками, поэтому я решила, что бифштекс стоит почки.

Капо вздернул подбородок, копируя то, как делала я за пределами его ресторана, когда Бруно доставлял мне неприятности.

— Теперь это имеет смысл. Почему сказала то, что сказала.

— После того как я перестала стыдиться, я разозлилась. Этот парень меня разозлил.

— Ты все время возвращалась.

— Понятия не имею, почему. Ты заставил меня... испытывать любопытство, — я прикусила губу, но остановилась, когда он прищурился. — Ты меня тогда вспомнил?

— Ты показалась мне знакомой, но нет, не совсем. Ты повзрослела.

— Несколько дней, — я слабо улыбнулась. — Это был сущий ад добраться до того момента, в котором я обрела себя.

— Марипоса, — Капо коснулся моего подбородка и нежно поцеловал в губы. Потом он снова взял меня за руку и повел к огромному шкафу.

Ему потребовалось всего несколько минут, чтобы найти то, что он искал на своей стороне. Несмотря на то, что все было организовано для меня, одежда в повседневном стиле, зимняя, весенняя, летняя и осенняя, мне потребовалось время, чтобы найти вещи.

Я все еще рылась в поисках подходящего костюма, когда Капо сказал мне прийти к нему в кабинет, как только я закончу. На нем был черный костюм с белой рубашкой и черным галстуком. Он напоминал мне гангстера 20-х годов. Все его костюмы были темными, черными либо темно-синими. По какой-то причине его вид напомнил мне татуировку на его руке - вся черная, за исключением этих электрических голубых глаз.

Некоторым мужчинам это давалось так легко. Десять минут и... готово.

Я вздохнула, раздвигая многочисленные вешалки, пока не наткнулась на красивое черное шифоновое платье. Бахрома на нем напомнила мне каскад воды ночью, края были покрыты серебром, как будто лунный свет касался их. Он был выполнен с эффектом омбре. Прижимая платье к себе, я обратила внимание, что оно было длиной до колена. Платье было стильным и сексуальным одновременно.

Мне потребовалось некоторое время, чтобы сделать макияж и прическу. Команда Сойера научила меня делать и то, и другое. Я не стала выделять глаза, но использовала помаду кроваво-красного цвета. Я завила волосы, но не сделала пышных завитков. Простые волны. После этого я намазалась кремом, который так любил Капо, и распылила духи. Потом оделась.

Три браслета из белого золота, инкрустированные бриллиантами и сапфирами, и пара подходящих к ним сережек завершали наряд.

— *Да чтоб меня,* — выдохнула я. Я надеялась, что драгоценности в браслете не настоящие. У меня и так хватало забот с кольцом на левом пальце. Может быть, мне просто отрубят запястье и покончат с этим. Они могут отрубить и уши, если заметят серьги.

Стряхнув с себя шок, *это* была моя жизнь, я нашла пару черных туфель на высоком каблуке, которые придавали правильный рельеф моим ногам.

Готово.

— Марипоса... — Капо остановился, когда мы встретились в «коридоре» чулана. Это был первый раз, когда я по-настоящему нарядилась с тех пор, как мы поженились. Мне нравилось, как Капо смотрел на меня, как тогда, когда я распахнула халат и показала ему свои прелести в ночь нашей свадьбы в мэрии.

— Что скажешь? — Я слегка повернулась к нему. — Достаточно хорошо?

Я хотела, чтобы Капо гордился мной, когда я буду рядом. Я хотела выглядеть хорошо, *нет*, сногшибательно для него. Я никогда не думала, что буду использовать слова «я» и

«сногшибательный» в одном предложении, но все изменилось. Этот человек был так хорош собой, что иногда мне было трудно даже сделать вдох. И он выбрал меня. Девушку со странным шнобелем.

— *Sbalorditiva*. — Капо прикусил зубами нижнюю губу. — Я горжусь тобой, Марипоса.

Sbalorditiva. Я знала, что означает это слово, и Капо не пришлось переводить. *Сногшибательная*. Бывали моменты, когда я не понимала, о чем он говорит, но в некоторых случаях я понимала. Было странно понимать слова, которые я никогда раньше не слышала на другом языке, но каким-то образом знать их значение.

И тут до меня дошла последняя часть его комплимента. *Ты заставляешь меня гордиться*.

Прежде чем я успела сказать какую-нибудь глупость, Капо поднес мою руку к губам и нежно поцеловал мои пальцы.

— Я не заслуживаю твоего времени или компании, но, несмотря ни на что, они принадлежат мне. На всю мою оставшуюся жизнь. — С этими словами он взял меня за руку, и мы покинули дом.

Машина Капо плавно затормозила на отведенном ей месте перед зданием «Маккиавелло». Капо ездил на своем Мерседесе «АМГ Вижн Гран Туризмо». Автомобиль был весь серебристый и гладкий и выглядел точно так же, как Бэтмобиль. Я чувствовала, что именно к этому он и стремился, поскольку мы жили в похожей пещере, полной летучих мышей.

При нашем появлении несколько человек остановились, чтобы посмотреть. Каждый раз, когда он подъезжал на одной из своих машин, это вызывало переполох. А может, дело было в самом Капо. Он вызвал переполох. Но его впечатляющая коллекция автомобилей, казалось, была единственной слабостью, которая привлекала к нему пристальное внимание. Это не совсем соответствовало его затворническому образу жизни, но я обнаружила, что не могу утверждать в отношении Капо ничего однозначно.

Капо хладнокровно вышел, не обращая внимания на людей, указывающих на его машину, и направился ко мне, чтобы открыть дверь. Перед этим он застегнул пуговицу на костюме.

Я заколебалась, ожидая, что Бруно выскочит. Я не ожидала, что он будет груб со мной, как в прошлый раз - в конце концов, я была женой его *капо*, - но я надеялась, что он не плюнет на мой бифштекс, когда вынесет его из кухни.

— Прошу, — сказал Капо, протягивая руку.

Я вложила свою в его, и свет окон «Маккиавелло» осветил все мои драгоценности, заставляя бриллианты и сапфиры блеснуть на моей коже. Мои каблуки стучали по тротуару в приятном, мелодичном ритме. На этот раз, вместо запаха мусорного контейнера, бьющего мне в нос, его одеколон и мои духи, казалось, плыли в воздухе, лаская его. Чем ближе мы подходили к двери, тем сильнее становился запах бифштекса. Мой желудок заурчал, готовый к тому, чтобы что-то переварить.

— Ты уверен, что мне не придется продавать почку за это блюдо? — пошутила я.

Капо поднял мою руку и крепко поцеловал запястье.

— Думаю, ты продала достаточно. Ты вне рыночной конкуренции, Марипоса. Ты принадлежишь мне. Никто тебя не тронет, и уж тем более такую ценную вещь, как почка.

У двери стоял мужчина, одетый в великолепный костюм, и держал ее открытой.

— Мистер Мак, — кивнул он. — Рад видеть вас сегодня вечером.

— Сильвестр. — Капо кивнул, затем потянул меня вперед, кладя мне руку на поясницу. Его прикосновение было теплым, успокаивающим и таким же твердым, как его поцелуй. — Моя жена, — сказал он. — Марипоса Маккиавелло,

Парень взял мою руку и слегка пожал. Он поздравил меня, назвал Миссис Маккиавелло и повел прочь.

— Сильвестр - вечерний управляющий, — сказал Капо.

Пока мы шли, Капо и Сильвестр разговаривали по-итальянски, и я кое-что поняла. Разговор шел о ресторане. Деловые вопросы. Но я не могла не заметить, как весь персонал смотрит на меня... с тревогой. Посетители были другие. Они смотрели на меня с нескрываемым любопытством.

Кто эта цыпочка, идущая рядом с мужчиной, источающим силу?

Вместо того чтобы сосредоточиться на том дерьме, что происходит вокруг меня, я решаю насладиться этим опытом. Я вспомнила, как сильно хотела попробовать этот *бифштекс*, и решила сделать свой первый визит незабываемым.

Ресторан был шикарным, как я и предполагала, но в то же время романтичным. Некоторые стены были выложены, как я догадалась, настоящим кирпичом, в то время как другие были выкрашены в темно-красный цвет. Стулья и столы были черными, а в бронзовых канделябрах горели настоящие мерцающие свечи. На каждом столике стояла одинокая белая роза в хрустальной вазе.

Бар находился с другой стороны, в совершенно другой части здания. Насколько я могла видеть, полки были забиты сотнями блестящих бутылок уникальной формы. Это место напомнило мне старые забегаловки, о которых рассказывал мне Папаша. С этой стороны были стены, полностью выложенные кирпичом, зеркально повторяющие те, что были в ресторане. Пол был выложен черно-белым мрамором в полоску. Несколько столиков были расставлены вокруг небольшой танцплощадки.

Мужчины и женщины в дорогих костюмах сидели вдоль бара в старинных кожаных креслах. Некоторые из них были повернуты друг к другу, разговор тек, смех перекрывал тихую музыку. Мужчина в черном галстуке сидел за роялем в углу, играл на нем и напевал.

Запахи... мой рот наполнился слюной. И это был не просто бифштекс. В воздухе витали запахи густых соусов и изысканных вин. В воздухе витал сладковатый аромат. Я принялась. Шоколад, и это напомнило мне запах в клубе.

Сильвестр остановился у двери, которая совсем не походила на дверь. Она была кирпичной, в тон стене, и только золотое кольцо торчало наружу. Он распахнул ее, открыв взору огромную комнату. Посередине стоял стол, за которым могли бы разместиться сорок человек.

В комнате пахло очень сладко, опять шоколадом, но еще сильнее, и от свечей в комнате стало теплее. Богаче. Сексуальнее. Бриллианты на моих руках и запястьях смягчились, когда мы вошли. И платье тоже. Шифон, казалось, мерцал, свет ловил серебро и искрился.

Эта комната отражала ресторан, но в меньшем масштабе. Здесь было так интимно. Музыка звучала здесь, доносясь через динамик где-то в комнате. То, что привлекло мое внимание, заставило меня пройти дальше и выглянуть наружу. Это было не окно, а скорее квадратный кусок плексигласа. Мне был виден весь ресторан.

— Мы можем видеть, что происходит снаружи, но они не могут увидеть нас, — сказал Капо, подходя ко мне сзади и глядя в зал.

— Зеркало? — догадалась я. Я заметила это, когда мы только вошли, но на самом деле не придавала этому значения. Оно было причудливой формы, с бронзовыми деталями вокруг, но было ли это просто зеркало. Очевидно, нет. Для него это был способ наблюдать так, чтобы никто не знал.

— Ты проницательна, — сказал он.

— Не совсем. Если бы я не видела эту комнату, то, скорее всего, подправила бы свой макияж.

Капо рассмеялся, очень тихо, и его дыхание обдало мою кожу, заставляя мурашки пробежать по моим рукам. Его грудь прижалась к моей спине, и мне захотелось откинуться назад и прижаться к нему головой.

— Для чего ты используешь эту комнату?

— Частные вечеринки, но в эксклюзивном формате.

— Эксклюзивно, — повторила я. — Как для Фаusti?

— Да. — Он развернул меня к столу и пододвинул мне стул, чтобы я присела. Сам же он сел во главе стола и посмотрел на меня. — Так что ты думаешь, Марипоса? Соответствует и это твоим ожиданиям?

— Красиво, — сказала я. — Но сначала мне нужен этот бифштекс, чтобы сказать наверняка.

Капо улыбнулся мне, его глаза в этом свете казались еще более синими. Сапфир, того же цвета, что и на моем запястье.

— Должно быть, приятно быть тобой, — я драматически вздохнула. — У тебя один из лучших ресторанов в Нью-Йорке.

— И у тебя тоже, — сказал он. — И, хотя я наслаждаюсь здешней едой, мое любимое место - пиццерия «У мамы». Но не говори моим тетушкам, когда мы приедем на Сицилию. Они бы мою голову на блюде поднесли. Некоторые из рецептов, которые мы здесь используем, принадлежат им, те, которые никогда не меняются. Любой, кто готовит на кухне, должен поклясться хранить тайну. Такую же серьезную, как *омерта*²⁶.

— «У мамы». — Seriously? По сравнению с этим? Я бывала в той пиццерии. Там можно было купить огромный кусок за три доллара или комплексный обед - салат, напиток и кусок пиццы - за пять. Это был рай для бедняков.

— А ты там бывала?

— Ага. Я ходила с Кили и Хэрри... — увидев выражение лица Капо, я замолчала. Он прищурил глаза, а линия его губ стала суровой. — Я бывала там.

— Сходим вместе как-нибудь. Возьмем байк. Ты поужинаешь сегодня здесь, а потом мы сравним, когда сходим в пиццерию.

Байк. У него их было их несколько, и он сказал, что прокатит меня на одном из них. Байк выглядел гладким и быстрым. Я сказала ему «конечно» и положила руку на машину. На случайную машину. Капо только усмехнулся. Думаю, он воспринял это как вызов.

В комнату вошла девушка в стильном черном брючном костюме, держа в руке стакан, наполненный золотистой жидкостью. Она положила передо мной салфетку и поставила стакан.

— Приятного вечера, Миссис Маккиавелло.

Она даже не взглянула на меня, и прежде чем я успела что-то сказать, вроде «*Что это?*», она исчезла.

— Что это? — спросила я вместо этого у Капо. Я видела женщину в баре с одним из них.

Капо пояснил, что это коктейль под названием «Золотой принц». Он думал, что мне понравится, поэтому взял на себя смелость заказать его для меня заранее.

Я сделала глоток и влюбилась.

Осторожно поставив стакан, я игриво спросила:

— Никакого коктейля, названного в мою честь? — Я отпила еще немного. — Это восхитительно.

Капо ухмыльнулся и, когда та же девушка вернулась, велел ей принести ему самый популярный напиток из меню бара. Через несколько минут она вернулась с темно-синим напитком в стакане, на краю которого сидела голубая бабочка. Бабочка была сделана из сахара.

— Seriously, что ли? — рассмеялась я. — Как ты узнал?

— Похоже, мужчина не может иметь от тебя секретов, — подмигнул Капо. Затем он повернулся к девушке. — Скажи моей жене, как называется этот напиток, Лиза.

— Конечно, мистер Мак. — Женщина по имени Лиза со стильной стрижкой боб повернулась ко мне. — Это наша Марипоса, самый популярный напиток в меню.

Марипоса была сладкой. Честно говоря, я не могла решить, какой из них мне нравится больше. А затем в комнату один за другим начали входить многочисленные официанты, доставляя поднос за подносом, наполненные едой. К тому времени, как они закончили, весь стол был заполнен дымящимися блюдами. Казалось, что он заказал каждое блюдо из меню.

— Как же мы все это съедим? — Я оглядела наше личное пиршество. — Мы еще кого-то ждем?

— Ты можешь попробовать все, что угодно. — Он небрежно махнул рукой, как будто здесь не было ничего особенного. — Я попросил их сделать это по-семейному. Таким образом, мы можем пробовать все, что захотим.

²⁶ Кодекс чести итальянской мафии, предписывающий невозможность идти на сделку с государством и покинуть семью не иначе, как только после смерти.

— Понимаю. — Мое тело разогрелось от выпитого спиртного. — Но здесь слишком много еды. Я не хочу, чтобы они...

Он взял меня за руку и сжал ее.

— Потом мы отдадим их нуждающимся. Я прикажу нашим людям упаковать их. Чтобы ничего не пропало.

— Хорошо, — я кивнула. — Давай поедим.

Пока мы ели, разговор шел непринужденно. Это был пир, достойный королевы. Именно так Капо заставлял меня себя чувствовать. Он посоветовал мне попробовать понемногу из всех тарелок. *Бифштекс* стоит почки, но, честно говоря, то, ради чего я ранее думала, что пожертвую своим драгоценным органом, было на втором месте. Я влюбилась в блюдо из пасты, наполненное сливочным соусом и лимонным крабовым мясом. Оно стоило почки и пинты крови.

Капо даже покормил меня после того, как я заставила его попробовать из моей тарелки. Я была в настоящем гастрономическом экстазе, что даже не думала о том, что он ел здесь раньше или владел этим местом. Мы были только вдвоем, весь остальной мир молчал, хотя они постоянно проходили мимо смотрового стекла. Было так много людей, которые пытались смотреть на себя, когда проходили мимо, *по-настоящему* не желая, чтобы другие их видели.

Капо хрипло рассмеялся, когда я назвала это окно подзорной трубой.

После перемены основных блюд он предложил потанцевать, так как просил, чтобы десерт подали через некоторое время после ужина. Танцы в этом месте отличались от того, как люди танцевали в клубе. Заиграл джаз-бэнд, сопровождая женщину, которая пела птичьим голосом. Капо научил меня нескольким шагам, так как я понятия не имела, что делаю. Он был мягок и оказался удивительно хорошим учителем.

Я знала, что всегда буду помнить, как много смеялась в тот вечер.

— Где ты научился так танцевать? — Спросила я, почти задыхаясь, когда Капо снова отодвинул мой стул в этом эксклюзивном месте. Я была удивлена, что стол все еще ломился от еды. Я подумала, что после того, как он упомянул о десерте, нам скоро его принесут.

Капо снова сел.

— Моя мать.

— Ты о ней почти не говоришь. — Капо редко говорил о своей семье. Я знала, что его дед живет в Италии, и у него были дядя (так как упомянул, что тот знает о тайной пожарной части) и тети (так как упомянул их в ту ночь), но кроме этого, он не поднимал тему своей семьи.

— Она умерла, когда я был моложе.

— Похоже, у нас есть кое-что общее, — сказала я.

— Похоже на то.

Наши взгляды встретились. Медленно, о, так медленно, он наклонился ближе и поцеловал меня в губы. Когда я открыла глаза, Капо смотрел на меня с выражением, которое я не могла объяснить. Когда несколько официантов снова вошли, я откинулась на спинку стула, чувствуя легкое головокружение.

— Мистер Мак? Вы готовы к тому, чтобы я прояснил...

Да чтоб меня. Это был Бруно. Я даже не заметила, как он вошел в комнату. Я предположила, что Капо дал ему выходной на этот вечер, а может быть, он работал только днем. Капо сказал, что Сильвестр был его вечерним управляющим. Днем я видела только Умника. Я никогда не приходила сюда вечером. Вместо красивого костюма, как обычно, на нем был костюм уборщика. Что-то красное размазалось по его лбу.

При виде меня он остановился как вкопанный. Хоть я и была в красивой одежде, с дорогими украшениями на пальцах, запястьях и ушах, он узнал меня. Шок в его глазах появился и исчез в мгновение ока, а затем сменился холодом.

Он хорошо это скрывал, когда Капо назвал его имя, а потом представил меня как свою жену.

Бруно вытер руки о грязный фартук и хотел было протянуть руку, но Капо покачал головой, поднеся стакан к губам, и даже не взглянул на мужчину.

— У тебя грязные руки. Слишком грязные, чтобы прикасаться к моей жене.

Мои щеки вспыхнули, и я отвернулась. Я знала, что делает Капо. Я ненавидела это. Это только привлекло внимание к тому, как я тогда была унижена.

— Конечно, мистер Мак, — сказал Бруно. Его голос был тихим. — Я не думал, — затем он понизил голос: — Я хотел бы поговорить с вами о моем положении. Я не знаю...

— Я ужинаю с женой, — оборвал его Капо. Он сделал еще глоток виски. — О делах поговорим позже. Прямо сейчас у тебя есть работа. И ты здесь для того, чтобы убрать со стола. Я хочу, чтобы он был безупречен. После того, как ты поможешь Эмилио собрать остатки. Там найдешь на улицах самых голодных людей и накормишь их.

— Да, сэр. — Бруно начал убирать все, что мы ели, и я старалась избегать его взгляда и близости, когда он подходил, чтобы взять тарелку или столовое серебро.

Мне было так чертовски неловко, что мне захотелось пнуть Капо в голень своими острыми каблуками за то, что он сделал. Кем он себя возомнил? Королем Нью-Йорка? Он не должен так реагировать, когда кто-то был груб со мной. Кроме того, это заставило меня чувствовать себя еще хуже. Все стало слишком очевидным, и лишь убедило Бруно, что он добрался до меня. Он заставил меня почувствовать себя маленькой. Незначительной.

Всякий раз, когда входил официант, Капо отпускал его. Он хотел, чтобы Бруно справился со всем сам, пока я буду сидеть и смотреть, как будто от этого мне станет легче.

После того, как все тарелки были убраны, а Бруно тщательно вытирал поверхность, полируя причудливый стол, он подошел ко мне так близко, что я почувствовала запах мусорных баков на нем. Пропущенная крошка упала мне на колени, и он извинился, но, когда я встретилась с ним взглядом, Бруно окатил меня презрением. Когда я взглянула на Капо, он снова смотрел прямо перед собой, прикусив нижнюю губу.

Секундой позже Капо вскочил со стула, под тяжестью его веса стул опрокинулся, и он прижал Бруно к стене. Несколько официантов вошли с десертами, Сильвестр сразу за ними, и когда он заметил, что происходит, он прогнал официантов и закрыл дверь. Официанты и Сильвестр сгрудились в темном углу, наблюдая.

Я стояла, сжимая пальцы, не зная, что делать.

Капо говорил тихо, но при этом каждое его слово было четким. Он говорил Бруно, что знает, что он сделал со мной, когда я была на улице, и, когда он убирал со стола, и, если он когда-нибудь увидит, как тот пялится на меня, Капо сделает так, что от него не останется ни кусочка.

Я взглянула на официантов. Никто из них даже не смотрел на меня. Неудивительно. Они были слишком напуганы.

Не издав ни звука, я выскользнула из комнаты, миновала столовую и бар и вышла через парадную дверь. Джованни появился из ниоткуда, призывая меня подождать Капо, но я отказалась. Я не останавливалась, пока Капо не схватил меня за руку и не заставил остановиться.

Его глаза почти светились в темноте, выглядя убийственно.

— Куда, черт возьми, ты собралась?

— Я не знаю! Но мне нужно немного личного пространства.

— Личного пространства, а?

Капо взял меня за руку, отводя в сторону от пешеходов. На углу был спорт-бар, где вдоль стен стояли телевизоры с различными играми. Один телевизор показывал новости.

Я выдернула руку из его хватки, когда мы оказались в стороне.

— Пространство, Капо. Тебе нужно определение этого слова? — Проклятый Каспар! Его определяющая оговорка достала меня.

Капо отступил на шаг, свирепо глядя на меня.

— П-р-о-с-т-р-а-н-с-т-в-о, — он произнес это слово по буквам. — Расположение (двух или более предметов) на расстоянии друг от друга. Я очень хорошо знаю, что означает это слово, Марипоса. Чего я, черт, не знаю, так это зачем тебе оно понадобилось.

— Задница, — сказала я. — Ты знаешь определение этого слова?

— Ты испытываешь мое терпение.

— О-о-о-о, — хотела сказать я, но промолчала. — Ты меня смутил! — крикнула я. — Никто, даже Бруно, никогда не заставлял меня чувствовать себя таким ничтожеством. — Я начала ходить

по кругу, крутя обручальное кольцо на своем пальце. — Я ничем не лучше тех людей, которые работают на тебя, а теперь они даже боятся взглянуть на меня! Они ведут себя так, будто я *кто-то*. Когда я - никто. Я не... — я вскинула руку. — Я не ты. А этот придурок Бруно? Ты фактически сказал ему, что он обидел меня!

— Так и было.

— И что? Он этого не знал! По крайней мере, до сегодняшнего вечера!

— Как твой *капо*, — рявкнул он, — я защищаю тебя. Если кто-то дотронется до одной из девушек в клубе, будут последствия.

Я не одна из твоих подчиненных, я - твоя жена! - вот что мне хотелось закричать. Но секунду спустя я поняла, как неправильно было так думать, не говоря уже о том, чтобы говорить с ним о своих чувствах. Это была ложь. Он был моим *капо*. Я даже выгравировала это напоминание на кольце, что у него на его пальце, чтобы доказать это.

Капо продолжал, не теряя ни секунды.

— Большинство людей знают это очень хорошо, но есть и те, до кого не доходит. Ты *моя* жена. Твоя плоть, кровь и каждая твоя косточка принадлежат мне, как и твои чувства. Кто-то причиняет тебе боль. Считай, что они причинили боль мне. *Capisci*²⁷? Я беспокоюсь только о тебе. И всегда помни об этом, Марипоса. Лучше, чтобы тебя боялись, чем любили, если ты не можешь быть той, кого боятся и любят одновременно. Люди *будут* бояться тебя. Почему? Они видят, что я стою у тебя за спиной. Я не прячу голову в песок. Я не прогибаюсь. Я не встаю на колени ни перед кем на этой брэнной земле.

Я на секунду отвела взгляд от Капо. Мой взгляд упал на татуировку на его руке. Все, что он только что сказал, внезапно обрело смысл - почему Капо нанес эту татуировку на свое тело. *Я не прячу голову в песок. Я не прогибаюсь. Я не встаю на колени ни перед кем на этой брэнной земле.* Это был мой муж. В этом был весь он. Капо никогда не делал ничего такого, что заставило бы меня поверить в обратное.

— Все теперь знают, на ком именно ты женился, — прошептала я. *На девушке с улицы. Девушка, которой нечего предложить, она только может брать.* Никто не знал об этой договоренности, поэтому со стороны все выглядело именно так.

— Марипоса, — сказал он. — Вот на ком я женился. Девушка, именем которой я назвал коктейль в меню, прежде чем она появилась на пороге моего заведения.

— Ты назвал коктейль в мою честь еще до того, как мы поженились?

— Он первым появился в меню. Остальные я не называл.

— Кто так поступает?

— Это напоминание.

И снова я не смогла прочесть выражение его лица. Он все еще злился, но часть льда растаяла. Когда я больше не могла выдерживать пристальный взгляд Капо, я отвернулась от него, уставившись в окно спортивного бара. Я сощурилась, читая бегущую строку новостной ленты внизу экрана.

Срочная новость.

На экране вспыхнула картинка.

Квиллон Замбони найден мертвым.

Задушен.

Он умер от асфиксии.

У меня перехватило дыхание.

Рукой Капо коснулся моего плеча, и я посмотрела на него. Капо убрал мою руку от лица. Я закрывала ей рот.

Люди будут бояться тебя. Почему? Они видят, что я стою у тебя за спиной.

Мой муж был большим злым волком, рычащим на любого, кто подходил слишком близко. *Я забочусь только о тебе.*

²⁷ (итал.) Усекла?

Я с трудом сглотнула, чувствуя, как мое горло сжимается, но воздух вокруг меня двигался, проникая в мои легкие.

— Капо. — Его имя прозвучало уверенно, хотя я чувствовала что угодно, только не уверенность. — Ты знаешь парня по имени Мерв?

— Знал. Не близко. — На этот раз Капо отвел взгляд и посмотрел на экран без всякого выражения. — Я должен был тебе сказать. Вера II на самом деле Вера I. Она была приветственным подарком. Эти растения. Кажется, у них стальные корни.

Я глубоко-глубоко вдохнула, выдохнула и вложила свою дрожащую руку в его твердую ладонь.

МАРИПОСА

Нью-Йорк стал полем битвы, на котором я выживала слишком долго. Каждый звук был боевым кличем. Каждый сезон давал повод бежать и прятаться, какая-то неизвестная стихия надвигалась на меня. Каждый запах был пропитан кровью. Каждое зрелище было чьей-то борьбой за жизнь.

Италия, *Италия* стала землей обетованной после долгой и изнурительной борьбы.

Каждый звук был музыкальным. Один друг окликает другого, что-то по-итальянски, что звучало как яростный спор, но на самом деле было дружеским подшучиванием. Лето ощущалось как теплый вечерний ветерок на моей коже. Каждый запах таил в себе обещание открывать что-то новое. Каждое зрелище было умиротворяющим. Люди болтали и смеялись на площади, ели мороженое и наслаждались жизнью.

Никогда еще я не чувствовала себя такой усталой и в то же время такой живой.

Перелет из Нью-Йорка был долгим, и я почти не спала во время него, поэтому я покачивалась на ногах, отказываясь двигаться. Но я отказывалась двигаться вовсе не из-за усталости.

Я потянула за лямки рюкзака.

— Ты не сказал мне, что я должна одеться для чего-то подобного.

Капо бросил на меня нетерпеливый взгляд.

— Ты прекрасно выглядишь.

Я осмотрела себя. Красивый синий сарафан и пара кожаных сандалий с перекрещивающимися ремешками. Видя, что я не знаю, что взять с собой, Капо помог мне упаковать чемодан в Италию для нашего долгого пребывания там. Мне нравилось все, что было в моем багаже, казалось, это соответствовало здешней атмосфере, но он не сказал мне, что мы поедем на мотоцикле с площади прямо до дома его дедушки.

— Почему ты отпустил машину. — У этого парня в багажнике мои вещи. Как мне ехать на *этом*, когда я в таком *виде*? Мне не во что переодеться.

Машина, которая, похоже, могла выдержать внезапный взрыв, привезла нас сюда из частного аэропорта, и водитель забрал все мои вещи с собой, после того как высадил нас.

Капо поднял очки и водрузил их на голову. Яркий свет ударил ему в глаза, и синева, казалось, взорвалась, как витражное стекло, когда лучи солнца коснулись его глаз. Он был одет в обтягивающую рубашку, демонстрирующую все его впечатляющие мускулы, темные джинсы и кожаные ботинки. Татуировка на его запястье выглядела еще более свирепой, когда он был без костюма, и вся его рука была выставлена напоказ. Старые часы Капо выглядели как... старые часы. Даже если они и были дорогими.

— Говори прямо, Марипоса. Ты боишься?

— Нет, не совсем. — Я колебалась, но лишь долю секунды. — Не хочу, чтобы моя Уна пострадала.

— Твоя сумка? С ней все будет хорошо.

— Не моя сумка, Капо. Кто дает прозвища сумкам? Моей *Уне*.

Капо сощурился.

— Ты всему на свете даешь прозвища. Вера. Путешествие. Я подумал, что у твоей сумки тоже есть имя. Так если это не твоя сумка, то о чем ты говоришь? И почему оно должно пострадать?

Я указала вниз, в направлении своей киски.

— Это моя Уна.

Он проследил за моим пальцем.

— Не понимаю.

— Моя вагина, — прошептала я.

Лицо Капо расслабилось, на мгновение на нем ничего невозможно было прочесть, а потом он разразился диким смехом.

— Уна? Где ты это слышала? Или ты сама придумала такое прозвище.

— Нет! — оборонялась я. — Джослин. Именно так она ее и называла! Она велела мне быть осторожной на велосипедах, так как они могут навредить моей Уне. После того, что случилось с... Замбони, я не хочу... может быть... испортить то, что еще может быть целым.

Замбони использовал пальцы, так что я не была уверена, сделал ли он что-нибудь, что нарушило мою целостность, так как именно тогда у меня начался цикл. Если нет, то для меня было важно поделиться этой частью меня с кем-то, кому я доверяла. Для меня было бы очень важно знать, что он не навредил мне физически. Потому что эмоционально он уж точно мне навредил.

При упоминании о Замбони все веселье схлынуло с лица Капо. Я не хотела поднимать эту тему, но Капо настаивал, и мне нужно было честно сказать, почему я не решалась ехать на байке.

Не желая, чтобы у Замбони была власть испортить наше время с ним - *мою первую поездку в Италию!*; да куда угодно - я решила попытаться поднять ему настроение. Я усмехнулась.

— Джослин наблюдала за мной из окна, когда я играла на улице с Райанами. Всякий раз, когда я надевала платье, и она чувствовала, что я становлюсь слишком «свободной» в нем, она стучала в окно и кричала: «Мари! Опустит платье, а то вся округа увидит твою Уну!» Потом она еще некоторое время продолжала стучать. Все соседи считали ее сумасшедшей.

— Да, но она была хорошим человеком.

— Джослин и Папаша относились ко мне как к своей.

— Я знал, что так и будет. Джослин всегда хотела иметь детей, а Мистер Джанелли очень любил их. Я знал, что там ты будешь в безопасности.

— Ага, — я выдохнула, смахивая несколько маленьких завитков волос, выбившихся из моих каскадных косичек. Я пробормотала что-то о том, как сильно скучаю по ним по-итальянски.

Капо с минуту наблюдал за мной.

— Полагаю, что причина, по которой ты так хорошо помнишь итальянский, услышав слова, заключается в том, что твои родители говорили с тобой только по-итальянски. Когда я привел тебя к Джослин, она говорила с тобой только по-английски. Они не хотели, чтобы кто-нибудь узнал, что ты говоришь по-итальянски.

Я не знала, что на это ответить, но мысль о родителях, которых я никогда не знала, заставила меня почувствовать тяжесть на сердце.

Капо, казалось, уловил это.

— Мы в Италии. Все, что было в Нью-Йорке, остается в Нью-Йорке. — Он обнял меня за талию, притягивая ближе. — Что скажешь, *mia moglie*²⁸, готова ли ты ехать со мной? Клянусь, что твоя Уни не пострадает, — его губы растянулись в широкой ухмылке. — Под моим неусыпным контролем она в полной безопасности. И ни окрестности, ни жители деревушки не увидят ее во всей красе. Сядь поближе ко мне, чтобы твое платье не развевалось веером. Мы оба знаем, как я отношусь к мысли о том, чтобы делиться с кем-то тем, что принадлежит мне. Я не делюсь.

Я рассмеялась над тем, как нелепо звучит *Уна* из его уст. Но он был прав. Италия была слишком совершенна, чтобы тратить время, проведенное здесь, на вещи, которые невозможно изменить.

— Ты? Делиться? — игриво усмехнулась я. — Ни за что на свете.

— Ты не ответила мне, Бабочка.

— *Sì! Facciamolo!*²⁹ Ага! Давай сделаем это!

Капо отпустил меня, перекинув ногу через сиденье. Я расположилась позади него, прилипнув к нему, как клей, а он протянул мне шлем, как только я устроилась удобнее. Капо завел мотоцикл, и я почувствовала, как машина вибрирует у меня под ногами. Я обхватила мужа руками, держа крепко.

²⁸ (итал.) Жена моя

²⁹ (итал.) Да! Сделаем!

Он провел для меня живописную экскурсию по городу, прежде чем мы отправились на окраину. Время от времени мы останавливались на светофоре, но чем дальше мы удалялись от центра, тем меньше было светофоров. Капо набрал скорость, и я чуть не закричала, чтобы он ехал быстрее.

Меня накрыло ощущение полной свободы. Ехать, и ни о чем на свете не переживая.

Мы ехали так некоторое время, следуя извилистыми дорогами, огромные горы вдаль становились все ближе и ближе, но, наконец, мы выехали на подъездную дорогу, которая, казалось, была длиной в три мили. По обеим сторонам тропинки росли сотни деревьев. Рабочие собирали фрукты. Ящики были полны лимонов и красных апельсинов. Капо говорил мне, что его семья владеет цитрусовыми рощами.

Чуть дальше по дороге виднелись ворота, а за ними открывался открытый участок земли, и в центре него располагалась огромная вилла. Она была из желтовато-коричневого кирпича, с зелеными ставнями и такой же черепичной крышей. Две другие виллы располагались по обе стороны от главной виллы, но я не была уверена, жили ли там постоянно люди. Маленькие тропинки, обсаженные зеленью, вели от одного места к другому. В воздухе стоял сильный запах шоколада.

Прежде чем мы остановились, люди начали высыпать из главной виллы. *Чертовски много людей.*

— Вот дерьмо, — пробормотала я.

Мне показалось, что Капо усмехнулся, но я не была уверена. Мое сердце забилось быстрее, а желудок сжался в комок. Мне никогда не приходило в голову, что его семья может быть такой большой. Судя по количеству людей, выходящих из дверей, для того, чтобы разместить их всех использовались все три дома.

Организатор свадьбы никогда не упоминала, сколько гостей будет присутствовать. Она просто сказала, что все, что я захочу, Мистер Маккиавелло велел ей исполнить в точности так, как я того пожелаю. Мне и в голову не приходило, что я должна произвести впечатление на *всех* этих людей.

Как только Капо выключил двигатель мотоцикла, они бросились прямо к нам. Я не знала, кого обнимаю, кто целует меня в обе щеки, а кто держит на расстоянии вытянутой руки, говоря по-итальянски так быстро, что я не успеваю уловить сути сказанного.

Наконец Капо сжалился надо мной и притянул к себе, взяв ситуацию под свой контроль. Я была слишком занята, пытаясь всех запомнить, но думаю, они проделали то же самое с ним. Когда ему удалось вырваться, он вцепился в меня и начал знакомить со всеми.

Мне нужен еще один дневник, чтобы все записывать. Сестры его матери - Стелла, Элоиза, Канделора и Вероника - выделялись на общем фоне, поскольку они воспитывали его. Мать Капо звали Ноэми. Я слышала, как Стелла сказала ему, что та будет им гордиться. Потом она взглянула на меня.

Все его дяди, кузены... Я бы сделала все возможное, чтобы не перепутать имена или не запутаться в родственных связях. Я заметила, что все зовут Капо *Амадео*. Интересно, почему? А потом я удивилась, почему он не дал мне выбора называть его так. Либо Мак, либо *босс*, либо Капо, но никак не Амадео.

Море людей внезапно расступилось. В толпе воцарилась тишина. Затем в очереди появился пожилой мужчина, Канделора помогала ему. На нем была широкополая шляпа и старомодный костюм с подтяжками. Несмотря на то, что было видно, как он боролся за каждый вздох, мужчина держал голову высоко поднятой. Оттенок его кожи был оливковым, но при этом была в нем и какая-то болезненная бледность. Его карие глаза были живыми, хотя тени кругами залегли под ними. Когда он улыбнулся, его седые усы дернулись.

Капо подбежал к своему деду еще до того, как он дошагал до нас. Старик хлопнул его по щекам и сказал что-то слишком тихо, чтобы я могла расслышать сказанное. Капо повернулся ко мне и что-то сказал в ответ. Когда старик, наконец, добрался до меня, он постучал по шлему, все еще висевшему у меня на голове, и я разразилась смехом. Я забыла снять эту чертову штуку.

— Дай мне тебя рассмотреть, — улыбнулся он. — Позвольте мне взглянуть на женщину, которая решила взять в мужа моего внука. Посмотрим, хватит ли у *нее* ума справиться с ним.

Я сняла шлем, положила его обратно на байк, и снова повернулась к нему лицом.

— Ах! *Bellissima*³⁰. — Он взял меня за обе руки, сжал, наклонился и поцеловал в обе щеки. — Я Паскуале Раньери. Можешь звать меня *Нонно*, если хочешь.

— Это Марипоса, — сказал Капо, стараясь не отставать от *Нонно*. Его дед не дал ему возможности представить меня. — Моя жена.

— Еще нет! — усмехнулся Паскуале. — Амадео говорил тебе, что я заставил его дожидаться июня, прежде чем он сможет жениться?

Я посмотрела на Капо, потом на Паскуале. И отрицательно покачала головой.

— Нет.

Нонно пренебрежительно махнул рукой в сторону Капо.

— Ты выйдешь замуж в тот же день, что и я. Я отказался присутствовать на свадьбе моего внука, если он не согласится на мое условие. Я также отказываюсь умирать раньше, но это между мной и... — он поднял лицо к небу.

— Я уверена, что это будет нечто особенное, — прошептала я, сжимая руку *Нонно*. Она была холодной, даже в жару, и ничего, кроме кожи и костей, но мне нравилось, как она ощущалась в моей. Он мне понравился. Сразу и безоговорочно. *Нонно* успокоил меня.

— Марипоса, — медленно повторил он мое имя и смотрел на меня с минуту, прежде чем снова улыбнулся. — Такая красивая маленькая бабочка.

³⁰ (итал.) Красавица

Она вписалась.

Прошла неделя с тех пор, как мы прибыли в Модуку, на Сицилию, и перемены в моей жене были едва заметны для других, но столь явственны для меня.

Вместо того чтобы подвергать сомнению свои решения, как это было до того, как мы уехали, в ней была спокойная уверенность, которая заставила Марипосу взять на себя ответственность — больше она не была «твоей». Она была «нашей».

Ее смех был еще громче, еще свободнее, чем со мной. Мой дед повелся на это. Моя жена заставляла его смеяться больше, чем кто-либо. Кроме моей матери.

Мои *zie* (тетушки) влюбились в нее. Они научили ее готовить. Они даже дали ей секретный рецепт шоколада «Модика», которым гордились. *Ciocolato di Modica*. Это был рецепт 1500-х годов, привезенный на Сицилию испанцами, прямыми потомками - продолжателями традиций ацтеков.

Моя жена приходила ко мне с широкой улыбкой на лице, с коричневыми пятнами на коже и одежде. Она была счастлива, как ребенок, который целый день играет в грязи. От нее тоже пахло шоколадом, который я так любил. Это напомнило мне мою мать. И мне было радостно думать, что она приняла бы Марипосу так же, как и мои *zie*.

Они баловали ее своим временем и вниманием. Они обращались с ней как с частью семьи. *Zia* Вероника даже погналась за ней с деревянной ложкой, когда та попыталась добавить розмарин в кастрюлю с чем-то.

Однажды, наблюдая, как Марипоса возится с шоколадом, улыбаясь самой себе, я услышал, как *Zia* Канделора сказала ей: *«Твои родители должны были назвать тебя в мою честь. Ты светишься, как будто съела внутреннее пламя, а твоя кожа сделана из воска!»*

Zia Канделора была известна своей манерой все преувеличивать, но она не ошиблась. Марипоса вся светилась изнутри. Ее улыбка была такой яркой, что золотые искорки в глазах казались нереальными. Она двигалась в правильном направлении. Пока Марипоса была здесь, у нее также был шанс отдохнуть, по-настоящему обрести покой.

Марипоса спала так, словно черт больше не ходил за ней по пятам, потому что за спиной у нее был ангел. Я знал, каково это. У меня тоже когда-то был ангел.

В самое жаркое время дня она брала одну из своих книг или электронную книгу, находила свое любимое место - гамак между двумя каштанами - и читала. Марипоса всегда носила большую широкополую шляпу и, прежде чем устроиться поудобнее, отбрасывала сандалии в сторону. Через час она засыпала, прижав книгу к груди. В Нью-Йорке она спала, но сон был прерывистым, как будто моя жена не могла позволить себе спать больше часа.

По вечерам она спешила на виллу и выходила оттуда под руку с моим дедушкой, которого она называла *Нонно*. Обычно они направлялись в его частный садик, так как он не мог ходить на слишком большие расстояния. Она не снимала широкополую шляпу, пока работала в саду. Он направлял ее. Дедушка велел Марипосе перенести это растение в другое место, или сорвать плоды с этого, или сделать все, что он сочтет нужным. Я слышал, как они смеются вместе. Каждый день она рассказывала ему новую шутку.

— Хотите услышать остроумную шутку? — спрашивала она, когда думала, что вокруг никого нет. Она давала ему несколько секунд, прежде чем сказать:

— Иногда я заказываю пиццу без начинки. Когда чувствую себя дерзкой.

Его смех соперничал с ее.

Поработав в саду, она садилась рядом с ним, обнимала его за плечи и клала голову ему на плечо. Дедушка рассказывал ей истории, читал ей, либо декламировал стихи. Иногда он делал все три дела сразу. Мой дед был всемирно известным поэтом и романистом. В 1970-х он получил Нобелевскую премию по литературе. Его поэзия была известна своей лиричностью и страстностью.

Дикий смех Марипосы очаровал его, и он каким-то образом заставил ее безумно влюбиться в него.

С тех пор как мы приехали, я редко проводил время с женой. Каждый хотел урвать себе кусочек ее. Время от времени я брал Марипосу кататься на мотоцикле или гулять в рощах, но я давал ей достаточно времени освоиться, чтобы моя семья стала и ее семьей тоже. Но даже когда она не думала, что я рядом, я был рядом, и находил время, чтобы увидеть ее. Увидеть женщину, которой она всегда могла стать — ребенка, за которого я отдал свою жизнь, и женщину, которая теперь стала моей женой.

Вдоль дорожки тянулись две тени. Через несколько секунд появились дядя и тетя. Тито и Лола. Тито был двоюродным братом моего деда, хотя все называли его дядей. Лола была сестрой Марцио Фаусти. Марцио был одним из самых могущественных и безжалостных лидеров, которых Фаусти когда-либо имела. Тито был врачом, одним из лучших, и он лично присматривал за ними. Он лично позаботился и обо мне. Он был ангелом за моей спиной. И кроме моего деда, он был единственным достойным мужчиной в моем мире.

Тито познакомился с Марипосой в ту ночь, когда она пробралась в клуб под именем Сьерры. Когда она назвала ему имя Сьерры, он понял, что она лжет. После того как Марипоса уехала, он посоветовал мне не выбирать ее в невесты, особенно с учетом того, что я планировал. Она была другой и не принадлежала этой жизни.

Я не согласился. Ее преданность могла стать безжалостной, если кто-то хотел причинить мне вред. Она была именно той Королевой, которая нужна могущественному Королю.

Когда Марипоса поднялась им навстречу, я понял, что она узнала Тито. Ее щеки слегка покраснели, когда дедушка представил ее как Марипосу, а не Сьерру. Тито пошутил, и она расслабилась, смеясь. Лола притянула ее к себе, и я сочувственно поморщился. Ее счастье выплеснулось, когда она обняла и ущипнула девушку. По крайней мере, я знал, что ей нравится Марипоса. Лола обнимала или щипала только тех, кого любила.

— Амадео! — раздался тихий голос. — Амадео! — Когда наши взгляды встретились, Джиджи подбежала ко мне и, подойдя достаточно близко, врезалась мне в грудь.

После того, как она закончила меня обнимать, моя прическа изрядно пострадала.

— Несправедливо, что ты такой красивый, Амадео. Прекрасный дьявол, — она усмехнулась. — Я знаю, по крайней мере, десять самых известных лиц в Голливуде, которые убили бы за то, чтобы быть *тобой*.

— Я рад, что вы смогли приехать, — сказал я. Джорджина, или Джиджи, как ее все называли, была известной актрисой в Италии, а поскольку я жил в Америке, то виделись мы с ней не так уж часто. — Я слышал, что ты где-то на Французской Ривьере живешь с каким-то богатым принцем на его яхте.

— То было вчера. — Джиджи махнула рукой. — Сегодня я здесь ради тебя. Я должна была лично увидеть это монументальное событие. Амадео женится. Как там говорят американцы? Ад замерз. — Она легонько ударила меня по руке, и мы оба заулыбались. — Так где же она? Та женщина, что укротила твое дикое сердце.

— В саду с дедушкой, — ответил я по-итальянски. — Они сидят и разговаривают каждый вечер.

Мы оба повернулись в ту сторону.

Марипоса стояла, прикрыв рукой глаза, пытаясь лучше нас разглядеть. Я подавил усмешку. Она понятия не имела, что я наблюдаю за ней, но когда Джиджи заговорила достаточно громко, чтобы привлечь внимание, она, должно быть, заметила нас обоих. Похоже, ей это не понравилось.

— Амадео, — сказала Джиджи, и мне показалось, что она уже звала меня по имени.

— А?

Она улыбнулась, но улыбка не коснулась ее глаз.

— Она хорошенькая, но не такая, как я ожидала.

— Нет? — Я говорил по-итальянски. — А кого ты ожидала увидеть?

— Кто-то вроде меня.

Джиджи считалась одной из самых красивых женщин в мире. Но я никогда не поддавался влиянию всенародного голосования. В моих глазах женщина, стоящая напротив меня, перепачканная садовой землей, была самой красивой женщиной в мире. В ней было что-то такое, чего я никогда не видел ни в ком другом. *И не чувствовал от кого-либо еще.* Может быть, притяжение имеет те же правила, что и феномен феромонов. Что бы ни привлекало меня в Марипосе, это было только мое чертовски редкое сокровище.

Zia Стелла и *Zia* Элоиза вышли в сад. Они хотели, чтобы Марипоса приняла душ и приготовилась к ужину, который они запланировали провести с участием женской половины. Все мужчины собирались поиграть в бейсбол. Марипоса не двигалась. Она не переставала пялиться на нас.

Джиджи застонала.

— Я догоню вас позже. — Она быстро поцеловала меня в щеку и поспешила в противоположную сторону. Лола начала пробираться к нам.

На этот раз моя улыбка была неспешной и удовлетворенной. После того как Джиджи ушла, Марипоса позволила тетушкам увести ее.

— Вот ты где! — сказала Лола, подойдя ко мне и ущипнув меня за щеку. — Как поживаешь, *bell'uomo*³¹?

— Я в порядке, *Zia*, а ты?

Она улыбнулась.

— Я обожаю ее, Амадео! Из нее получится замечательная жена. Марипоса кажется замечательной девушкой. — Секунду она колебалась, потом открыла рот, но быстро закрыла. — Твои дед и дядя хотели бы переговорить с тобой, — сказала она по-итальянски, кивнув в сторону сада. — Я собираюсь найти Джиджи. Мне нужны сплетни о знаменитостях!

Прежде чем я успел подойти к ним, один из охранников остановил меня. Он говорил по-итальянски.

— К воротам подошел человек. Он утверждает, что ищет место, где женщины производят шоколад. Ему сказали, что он может найти их здесь.

У моих тетушек были магазины по всей Италии, а один в Модике был завален заказами, особенно в туристический сезон. Как только товар распродался, они закрывались. И вам пришлось бы вернуться на следующий год, но никто не направил бы людей сюда. Вся эта эпопея с производством шоколада была семейным бизнесом, и наши секреты были нашими собственными, включая и то, где мы жили.

За эти годы несколько мужчин проделывали нечто подобное, только их оправдания для встречи были разными. Это был первый раз, когда кто-то из них утверждал, что рабочие в магазине дали им этот адрес. У них кончились лживые оправдания.

Я бы не удивился, если бы сам король Волков заявился сюда собственной персоной. В последнее время он чувствовал, что дьявол преследует его по пятам. А поскольку Армино пропал, Ахилл подлил масла в огонь.

— Отведите его на одну из вилл в глубине участка, — сказал я по-итальянски, кивая в сторону за главной виллой. — Стерегите его и не дайте ему уйти. Не говорите ему, что он пришел не в то место. Не говорите ему ничего, кроме того, что он должен подождать.

— *Si*³², — он поправил висевший на плече пистолет и полез в карман за пачкой сигарет. Он закурил одну и произнес: — Я сообщу остальным.

Запах дыма остался даже после того, как он ушел.

Тито разговаривал с Нонно о новых методах лечения рака, когда я подошел. Он слушал, но качал головой. Я мог бы сказать Тито, чтобы он поберег свои силы, но он так и не сделал этого. Я

³¹ (итал.) Красавчик

³² (итал.) Да

пытался уговорить дедушку продолжить лечение, но Нонно отказывался даже думать об этом. Он сказал, что уже достаточно стар, достаточно прожил, и когда придет его время, он хочет быть дома, в тепле своей постели. Ему пора было снова увидеться с бабушкой и мамой. Жизнь полной грудью дала ему благодать принять смерть.

Их разговор стал течь медленнее, когда я пододвинул стул к скамейке, но Тито не прекращал говорить, пока не почувствовал, что закончил. После этого тишина заполнила пространство между нами, пока мой дедушка не стукнул тростью о землю. Его взгляд был тяжелым. Он устал.

— Вы хотели меня видеть, — сказал я.

Тито посмотрел на меня из-под своей шляпы и скрестил тощие ноги.

— Марипоса выглядит иначе, Амадео.

— Верно, — сказал я. — Она расцвела.

Дед оперся на трость и откашлялся.

— Ты не сказал мне, — он говорил по-итальянски, — что Марипоса - это та девочка, за которую ты отдал свою жизнь.

Я встретился с ним взглядом.

— Она тебе сказала.

— Я рассказал ей историю, историю о человеке, который отдал свою жизнь за женщину, которую едва знал, принеся величайшую жертву, известную человеку. Она сказала мне, что знает человека столь же благородного. Когда я спросил ее, кто этот великий человек, она ответила, что это *ты*. Я умираю, но еще не сошел с ума.

Старик был хитер. Он учел ее замечание и соединил все воедино. Наверное, он поинтересовался, сколько ей лет, и подсчитал. А потом он обманом заставил меня признаться. Только так он знал, что я это сделаю.

Дедушка снова стукнул тростью, глядя в сторону.

— Скажи мне, внук, ты подаришь ей жизнь, которую она заслуживает? — Он снова встретился со мной взглядом. — Ты спас ей жизнь, пожертвовав своей душой. Что будет значить твоя жертва, если она в конечном итоге спрячется в шкафу, в то время как единственный мужчина, которого она любит, будет убит, потому что он безрассудный дурак?

— *Amore*³³? — Я рассмеялся, но оба мужчины лишь сощурились. Я продолжал по-итальянски: — Верность. Вот что нас объединяет. Это наш фундамент.

— А как же любовь? Сейчас или в будущем.

— Любовь превращает нас в глупцов.

— Так говорит человек, который никогда не открывался ей, — пробормотал Тито.

Я прищурился, глядя на него. Он снова прищурился.

— Может быть, и любовь, — сказал дедушка. — Но что ты можешь знать об этом, Амадео? Как ты можешь говорить о таких вещах, если ты понятия не имеешь, о чем говоришь? Или ты знаешь? Докажи, что я ошибаюсь. — С минуту он пристально смотрел на меня, а когда ответа не последовало, хмыкнул. — Возможно, для людей, которые любили, *ты* - глупец. — Он постучал тростью по земле раз, другой, третий. — Запомни, Амадео. Глупцы пойдут туда, куда даже ангелы не осмеливаются ступить.

— Еще раз, — сказал я деду. — Постучи еще раз.

Он сделал это, не спрашивая меня почему. Затем он прочистил горло.

— Марипоса во многом напоминает мне мою Ноэми.

На этот раз я отвел взгляд, зная, к чему он клонит. Если бы он был кем-то другим, я бы ушел, но я должен был уважать его больше. Это были его последние дни, и если говорить о вещах, которые я предпочел бы не обсуждать, и которые не давали дедушке покоя, я бы послушал. Я жертвую ради него всем, как он жертвовал ради меня.

— В каком-то смысле Марипоса похожа на ребенка, а в другом - на женщину. Это тонкое равновесие - быть в достаточно степени и тем, и другим, не отнимая ни кусочка друг у друга. При этом преобладание одного практически полностью исключает существование другого.

³³ (итал.) Любовь

Марипоса освоила этот баланс. Твоя мать была такой же. Когда она выходила замуж за твоего отца, я знал, что он не будет воспитывать ребенка, он убьет его. Он хотел женщину с холодным сердцем. Жизнь, которую он выбрал, требовала этого. Я горевал о ребенке, которого носила под сердцем моя дочь, еще до того, как ее убили. Артуро убил эту жизненно важную часть ее души еще до того, как она покинула этот мир. Когда у женщины есть обе эти части, и если одна умирает, другая следует за ней. Потому что эти две части вместе составляют единое целое, понимаешь.

Она покинула этот мир. Бросила меня. Сделала эта собственноручно. По ее собственному выбору. Моя мама покончила с собой. Моей любви было недостаточно, чтобы удержать ее здесь.

— Я не стану тратить оставшееся у меня время на загадки, — продолжал он. — Я собираюсь сказать тебе, что я думаю.

Он всегда так делал.

Он хотел продолжить, но на подъездной дорожке остановилось множество машин, и гости, приглашенные на ужин в честь Марипосы, высыпали наружу. Мужчины, включая Рокко и его братьев, были готовы играть в бейсбол. Мой дед никогда не говорил при них о чем-то личном. Не то чтобы он не любил Фаусти — он считал их *famiglia*³⁴, — но он никогда не одобрял их образ жизни.

Мой дед и Марцио были друзьями до того, как шальная пуля случайно убила Марцио. Этторе, один из сыновей Марцио, держал пистолет, и пуля предназначалась для старшего сына Луки и внука Марцио, Брандо. Вместо этого пуля попала в Марцио. Но Марцио любил проводить время с моим дедом. Они спорили почти обо всем, но уважали друг друга в достаточной мере, чтобы в итоге они стали друзьями. В душе Марцио был поэтом, и это было единственное, что их объединяло.

Поэзия - это язык любви.

Однако Паскуале Раньери не верил в то, что насилие является ключом к достижению мира. Мой дед твердо верил, что если ты живешь мечом, то от меча и падешь. Марцио верил, что все равно все умрут, и какую бы ты не избрал, смерть есть смерть. Мирная или нет.

Мой дед не поддерживал мой образ жизни. Я не делал секрета из своих планов. Или кем я был. Несмотря на это, он любил меня, но никогда не скрывал своих чувств. Он считал своим долгом, как мой дед, попытаться направить меня в правильное русло. Он потерял свою дочь, которая выбрала жуткую смерть, в которой, как дедушка считал, виноват ее муж. Мой дед пытался помешать моей матери выйти замуж за Артуро, но она была упряма, думая, что ее любовь может спасти его от самого себя.

В конце концов, она не смогла спастись от его жестокой натуры. Он не хотел, чтобы жена вела стаю вместе с ним. Он хотел красивую игрушку, которую мог бы использовать, пока она станет ему больше не нужна. В то время на его *капо* произвела впечатление красивая девушка с его исторической родины, говорившая по-итальянски. Затем, после того как он использовал мою мать, чтобы успокоить *капо*, Артуро перерезал ему горло и захватил власть в клане. С тех пор он стоял на этой проклятой земле.

Мой дед отвернулся, когда Рокко, его братья и несколько высокопоставленных мужчин вошли в сад. Они все были готовы играть в мяч. Я глянул на деда, но знал, что он дождетя, пока они уйдут, прежде чем снова заговорит.

Тито сел и, прищурившись, посмотрел на нас. Он поправил очки.

— Бейсбол - это игра. Это должно быть веселое соревнование. Если я увижу, что кто-то становится слишком грубым... — он поднял указательный палец, — оторву тому БАШКУ! — Он сделал резкое движение поднятым пальцем. — У доктора сегодня выходной! — У него была привычка удлинять произношение буквы «р», когда он злился.

Все мужчины вокруг него ухмылялись, кроме моего деда.

Рокко пододвинул стул поближе ко мне.

— Мы должны переговорить перед игрой.

— Человек у ворот, — сказал я. — Его послал Артуро.

³⁴ (итал.) семья

— *Si*. Нью-Йорк - это зона военных действий. Пять семей приходили ко мне по поводу проблем, с которыми они столкнулись.

— Пять. — Я усмехнулся. — Великий Артуро *Lupo*³⁵ Скарпоне наконец-то пришел к вам за помощью.

— Помощью, — сказал он, — или информацией. Он думает, что умнее меня. Он задает вопросы с намерением скрыть их истинный смысл. Он попросил разрешения поговорить с Лотарио.

Лотарио был одним из дядей Рокко. У Марцио было пятеро сыновей, а Лука был самым старшим из них. Некоторые называли его кошмаром. Он был еще более безжалостным, чем его отец, но что-то произошло, и он оказался в тюрьме в Луизиане. Некоторые говорят, что это было связано с женщиной, матерью Брандо, но Фаусти держали в тайне свои секреты.

Этторе был сыном, который должен был править после смерти Марцио, но так как он случайно застрелил своего отца, пытаясь убить Брандо, Лотарио взял на себя обязанности управления семьей. Он не был его отцом, и он был далек от грозной тени, которую отбрасывал Лука, но до сих пор он был достаточно честен, чтобы сохранить условия сделок, которые его отец заключил со мной перед своей смертью. Все Фаусти жили и умирали по кодексу. Их слово было таким же твердым, как и их кровь. *La mia parola è buona quanto il mio sangue*³⁶.

Чтобы поговорить с Лотарио, нужно было выйти на определенные каналы. Артуро связался с Рокко, чтобы попытаться выйти на него.

Потребуется ли Артуро, чтобы ему сказали, жив ли его сын? Марцио разрешил мне использовать любые средства, чтобы отомстить. Формально я все еще находился под его защитой.

Поэтому я не удивился, когда Рокко сказал:

— Лотарио отклонил его просьбу, но я не хочу, чтобы он вмешивался. Как тебе известно, Фаусти - мастера вести войну изнутри. — Он положил перчатку на колени. — Приближение Лотарио никому не принесет пользы. У него свои планы, и со временем с ним разберутся, но пока мы должны держать это между нами.

Я кивнул. Я бы тоже предпочел держать его в стороне. Ходили слухи, что он не так благороден, как остальные члены его семьи.

Рокко перевернул бейсбольную перчатку.

— Артуро разговаривает со всеми семьями в Нью-Йорке. Несмотря на то, что они воюют, он пытается убедить их, что не он тот, кто затеял эту войну. Он убеждает их, что за всем стоит человек со стороны. Будь готов. Теперь, когда дым рассеялся, их глаза открыты, некоторые взгляды могут устремиться на нас.

Я улыбнулся.

— Все смотрят на меня. Пусть эти чертовы игры начнутся. — Играть в игру из пяти человек с одним игроком становилось скучно. Когда они не знали, что игра ведется, они не могли обмануть, но все должно было измениться.

Мы с Рокко встали. Он протянул руку и притянул меня к себе, хлопнув по спине.

— Больше никаких разговоров о делах, — сказал он. — Пора играть в мяч!

— Эээуууу! — Крикнул его брат Ромео, и все мужчины бросились в поле.

Рокко ждал меня.

— Увидимся, — сказал я.

Он посмотрел на моего деда и кивнул. Тито пошел вместе с Рокко к полю.

Я сел рядом с дедушкой. Он смотрел вдаль.

— На что ты смотришь?

— Я не смотрю, Амадео, я думаю.

— Верно, — сказал я, пряча усмешку. — Ты хотел сказать мне, о чем думал.

Он повернулся ко мне и поднял руку, как будто собирался дать мне пощечину. Я отодвинулся, готовясь к этому. Независимо от того, сколько мне лет, он был моим дедушкой, и он надрал бы мне задницу, если бы подумал, что я шучу над чем-то, что он считал серьезным.

³⁵ (итал.) Волк

³⁶ (итал.) Мое слово так же хорошо, как и моя кровь.

Через секунду, все еще держа руку поднятой, он улыбнулся мне. Затем его рука опустилась на мою голову, и он начал двигать ею взад и вперед, рыча на меня.

— Ты заставляешь меня впадать в ярость. — Потом он грубо притянул меня к себе и поцеловал в макушку. — Я буду скучать по тебе больше всего, Амадео, когда меня не станет.

Его болезнь змеей обвилась вокруг моего сердца, и мне было трудно дышать, когда я думал о том, что он меня бросит. Дедушка всегда призывал меня смотреть на вещи по-другому. Он был единственным, у кого хватило на это смелости.

Я уставился в землю.

— *Non voglio parlare di questo. Я не хочу говорить об этом.*

— Мы должны поговорить о вещах, которые кажутся нам трудными, — сказал он по-итальянски. — Или мы никогда не победим их.

Мы успокоились на некоторое время. Я не мог смотреть на дедушку, поэтому продолжал смотреть в землю, моя голова была пуста. Мой дед снова смотрел в пустоту, но я видел, что его голова была полна мыслей.

— Когда Тито рассказал мне, что с тобой случилось, — продолжал он по-итальянски, — это был первый день, когда я заговорил с Богом после смерти твоей матери. Я ненавидел Бога. Я не понимал, почему такая верная женщина, как твоя бабушка, должна была страдать от такой потери, когда она только и делала, что молилась. Молилась о защите ее детей. Почему он не защитил моего ребенка? Почему он не отправил ее домой, когда мы были ей так нужны? — Гнев поглотил меня. — Мы - это то, что мы любим, Амадео.

Мне нравилось ненавидеть. Это было легче, чем чувствовать, что меня каким-то образом забыл Бог, которого я не забыл.

Несколько моих двоюродных братьев шли по тропинке, разговаривая, и он замолчал. Увидев это, они замахали руками, но не остановились. Через минуту или две после того, как группа отошла достаточно далеко, чтобы они не могли подслушать, мой дед повернул свою трость к земле, продолжая свой ход мыслей.

— В первый раз, когда я увидел тебя, я увидел в тебе так много от твоей матери, и я почувствовал, что ты мой. Артуро называл тебя принцем, но ты всегда был моим мальчиком. Моим Амадео. *Моим*, понимаешь, и Тито не мог диктовать мне, будешь ты жить или умрешь. И снова я оказался в положении, когда мог потерять все. Когда мы любим, мы находимся во власти жизни и смерти. Любовь ставит нас в положение, когда мы можем потерять все. Шанс - *есть шанс, что она сделает это* - может возродить или сломать нашу душу. Чудо в том, что даже если мы все это потеряем, мы каким-то образом восстановим. Эта крошечная часть нас, тлеющий уголек того, что осталось в нас, становится нашим всем, пока мы не дополним его. Я был готов потерять то небольшое, что у меня было, когда Тито позвонил и сообщил мне о твоём состоянии. Это уничтожило бы меня. Я не мог этого пережить. — Он вздохнул. — Я подъехал к церкви и встал перед крестом, желая поторговаться. Я сказал: — *«Если ты спасешь его, я отдам тебе себя вместо него. Есть вещи похуже смерти, которые могут забрать человека. Я не хочу, чтобы снова было хуже. Я хочу, чтобы мой внук жил. Я хочу, чтобы он прикоснулся к любви и испытал хорошее в жизни. Пусть он испытает неопишное чувство влюбленности, любви, достаточной для того, чтобы умереть за женщину, достойную его жертвы. Пусть он испытает неопишную радость стать отцом. Пусть он влюбится в свою жизнь! Пусть он живет с любовью в сердце, а не с мстью в глубине души».*

Я искоса взглянул на дедушку. Он боролся с раком в течение многих лет, после того как я переехал жить к нему.

— *Si*. Довольно скоро я узнал, что он поверил мне на слово. Ты был спасен, но мне предстояло встретить свою смерть. Тем не менее, я не потерял все это снова. У меня все еще оставалась часть моей Ноэми. Она живет в тебе. — Дедушка немного оперся на трость, слегка покрутив ее. — Когда ты переехал к нам, мне сказали, что ты спас ребенка. Ты отдал свою жизнь, чтобы она могла жить. Моя жертва была вознаграждена. Она была принесена не напрасно. И твоя тоже.

— Я надеялся, что того факта, что она жива, будет достаточно, чтобы ты был доволен. Но я видел. Я видел, как ненависть разъедала твои внутренности, как кислота. Я пошел к Марцио и попросил его помочь тебе, хотя и не был согласен с его идеей о средствах достижения цели. Не в моей крови быть таким человеком или понимать его поступки. Иногда я не понимаю тебя, мою собственную кровь, но я могу понять ненависть. Когда-то я ненавидел себя до такой степени, что это разъедало *меня*, подобно кислоте. Разница между нами в том, что я берусь за перо, а ты за меч.

— Марцио мне отказал. Он сказал, что ты взрослый мужчина, и если тебе нужно его услышать, он выслушает. Мы знаем, что он это сделал, и после, хотя смерть стояла рядом с тобой, я снова увидел в тебе жизнь. Это давало мне надежду. — Он положил руку мне на затылок и слегка встряхнул. — Итак, я скажу тебе, что я думаю сейчас, Амадео. Я думаю, что ты влюбился в невинность этой маленькой девочки, потому что она напоминала тебе твою мать в ее лучшие времена. Вот почему ты спас жизнь Марипосе, пожертвовав своей собственной. Ты знаешь, что такое истинная жертва и чего стоит сейчас твоя душа. Не жертвуй вторым шансом, который вам дали, ради того, что завтра ничего не будет значить. Не закрывайся от любви, когда мужчина, сидящий рядом с тобой, любит тебя настолько, что готов отдать свою жизнь за тебя. Позволь любви поглотить тебя, Амадео, потому что мы становимся тем, что потребляем. Кем ты станешь, если продолжишь поглощать месть? Что она сделает с бабочкой, за которую ты отдал свою жизнь? Твоя жертва будет напрасной. Твоя и моя. Грош ей цена, если ты не сможешь чувствовать ничего, кроме ненависти. Вот что я *знаю*.

КАПО

Мы планировали ужин с нашими ближайшими родственниками в ночь перед свадьбой. Факелы делали ночной воздух дымным, играла легкая музыка, и люди сидели за столом, рассчитанным на сотню человек, ели и смеялись.

Вечер был настолько насыщенным, что нам с Марипосой почти не удавалось побыть наедине, но при этом она всегда оказывалась рядом. Она разговаривала с Кили и ее семьей. Сразу после того, как Марипоса что-то сказала отцу Кили, мать Кили что-то сказала Марипосе. Лицо Марипосы вытянулось, она кивнула, сказала что-то еще и ушла, опустив голову.

Это чертовски меня раздражало. Я обязательно выясню, в чем дело, и разберусь с этим.

Через минуту Марипоса уже села рядом со мной. Она продолжала теревить салфетку на столе.

— Скажи мне, что случилось, — попросил я.

— Ничего.

Встав, я подал ей руку и сказал, что мы собираемся прогуляться по рощице вдвоем. Кили пролетела мимо нас, ее шея покраснела, и я повернулся, чтобы посмотреть на ее семью, прежде чем снова повернуться к Марипосе и заставить ее двигаться.

Рощи были хорошо освещены, фонари освещали нам путь, пока мы шли. Люди, которые работали на полях, помогли мне развесить бесчисленные солнечные фонари на деревьях для особых случаев.

Марипоса молчала, пока не успокоилась.

— Прогулка по рощам, да?

— У меня не было возможности поговорить с тобой наедине.

Она толкнула меня локтем.

— Струсил?

— Мой ум управляет моими ногами, и я мыслю здраво. — Я взглянул на ее платье. Моя жена была похожа на римскую богиню. Цвет был светло-голубой, материал почти прозрачный, и он волнами ложился на ее руки. Когда дул ветер, платье трепетало, словно крылья. Подол подметал землю, пока мы шли, и я заметил, что она не подняла его. — Твой любимый цвет. Голубой. На тебе платье смотрится очень красиво.

Марипоса посмотрела мне прямо в глаза, и мне пришлось подхватить ее, пока она не споткнулась об ящик, оставленный кем-то на земле. Она взорвалась смехом.

— Слишком много вина.

Она не выпила ни капли.

— Это то, что дети называют забавой в наши дни?

— Ты обвиняешь меня во лжи, Капо?

— Зависит от обстоятельств. Если дети так это называют. — Я пожал плечами. — Ты говоришь правду. Если нет, то твой хорошенький носик вырастет, как у Пиноккио.

— Ох! — Она засмеялась еще громче. — А кто из нас сейчас лжет *Хорошенький носик*.

— Ты прекрасна, — сказал я. — Самая красивая женщина для меня.

Она вытерла что-то с моего лица.

— Ты в этом уверен? — Она показала мне свою руку. На ней было пятно красной помады.

Джиджи. Она поцеловала меня в щеку. Марипоса это заметила. Я даже поймал ее на насмешке над Джиджи. Она притворялась, что смеется, как она, а потом трясла сиськами. Джиджи не заметила, но я заметил. Марипоса еще даже не встречалась с ней. Они никогда не оказывались в одном и том же месте в одно и то же время. И когда Джиджи появлялась, она говорила со мной, когда Марипосы не было рядом.

— Я говорю это не ради забавы, Марипоса.

Я чуть не рассмеялся, увидев кислую мину на ее лице, но сдержался. Я не хотел ссориться в ночь перед нашей официальной свадьбой. Воевать было не из-за чего.

После этого мы притихли. Ее занимали свои мысли, я думал о своем.

Затем она сделала вдох, выведя меня из раздумий.

— Мне нравится здешний запах. Он напоминает мне запах новых духов. — Она подняла руку, и я вдохнул аромат ее кожи. То был аромат духов того же дизайнера, который сделал ей другой, но этот был немного другим. В нем были ноты апельсинового цветка и моря. Оба аромата, казалось, были созданы для Марипосы, но новый был еще совершеннее.

Я поцеловал ее пульс и взял за руку.

— Сюда. — Я повел ее вглубь рощи, желая уйти как можно глубже, как можно дальше от людей.

— Капо, — прошептала она, не глядя на меня. — Ты сделал для меня сегодня прекрасную вещь. Поменял блюдо.

Перед тем как отведать бифштекс в «Маккиавелло», она велела распорядителю свадеб подать его на ужин. После того, как Марипоса отобедала в ресторане, она просто влюбилась в пасту с крабовым мясом. Я попросил распорядителя изменить ее заказ в последнюю минуту, после того как узнал, что она заказала стейк, прежде чем попробовала пасту. Она хотела поблагодарить меня за это, но у нас были договоренности, и в этом не было необходимости. Мы оба делали это друг для друга.

Я кивнул:

— Ты прекрасно поладила с моим дедом. Ему действительно нравится проводить с тобой время.

Марипоса напряглась.

— У меня с тобой договоренность, — произнесла она, сохраняя невозмутимое выражение лица. — Больше ни с кем. Мне нравится проводить с ним время. Потому что я так хочу.

Я не хотел ее обидеть, но все-таки обидел.

— Скажи мне, Марипоса, если ты когда-нибудь влюбишься, любовь отменит твой негласный закон о доброте?

— Закон? — произнесла это с издевкой, но все-таки ответила через некоторое время, обдумав мой вопрос. — Не уверена. Мне нужно время, чтобы все обдумать.

Или почувствовать.

Я вздохнул, указывая на два перевернутых ящика.

— Вот мы и пришли. — Я жестом предложил ей сесть, а сам сел рядом.

Тишина была долгожданной после всего времени, проведенного в окружении семьи, с тех пор, как мы приехали. Когда я жил здесь, то иногда прогуливался по рощам, чтобы побыть в одиночестве. Я сидел на ящике и избавлял свой разум от всех мыслей. После всего, что я сделал, чтобы продумать все до мелочей.

— Что-то не так, Капо?

Я понял, что Марипоса говорила со мной. Она смотрела на меня, ожидая ответа.

— Нет. Здесь так спокойно. Я доволен.

— Хорошо, — прошептала она. Марипоса посмотрела на свои руки, а я положил свои ладони поверх ее, заставляя ее снова посмотреть на меня.

— Я не хотел делать это на глазах у всех. Я хотел передать тебе это наедине. — Я порылся в кармане и вытащил четки из настоящего жемчуга. Вставки были сделаны из сапфиров. Крест был золотым. Я раскрыл ее ладонь и положил четки в центр, накрыв их ее ладонью. — Они принадлежали твоей матери. Я подумал, что тебе они понравятся. Если хочешь, можешь взять их с собой завтра. Что-то старинное.

— Моей матери. — Ее голос был мягким, когда она раскрыла ладонь, как будто я подарил ей бесценное сокровище. — Где ты их взял? — Пальцы Марипосы нежно ласкали бусины, возможно, пытаясь найти некую связь в попытке что-то вспомнить. Когда она наткнулась на пятно крови, она попыталась стереть его, но пятно въелось навсегда.

— У тебя, — сказал я. — Твоя мама молилась вместе с тобой каждый вечер перед сном. Ты читала с ней молитвы по-итальянски с четками. В ту ночь, когда я забрал тебя с собой, они лежали рядом с твоими книжками-раскрасками, и ты протянула их мне.

— Ты сохранил их.

— Да, — сказал я.

Через несколько минут Марипоса положила четки на колени, заложив руку за спину. Она протянула мне маленькую коробочку.

— Когда ты сказал, что мы идем прогуляться, я тоже решила отдать тебе кое-что. В противном случае мне пришлось бы отправить это завтра с кем-нибудь. Но именно сегодня самое правильное время.

Я усмехнулся тому факту, что моя жена незаметно для меня спрятала коробку в мягкую ткань своего платья. Эта маленькая девочка могла бы принести нож и вонзить его мне в спину, и я бы ничего не понял, пока он не вонзился бы в мою плоть. В этот момент я понял, насколько доверяю ей. Возможно, это было глупо, но поскольку я бегал наперегонки с нехарактерными для меня решениями, когда дело касалось Марипосы, почему бы не добавить еще одно в список?

Улыбка сползла с моего лица, когда я открыл ее подарок.

— Ваш семейный ювелир, вероятно, ненавидит меня, потому что я не подумала об этом, пока мы не приехали сюда, и ему снова пришлось спешить с заказом. Я думала... Я подумала, что ты захочешь, чтобы в... день нашей свадьбы с тобой была частичка твоей мамы. В тот момент мне показалось это правильным. У тебя их море дома.

Она подарила мне запонки, на каждой из которых была фотография моей матери.

— Марипоса... — начал я, но не смог закончить.

— Помни о нашей сделке, — прошептала она. — Я оказываю тебе услугу. Ты оказываешь услугу мне. Ты оказываешь услугу мне. Я оказываю тебе услугу. Мы квиты.

Отнюдь, но я не ответил.

— Она такая красивая, — сказала Марипоса, глядя на запонки. — Ты очень похож на нее, просто вылитая копия, только в мужской версии.

Я усмехнулся.

— Мой дед, — сказал я. — Она была похожа на него, только была более женственной. У нее были его черты лица, но голубые глаза - как у моей бабушки. Так что чисто технически я похож на него, когда он был моложе.

— В любом случае, — вымолвила Марипоса, — я никогда не видела более красивой женщины.

«Я тоже так думал, пока не увидел тебя», - хотел сказать я, но остановил себя. Я откашлялся, закрыл коробку и встал, протянув руку Марипосе.

— Пора идти, Бабочка. Завтра нас ждет долгий день.

МАРИПОСА

— Прекрати нервничать, — я повторяла эти слова, как мантру. Снова, и снова, и снова. Эти слова были почти песнопением у меня под носом. Я в десятый раз заглянула в церковь. Она была забита до отказа. Все голоса были приглушены, но они звучали почти как жужжание пчел, и от этого у меня по рукам побежали мурашки.

Я сделала шаг назад.

— *Agitarsi. Прекрати* нервничать, Мари. — Сегодня я не могла давать встряску своим нервам. Они цеплялись за меня. Нью-Йоркская свадьба казалась простой, законченной и завершенной в считанные минуты, но эта? В ней был смысл.

Нонно сидел в передней части церкви, разговаривая с друзьями и семьей, и этот день явно шел ему на пользу. Он казался... здоровым. *Нонно* продолжал улыбаться, смеяться и отмахивался от всех, кто предлагал ему свою помощь. Он не просто выживал, *Нонно* жил. Это давало мне надежду на будущее. Если бы у него и дальше были такие дни, как этот, возможно, они могли бы чем-то помочь ему.

Счастье - лучшее лекарство, верно?

Поэтому этот день должен был быть идеальным для него. Я хотела идти по проходу с высоко поднятой головой, совершенными шагами и широкой улыбкой на лице. Но у меня все еще были видения о том, как я непроизвольно рассмеюсь, или споткнусь, запутавшись в ногах или в фате. Во всех *двух* метрах фаты.

Я посмотрела на свое платье и прижала руки к талии, чтобы унять нервы. Мои руки дрожали.

Платье. Я вздохнула. Я была влюблена в него. Оно было облегающим с длинными рукавами, с большим вырезом на спине и шлейфом, который расширялся, но не слишком сильно. Но больше всего мне нравилось то, что дизайнер называла «геометрическими узорами», проходящими вдоль по мягкой ткани.

Я сказала ей, что хочу что-то вдохновленное бабочкой, но при этом ничего слишком эпатажного. Как и мое обручальное кольцо, я хотела что-то вычурное, тонкий намек на имя, которое он мне дал. *Марипоса*. Но платье не должно делать эту взаимосвязь слишком очевидной. Это было что-то, что было только между нами, что мы могли бы разделить как личную шутку, которую никто другой не поймет.

Когда ступила в круг вечернего света, вокруг меня горели свечи, и детали платья ожили. Прозрачные детали на шлейфе и глубокие геометрические узоры создавали впечатление белой бабочки, когда она расправляет крылья во время заката. Все линии на ее крыльях, те, что делали ее похожей на шелк, были выставлены напоказ.

Марипоса. То, как Капо произнес мое имя, его голос был глубоким и хриплым, заставило меня вздрогнуть при одной мысли об этом. Я связала хрипотцу в его голосе со шрамом на шее. Иногда Капо пил воду, чтобы снять напряжение.

Мысль о звуке его голоса заставила меня нервничать еще больше.

— Ты *так* споткнешься, Мари. — Я чуть не укусила Капо прошлой ночью, когда он посмотрел на меня, и огни в деревьях заставили цвет глаз моего мужа стать гипнотическим и мерцающим. Это было похоже на то, как Луна касается поверхности темного океана и окрашивает его серебром.

— С тобой все будет в порядке, *bella*³⁷, — произнес мягкий голос, и я чуть не рухнула от облегчения.

Скарлетт. Она и другие женщины из «девичника» стали для меня семьей. Они были со мной весь день, балансируя некоторые моменты, одновременно превращая их в особенные. Они

³⁷ (итал.) красавица

относились ко мне как к члену своей семьи. Прямо перед тем, как мы отправились в церковь, я показала Скарлетт четки моей матери, не зная, куда их положить, но желая взять их с собой.

Она забрала их у меня вместе с букетом и сказала, что вернет их мне до церемонии.

— Надеюсь, тебе понравится. — Она протянула мне букет из сотен цветков апельсина. Скарлетт обернула четки вокруг основания, белого шелка, который удерживал цветы вместе, так что крест остался болтаться спереди.

— Это... — я даже не могла подобрать слов.

Она улыбнулась мне.

— Тебе не нужно ничего мне объяснять. Мы семья, и это то, что мы делаем. Мы здесь ради друг друга, несмотря ни на что.

Я посмотрела на Скарлетт, и мы улыбнулись друг другу.

Скарлетт схватила меня за руку. Она крепко сжала ее.

— Хотела сказать тебе это в тот день, когда встретила тебя в «Хоумран», но тогда я еще не знала тебя по-настоящему. Но теперь, когда знаю... — вздохнула она. — Трудно представить себе ночь, которая никогда не кончится, особенно когда все, что мы знаем, это кошмары, но поверь мне, некоторые ночи стоят того, чтобы желать, чтобы они продолжались вечно. Амадео...

— Мари.

При звуке голоса, Скарлетт, и я обернулась, чтобы взглянуть.

Кили проскользнула в двери, отделявшие нас от церкви. Она бросила взгляд между нами.

— Я подожду...

— Нет. — Скарлетт снова сжала мою руку. — Я как раз собиралась возвращаться. — Она обняла меня и шепнула мне на ухо: — *Так* и должно было случиться.

Потом она ушла.

Кили смотрела, как Скарлетт закрывает дверь, прежде чем сказала:

— Я не могу не думать о бандах, когда вижу их - Фаусти с женами. Быстренько они принимают людей, у которых никого нет, и обращаются с ними как с семьей. Заставляют их почувствовать себя принятыми, потому что раньше их никто не принимал.

Я сжала букет, мои нервы были на пределе.

— Это то, о чем ты пришла поговорить со мной прямо перед моей свадьбой? Скарлетт совсем другая. Она хороший человек. И семья Капо тоже. Это нормально, что теперь у меня есть еще люди, которых я могу назвать семьей. К тому же, ты до сих пор - моя семья, Ки.

Она махнула рукой

— Знаю. Может быть, я немного ревную.

— А тебе и не нужно. Я всегда буду твоей сестрой. Скарлетт и другие девочки - двоюродные сестры.

Кили повернулась ко мне и оглядела с головы до ног. Она улыбнулась, ее глаза наполнились слезами.

— Мари, я знаю, что уже говорила тебе об этом, но ты... выглядишь... ты такая красивая. Серьезно. И от тебя приятно пахнет.

Я улыбнулась.

— Это все цветы апельсина.

— Ты как бабочка, всегда тянешься к сладкому. — Потом Ки отвернулась от меня. — Я знаю, что должна немного подождать, чтобы сказать тебе, но я просто обязана сказать тебе это сейчас. Мне очень жаль, Мари. Мне так жаль, что мама так с тобой обошлась.

Я судорожно выдохнула, стараясь держать себя в руках. Кили хотела как лучше, но я не хотела говорить о том, что сделала ее мать. Поскольку у меня не было отца, чтобы проводить меня к алтарю, я по глупости заинтересовалась на репетиционном ужине у отца Кили, не согласится ли он. Его лицо просияло, и он уже собирался ответить, когда заговорила Катриона.

— Нет, — сказала она. — Очень мило с твоей стороны, но он не может согласиться. У него только одна дочь, и он должен сначала проводить к алтарю ее. А это лишит Кили шанса.

Я не была уверена, почему это причинило мне такую боль. Может быть, потому что я всегда считала их своей семьей и думала, что было бы неплохо, если бы кто-то знакомый проводил меня к алтарю. Кто-то, кто знал меня, когда я еще была ребенком.

Все, что я могла сделать, это кивнуть, скорее, бесконтрольно покачать головой, прежде чем уйти и задвинуть свои оскорбленные чувства. Я отказывалась демонстрировать их Капо. После того, что он фактически признался в том, что случилось с Мервом, я боялась показать ему, как эмоционально Катриона заставила меня бояться того, что он сделает с ней или ее семьей.

О том, чтобы просить об этом Харрисона, тоже не могло быть и речи, учитывая его отношение ко мне. Это было бы неприлично.

Но это не имело значения. Я даже не хотела думать об этом снова.

— Кили, — сказала я. — Не извиняйся за то, чего не делала. И я понимаю, почему она так думает.

— Не совсем, но все же. Это неправильно. Тебе должно быть известно, что я не чувствую ничего подобного.

— Верно, — я выпрямилась и поцеловала ее в щеку. — А теперь иди и займи свое место. Я думаю, мы вот-вот начнем.

Перестань нервничать. Перестань нервничать. Перестань нервничать. Перестань нервничать.

После того, как Кили ушла, это было все, что я могла делать. Я все вертела в руках крестик перед букетом.

Дядя Тито вошел в комнату и, увидев меня, остановился. Он приложил руку к сердцу и симитировал его биение. Быстро. Я влюбилась в него так же сильно, как и в *Нонно*.

После того как мы с Капо вернулись с прогулки по рощице, он сказал, что у него есть дела и что мне нужно хорошенько выспаться. Я не могла. Поэтому я сидела с семьей и наслаждалась очередным часом или около того с ними.

Прежде чем я встала, чтобы уйти, дядя Тито присел рядом со мной. Он взял мою руку, прижал ее к сердцу и спросил, не окажу ли я ему честь, позволив проводить меня к алтарю.

У меня отвисла челюсть.

Как он узнал?

Вдалеке я уловила очертания Капо. Он казался почти синим от всех факелов, окружавших нас. Капо наблюдал за нами.

— Это было бы честью для меня, *farfalla*³⁸, — сказал дядя Тито, называя меня *бабочкой* по-итальянски. — Поскольку мы с женой так и не узнали, что значит иметь детей, у меня никогда не будет шанса проводить дочь к алтарю. Для *меня* это будет очень много значить.

Я ответила на его вопрос, заключив его в крепкие объятия, на которые только была способна. Он был ангелом, переодетым в доктора.

— *Farfalla*, — выдохнул он, возвращая меня к действительности. — Я благодарен Богу за одно благословение в этот день. За то, что у меня есть глаза, которые видят тебя в этот момент. — Он взял мою руку и нежно поцеловал костяшки пальцев. — Для меня большая честь быть рядом с тобой.

Никто никогда не касался меня так глубоко, чтобы заставить плакать от счастья. Я не могла не задаться вопросом, было ли это потому, что этот маленький человек коснулся меня так глубоко, или я начала смягчаться, потому что мои чувства не были похоронены так глубоко, как раньше. Я не так боялась, что они будут в синяках и побоях, использованные и изодранные, скрученные во что-то мерзкое и ужасное. Я кое-что задолжала.

Время, проведенное в Италии, изменило меня.

Время, проведенное с *ним*, изменило меня.

Тихий голос в церкви запел.

Время пришло.

Я сделала глубокий вдох и медленный выдох.

³⁸ (итал.) бабочка

Дядя Тито опустил мою фату, прежде чем предложить мне руку. Я переплела свою руку с рукой дяди Тито, используя его силу, чтобы удержаться на ногах.

Сотни людей.

Сотни.

Все смотрят.

В ожидании.

Чтобы увидеть меня.

Двери церкви открылись, и сотни людей встали. Когда мы сделали шаг вперед, воздух, казалось, наполнился коллективным тихим вздохом.

Все взгляды были устремлены на меня.

Но была только одна пара глаз, чей взгляд я искала.

Его.

Свечи освещали путь, вечернее солнце уступало место темноте, и мягкий свет проникал прямо сквозь ткань моего платья, как свет свечи проходит сквозь мозаику в церкви. Он подчеркивал все линии на ткани. Все усилия, через которые проходит бабочка, чтобы достичь состояния жизни.

Капо встретил нас прежде, чем мы добрались до алтаря. Он пожал руку дяде Тито, но прежде чем тот отпустил ее, дядя Тито сказал Капо:

— *Я взял на себя ответственность за эту прекрасную девушку; ты будешь нести ответственность за эту прекрасную женщину до конца своей жизни.* — Капо ухмыльнулся и похлопал его по спине. Дядя Тито приподнял мою фату и нежно поцеловал в щеку, прежде чем сесть рядом со своей женой, тетей Лолой.

Капо протянул мне руку, и я пожалала ее, как никогда радуясь физической связи с ним. Его уверенность подпитывала мою, позволяя мне идти ровно. Я держала голову высоко, но больше всего на свете мне хотелось вытереть слезу со щеки. Я понятия не имела, когда это произошло, но это произошло. Я не хотела, чтобы кто-нибудь видел.

Взглянув на Капо, я подумала: *«Пусть увидит».*

Пусть он увидит хорошее и плохое, грязное и чистое, уродливое и прекрасное, счастливое и печальное.

Пусть он увидит меня. *Всю меня.*

Осмелившуюся жить.

Это была моя смелость жить, показать кому-то, кто я на самом деле. Позволить им пройти мимо поверхности и проникнуть в тайные глубины, которые раньше принадлежали только мне.

— Бочелли, — прошептал Капо, когда мы подошли к ожидавшему нас священнику.

— И Паузини, — ухмыльнулась я, сжимая его руку. Я хотела держать голову прямо. Чтобы мои мысли были в порядке.

Когда мы остановились перед священником, я повернулась к Капо, а он ко мне. Капо взял обе мои руки в свои ладони.

Все слова были сказаны. Все обещания были даны.

Он надел мне на палец новое кольцо с бриллиантом и сапфиром. Я же снова надела его обручальное кольцо, которое подарила ему в Нью-Йорке. *Il mio capo.*

Прежде чем священник объявил нас мужем и женой, Капо наклонился и губами собрал еще одну слезу, упавшую с моего глаза, а когда священник произнес последние слова, он дотянулся до моих губ и поцеловал их, скрепляя вечную сделку поцелуем.

Tutto suo. - Все его. Tutto mio. - Все мое. Per sempre. - Навсегда.

Все его. Все мое. Навсегда.

Тысячи бабочек порхали вокруг нас, маленькие цветные вспышки взрывались в ночном воздухе. Все цветочные композиции, тысячи цветков апельсина, были покрыты нектаром бабочек. Может быть, они все выпьют, прежде чем расправят крылья и полетят туда, куда направлялись. Голубая бабочка села мне на плечо, прежде чем улететь в другое место.

Это был сюрприз от Капо. Как и то, что мы делали в тот момент.

— Я не знала, что мы это сделаем, — сказала я.

Мой муж перевел меня на танцпол, который был устроен за виллой его деда. Сотни людей смотрели, как мы наслаждались нашим первым танцем в роли *marito e moglie*³⁹.

Взгляд его глаз неотрывно следил за моим, хотя мы покачивались.

— Ты делаешь это для меня. Я делаю это для тебя.

— А, — улыбнулась я. — Бочелли для этой цыпочки. — Капо никогда не называл певицу по имени, только «*эта цыпочка*».

Он попросил поставить песню, которую мы слушали в машине по дороге к Харрисону, как нашу песню для «первого танца». Когда она только начала играть, я взорвалась от смеха, думая, что он шутит надо мной. Протянув руку, Капо бросил на меня прищуренный взгляд, так что я взяла ее, и мы оказались на месте. Двигаясь под мелодию, которая, как он однажды сказал, должна была быть саундтреком Тима Бертона.

— Ты ведь понимаешь, что это значит? — Он закружил меня, а потом я врезалась в его тело с тихим «уу». Капо был ловким ведущим, когда танцевал. Моя левая рука прижалась к его груди, и полоска кольца заиграла, как искра, отразившаяся в его взгляде. Оно было простым, изящным, в тон обручальному кольцу, но не таким тяжелым. — Твоя голова не будет в порядке до конца ночи. Все твои винтики будут не на месте. Как у меня.

Его рот растянулся в медленной усмешке.

— Так и должно быть. Ты должна держать голову прямо во время церемонии, но для приема... — он пожал плечами, его широкие плечи натянули прекрасный, сшитый на заказ костюм. — Ты должна немного отпустить тормоза. Это ведь праздник.

Да, так и было.

Я никогда раньше не была на такой веселой вечеринке. Сотни людей ели, смеялись и танцевали. Я начинала понимать, что имела в виду Скарлетт, желая мне, чтобы ночь никогда не заканчивалась.

Я мечтала о волшебной стеклянной банке.

Жаль, что я не могу накинуть лассо на полную луну над рощами.

Мне хотелось взять ночь, Луну, весь этот смех и теплую погоду и запереть их в себе на всю оставшуюся жизнь. А после того, как я умру, бежать к нему, как к моему раю.

Все это было моим. Все это принадлежало ему. *Нашим*.

Единственной помехой было появление Харрисона и присутствие этой девицы Джиджи. Мне сказали, что Харрисон не приедет, и, учитывая обстоятельства, я решила, что так будет лучше. Он не появился в церкви, но решил в некотором роде сорвать прием.

Харрисон пригласил меня на танец, и я согласилась, но неохотно. Я не хотела проблем. У меня никогда раньше не было идеальной ночи, не говоря уже о дне, а эта была чертовски близкой к идеальной.

— Ты прекрасно выглядишь, Стрингс, — сказал он, прикасаясь ко мне, но совсем не так как это делал Капо. С Харрисоном наши движения казались знакомыми, братскими. С Капо я не могла унять ни свое сердце, ни бабочек. — Ты счастлива?

Я подняла на него глаза.

— Да, Харрисон. Я и правда счастлива.

— Пока, — сказал он.

Я попыталась высвободиться из его объятий, но он не отпустил меня.

— Не делай этого, — взмолилась я, стараясь говорить тихо.

Харрисон некоторое время смотрел на меня, а потом наклонился и поцеловал в щеку. Я закрыла глаза, не желая видеть боль в его глазах.

— Если ты говоришь, что счастлива, то и я счастлив. Но когда он причинит тебе непоправимую боль, я буду ждать, чтобы забрать тебя домой. Запомни это, Мари.

Я отрицательно покачала головой.

³⁹ (итал.) мужем и женой

— Ты не понимаешь, Харрисон. Все не так просто. Я в... — какие бы слова ни собирались слететь с моих губ в этот момент, я не смогла их произнести. В любом случае, это не его дело. — Я там, где должна быть.

Тут вмешался Капо, забирая меня из рук Харрисона. Я видела, что Капо кипел от злости. Когда он сказал, что не делится, он имел в виду именно это. Я знала, что Капо пытается дать мне то, что я хотела, людей, которых я считала своей семьей, но то, что произошло в доме Харрисона, было невозможно исправить. И я не упустила напряженного взгляда, который Капо бросил на маму Кили.

Когда она сделала замечание о том, насколько он близок к своей семье, Капо выдал ей определение семьи, а затем добавил в конце: — *Это люди, которые рядом с тобой всецело, а не только по зову крови. Если они ни то, ни другое, они ничего не значат.*

У меня возникло ощущение, что Капо говорит маме Кили, что она ничего не значит. Каковы бы ни были его проблемы с ней, я надеялась, что это не встанет между Кили и мной. С Харрисоном уже назревала проблема.

После того как дядя Тито вмешался в разговор Капо, я наблюдала, как Джиджи воспользовалась возможностью потанцевать с ним. Она подходила ему. Шелковистые черные волосы. Острые как бритва черты лица. Кошачьи глаза. Она была невысокой, но стройной, с изгибами во всех нужных местах. Ее губы обычно были покрыты сиренево-красной помадой. Когда Капо поймал мой взгляд, я отвернулась и вернулась к танцу с дядей Тито.

Я решила не забивать свою голову мыслями о ней. Капо женился на мне. У нас было соглашение, и независимо от того, сколько истории существовало между ними, потому что я могла точно сказать, что она была, мы договорились, что будем единственными друг у друга.

Но почему меня трогает то, что она так близко к нему? Что он может подумать, что она красивее меня?

Скарлетт спасла меня от этих безумных мыслей. Быстрая песня сменила ту, под которую мы танцевали, и она потянула меня дальше на танцпол. Окруженные всеми женщинами с девичника, мы держали ритм.

Моя кожа была скользкой от пота, щеки горели от напряжения, и впервые в жизни я была благодарна за боль в ногах. Я танцевала так много, что своды стопы просто убивали меня.

Капо отвел меня в сторону, усадил на скамейку в беседке, увитой виноградом, и сел рядом. Он снял с меня каблуки, поставил их на землю и начал массировать ступни. Я закрыла глаза, издавая неприличные звуки, но это было так приятно, что мне было все равно. От его прикосновения боль, казалось, таяла.

— Приятно иметь друга, — сказала я с улыбкой, — у которого такие опытные руки.

— Опытные руки, а? — Я не видела точно, но понимала, что Капо ухмыляется. — Приятно иметь друга, — сказал он и нажал еще сильнее, заставив меня тихо застонать, — который реагирует так же, как ты, когда я прикасаюсь к тебе.

— Друзья не должны заставлять друзей издавать неловкие звуки. — Затем я взорвалась смехом над своей неудачной попыткой пошутить.

Секундой позже смех испарился, когда Капо наклонился вперед, взял меня за затылок и прижался губами к моим. Мои руки медленно пробежали по его груди, к плечам, и я попыталась притянуть его еще ближе.

Я изголодалась по чему-то, что управляло мной.

Язык Капо переплетался с моим, сначала медленно и мягко, но, когда я открылась ему, он стал грубым, требовательным, наш поцелуй походил на битву губ и языков. Мое влечение к нему превращалось в средство моего полного уничтожения. Когда Капо поцеловал меня, я потеряла всякое ощущение себя и каким-то образом растворилась в нем. Ничто, ни черта не имело значения.

Скарлетт как-то сказала нам на девичнике, что в древние времена люди верили, что когда целуешься, то теряешь душу. Может она выразилась как-то по-другому, но суть была именно такая.

Чем больше Капо целовал меня, тем больше я теряла жизненно важную часть себя.

Однажды я была готова обменять почку на кусок бифштекса. Я была готова обменять что-то, что помогало моему телу нормально функционировать, на что-то, что питало бы мою потребность в жизни.

Разве это не нормально - потерять жизненно важную часть себя из-за мужчины, которого я имею честь назвать своим мужем?

Я сжала в кулаках его рубашку, не желая помять или порвать ее. Я хотела, чтобы руки Капо были на моем теле, его губы на моих губах, как если бы мой муж давал мне воздух, которым я дышала.

Я даю ему то, без чего не могу жить. Он дает мне то, без чего не может жить.

Я хотела его. Я хотела его. Я хотела его. Я хотела больше... его... этого.

Разве это не нормально - обменивать что-то, что помогает моему телу нормально функционировать, как мое сердце, на что-то, что удовлетворит мою потребность в близости?

Капо прервал поцелуй, и мне потребовалась минута, чтобы понять, что мы отстранились друг от друга, что я снова возвращаюсь в реальность.

Был он. И была я. Раздельно.

Я держала глаза закрытыми, прижав ладони к губам, требуя, чтобы мои чувства остались при мне.

Потеря.

Одно простое слово развернуло новый виток в моем сердце, и меня охватил страх. Я не могла открыть глаза, чтобы посмотреть чувству в лицо, открыть рот и сказать ему, чтобы оно проваливало восwoяси, потому что я была против потерять то, что я только что испытала. Я хотела насладиться им.

Где-то вдалеке прогремел взрыв, и я чуть не выпрыгнула из кожи - меня заметно передернуло.

— Открой глаза, Марипоса, — сказал Капо.

Я так и сделала. Фейерверк взорвался над нашими головами, осветив небо самыми красивыми цветами. Сотни людей столпились вместе, устремив глаза к небу, наслаждаясь ночным шоу.

Капо взял меня за подбородок и заставил посмотреть на себя.

— Твое платье. Все твои с таким трудом заработанные линии выставлены на всеобщее обозрение, *Марипоса*. Твои крылья сделаны из шелка.

— Ты заметил, — сказала я.

Капо сказал мне, что я потрясающе говорю по-итальянски по дороге на прием, но не прокомментировал ни одной линии, ни то, что они значат для нас.

— Теперь я осторожен со словами, хотя и использую все слова. — Он ухмыльнулся: — Время и место.

— Ты привел меня сюда, чтобы рассказать, — улыбнулась я.

— Наедине, — сказал он.

Я улыбнулась еще шире.

— У тебя есть персональная шутка.

— Я бы никогда не назвал это платье шуткой. — Палец Капо проследил линию вверх по моей руке. Материал там был прозрачным, но линии были такими же глубокими, как и на шлейфе. — Но об этом знаем только мы двое. Наш секрет. — Капо продолжал прокладывать путь по моему плечу, вниз по груди, заканчивая у сердца.

Я ладонью накрыла его ладонь, пытаюсь снова удержать это чувство. Я встретила с ним взглядом - не знаю, надолго ли, - но потом повернулась и посмотрела на небо, не в силах выдержать напряженность.

— Не делай этого со мной, — сказал Капо.

— Делать что? — Я продолжала смотреть на фейерверк.

Капо повернул мое лицо к себе, и я встретила с ним взглядом.

— Не отворачивайся от меня. — Капо посмотрел мне в глаза, и я не была уверена, что он искал. Но я почувствовала, когда он нашел то, что искал. Замок повернулся, и звук того, как что-то внутри меня открылось, эхом отозвался во мне.

— Амадео.

Капо еще секунду смотрел на меня, потом повернулся к одному из охранников. Я отказывалась смотреть на охранника. Я отказалась уделить ему хоть секунду нашего времени. Охранники значили только беспорядки, и какая бы война ни шла за воротами, она не коснется нашей ночи - ни тогда, ни через сто лет.

Пока Капо и охранник разговаривали по-сицилийски, мои глаза изучали группу. Люди все еще танцевали, а фейерверк продолжался. Харрисон танцевал с Джиджи. Время от времени он взглядом прохаживался по толпе. Казалось, он кого-то ищет.

— Он пытается заставить тебя ревновать.

Я моргнула, поняв, что это голос Капо, и только тогда отвела взгляд от того, что творилось там в ночи и посмотрела на него.

— Он... что?

— Малыш Хэрри. Он танцует с Джиджи, чтобы заставить тебя ревновать.

А что на счет тебя? Ты ревнуешь, что она танцует с ним, - собиралась сказать я, но сдержалась, так как она не получит ничего моего. Не имело значения, ревновал Капо или нет. Мы заключили сделку. Он собирался отвести меня домой.

— Он зря тратит время. — Я заколебалась, но все же спросила: — Все в порядке?

Капо вздохнул и встал, поднимая мои туфли, держа ремешки в пальцах. Затем он протянул мне свободную руку. После того, как я подала ему ее, мы направились обратно к гостям. Даже если Капо отрицал это, я знала, что что-то изменилось.

Еще больше охранников направлялось к передней части здания. Те, кто держался ближе, казалось, были начеку. Некоторые из них заняли позиции вокруг *Нонно*, который был так пьян, что смеялся над всем подряд.

Капо пренебрежительно махнул рукой. Мои туфли болтались в его пальцах и звенели.

— Гость, которого не пригласили.

— Кто-то, кого я знаю?

— Нет. — Капо на мгновение остановился посреди толпы. — Как прошел твой вечер, Марипоса?

— Это был лучший вечер в моей жизни, — честно ответила я. — Если бы у меня была сила останавливать время, я бы остановила его в той беседке.

— Конец?

Я кивнула один раз, но при этом пыталась однозначно понять, что все это значит.

— Мне нужно попроситься. — Он развернул меня в темпе какой-то быстрой песни, которая играла. — Ты готова на этом закончить?

— Ох. — Рассмеялась. — Да, если так нужно. — Это была и его вечеринка.

Капо посмотрел на своего деда, улыбающегося от уха до уха, наслаждающегося сигарой с дядей Тито и группой из членов семейства Фаусти, а затем на мужчин, идущих к воротам.

— Еще одна песня, — сказал Капо, и было похоже, что он твердо решил сделать то, что хотел. Казалось, что он бросает вызов незваному гостю, чтобы тот пересек ворота и попытался остановить его.

После еще четырех танцев, мои ноги все еще были босыми, подол платья был перепачкан пятнами, мы держались за руки, в то время как линия бенгальских огней отправила нас на частную виллу где-то на территории поместья.

Вилла, спрятанная в глубине поместья, была старой и маленькой, но тот, кто пришел и подготовил ее, сделал ее настолько романтической, насколько это было возможно. Ночной воздух был теплым на моей коже, как будто он прилипал к моему платью и заполнял сияющее пространство. Сотни свечей, горевших в сводчатом кирпичном камине, освещали темноту. Я видела такие фотографии только в журналах. Запах цветов апельсина почти подавлял.

Тогда я поняла, что подготовкой этого места и превращение его в особенное место занимались тетушки Капо. У них было четыре вида фирменных свечей, которые они продавали в

своих магазинах. Апельсиновый цвет. Лимон. Фисташка. Шоколад. Я соединила все воедино с шоколадным запахом в клубе. Капо, должно быть, купил свечи оптом.

В центре спальни стояла огромная деревянная кровать с резным изголовьем. Золотые простыни были хрустящими, но одеяло было толстым, мягким и было перевернуто. Между двумя такими же большими подушками лежала одинокая, совершенная красная роза. Над кроватью висел простой деревянный крест.

— Ты или я?

— Ты или я?.. — обернулась и увидела, что Капо пристально смотрит на меня. Его галстук висел на стуле в углу, а рубашка была расстегнута, а рукава рубашки были закатаны до локтей.

Надо признаться, сидя перед камином, Капо заставлял меня нервничать. Как бы я ни смотрела на него, он был пугающим, и не только внешне.

Весь страх, наполнивший меня в беседке, увитой виноградом, ударил по мне сильно, разом выбив воздух из моих легких.

— Душ. — Капо кивнул куда-то за спину, в сторону открытой двери.

Я взглянула на свои ноги. Они все еще были голыми и грязными, но, к счастью, я не умудрилась ни обо что их занозить по дороге на виллу. А все потому, что Капо настоял на том, чтобы нести меня. Он хотел было переступить порог вместе со мной, но я остановила его.

— *Разве мы не должны поцеловаться или что-то в этом роде на удачу?* — сказала я.

Его смех был низким и хриплым, но Капо поцеловал меня. Все закончилось слишком быстро, но потом, находясь внутри виллы, я почувствовала безумные бабочки.

— Сначала ты, — сказала я. — Я бы хотела остаться в своем платье как можно дольше. Ведь я надеваю его один лишь раз. Это кажется такой пустой тратой времени...

Капо шагнул вперед и поцеловал меня. Его руки вцепились в мои волосы, и он крепко прижал меня к себе. Когда Капо отстранился, мои глаза все еще были закрыты.

— У тебя губы дрожат, — сказал он.

Я улыбнулась, но моя нижняя губа задрожала.

— И ты этого не допустишь, *Kapo*.

Не успела я открыть глаза, как он повел меня из спальни в ванную.

— Что это ты делаешь?

— Будет безопаснее, если ты будешь держаться поближе ко мне. В ванной комнате нет окон.

— Почему? Что-то не так?

— Люди продолжают появляться без приглашения.

Люди? Больше одного?

— Ты знаешь, кто они?

Капо отпустил мою руку и пошел в душ, включив его. Как только вода потекла тонкой струйкой, он бросил рубашку на стул перед зеркалом. Капо расстегнул брюки и бросил их поверх рубашки. Потом он снял носки. А затем трусы-боксеры.

Я чувствовала себя как один из тех мультяшных персонажей, у которых глаза вылезают из орбит. Капо был худощав и имел мускулы во всех нужных местах. И я была права, когда сравнила его с питоном. Его размеры только усилили мою тревогу. Я была совершенно не в своей лиге. Он был за гранью прекрасного.

Я не понимала, что тарашусь, пока не встретилась с ним взглядом.

— Я не хотела так пялиться...

Капо ухмыльнулся:

— Ты же не нарочно? Или ты хотела и делала это, а теперь чувствуешь себя виноватой за свои попытки?

Я пожала плечами.

— Я слышала, что невежливо пялиться.

Капо запрокинул голову и рассмеялся.

— Это невежливо, только если то, на что ты пялишься, тебе не принадлежит. — Потом он вздохнул, но в хорошем смысле — как будто наслаждался возможностью наконец освободиться: — Мне нравится, когда ты пялишься на меня, Марипоса.

— Мне тоже нравится, когда ты пялишься на меня, — прошептала я, когда Капо вошел в душ и закрыл дверь. Он был слишком велик для такого маленького пространства. Капо был высок, и плечи у него были широкие. По крайней мере, ванна рядом с душевой кабиной была достаточно большой для двоих.

Его спина бугрилась от мускулов, и когда он перемещался в душевой кабине, они перекатывались у него под кожей. Вода и свет свечей заставляли его кожу мерцать. Я села на стул, не желая отводить от него взгляд, но и не в силах больше стоять. Просто наблюдая за тем, как он моется, я почувствовала, как пульсация у меня между ног стала нарастать. Низ моего живота был похож на зажатый кулак. Мои соски внезапно напряглись под платьем, такие нежные и чувствительные, что заболели.

Я облизнула губы.

Я с трудом сглотнула.

Я жаждала трения кожи о кожу.

Его спина все еще была обращена ко мне, и когда Капо повернулся, его набухший член коснулся стекла. Он начал мыться, наблюдая за тем, как я наблюдаю за ним. Его член подпрыгивал каждый раз, когда он поглаживал его. Он провел зубами по нижней губе, и когда я издала глубокий горловой звук, его взгляд стал более серьезным и напряженным.

Я почувствовала слабость. Немного пара добралось до меня. *Он добрался до меня.* Потом я спросила:

— Мы в опасности? *Я в опасности? Не от них, а от тебя.*

Капо моргнул, словно вспоминая, с кем он - с девушкой в белом платье. А не с девушкой в красном. Затем Капо начал смывать мыло, и наш момент закончился.

— Мы все в опасности, Марипоса. Причем одни из нас больше других.

— Полагаю, мы из тех, кто больше.

Капо кивнул и выключил воду. Я повернулась, схватила со стойки полотенце и протянула ему. Капо взял его и повернулся, чтобы порыться в сумке. После того, как он продемонстрировал мне отличный вид на его прекрасную задницу, Капо обернул полотенце вокруг талии.

Я встала и повернулась к зеркалу. Я наблюдала, как он подошел ко мне сзади. Капо остановился, оказавшись у меня за спиной. Сквозь платье я чувствовала тепло его тела.

Он отвел мои волосы в сторону, а затем помог мне опустить верхнюю часть платья. Мой причудливый белый липкий бюстгальтер сиял на моей коже. Капо поцеловал меня в затылок, наблюдая за мной, а затем его пальцы едва погладили мои руки.

— У бабочек есть самые нелюбимые цвета, когда дело касается цветов. Знаешь, какие? — Его голос был низким, почти хриплым.

— Нет, — прошептала я. Дрожь пробежала по моему телу от его прикосновения, хриплого голоса, и это заставило меня задрожать.

— *Ti piace la mia bocca sulla tua pelle. Tremi per me.* — Он произнес эти слова почти про себя, что-то о том, как мне нравятся его губы на моей коже, как я дрожу за него. Затем он плавно вернул нас к своему замечанию о бабочке. — С голубого на зеленый.

Я подняла глаза, чтобы встретиться с ним взглядом. С голубого на ореховый.

— Хорошо, что я не настоящая бабочка, а то, может быть, я приняла бы предупреждение в первый раз, когда увидела твои глаза, и улетела бы куда-нибудь подальше.

— Это хорошо. — Капо провел языком от моего затылка к центру спины, а затем поцеловал меня на обратном пути. Его руки переместились на мои бедра, и он медленно качал нас. — Если бы ты только знала, какие мысли у меня были о тебе с той ночи в клубе, какие фантазии, ты бы сбежала.

— Нет, — сказала я, судорожно втягивая воздух и медленно его выпуская. — Теперь, когда я нашла тебя, я не могу улететь. Меня привлекает голубой - все его оттенки. Это мой любимый цвет. Кажется, он исцеляет меня, а не ранит.

Руки моего мужа ласкали мою грудь, кружили вокруг чашечек, пока он не убрал их. Прикосновением таким мягким, что мне захотелось застонать, он ласкал мои соски.

Я растворилась в нем, жвавшись в его спину, и Капо, казалось, проглотил меня.

— Я... — с трудом выдавила я. — Мне нужно принять душ.

Капо кивнул и поцеловал меня в шею, прижавшись губами к моему пульсу. Он отошел и натянул пижамные штаны.

— Подожди, — выдохнула я, когда он собрался уходить. У меня закружилась голова. — Куда-то собрался?

— Здесь нет окон, Марипоса. Ты в безопасности.

С этими словами Капо оставил меня одну.

МАРИПОСА

Капо спал, когда я вошла в спальню, прислонившись к массивной спинке кровати, с ноутбуком на коленях. Я на цыпочках подошла к нему, все еще натирая руки сладко пахнущим кремом. Я старалась быть максимально бесшумной, чем ближе к нему подходила. Спал он чутко. На самом деле, я не могла припомнить, когда Капо засыпал первым. Обычно я была первой, и каждый раз, когда я просыпалась ночью, он все еще бодрствовал.

В Италии, однако, я спала всю ночь. Но я по-прежнему уверена, что Капо мало отдыхал.

Его волосы все еще были влажными после душа, от него пахло океаном, и я с трудом удержалась, чтобы не протянуть руку и не коснуться его лица. Во сне он был не мягче, а более расслабленным. Если не считать хмурого взгляда. Это было заметно только тогда, когда он отдыхал, как будто ему приходилось бороться, чтобы стереть это со своего лица, когда Капо контролировал себя. Я как-то сказала Капо, что у него появятся преждевременные морщины, если он будет продолжать в том же духе, но он только покачал головой и сказал: — *Шрамы меня не беспокоят. Они лишь означают, что я заслужил свое место в этом мире.*

Я сделала еще один шаг вперед и потянулась к компьютеру, удерживая его двумя руками, чтобы сдвинуть ко мне и подальше от него.

— Как будто какой-то сторожевой волк, — прошептала я.

Когда я собралась отодвинуть компьютер, Капо схватил меня за руки.

— Я не сплю. Я даю немного отдохнуть глазам.

Если бы кто-нибудь другой сказал нечто подобное, я бы рассмеялась и сказала: *Ага, конечно.* Но я ему поверила. Капо всегда был настороже.

Он медленно открыл глаза, затем перевел взгляд на красный шелк на моем теле.

— Я готова, — прошептала я. Несмотря на то, что мой голос был твердым, каждая частичка меня дрожала, как будто мне было холодно, что заставляло меня чувствовать себя почти... больной. Внутри меня нарастал жар.

Душ мало чем помог. После того, как Капо ушел, он оставил меня в огне, и даже холодная вода не могла потушить его. Моя защита была полностью уничтожена, опустошив меня. Пустота требовала, чтобы его прикосновение заняло место страха, который мешал мне сделать это с ним раньше. Неважно, были мы женаты или нет, случилось это неделю назад, в первую брачную ночь или на следующий день. Я знала, когда настанет время.

И оно настало.

Капо смотрел мне в глаза пару секунд, а затем бросил компьютер на сумку рядом с кроватью и соскочил с кровати, налетев на меня своим телом. Я думала, что Капо будет нежен со мной, но все было наоборот. Грубо. Его губы открыли новое сражение с моим ртом, в то время как руки Капо сжались в кулаки в моих волосах, держа меня так близко, будто я его вторая кожа. Может быть, у меня лопнула губа. Или его.

Мои руки нащупали открытый участок его кожи, которого я могла коснуться, поцарапать, возвращая то, что он мне отдавал. Когда я провела ногтями по обнаженной спине Капо, он зашипел, и его прикосновения стали еще грубее.

Моя спина ударилась о стену, и поцелуй прервался, но губы Капо продолжали свою работу. Щетина на его лице обожгла мою кожу, когда царапнула меня. Его зубы сжались. Он облизнул губы языком. Капо приподнял мои груди, заставляя их выскочить из шелка, и когда он взял мой сосок зубами и прикусил, мои колени почти подогнулись. Меня будто ударили промеж ног.

— Ты пришла ко мне в *rosso*⁴⁰, — сказал Капо, жадно прижимаясь губами к моей коже, обхватив ладонями мою задницу. Его пальцы впились в мою плоть, удерживая меня прижатой к нему. Его эрекция была твердой против моей мягкости. Интересно, как *она* будет ощущаться у меня

⁴⁰ (итал.) красный

между ног? Как *он* будет чувствовать себя надо мной, во мне, вокруг меня. Пируя мной. Если я думала об этом слишком долго, это заставляло меня нервничать, но пойманная в нужный момент, я не желала ничего, кроме моего мужа.

— Ты хотел огня, — с трудом выдавила я. Капо повернул мою шею в сторону, и я зашипела, когда он укусил и пососал кожу. — *Sono tuo, Capo. Я твоя, босс.*

— Обними меня руками за шею и обхвати ногами.

Я так и сделала, и Капо поднял меня, положив руки мне под зад. Мы целовались, когда он увлек меня к кровати. Оказавшись там, Капо усадил меня, его глаза были такими же жадными, как его рот и пальцы.

— Ты такая чертовски красивая, — он прикусил зубами нижнюю губу. — *Mia Mariposa.*

Я поставила ноги с каждой стороны от него, прямо над его бедрами, и как только нашла подходящую точку опоры, сняла с Капо штаны. Я никогда не видела ничего более эротичного — этот мужчина стоял передо мной полностью обнаженным.

Когда он начал медленно приближаться к кровати, я немного отодвинулась, освобождая ему место. Губы Капо снова приблизились к моим, в то время как две его сильные руки были будто прутья решетки по обе стороны от моей головы. Капо покусывал, лизал и дразнил. Затем его рот двинулся вниз, язык прокладывал маршруты по моей коже. Капо отодвинул красный шелк, и мое тело, мои груди оказались в его власти. Я прижалась к губам моего мужа, желая большего.

Боль между ног умоляла о том, чтобы ее уняли. И я не осознавала, что хнычу, двигая бедрами вверх, пока его рука не потянулась вниз и не коснулась меня *там*. Капо прошептал что-то по-итальянски насчет того, что я готовая, *мокрая и горячая*. С моих губ сорвался звук, который я не могла контролировать. Мне было все равно. У меня не было стыда.

В том, что произойдет между нами, не будет ничего постыдного. Он убил весь стыд.

Чем больше я отвечала Капо, тем больше он, казалось, хотел меня. Когда я издавала звуки, его прикосновения становились жестче, или его рот кусал или сосал. И когда Капо сорвал с меня белье и швырнул его через всю комнату, оно затрепетало, как бабочка, которую подожгли в темноте.

Капо откинулся назад, рассматривая мое обнаженное тело темными, как сапфиры, глазами.

— Не останавливайся, — выдохнула я. — Пожалуйста.

Его рука скользнула вверх по моему телу, его пальцы ласкали мои соски. Мягкое «*ах*» сорвалось с моих губ, и я приподняла бедра, умоляя его двигаться дальше на юг. Его глаза опустились на мою Уни, а затем Капо мягко раздвинул мои складочки, давая себе полный доступ. Когда Капо начал прикасаться ко мне, он наблюдал. Он наблюдал за тем, что делает со мной, а потом следил за выражением моего лица. И когда его рот прижался ко мне, как это было раньше, я закричала от удовольствия. Я была так близко. Так близко к тому, чтобы быть расколотой на части его языком. Но мне хотелось большего. Я жаждала его всего, как никогда прежде.

— Сделай меня своей, Капо, — сказала я, задыхаясь.

Капо склонился надо мной, держа член в руке и поглаживая его.

— Это то, чего ты хочешь?

— *Dominami.* — Я сделала глубокий вдох и медленный звучный выдох. *Доминируй надо мной.*

— *Ti domino*⁴¹. — Его голос был низким и грубым. И я никогда не хотела бы забыть выражение его лица. Капо терял контроль, хотя, так или иначе, он держал все в этой спальне под своим тотальным контролем. — Одно слово, Марипоса.

— Ты, — с трудом выдавила я. — Внутри меня.

— Это три слова.

— Да. Да. Да. Да. Да!

Капо опустился вниз, и я раздвинула ноги, чтобы принять его, когда он вошел в пространство между нашими телами. Я почувствовала, как его кончик приблизился к моему входу,

⁴¹ (итал.) «Ты доминируй надо мной»

и почти приподняла свой зад, отказываясь ждать еще секунду. Я хотела почувствовать, как он прижимается к этому месту, которое превратилось в комок непрекращающейся боли.

Его лицо было близко к моему, и Капо лизнул меня до самого уха.

— Будет больно, — прошептал он.

«Иногда стоит проливать кровь за все хорошее, что у нас есть», - хотела сказать я, но промолчала. Не говоря ни слова, я притянула его ближе, мои ногти впились в его спину, выпуская капли крови.

Кровь за кровь.

Ярость, с какой я это проделала, заставила Капо начать двигаться. Он медленно вошел в меня, его член растягивал меня, все удлиняясь, и я не была уверена, будет ли мне от этого приятно, но я хотела этого. Я хотела, чтобы он наполнил меня, двигался сильнее, быстрее. Я хотела, чтобы он отправил меня за грань.

Капо вошел еще глубже, и я с шипением выдохнула. Боль. Так много боли. Жжение, будто внутри меня разгорелась спичка. Я была близка к тому, чтобы закричать, заставляя Капо вынуть его, но затем он вошел еще глубже, и боль утихла, сменяясь удовольствием. Он прорвался сквозь меня, вышел за пределы и переместился в пространство, которого никто никогда не касался прежде. Странный звук, нечто среднее между криком и тихим всхлипом, сорвался с моих губ. Та точка, которой Капо продолжал касаться, то чувство, которое она порождала, было не похоже... ни на что, что я когда-либо чувствовала раньше.

— Вот так, *mia Mariposa*. — Голос Капо был сдавленным, когда он проскользнул еще глубже, каждый дюйм его тела давил на меня. — Расслабься. *Твою же мать*. Ты такая узкая.

Его веки были прикрыты, как будто Капо был пьян. На лбу у него прорезались морщины. Его рот был приоткрыт, и из его горла вырвался дикий звук. Я хотела, чтобы Капо сделал это снова. Это заставило меня почувствовать себя сильной, такой же пьяной, как и он. Он сделал это из-за меня.

Капо начал двигаться немного быстрее, входя и выходя из меня, и в то же время его рука опустилась вниз, между моих ног. Он провел той же рукой по груди, по сердцу, и на нем осталось пятно ярко-красной крови, цвета шелка, который был сорван с моего тела.

Столько чувств нахлынуло на меня разом.

Вот оно. То, что мы делали.

То самое. Эта часть меня по-прежнему принадлежала мне, и я отдала ее этому человеку. *Моему мужу*.

Капо положил мою руку себе на сердце, где было пятно крови.

— Мы дали обет, — сказал он по-итальянски. — Но не такой. Это же кровная клятва между нами. Между нашей плотью. — Капо вышел из меня, а затем вошел снова, выбив из меня весь дух. — Теперь ты принадлежишь мне во всех отношениях, *Марипоса*.

Было бесполезно бороться с чувством, с которым он подавлял меня. Не было места, чтобы двигаться, прятаться, чтобы убежать от него и напряжения, и если я не поддаюсь давлению, оно расколется меня надвое. Я не могла сдержаться. Волна интенсивного удовольствия захлестнула меня, и я отпустила ее, отдаваясь ощущениям. Для него. Мои ногти впились в кожу Капо еще сильнее, моя спина выгнулась, и я закричала. Казалось, он проглотил мое удовольствие, даже не прикоснувшись губами к моим.

Все мое тело дрожало, высасывая из меня все, кроме него. Боль, все еще жгучая боль присутствовала, но удовольствие пронзило каждую частицу другой, новой меня, шок от этого был так велик, что, казалось, мое сердце остановилось.

Капо двигался еще быстрее, издавая звуки, которые я впитывала, как горькое вино или сладкий яд. Только время покажет, был ли он моей спасительной благодатью или моим злейшим врагом. С ним не будет ничего наполовину.

Капо вошел еще глубже, и я снова закричала, такая чувствительная после того, что он только что проделал со *мной*.

Мы уже обсудили детали защиты. Все зависело от меня. Я хотела детей - *и это его устраивало*. Если я не хотела детей — *это тоже его устраивало*. Это был мой выбор, который я

должна была сделать. Я решила подождать с контролем рождаемости, когда доктор попросил. Не знаю почему, но в первый раз я не хотела никаких барьеров между нами.

Будь, что будет.

— Марипоса, — прорычал Капо мое имя, и через секунду его голова откинулась назад, рот приоткрылся, и он крепко зажмурился. Все его мышцы напряглись, а затем он излился внутрь меня. Я чувствовала, как мое желание, моя кровь и его семя смешиваются вместе.

Он не вырывался из меня. Не сразу. Капо посмотрел на меня сверху вниз. Я подняла на него глаза. Он поцеловал меня в переносицу, заставляя закрыть глаза.

Боль между ног стала настоящей, не от желания, а от того, что мы только что сделали, и каждая частица меня, казалось, саднила. Мне сразу стало больно. Когда он вышел, я вздрогнула, как будто он вытащил нож из чувствительной плоти, внезапно почувствовав себя одинокой и холодной.

Истекающей кровью.

Вместо нас двух, я чувствовала, что мы были одним целым.

Эта связь заставила меня почувствовать... Что там говорил священник? *И эти двое станут одной плотью. Так что их уже не двое, но один.* И просить об этом снова тоже не было никакой возможности. Я не была уверена, что смогу двигаться. Или как я справлюсь с этим позже, или позже сегодня вечером, если он захочет. Это было так... проникновенно, и не только физически.

— Марипоса, — Капо внимательно посмотрел на меня. — Это нормально, когда в первый раз больно. И кровит.

— Я знаю. — Простыни подо мной были пропитаны кровью. Когда я спросила своего врача, чего ожидать в первый раз, она сказала мне, что кровь - это нормально. Ненормально, когда нет крови. Все были разные. Она рассказала мне обо всех обстоятельствах, так что я не удивилась.

Капо поцеловал меня в губы.

— Используй все слова.

«Я не ожидала, что буду чувствовать себя ближе к тебе», - вот что мне хотелось сказать. *Я не ожидала такого... связи, прорастающей в меня так глубоко так скоро.*

Весь страх, который я испытывала в беседке, увитой виноградной лозой, был вызван не страхом секса, а эмоциональными струнами, с которыми он был сопряжен. Струны пугали меня до чертиков, потому что я была замужем за человеком, который испытывал сильное отвращение к любви. Даже если бы я хотела этого, а я этого не хотела, это никогда не могло бы произойти таким образом.

— Тебе было... хорошо? — Я прикусила губу, не желая делиться своими более глубокими страхами. Вместо этого я выбрала более поверхностный.

Возможно, это было глупо, но я хотела, чтобы Капо тоже наслаждался мной. Хотя мы никогда не обсуждали его историю подробно, у такого мужчины, как он, вероятно, было много женщин. Такие женщины, как Джиджи, и хорошенькая секретарша Рокко, Джада.

— Такая невинная, — подумав, произнес Капо по-итальянски, а потом ответил по-английски. — Я бы сказал - огонь. И ты его принесла. Ту его разновидность, что поглощает воду.

— Пока нет. — Я застенчиво улыбнулась, сама не зная почему. — Я не знала, чего ожидать... сегодня вечером. Теперь, когда я это знаю...

— Ты меня доконаешь.

— Я? — Я приподнялась на локтях, приближаясь к его лицу. — Доконаю тебя?

— Ты даже представить себе не можешь, — прошептал Капо, — того, что делаешь со мной. — Он опустил глаза и погладил мое бедро, покрытое следами засохшей крови. — *Vieni, пойдём.* Я вымою тебя в душе, *la mia farfalla*⁴². А потом мы примем ванну. Это поможет расслабить мышцы.

Не спрашивая, Капо поднял меня с кровати, мы оба все еще были голыми, и понес в ванную. Приняли душ вместе, и я заснула, положив голову ему на грудь, его пальцы ласкали мою спину в этом восхитительном узоре «С», в тепле ванны.

Я не слышала ничего, кроме стука его сердца, бьющегося у моего уха. Я не чувствовала ничего, кроме запаха его кожи. Я не чувствовала ничего, кроме Капо.

⁴² (итал.) моя бабочка

Я так и не научилась плавать (и не могла вспомнить, как ездить на велосипеде), но знала, каково это - быть погруженным под воду в ванне. Звуки доносились эхом, такие близкие и в то же время такие далекие. Но чем ближе к поверхности, тем отчетливее становились звуки.

Звуки приближающихся машин. Фоновая музыка. *Уста, глаголющие истину. Легенда гласит, что если ты поддашься лжи, то сунешь туда руку, и ее откусят.* Снова музыка. Смех. *Посмотрим, как ты это сделаешь.* Более высокий голос. Женский. *Конечно.* Более глубокий голос. Мужской. Снова музыка. *Сумрак. Сумрак. Сумрак.* Крики. *Привет. Ах ты, зверь!*

Мои глаза медленно открылись. Где я находилась?

Те же вещи. Те же запахи.

Все еще на скрытой вилле.

Я зевнула и потянулась, сознание резко проснулось, и звуки на заднем плане обрели форму в моем сознании. Кино. «*Римские каникулы*» с Одри Хепберн и Грегори Пеком. Мы начали его смотреть, и я, должно быть, заснула.

Со дня нашей свадьбы прошло два дня, и я все время чувствовала блаженную боль и усталость. Я дремала, когда могла. Потом я просыпалась, Капо целовал меня или прикасался ко мне, и мы снова занимались этим.

— Ты пускаешь пузыри ртом, когда спишь.

Несмотря на то, что мой мозг был включен, мои глаза медленно открывались. Я моргнула, глядя на него. Капо стоял, опершись на руку, его идеальный бицепс сжался в тугий узел, и смотрел на меня.

— Ты наблюдал за тем, как я сплю? — Мой голос был грубым, почти рваным. У нас были классные моменты.

Капо ухмыльнулся, и я толкнула его в голую грудь. Он удерживал мою руку там, посасывая указательный палец.

— Это так жутко, Капо. Как будто ты преследуешь меня во сне.

— В твоих снах. — Капо усмехнулся, звук вышел хриплым и низким.

— И что это ты имеешь в виду? — Я прищурилась на него. — Я о том, что пускаю пузыри.

— Вот так. — Он вытянул губы, используя воздух, издавая мягкий хлопающий звук, когда его губы приоткрылись, а затем он расслабил их, а затем сделал это снова. Как будто он не мог контролировать свои губы, и легкий толчок воздуха продолжал делать «пузыри».

Мой смех взвился к потолку.

— Должно быть, я тону во сне. Или, может быть, я наполовину рыба.

— В последнее время ты крепко спишь.

— *Когда я сплю, — улыбнулась я.*

Капо наклонился и нежно поцеловал меня. Я издала мычащий звук, и он обхватил мою грудь, как будто взвешивал ее в руке. Я не могла вспомнить, когда в последний раз носила одежду.

— Расскажи мне что-нибудь о себе, Капо. — Мой голос прозвучал мягко, так же мягко, как и поцелуй.

Я пришла к выводу, что, кроме случайных поцелуев, в Капо Маккиавелло не было ничего мягкого. В первый раз мы сделали это нежно. И мне это нравилось. Мне нравилось, когда он чуть не разорвал меня надвое. Мне нравилось, когда оргазмы, которые он дарил мне, были настолько сильными, что начиналось головокружение. Днем и ночью у меня кружилась голова.

— Ты знаешь все, что стоит знать.

— Только не твое сердце.

— Все мое время.

Я кивнула и осторожно коснулась шрама на его горле. Я никогда не оставляла свою руку там надолго, но иногда мне хотелось узнать, как он его получил. Как это произошло. Я никогда не спрашивала, но даже если бы и спросила, Капо, похоже, не был готов делиться этим со мной. Иногда, когда я касалась или целовала его там, его мышцы напрягались.

— Ты многое ставишь на кон, но я хочу кое-что, что не входит в сделку, Капо.

— Что-то отданное без условий.

— Ага.

— Границы существуют не просто так, Марипоса.

— Ты не говорил, что мы не можем *ничем* делиться. Ты только сказал, что со временем отдашь мне сердце и все его вены. Как я и говорила, что в свое время отдам тебе свое тело. Что я и сделала.

Он вздохнул.

— Двадцать гребанных вопросов.

— Ох! Тогда, перейдем к первому.

— Я согласия не давал, Марипоса.

— Но ты и не сказал «нет». И ты *вроде как* согласился. Ты говорил...

Капо зажал мне рот ладонью, и я попыталась укусить его, но у него не хватало жирка на ладони.

— Я знаю, что говорил.

— Десять вопросов, — мой голос звучал приглушенно.

Он отпустил мой рот.

— Два.

— Два? Это по одному на каждого. Тебе жалко? Это значит быть *закрытым*. Ты не стеснен в деньгах, тогда почему не разговорчив.

— Слова стоят больше, чем деньги.

— Слова можно говорить свободно, Капо. Это мне ничего не стоит. Понимаешь? Там нет маленького человечка, бегающего с коллекционной банкой и кричащего: «Табличка! У тебя есть табличка! Там нет таблички для слов».

— Оба вопроса для меня, и я уверен, что это будет мне *дорого* стоить.

— А для меня у тебя нет вопроса? — Это было почти правильно. Капо знал обо мне все. А чего он не знал? Но это не имело значения. Мне было скучно. Все, что я делала, — это выживала. До него у меня даже секса не было.

Мгновение он изучал мое лицо.

— На самом деле. У меня есть вопрос.

— Только один?

— *Uno*⁴³.

Ладно, я мысленно потеряла руки, как злодей в романтическом романе. У меня был козырь.

— Что касается одного твоего вопроса обо мне, то я могу задать тебе больше двух, если они не пересекают никаких невидимых границ. И я отвечаю последней.

— Двадцать гребанных вопросов, — он вздохнул. Затем Капо наклонился и взял мой сосок в рот, и так как его язык делал со мной действительно волшебные вещи, я прижалась к нему. Мой низ живота сжался, и сразу же боль между ног заставила проснуться мою чувственность. Капо сильно укусил меня, и я потянула его за волосы. Он внезапно отпустил меня.

— Спрашивай.

— Что? — Я тяжело дышала. — Сейчас?

Он усмехнулся и велел мне перестать дуться.

— Ты сама этого хотела. Играть в эту нелепую игру в информационную охоту.

— Верно, — я приподнялась, опершись на локоть, и посмотрела на него. Мои соски покалывало, жажда трения о его грудь, но я не сдавалась. — Ты когда-нибудь был влюблен?

— Нет. Следующий.

— Подожди. Подожди, — я подняла руку. — И это все?

— Нет? — он прищурился, глядя на меня. — Этот вопрос заслуживает не более чем ответа «да» или «нет».

Я махнула рукой, отмахиваясь от его резкого тона.

⁴³ (итал.) один

— Какой твой любимый цвет?

— Золотой.

Некоторое время мои вопросы продолжались в том же духе. Я запомнила основные вопросы, потому что после первого я знала, что он скажет, что я споткнулась о какую-то невидимую линию и использовала ее, чтобы добраться до моего вопроса. Неловкие вопросы я приберегла напоследок.

После того, как у меня закончились основные, я спросила:

— Твой отец плохой человек?

Я видела фотографии его матери, мне рассказывали о ней истории, но никто никогда не упоминал его отца. Как будто обсуждение его было запретной темой, которой никто не хотел касаться. Я пыталась обсуждать этот вопрос с его сестрами, но они отказывались сплетничать о нем, утверждая, что отец Капо гнилой человек, и это было все, что мне нужно было знать.

Капо замолчал.

— Он неплохой человек. У него темная душа.

Напряженность в его взгляде заставила меня отвернуться. Я посмотрела на листок, но не нашла что сказать.

— Так вот почему ты так близок к Фаусти? Они относятся к тебе как к члену семьи?

То, что Кили сказала мне перед свадьбой, о том, как одинокие люди находят преступные толпы, чтобы сблизиться, вспомнилось мне снова. Так вот что с ним случилось? Неужели отец исчез из его жизни? Жестокий? Значит, он сбежал к семье Скарпоне? Потом к Фаусти, когда это не сработало — когда он отказался позволить им убить меня?

Из того, что я узнала о Фаусти, их закон был таким же строгим, как их кровная связь, и если они принимали тебя в свою стаю, ты оставался там на всю жизнь, по крайней мере, до тех пор, пока не предавал их доверие. Они казались исключительно близкими к Капо.

Конечно, в жилах дяди Тито текла та же кровь, как и у Капо, а дядя Тито был женат на Лоле Фаусти, так что тесная связь была. Но он казался сильнее. Они были преданы ему. Так же преданы, как и он им.

Хотя мне это показалось... немного излишним. Зачем искать такую семью, клясться ей в верности, когда у тебя есть потрясающая, настоящая, прямо под рукой?

— Используй все свои вопросы, Марипоса, пока я согласен.

Я вдохнула и выдохнула.

— А ты делаешь... делал что-нибудь противозаконное для Фаусти?

— Да. — Слово было ясным, но далеко не простым. — Делал и делаю. Фаусти были рядом со мной в очень трудное время моей жизни. Им не стоило помогать мне, но они помогли. Я называю людей на этой земле своей семьей, потому что я разделяю с ними кровь, и они всегда были добры ко мне и моим близким. Включая тебя. Фаусти - моя семья, потому что, когда я лежал, истекая кровью, они сидели рядом и обещали мне, что однажды я отомщу.

— Ты бы убил за них.

— Убил бы.

Я с трудом сглотнула.

— Они... защищают тебя?

— Они не спускают с меня глаз, но по большей части я иду своей дорогой. Я попросил их об одном одолжении, Марипоса. То, что они дают мне время — это значит несколько иное. Они держат ухо востро. Они говорят мне, когда кто-нибудь, кто не должен приближаться ко мне, делает это время от времени. Мне нужно было время, чтобы привести все в движение, и они дали мне такую возможность. Но когда придет время собирать долги, я останусь со своими врагами один на один. Только я и никого больше.

— Я действительно не понимаю. — Его слова заставили меня занервничать. Я знала, что Капо проворачивает какие-то делишки с того момента, как увидела его снаружи ресторана. Каждый раз, когда я была рядом с ним, что-то вокруг него предупреждало меня о том, что он был сильной, контролирующей силой, и были люди, которые хотели проверить, насколько он силен.

Капо никогда ничего от меня не скрывал, но я знала, что это еще не все. Сердце, как он назвал его во время встречи, и все вены, которые к нему вели. Когда же он ими поделится? На кону

стояла моя жизнь. И его тоже. И это заставляло меня нервничать. Больше, чем следовало. Мысль о том, что я никогда больше не увижу его, делала ужасные вещи с моими мыслями и чувствами.

Кили и ее братья, семейство Фаусти, вся семья Капо - все они ощущались как вены в моем теле. Капо. Он ощущался как мое сердце.

Дерьмо. Дерьмо. Дерьмо. Откуда оно взялось?

— Так и будет, — сказал он. — Всему свое время.

Я не могла понять выражение его лица. Либо он был слишком пронизателен, чтобы читать мои мысли, либо был близок к этому. Даже если это и не была любовь, это имело отношение к сердечным делам. Он не должен был узнать, или он мог расторгнуть сделку на том основании, что любовь, или что-то близкое к ней, никогда не должна была быть частью нашей сделки.

— Пора расплачиваться. — Он сжал мое бедро, возвращая мое внимание к нему.

Я встретила с ним взглядом. Я смотрела на татуировку на его руке.

— Если слова имеют цену, возьми мои деньги, — с трудом выдавила я.

— Тебе когда-нибудь нравился парень?

— Ты имеешь в виду влюбленность?

— То, как бы вы, детишки, это сейчас ни называли.

Несмотря на внезапный страх, я улыбнулась, чтобы скрыть свои прежние мысли и чувства, которые остались позади.

— Нет.

Ложь.

— Ты когда-нибудь была влюблена, Марипоса?

Я сжала простыни, а затем натянула одеяло, чтобы скрыть свою грудь или, может быть, сердце.

— Это два вопроса.

Он пожал плечами.

— Поскольку твои слова дорого обошлись *niente*, я вполне могу разориться, раз они мне так дорого обошлись. Скажи мне, была ли ты когда-нибудь влюблена.

— Любовь не создана для таких девушек, как я.

Избегая лжи.

И Капо был прав. Слова не были просты, и мои стоили мне *il tutto*⁴⁴. *Всего*. Никогда в жизни я не была настолько разорена.

Дыхание со свистом *вырвалось* из меня, когда Капо внезапно перевернул меня на спину, его тело нависло над моим. Когда я думала о нем как о волне, уносящей меня в его океан? Да, я попала в точку. В половине случаев он мог украсть мое дыхание, даже не прикасаясь ко мне. К счастью, Капо еще не врезался в метафорический камень.

— Игра окончена, Марипоса. — Капо пристально смотрел на меня. Через несколько ударов сердца, он произнес: — Ты мне доверяешь.

Это привело меня в экзальтированное состояние.

— Что? Ты сейчас читаешь мои мысли, Капо? — Его грудь едва касалась моих грудей, и мягкий, хныкающий звук вырвался из моего рта.

— Больше, чем слова, Марипоса, — сказал он. — Узнай, что значит говорить со мной без слов.

Я не была уверена, что именно он имел в виду, но моя голова была слишком затуманена им, чтобы понять смысл его слов. Я посмотрела на свое запястье, заключенное в ладони Капо.

— Верно. Я доверяю тебе.

— Ты доверяешь. Я только что зажал тебе рот рукой, а ты даже не заметила.

Дерьмо. Я не заметила.

— Ты доверяешь мне, — повторил он.

⁴⁴ (итал.) целиком

Что-то подсказывало мне, что его заявление не имеет ничего общего с моими чувствами, это скорее что-то более... сексуальное. Я была благодарна судьбе за такой поворот. Может быть, он не увидит, как мои слова сломали меня, пока он был занят другими... вещами.

— Да, — повторила я, приподнимая бедра навстречу его эрекции.

Капо ухмыльнулся и посмотрел мне прямо между ног. Его руки скользнули меж моих бедер, и я втянула воздух, медленно выталкивая его из легких. Его пальцы скользили, скользили, скользили, пока он не начал массировать мой зад.

— Вот видишь, — прошептал он. — Ты понимаешь меня без слов.

Что бы Капо ни имел в виду, *это* было лучшим отвлечением от сути, и я неизбежно поняла бы это без слов. Потому что мои чувства поглощали меня.

МАРИПОСА

Прежде чем я это осознала, мы были женаты (во второй раз) уже две недели. Когда мы только приехали, я не могла отвести от Капо глаз, как бы ни старалась не следить за ним. После того, как мы поженились (снова), его взгляд всегда был обращен на меня, как и мой на него, и мы были неразлучны.

Казалось, он нарочно пытается провести со мной больше времени. Может быть, потому, что наш медовый месяц в неизвестном направлении, выбранном Капо, был отложен. Не похоже, чтобы он был способен испытывать жалость к чему-либо, но, похоже, Капо пытался загладить свою вину. В конце концов, это было частью нашей сделки.

У нас была целая вечность медового месяца. Никто не знал, как долго осталось жить его дедушке, а мне хотелось остаться и провести с ним время.

Поскольку у нас было немного свободного времени, и Капо узнал, что я не умею ездить на велосипеде или плавать, он нашел время, чтобы научить меня делать и то, и другое.

Пляжи на Сицилии были чем-то из сказки про подводный мир. Цвета воды были яркими, от зеленого цвета морского стекла до сапфирово-голубого цвета лагуны. Солнце было жарким, а песок белым. А запахи - лимона, свежести воды, кокоса, даже морепродуктов - опьяняли меня летом.

Мне потребовалось около недели, чтобы действительно почувствовать себя в безопасности в воде, но я не слишком волновалась, потому что Капо все время находился рядом со мной, даже после того, как я почувствовала себя увереннее. Вечерние купания были моими любимыми, когда солнце опускалось в воду и самые красивые цвета освещали небо, прямо перед тем, как звезды падали с небес.

Рай. Я решила, что он существует, после того, как меня поглотило нечто столь совершенное, как океан.

Капо учил меня кататься на велосипеде перед нашей скрытой виллой в те дни, когда мы не ходили на пляж. Сначала я долго раскачивалась из стороны в сторону. Я упала трижды, а затем еще раз нарочно. После этого я все поняла, и несколько вечеров мы катались по рощам незадолго до заката.

Воздух был наполнен ароматами свежей лимонной цедры и чересчур спелых кроваво-красных апельсинов. Запахами воздух наполнялся вечером, как будто они держались за тепло, и после того, как пылающее солнце заходило, они насыщали воздух всевозможными ароматами. Иногда мы продолжали кататься даже после захода солнца, чтобы я могла затеряться среди упавших звезд.

*Paradiso*⁴⁵. Я решила, что он существует, после того, как была настолько поглощена чем-то настолько совершенным, как простая поездка на велосипеде по дорогам, по бокам которых растут сотни фруктовых деревьев.

Каким добрым и прекрасным казался мир, когда дьявол спотыкался и отставал от тебя вместо того, чтобы следовать за тобой по пятам.

Иногда Капо ложился со мной в гамак, в котором я любила поспать в самое жаркое время дня. Огромная шляпа, которую я носила, защищала мои глаза от солнца, в то время как мое тело впитывало тепло. Капо читал мне стихи своего деда. Старик никогда этого не сделает сам. Он сказал, что если я захочу их прочесть, то мне от этого только радость, но он предпочитает сочинять истории или читать мне из книги другого автора.

Когда у деда были силы наслаждаться садом, Капо провожал его и садился рядом на деревянную скамью. Пока двое мужчин сидели рядом, я слушала, как *Нонно* говорит мне «*подвинь этот туду, ему нужно больше солнца*». «*Подвинь вон тот, ему нужно куда меньше*». «*Подрежьте*

⁴⁵ (итал.) Рай

этот немного». «Отпусти его на некоторое время». «Ему нужно время, чтобы стать более диким».

Во время одного из наших визитов он сказал мне, что растения очень похожи на людей. Все они были такими разными, но в то же время — *всем им нужно основание, чтобы расти, а без корней никто из них не сможет выжить*. Сразу после того, как Нонно произнес эти слова, он стал искать Капо и обнаружил, что тот наблюдает за нами издалека.

— Он наслаждается твоей красотой, — сказал мне Нонно. — Он не считает, что заслуживает такого подарка.

Я поправила на голове широкополую шляпу и продолжила полив. Капо наслаждался моей красотой, а я растягивала момент, пока Капо наблюдал за нами. Даже несмотря на то, что мы проводили время порознь до свадьбы, я никогда не чувствовала, что Капо был слишком далеко. Я знала, что отчасти это связано с тем, что его дед умирает.

Я видела, как он смотрел на *Нонно*, когда думал, что *Нонно* не смотрит. Как будто Капо пытался впитать в себя воспоминания о нем, но он не хотел смотреть в лицо последним мгновениям, которые у него когда-либо были. Всякий раз, когда кто-нибудь говорил о том, как устал *Нонно*, или о том, что он побледнел, или о том, что он не так много ест, Капо отворачивался и отказывался слушать.

Может быть, семья видела что-то, чего не видела я. Сравнивая человека, которого я впервые встретила, с человеком, сидящим на скамейке с лицом, обращенным к мягким лучам солнца, я подумала, что он выглядит лучше. Он выглядел... довольным. Когда я впервые встретила его, я не чувствовала покоя, но тогда я этого не знала.

После того, как мы приехали, и особенно после нашей свадьбы, что-то в *Нонно* изменилось, что-то, что заставило меня снова почувствовать в нем жизнь, хотя все его врачи как один твердили, что он угасает.

Отвернувшись от растения, которое подрезала, я прищурилась от открывшегося передо мной зрелища.

Оба мужчины молча сидели рядом, наблюдая, как я ухаживаю за садом. Они молчали друг с другом. Что бы ни скрывал Капо, это беспокоило *Нонно*. Я думаю, *Нонно* знал, что Капо хочет сказать ему что-то, что он никогда не сможет сказать ему снова, но его отказ от ситуации останавливал его.

Я хотела сказать Капо, что, хотя я была девушкой с улицы и не имела большого опыта в жизни, я знала, что он не должен использовать свои слова, чтобы говорить со своим дедом, точно так же, как он сказал мне читать между строк и понимать что-то более глубокое в нем.

Поскольку *Нонно* всю жизнь работал со словами, он, казалось, понимал то, на что слова могли только намекать. Можно было бы найти более глубокие смыслы, если бы мы только открыли им наши сердца, а не глаза или уши.

Нонно желал, чтобы Капо был счастлив.

Капо хотел сказать деду все, что его сердце отказывалось говорить, но не мог: это означало бы *конец*. Поэтому Капо не находил радости ни в чем. Даже когда мы были близки, он скрывал свою боль.

Я знала, что Капо Маккиавелло не был хорошим парнем, но он был моим. Пока я жива, я буду женщиной, стоящей рядом с ним. Я сделаю все, чтобы заботиться о нем, как он заботился обо мне.

И тут меня осенила идея.

Ухмыляясь, я подняла шланг, проверяя давление воды. Мир стал розовым от заходящего солнца, и когда мягкий душ брызнул, это напомнило мне блестящие, брошенные в воздух. Через секунду он осел на землю, как роса, и я сделал это снова.

Это зрелище привлекло внимание *Нонно*, но Капо наблюдал за людьми, работавшими в рощах, когда они приходили и уходили.

Нажав на ручку, я снова брызнула, и на этот раз брызги были больше похожи на пулю, выпущенную из пистолета.

— Точность, — прошептала я про себя. — Лучшая подруга девушки.

Затем я подняла шланг, нажала на спусковой крючок и обрызгала Капо струей прямо в лоб. Ему потребовалось мгновение, чтобы понять, что я сделала. Капо моргнул, когда вода потекла по его носу, а затем его взгляд пересекся с моим. Прежде чем он успел пошевелиться, я выстрелила струей еще раз, и часть брызг попала в *Нонно*.

Старик уже буквально бился в истерике. Его смех заставил некоторых членов семьи собраться вокруг, и казалось, что они продолжали множиться. Все его дочери прикасались к нему, а он смеялся. Они тоже смеялись, выкрикивая насмешки.

Капо вскочил со своего места, когда я обрызгала его во второй раз, и, двигаясь, как волк на охоте, пытался отобрать у меня шланг. Я не сдамся без боя, и пока у него не будет оружия, я не отпущу спусковой крючок.

Я показала ему язык.

— Ты меня не поймаешь!

— Ты такая наивная, — сказал он. Его волосы были влажными, и когда Капо откинул их назад, эти глаза были цвета сапфиров, блестящих на солнце.

Я усмехнулась:

— Может, и так, но у кого из нас в руках шланг?

Я брызнула струей прямо в пах Капо.

Он приближался ко мне, и чем ближе он подходил, тем больше я теряла контроль. Я не могла контролировать свой смех. Он стал громче, когда я направила струю в Джиджи в следующий раз. Она издала леденящий кровь крик, от которого все остальные тоже засмеялись еще сильнее. Здесь с ней обращались как со всеми, но в *ее* мире с ней обращались как с богиней. Ее глаза сузились в выражении: «Я доберусь до тебя».

— Ой! — крикнула я ей. — Я не могу держать руки ровно!

Моя месть заставила меня отвлечься от волка, и он схватил меня за талию, и пока мы боролись за шланг, он дико брызгал. Внезапно все начали швырять друг в друга ведра с водой. Дети хихикали. Взрослые завизжали, как Джиджи, когда первая струя холодной воды ударила в теплую кожу.

Потом он включился. Сад и прилегающая территория были в полном беспорядке.

Я все еще пыталась удержать свое оружие, но Капо каким-то образом направил его на меня. Мое простое летнее платье промокло и прилипло. В конце концов, мой смех изменил мне - скользкие пальцы тоже были недостатком, - и Капо взял шланг и отказался отпускать меня. Я бегала вокруг, пытаясь увернуться, смеясь как «сумасшедшая» (одно из любимых слов *Нонно*), пока Капо мстил.

Насытившись его местью, я выбежала из образовавшегося хаоса. Я понятия не имела, куда побежала, смеясь, как была, но у моих ног, казалось, был план. Капо протянул деду шланг, и я была потрясена до глубины души, когда Капо бросился за мной. Пока мы бежали, мой смех эхом отдавался позади меня, и прямо перед тем, как мы достигли участка с полуразрушенной виллой, я поняла, что он нарочно гнал меня сюда.

Вилла развалилась, вероятно, много лет назад. Крыши у нее не было, но фундамент стоял крепко, как и некоторые кирпичные стены, хотя к ним и цеплялись виноградные лозы. Свет все еще тускнел, но воздух казался тяжелым от остатков солнечного света, и он пробирался через все щели, заставляя весь участок светиться.

Замедляя шаг и тяжело дыша, я повернулась и пошла назад, подняв руки в знак капитуляции.

— Не делай этого, — прошептала я. — Подумай хорошенько. Помнишь. Ты больше человек, чем животное. У тебя есть куда большее, чем основные потребности.

Типичная улыбка Маккиавелло появилась на его лице.

— Тебе лучше знать, Марипоса. Тебе всегда следует думать прежде, чем *делать* что-то. Когда дело доходит до того, чтобы трахнуть тебя, я просто животное.

Мысли о прошлой ночи ворвались в меня, то, как он вонзался в меня, а потом позволил мне забраться на него. Я скакала на нем изо всех сил, трение между нами превратилось в огонь между нашими телами, и мы сломали изголовье кровати из-за исходящего от нас импульса безумия. Быть с ним - все равно, что говорить о хорошей еде, когда ты ешь что-то вкусное.

— Злой волк, — прошептала я.
— А как насчет голодного волка?
— То, как ты на меня смотришь.
— Ты ошибаешься.
— Если и так, то не намного.

Капо тихонько взвыл, а потом ухмыльнулась.

— Я никогда не смогу избавиться от твоего вкуса на языке, и я чертовски изголодался по тебе, а не просто голоден. Я жажду тебя, быть внутри тебя, как никогда в жизни.

Моя спина ударилась о кирпич. Капо толкнул меня еще дальше в грубую стену, когда врезался в меня, его эрекция уперлась мне в живот. Я приподняла ногу, обхватив его бедра, и рука Капо скользнула по моей гладкой внутренней стороне бедра, направляясь к моей заднице. Мои пальцы теребили кончики его волос, чувствуя капли воды, которые продолжали пропитывать рубашку Капо.

Наши взгляды пересеклись. Это длилось всего несколько секунд, но мне казалось, что мгновение длится целую жизнь. Что-то шевельнулось между нами, и я не была уверена, что это было, только то, что это было сильнее, чем когда-либо прежде. Капо проглотил меня, как самый прекрасный океан, а потом написал свои инициалы на моей душе.

Страх, посетивший меня в беседке, увитой виноградом, ударил по мне так, будто хотел покончить со всем разом. Зубчатые стены вокруг меня с таким же успехом могли вонзиться мне в сердце. Мои ладони покалывало, желудок наполнился ядовитыми бабочками, а сердце забилось в горле, мешая дышать. У меня заложило уши от резкого притока крови. С трудом заработанный вздох вырвался из моего рта с глубоким *свистом*.

Волны цвета его глаз унесли меня слишком далеко от берега. Я не могла отдышаться. Я собиралась утонуть в своих чувствах к Капо.

Импульс страха бил меня в самые неожиданные моменты. Я похоронила его так глубоко под поверхностью, что обычно он был скрыт от света, но когда Капо создал хаос в моем сердце, то, как он смотрел на меня, с закрытыми глазами и выражением, которое было каким-то смущенным, но решительным, это высвободило панику из клетки.

Я не могла плыть достаточно быстро, чтобы снова спрятать его. Поэтому я сделала все, что могла. Я ударила страх прямо в гребаное лицо. Я хотела этого, Капо, больше, чем боялась. Мои слова или то, что я не сказала, уже стоили мне всего.

Я понял, что быть с Капо - это все равно что жить, а жить - значит рисковать.

Страх разбился вдребезги и вырвался наружу, когда его рот прижался к моему, руки Капо обхватили мою задницу, толкая меня вперед. Я протянула руку и расстегнула его джинсы, стянув их как можно ниже, а затем и боксеры. Они промокли и прилипли к коже. Я была слишком поглощена его ртом, высасывающим капли воды из моей кожи, чтобы даже заметить, что Капо сорвал кружевные трусики с моих бедер.

Он сунул их в задний карман, прежде чем немного приподнять меня, моя нога все еще была обернута вокруг его бедра, а затем он вошел в меня так сильно и так глубоко, что моя голова ударилась о стену. Он трахал меня так быстро, что мой мир закружился от внезапного переполнения ощущений.

За каждую унцию, которую я давала, он отбирал две. За каждую унцию, которую я брала, он отдавал четыре.

Мне не нужно было, чтобы он касался меня своими пальцами, чтобы заставить меня разбиться на миллион кусочков. Капо знал, где дотянуться до меня, и все время дотрагивался до этого места, иногда колотил по нему, снова и снова. Так что было трудно не отставать, не сдаваться, но я держалась, растягивая момент, растягивая связь.

— Вот так, — прохрипел Капо мне в шею. — Отдайся мне, Марипоса. Навсегда.

Не побеждая. Не присваивая. Просто отдавая. Может быть, он понял, что не важно, сколько денег у мужчины на *покупку* вещей, нет ничего лучше, чем женщина, *отдающая* себя ему.

Звуки, которые мы издавали, были звериными, и они эхом отдавались вокруг нас. Запах воды, запах земли пустого здания и нашего секса наполняли теплый воздух. Он, казалось, знал, что

я держусь, не отпуская, пока он не сделает этого. Несмотря на то, что я была мокрой, я чувствовала вкус соли на губах от того, как сильно Капо трудился над моим телом.

Капо замедлился, его удары стали легче, но не менее наполняющими. Я прикусила губу, так что она кровоточила, и он приблизился, слизывая пятно.

— Кончи для меня, Марипоса, — сказал он по-итальянски. — Ну же.

Один раз он толкнулся в меня так сильно, что я почувствовала ударную волну по всему телу. Я зашипела, потому что была почти уверена, что он протаранил мою матку. Капо замедлился, только чтобы вбиваться в меня снова, пока его темп не ускорился, и я больше не могла отрицать напряжение.

Оно поглотило меня. Оно поглотило его. Я вскрикнула в тот же момент, когда Капо проник в меня, и его рот снова прижался к моему, проглотив его.

Мы стояли так некоторое время, тяжело дыша, моя голова прижалась к его груди. Когда Капо вышел из меня, я вздрогнула, всегда желая быть с ним одним целым.

— *Vertiginoso*. — Его голос был хриплым. *Головокружительно*.

Я подняла глаза и встретилась с ним взглядом. На этот раз я не была уверена, о ком он говорит. Я подняла четыре пальца.

— Сколько их?

— Восемь, — сказал Капо и поднес мои пальцы ко рту, кусая их. Он использовал мое нижнее белье, чтобы немного привести меня в порядок. Закончив, Капо сунул трусики обратно в карман.

Маленький мальчик, преследуя другого, пробежал мимо нашего тайного места. Они смеялись, все еще пытаясь облить друг друга водой. По негласному соглашению мы покинули заброшенную виллу рука об руку. Когда мы вернулись в сад, дети все еще были там, взрослые все еще смеялись. *Нонно* все еще преследовал их со шлангом в руках.

Капо постоял со мной минуту, наблюдая, а потом отпустил мою руку и сел рядом с дедом. Он указал на детей, которых нужно опрыскать, подстрекая к веселью. *Нонно* засмеялся еще громче, когда маленький мальчик поскользнулся и упал в грязь. Капо ухмыльнулся, когда он направил руку своего деда, чтобы распылить струю на бедного ребенка, когда тот упал.

Наше отсутствие не уменьшило радости, но с тех пор, как мы вернулись, она стала еще более полной. Мое сердце бешено забилося, когда Капо взял дедушку за голову, притянул к себе и поцеловал. Потом он что-то сказал ему на ухо. Улыбка *Нонно* не заставила себя ждать. Затем они оба посмотрели на меня, прежде чем Капо снова притянул его к себе, слегка встряхнув. Может быть, радость жизни уменьшила боль от прощания, как только мог чувствовать Капо.

Сад бабочек.

Я понятия не имела, откуда взялись растения, но когда вышла с виллы с чашкой эспрессо в руке, они были у моих ног. Капо выгружал их из четырехколесной повозки. У нее была ручка, как у повозки. На нем была обтягивающая белая майка, брюки цвета хаки и рабочие ботинки. Его верхняя часть уже была измазана грязью.

— Что ты задумал? — поинтересовалась я.

Обычно Капо был где-то на вилле, когда я просыпалась, но в то утро его не было. После нашей второй свадьбы он не оставлял меня в покое. Первое, о чем я подумала, было то, что с *Нонно* что-то случилось, и я запаниковала. Но я знала, что Капо разбудит меня, поэтому успокоилась и приготовила кофе, прежде чем нашла его перед виллой. Занимающегося разгрузкой.

Мускулы на его руках и спине напряглись, когда он снял с подножки четырехколесной повозки огромный камень, выглядевший старше окружающих нас гор. Потом он передумал и поставил его обратно.

— Где ты хочешь это разместить? — он смотрел то на скалу, то на меня.

— Это *Нонно* прислал все это?

— Нет, — Капо вытер пот со лба. Было еще рано, но солнце уже припекало землю. — Где ты хочешь это разместить?

Мы не спали *всю* предыдущую ночь, так что Капо заснул всего на два часа. Я чувствовала, что устала до мозга костей. Так что я понятия не имела, где мне что-то нужно.

— Капо. — Я сделала глоток кофе. — Я в замешательстве. Откуда все это взялось? И зачем мне что-то куда-то класть? Я здесь не живу.

— Живешь, — сказал он. — И мы приехали в гости. Это моя вилла. Мы можем ее переделать. Ее вид никогда не имел для меня значения. Это было просто место для сна.

— А растения?

— Сад. Для тебя. Тебе нужно посадить все это.

Ах. Он сделал это, но не хотел признаваться. *Твердолобый Капо*.

Судя по количеству уже выгруженных растений, он уже совершил одну-две поездки. Я не знала названий всех цветов, но решила, что это, должно быть, то, что *Нонно* называл нектарными растениями. Они привлекут бабочек. У Капо их было достаточно, чтобы создать границу вокруг виллы. Может быть, даже больше.

Пройдя дальше в тапочках, я оглядела местность. Капо шел со мной, мы оба молчали. Когда мы вернулись к передней части виллы, я кивнула.

— Я хочу обойти виллу со всеми этими цветами. Мне нужна беседка на заднем дворе для винограда. Там мы тоже сделаем сад бабочек побольше. Мы разместим камни в разных местах, чтобы бабочки могли греться на солнце. Нам понадобится купальня для птиц или что-то в этом роде, куда нужно насыпать песок. Мы не должны ее заполнять, только замочить песок в воде. *Нонно* сказал, что бабочки любят влагу.

Я постучала пальцем по кофейной чашке, размышляя.

— Я спрошу *Нонно*, где, по его мнению, мы должны посадить растения. Я имею в виду, какие места будут лучше для каждого. Как насчет того, чтобы пойти и позвать его на завтрак? Ты можешь привезти его обратно на той четырехколесной штуковине, — я кивнула в ее сторону, — и мы приступим к работе после еды.

Капо не шевельнулся. Он посмотрел на меня, как на нового человека.

— Что? — У меня было сильнейшее желание поерзать. Я чувствовала себя так, словно у меня выросла лишняя голова, и понятия не имела, что именно она показывала ему язык.

Капо покачал головой.

— Ты командуешь.

— Кто же знал? — я усмехнулась.

— Я. — Капо помедлил. — Я знал, что это произойдет. — Хотя его губы сжались, что-то в тоне показалось удовлетворенным.

Разгрузив оставшуюся часть повозки, Капо потащил ее обратно к дедушкиной вилле. Перед тем как уйти, он приказал людям, которые стояли вокруг, не спускать с меня глаз. Он никогда не оставлял меня без присмотра. С тех пор как появились незваные гости, у него стало больше людей.

Я поспешила в дом и быстро оделась. У меня не было времени беспокоиться о том, как я выгляжу, особенно когда я хотела освежить виллу и приготовить вкусный завтрак. У меня ушло пять минут на уборку и двадцать на приготовление еды. Я приготовила еще кофе (кофе латте), круассаны (*cornettos*) и простой омлет. Я разложила на столе множество разных закусок на вращающийся поднос для бутербродов и закусок. Я даже вышла на улицу и сорвала свежие полевые цветы, чтобы поставить их на стол. Ваз не было, поэтому я использовала старые банки из-под варенья.

Сестры многому меня научили.

Я слышала, как *Нонно* хихикает над потрескивающими колесами телеги, катящейся по пересеченной местности. Я развязала фартук и выбежала на улицу. Он сидел на заднем сиденье, окруженный другими растениями, и все еще смеялся. При виде его моя улыбка стала еще шире.

— Дорога была ухабистая, *Farfalla*, но я справился! — он вытер лицо носовым платком, который держал в кармане.

Zia Стелла с улыбкой подошла прямо к мужчинам.

— Видела бы ты его! — Она подошла ко мне, когда Капо практически поднял своего дедушку и поставил его на ноги. Капо поддерживал его, пока они шли к нам. — Он потребовал,

чтобы Амадео провез его по всему поместью. И если там был холм, он хотел ехать быстрее! Он вел себя так, словно был на одном из тех страшных аттракционов, и ему снова было семь. Он поднял руки в воздух и сказал: «Виуиуи-иии-иии!»

Оказавшись достаточно близко, чтобы притянуть меня, zia поцеловала меня в щеки, а затем вошла внутрь виллы. Я поцеловала Нонно в обе щеки и подала ему руку, чтобы помочь войти.

— Прикосновение женщины, — тихо сказал он, оглядываясь вокруг, — все меняет в доме.

Мы прекрасно позавтракали. Zia⁴⁶ Стелла и Нонно делали вид, что им все очень нравится. Капо ничего не сказал, но когда он встал, чтобы вымыть свою тарелку, он поцеловал меня в щеку и произнес: «На этот раз я попробовал все ингредиенты». Капо даже вернулся на несколько секунд.

Остаток дня мы провели за посадкой. Нонно помогал мне решить, где разместить все эти цветы, чтобы они процветали в своих новых домах. Когда Капо отвернулся, он толкнул меня локтем и сказал одно слово: «Radici». Корни.

Капо трудился над беседкой почти весь день. Время от времени, когда солнце было слишком жарким для Нонно, он садился рядом с Капо под деревом на заднем дворе и говорил ему, что делать.

Я не могла поверить, как хорошо выглядел при этом Нонно. Он почти светился. Казалось, у него открылось второе дыхание. Мы даже наслаждались легким обедом на улице, и к тому времени, когда вечер встретил нас, мы уже закончили.

У виллы и двора вдруг появились корни цветов. И каким-то странным образом я чувствовала себя такой же укорененной, как те новые растения, что привыкали к своим новым местам обитания. Я загадала желание - я хотела, чтобы все бабочки, которые найдут дорогу к нашему дому, нашли здесь убежище.

Zia Элоиза принесла нам ужин. Мы собрались вокруг стола и поужинали по-семейному. Блюда переходили из рук в руки, наливалось много вина, и общий смех был более сытным, чем еда и вино вместе взятые. К тому времени, как мы закончили, звезды уже погасли.

Тетушки и несколько двоюродных братьев и сестер ушли первыми. Капо планировал отвезти Нонно на его виллу в повозке, но перед отъездом ему хотелось посидеть во дворе и насладиться всеми новинками.

Мы с Капо помогли ему выйти, и он сел на скамейку, а мы расположились по обе стороны от него. Нонно поднял глаза к небу и затих.

Некоторое время никто из нас не произносил ни слова. Казалось, мы все погрузились в собственные мысли. После тридцати минут или около того, Капо спросил у деда что-то про беседку. Он не ответил.

Сначала казалось, что Нонно заснул. Капо сел быстрее, чем я думал, и встряхнул его.

— Папа⁴⁷!

Я тоже села, удивляясь, почему Нонно не отвечает.

Через секунду он ответил, но в его словах не было смысла. Они были невнятные, а глаза казались пьяными.

— Марипоса, — Капо вскочил со своего места и направился к передней части виллы. — Продолжай с ним разговаривать!

Я опустила на одно колено перед Нонно, прижимая его руку к своему сердцу.

— Нонно, — сказала я, стараясь, чтобы мой голос звучал как можно спокойнее. Если он умирал, я не хотела, чтобы он чувствовал хаос, чувствовал мой страх, потому что я дрожала, и мое сердце разрывалось. — Нонно, пожалуйста, не уходи. У тебя осталось так много жизни. Ты должен остаться с нами. Пожалуйста. Не уходи. — Я целовала его руку снова и снова.

Нонно поднял свободную руку и положил ее мне на голову. Его слова звучали невнятно, но я могла их разобрать.

— Я прожил долгую жизнь. Я прожил полную жизнь. — Нонно сделал вдох, и я могла сказать, что он был неглубоким. — Я не получил всего, о чем просил, но я получил все, что мне

⁴⁶ (итал.) тетушка

⁴⁷ (итал.) Деда

было нужно. Мои последние дни были наполнены радостью. В первый раз я попробовал воздух. В первый раз я почувствовал на лице солнце и луну. В первый раз я влюбился. Я получил все, что мне было нужно. Моя работа здесь закончена. Моя жертва не была напрасной.

Я не понимала, что Капо оттащил меня от деда, пока не увидела его издали, и дядю Тито, сидящего рядом с ним и проверяющего его пульс. Под звездами *Нонно* выглядел умиротворенным, довольным, как будто все его желания сбылись. Все его потребности были удовлетворены.

Обретенный покой *Нонно* был полной противоположностью тем крикам, которые я слышала, когда его дочери и вся семья толпились вокруг, оплакивая человека, который так много значил для многих.

Я встречала смерть в своей жизни.

Мои родители.

Потеря Капо в первый раз.

Джослин и Папаша.

В каком-то смысле я никогда по-настоящему не горевала ни о своих родителях, ни о Джослин и Папаше. У меня не было на это времени. После того, как меня переселили из одного дома в пять, а потом из единственного, который я помнила в десять, вся моя жизнь с этого момента была наполнена борьбой за выживание. Я часто думала о них, но ненадолго. Это было слишком больно. И чтобы дышать, мне приходилось держать голову прямо.

Так что смерть была мне не чужда, но все же я не испытывала потери на этом уровне - настолько близкой, будучи достаточно взрослой, чтобы знать, что означает потеря в данный момент.

На похоронах все были в черном, и я никогда не слышала, чтобы кто-то плакал так громко, как одна из дочерей *Нонно*, когда они закрывали его гроб. От этого у меня подкашивались колени. Капо пришлось поддержать меня, чтобы я не упала. Это был тот тип крика, которого все боятся - рыдание из глубин души, скорбящей по человеку, который забрал с собой половину ее.

После похорон мы вернулись на виллу его деда. Я старалась молчать, держаться в стороне и помогать как можно больше. Мое сердце словно обливалось кровью, так что я даже не могла понять, что чувствовали самые близкие ему люди. Он был одной из тех душ, которых мир никогда не забудет. Его слова были выжжены на бумаге. *Нонно* будет навсегда увековечен на страницах книг и в сердцах всех, кто любит его больше всего.

В отличие от меня, которая в какой-то момент подумала, что меня могут найти в Нью-Йоркском мусорном контейнере. Единственными, кто меня помнил, были Кили и ее братья. Я даже не оставила следа в этом мире. Даже бумажного пореза не было. Очередная *Сьерра*.

Я вздохнула, оглядывая толпу в поисках Капо. Весь день он то появлялся, то исчезал из моего поля зрения. Капо проверит, как я, а потом исчезнет.

— Рокко, — сказала я, касаясь его руки. Наконец он остался один, чтобы немного выпить. — Ты видел Капо?

— В кабинете его деда.

Я кивнула и пошла искать его. Дверь была слегка приоткрыта, но Капо не было. Я вошла, заметив, что несколько книг его деда были вынуты. Перед смертью он написал письмо каждому из своих детей, внуков и правнуков. Он писал им стихи и рассказы. Подойдя достаточно близко к его столу, я заметила там раскрытую книгу.

Марипоса,

Самое маленькое существо может оказать самое большое влияние. Тебя увидели и тебя ценят. Поделись этим знанием с правнуками, которых мне не суждено увидеть. Это для них так же важно, как и для тебя.

Ты пустила корни в моем сердце и нашла там приют навсегда.

Нонно

Я села и открыла первую страницу. Это была иллюстрированная детская книжка.

Черный Волк с потрясающими голубыми глазами сидел в темном лесу, полная луна висела над его головой. Он был одиноким волком, без стаи, которой нужно было руководить, потому что он отстаивал свое право быть альфой. Затем на третьей странице к волку подползла гусеница блекло-коричневого окраса. Гусеница сказала волку, что он так одинок потому, что потерял то, что когда-то принадлежало ему. Или, может быть, это у него украли.

— *Кто посмеет украсть у меня?* — прорычал волк. — *Скажи мне, что я потерял, чтобы я мог найти это снова и назвать своим.*

Она заползла ему на нос и сказала:

— *Следуй за мной, и я покажу тебе.*

Волк думал, что то, что он потерял, было чем-то осязаемым, чем-то, что он мог укунить своими острыми зубами, но гусеница никогда не говорила ему ничего другого. Она позволила ему поверить.

Некоторым надо показывать, а не рассказывать, подумала она.

То, что произошло дальше, было путешествием. В лесу они повстречали и других существ. Они огляделись и поняли, что заблудились. И наконец, когда волк уже собирался съесть *ее* за то, что она взяла его с собой в это глупое путешествие, она вывела его в волшебный сад.

Там он нашел кролика, чтобы поесть. Там он нашел убежище от палящего солнца. Там она спрятала его в темноте, чтобы он мог отдохнуть, и предупредила его, когда опасность поджидала его совсем близко. Она стала его спутницей во всем. Даже когда она устала и была вся в синяках от собственной борьбы, она никогда не оставляла его одного.

Во время их путешествия волк начал понимать, что гусеница не могла ему предложить нечто осязаемое, но она предложила ему так много вещей, которые он смог почувствовать. Чувства были даже более осязаемыми, чем кролик, которого он съел. Благодаря действиям гусеницы, она все время демонстрировала ему - существу, так отличающемуся от нее - свою любовь; существу, которое могло покончить с ее миром одним щелчком своей клыкастой пасти или ударом массивной лапы.

Чего я не ожидала, так это смерти гусеницы. Волк оплакивал ее, и в самую последнюю секунду они оба поняли, как много значат друг для друга и какие уроки нужно извлечь из жизни и смерти. Потребовалась смерть, чтобы заставить их понять то, чему пытались научить их жизнь.

Волк потерял способность любить. Он так долго бежал со стаей, кусаясь и рыча, всегда сражаясь за свое место в стае, пока его не изгнали. Когда он остался один, он остался один на один с... самим собой. Волк забыл, что способен любить. Ему нужно было показать, как снова давать и получать.

Гусенице нужно было понять, что ее усилия не напрасны. В конце концов, ее будут помнить за все, что она сделала. Даже если тем, кто будет помнить ее, окажется один рычащий, жестокий волк. Он никогда не забудет ее. Она научила его любить, не заставляя его быть тем, кем он не был. Слабаком. Ее любовь сделала его только сильнее.

На последней странице была изображена голубая бабочка, уютно устроившаяся в густой шерсти волка, сидящего в волшебном саду в свете луны высоко над ними.

— *Нонно.* — Я закрыла книгу и прислонилась головой к твердому переплету. Он написал детскую книгу для своих правнуков. Он написал детскую книгу в честь девочки, которая, по его словам, была одновременно и женщиной, и ребенком. Он знал, что я буду любить и лелеять ее. Даже художественное произведение было чем-то из причудливой сказки.

— По-моему, эта книга была его последней.

Я вздрогнула от звука мягкого голоса Рокко. Он стоял позади меня, глядя на книгу. Я провела рукой по обложке, желая запереть ее и сохранить в безопасности.

— Вы читали его книги? Это... У меня даже слов нет.

— Некоторые. Ваш муж читал эту, когда я нашел его здесь.

— Где он?

— Не знаю, Марипоса. Он ... борется.

— Я знаю, — сказала я, обдумывая слова в книге, пытаюсь найти более глубокий смысл. — Вы можете отвезти меня в церковь, Рокко?

Он присел на край стола, свесив одну ногу и наблюдая за мной.

— Почему в церковь?

Его дед сказал мне, что он заключил сделку с Богом, и это был первый раз, когда он вернулся в церковь после того, как мать Капо, его дочь, покончила с собой. Может, я и ошибалась, но нутром чувствовала.

— Куда может отправиться человек, чтобы исчезнуть, но при этом быть замеченным? — вот что я сказала.

Он потрепал меня по подбородку.

— Умная девочка.

Рокко отвез меня в церковь, где мы с Капо венчались, на стально-сером «ламборджини». Если я и надеялась добраться туда в рекордное время, мое желание исполнилось. Когда мы направились к лестнице, двое мужчин в костюмах как раз собирались войти.

Рокко обнял меня за талию и притянул ближе. Я уже собиралась высвободиться из его объятий, потому что он никогда не прикасался ко мне так раньше, но когда он слегка покачал головой, я встала там, где он меня поставил.

— Артуро, — позвал Рокко, останавливая их прямо перед тем, как другой парень, тот, что помоложе, открыл дверь.

Артуро, старший из двух мужчин, прищурился на нас, прежде чем он и молодой парень направились к нам.

— Рокко. — Он протянул руку, чтобы Рокко пожал ее, когда мы подошли достаточно близко, но Рокко не взял ее.

В этот момент в Рокко не было ничего даже отдаленно дружелюбного. Я никогда не видела его таким, и, честно говоря, это вызвало всплеск страха в моей груди. Фаусти преобладал над ним в этот момент. Некоторые называли их львами. У него была татуировка одного из них на предплечье - четки вокруг гривы и священное сердце посередине. Лев не был замечен под рубашкой, но я видела его раньше, когда он закатывал рукава.

Артуро был американцем, и он показался мне знакомым, хотя я никогда не видела его раньше. Резкие черты. Редеющие черные волосы с проседью местами. Широкие плечи, но при этом наметившееся брюшко строго посередине. Карие глаза. Мужчина рядом с ним был плотным, но со светлыми волосами и карими глазами. У него были те же черты, что и у того постарше.

После того, как Артуро убрал руку, он хлопнул молодого человека по спине.

— Ты помнишь Ахилла.

Ахилл сделал шаг вперед и кивнул.

— Что привело тебя сюда, Артуро? — спросил Рокко, совершенно не обращая внимания на человека со странным именем. *Ахилл*.

Тогда я увидела огонь в темных глазах Ахилла. Ему не нравилось, когда его игнорировали. После этого я внимательно наблюдала за двумя незнакомцами. Что-то в Артуро заставило меня сделать гигантский шаг назад, но Ахилл заставил меня почувствовать, как он дышит мне в шею, хотя он стоял напротив меня.

У меня перехватило дыхание, когда я заметила руку Ахилла. У него была татуировка. У них обеих она была. У Артуро была на запястье, а у Ахилла - на том же месте, что и у Капо, на ладони. Черные волки. Глаза были другими. Сплошная тьма, никакой синевы, как у волка Капо.

Я заставила себя отвести взгляд, чтобы не привлекать внимания.

Артуро посмотрел на меня, потом снова на Рокко.

— Это твоя жена? — секунду спустя он поднял руки. — Не хочу показаться грубым.

Рокко ухмыльнулся, но отнюдь не дружелюбно.

— Ты знаком с моей женой, — сказал он. — Это жена Амадео.

— Амадео, — повторил Артуро. Он, казалось, обдумывал это имя. — Сын Стеллы?

— Сегодня тебе здесь не место, — сказал Рокко, больше не подавляя раздражения в голосе. — Семья скорбит. В этот час твое присутствие семья воспримет, как оскорбление.

— Я слышал о старике, — сказал Артуро, печально качая головой. — Мне было жаль это слышать. Я надеялся лично выразить свои соболезнования.

Пожалей лучше мою задницу, — чуть не сморозила я. Я понятия не имела, кто он такой, но он был такой фальшивкой. И Ахилл не отвел от меня взгляда. Он смотрел на меня тяжелым взглядом, взглядом, от которого мне хотелось сжаться и исчезнуть.

— Я Ахилл, — медленно произнес он, протягивая руку, чтобы взять мою. Я держала руки при себе, отказываясь прикоснуться к нему. Он усмехнулся моему смущению. Ахилл был из тех, кто знает и наслаждается этим. Ахилл был как *копия Мерва извращенца*, но куда более опасный. Он не выдохнется.

— Таких девушек, как *ты*, — он указал на меня, — в Америке не делают. Если бы ты не была замужем, может быть, мне было бы интересно *договориться* с твоей семьей. Интересно, сколько ты будешь стоить?

И тут меня осенило... он думал, что я говорю только по-итальянски. Вот почему он говорил со мной так, словно я была медлительной. *Тупая задница*.

Рокко толкнул меня за спину и попал в поле зрения Ахиллу. Он уставился на Ахилла так, что я съежилась. Я взяла его рубашку в руку, держась за нее.

— Тебе здесь не место, — сказал Рокко Артуро, но тот уставился на Ахилла. — Забирай своего мальчика и уходи. Если вы хотите выразить свои соболезнования лично, вы сначала должны сообщить. Семья не стала относиться к тебе с теплотой, и я сомневаюсь, что после сегодняшнего дня они изменят свое отношение. Пришли цветы. Это уместно, если чувствуешь, что имеешь право горевать вместе с нами.

Артуро с минуту стоял неподвижно. Его взгляд метался, оценивая ситуацию - между *нами* и церковью, и, наконец, он вздохнул. Артуро положил руку на плечо *парня* и потянул его назад, поблагодарив Рокко по-итальянски за потраченное время. Ахилл клацнул зубами, прежде чем последовать приказу Артуро уйти.

Глядя им вслед, Рокко сделал телефонный звонок. Он быстро заговорил по-сицилийски. Он посылал людей следить за американцами. Когда они ушли, Рокко положил руку мне на поясницу, подталкивая к дверям церкви. Он открыл одну для меня, но не сделал ни малейшего движения, чтобы войти.

— Вы идете? — вот что я сказала.

— Через минуту. Мне нужно сделать еще один звонок.

Я колебалась.

— Не бойся, Марипоса. Я не позволю им причинить тебе боль.

— Они... плохие люди?

— *Si*⁴⁸. Они двое из худших. Если когда-нибудь столкнешься с ними на улице, поверни в другую сторону. Все ясно?

— Яснее некуда. — Я знала, что это плохие новости, но надеялась, что он даст мне немного больше информации.

Оставив Рокко куда-то звонить, я вошла в церковь. Было тихо, и в этой тишине на меня нахлынули воспоминания о нашей второй свадьбе. Этот день принес столько радости.

Нонно.

Я никогда не забуду, каким живым он был. Несколько часов назад он был безмолвной фигурой в гробу.

В этом смысле церкви были похожи на больницы. Невидимая грань между жизнью и смертью постоянно переступала.

Мои каблуки едва издавали звук, когда я шла, но когда я вошла в настоящую церковь, я остановилась и спряталась в тени. Капо сидел на одной из скамеек, а Джиджи сидела рядом с ним, положив руку ему на плечо. Когда она заплакала, он протянул руку и сжал ее шею.

— Амадео, — фыркнула она. Потом она положила голову ему на плечо.

⁴⁸ (итал.) Да

Я никогда не считала себя мстительным человеком. У меня никогда не было достаточно веской причины, чтобы вернуть кому-то его должок. Большую часть времени, если кто-то заставлял меня бежать, я продолжала бежать, чтобы избежать неприятностей. Но в тот день, когда так много было запечатано, чтобы никогда больше не открываться, было все еще трудно подавить внезапное желание причинить ей боль. Ранить ее так же сильно, как она ранила меня.

Капо был *моим* мужем. Не ее.

Мой недостаток опыта, особенно в утешении человека, когда он был подавлен, никогда не был так очевиден в тот момент. Она предлагала ему достаточно поддержки, чтобы он почувствовал это, но в то же время достаточно уязвимости, чтобы он не чувствовал себя слабым. И она использовала его особое имя. *Амадео*. Она всегда так делала. Имя, которое он никогда не давал мне возможности использовать.

Через несколько минут Рокко вошел в церковь. Увидев меня, он перевел взгляд с меня на сидящих перед алтарем. Затем он двинулся вперед и позвал Капо. Джиджи повернулась, чтобы посмотреть, но Капо этого не сделал. Прежде чем встать, она нежно поцеловала его в щеку, вероятно, оставив после себя красный след помады.

Рокко сел рядом с Капо, и его слова были горячими и тихими.

Джиджи приблизилась ко мне. Ее прекрасное лицо выглядело еще более ошеломляющим от слез. Она достала из сумочки салфетку и промокнула щеки.

— Он весь твой, — сказала она. — Позаботься о нем.

Я ничего не сказала, глядя в сторону, стараясь не дышать, когда аромат ее дорогих духов ненадолго повис в воздухе после того, как она ушла. Голоса Рокко и Капо все еще звучали приглушенно, но Рокко уже встал. Что бы ни сказал ему Капо или нет, это разозлило его.

— Хочешь, я отвезу тебя домой? — спросил Рокко, собираясь уходить.

— Нет, — сказала я. — Я останусь с ним.

Он кивнул и вышел.

Я медленно пошла туда, где сидел мой муж, одинокая фигура в огромной церкви. Я заменила Рокко, усевшись рядом с ним. Капо даже не взглянул на меня, когда я села. Его глаза были подняты, и на лице ничего не отразилось. Оно было холодным, каменным. Я задумалась, действительно ли это была пустая трата времени, чтобы продолжать пытаться избежать его печали. Сможет ли он когда-нибудь по-настоящему позволить мне или кому угодно достучаться до него?

Некоторое время мы молчали. Затем он потянулся и рукой остановил мою ногу. Я и не заметила, что она нервно двигается вверх-вниз.

— Говори, что хочешь, Марипоса.

— Капо. — Я сделала глубокий вдох, а затем шепотом выдохнула: — Жизнь коротка. Она слишком коротка, чтобы не жить и не хранить любовь после того, как ты ее нашел. Ты должен быть с Джиджи. Ты, очевидно, любишь ее. Я... я не хочу стоять на этом пути. Что бы ни было между вами двумя, вы должны сделать это.

Я поднялась, собираясь уйти, когда он произнес:

— И ты бы оставила меня так легко. — Капо даже не взглянул на меня. Он продолжал смотреть вверх, но тон его голоса остановил меня.

Легко? Так *легко*? Он понятия не имел, как сильно я страдала, слишком страдала. Как много значили для меня его дед и вся его семья. Как много *он* значил для меня. Но знакомство с его семьей, с его бабушкой, придало мне смелости произнести эти слова. *Вы должны пойти на это*.

Как рецепт, иногда требуется больше страха, чем чего-либо еще, чтобы обернуть его в смелость, превратить в самоотверженность. Несмотря на то, что это ранило меня в том месте моего сердца, о существовании которого я никогда не знала до него, и это приводило меня в ярость, думая о них вместе, если Капо нашел любовь, и Джиджи была той, кого он хотел... я отказывалась стоять у них на пути. Какая бы причина ни заставила его искать меня, этого было недостаточно. Сделка была недостаточно хороша. Ничто не было достаточно хорошо, если настоящая любовь нашла тебя.

— Это не так просто, — сказала я. — Все не так просто. Ты же знаешь, как я отношусь к любви. Верность - это основа, но любовь, любовь - это весь дом. Это превосходит все. Одна причина. *Любовь. Amore*. Единственная причина убраться от тебя подальше.

Любовь была и причиной остаться, и причиной уйти.

— Ты идешь по пути настоящей матери, — сказал он.

Капо горевал и, видимо, не использовал все свои слова.

— Настоящей матери? — в замешательстве спрашиваю я.

— Старая история. Получается что-то вроде этого. Две женщины ссорились из-за одного ребенка, обе утверждали, что являются его матерью. Королю становится известно об их вражде, и он зовет обеих женщин в свои покои. Он слушает обе стороны, но понятия не имеет, кто из них настоящая мать. Поэтому он делает то, что король делает лучше всего, и издает указ, основываясь на том, что он знает. Он говорит обеим матерям, что, поскольку он не может по-настоящему принять решение, ребенок принадлежит им обеим. Он возьмет свой меч и разрубит ребенка пополам. Каждая мать получит половину. Одна мать соглашается на это. Другая мать отказывается. Она говорит королю, что другая женщина может забрать ребенка. Она не хочет, чтобы ему было больно. Тогда король отдает бескорыстной женщине ребенка.

— Она любила ребенка настолько, что пожертвовала ради него собственным сердцем, — говорю я.

— Даже заботы о нем ей достаточно. Это не обязательно должна быть любовь.

— Тогда, наверное, ты можешь называть меня настоящей матерью. Хотя, когда Джиджи ушла, она велела мне позаботиться о тебе. А что будет, если мы обе отдадим тебя королю?

— Никто из вас не отдаст меня королю, — сказал Капо.

Это было странно, но я могла бы поклясться, что его следующие слова были бы: — *Потому что я - король.*

— Капо...

— У меня сейчас нет на это терпения, Марипоса.

— Я понимаю. — С моей стороны было глупо даже поднимать эту тему. Да, так и было. Я позволила эмоциям взять верх, но на самом деле я хотела, чтобы он был счастлив. Смерть его деда только доказала, что у нас есть только здесь и сейчас - одна жизнь. — Береги себя, *Капо*, — прошептала я, прежде чем уйти. Если не считать денег, я никогда не просила многого, но в тот момент я требовала ясности в этом, в любви, как требовала его уважения.

— Тебе не нужно разрешение, чтобы называть меня Амадео, — сказал Капо, и я остановилась, повернувшись к нему спиной. — *Нонно* дал мне это имя. Он хотел, чтобы это было мое имя с самого рождения. Вот почему моя семья зовет меня Амадео. Это твое право - называть меня как хочешь. Но я никогда не позволю другому человеку называть меня *Капо* или мужем. Это только твоя привилегия. Ты дала мне это имя, Марипоса, также как и я дал имя тебе. Остальные... — он вздохнул. — Не имеют значения. Имена - это просто имена. Метки, которые только лежат на поверхности.

Должно быть, он почувствовал мое колебание, потому что откашлялся.

— Джиджи - дочь Стеллы. Моя двоюродная сестра, так что ты намекаешь на инцест. Но никогда не поднималось в беседах, кем она приходится мне, и, честно говоря, мне нравилось, что ты ревнуешь, когда думаешь, что она была *кем-то значимым* для меня.

Вместо того чтобы произнести что-то похожее на извинение, я спросила:

— Тебе это нравилось?

— Ты реагировала очень мило.

Мило. Я ненавидела это слово. Щенки милые. Дети такие милые. Даже крошечные овощи милые. Но взрослая женщина не должна быть милой. Она должна быть...

— У тебя голова идет кругом. — Затем он опустил голову, прислонившись лбом к сложенным ладоням.

Я на цыпочках вернулась к скамье и снова села рядом с Капо. Я медленно подняла руку и положила ему на спину. Его мышцы были напряжены, почти одеревенели, но от моего прикосновения он, казалось, немного расслабился.

А что насчет меня? Я старалась не ерзать. Мысль о том, что мне придется познать его настолько глубоко, заставляла меня волноваться. Убеждения и вера были личными. Это были две из

немногих вещей в этой жизни, которые мы действительно должны были сохранить, и кроме любви и наших грехов, что еще можно было взять, когда мы умирали?

Капо пришел в церковь не просто так. *Мне нужно исчезнуть, чтобы меня увидели.*

Внезапно вес вещи в кармане напомнил о себе. «Поиграй со мной», - казалось, шептала она, но прямо мне в ухо. Я вытащила мамины четки, растирая прохладные бусинки между пальцами.

Впервые он посмотрел на меня, на то, что я делаю. Луч света прошел прямо сквозь витраж и ударил ему в глаза. Капо стал мозаикой - стеклом, сдерживающим прилив. Я посмотрела на его горло. Кто-то пытался пробить его защиту. Кто бы это ни был, он разбил его вдребезги, чтобы он снова собрал себя по кусочкам. Твердые, металлические линии, которые держат стекло целым, были так очевидны на его лице, если у кого-то доставало смелости увидеть.

Мне нужно исчезнуть, чтобы меня увидели.

Ti vedo.

Я тебя вижу.

Я вижу прямо сквозь прекрасное голубое разбитое стекло. Я вижу жесткие линии, которые служат связующей нитью. У меня хватает смелости откинуть образ охотника, чтобы заглянуть в глаза человека, глаза, которые делают человека с бьющимся в его груди сердцем цельным.

Я вижу тебя, мой муж. Я вижу тебя, мой Капо. Я вижу тебя, сердце мое. Я вижу тебя, мое все.

Я держала четки в одной руке, а другой дотронулась до его щеки.

— Приятно иметь друга, который... не возражает против тишины, какой бы громкой она ни была. — Мой голос был таким же мягким, как и прикосновение.

— Как хорошо, что ты здесь, Марипоса, — его голос был хриплым. — *La mia piccola farfalla. Моя маленькая бабочка.*

Потом мы больше ничего не сказали друг другу, погруженные в пучину его молчаливого горя, которое почему-то казалось таким громким в моем сердце.

МАРИПОСА

Как только мы вышли из церкви, Капо помчался обратно к дедушке. Он велел мне собираться. Капо сказал, что мы отправляемся в свадебное путешествие. Я чувствовала себя виноватой. Мы покидали семью в то время, когда все должны были держаться вместе, но Капо сказал, что они дали нам свое благословение. Его дед хотел бы, чтобы мы поехали. Однако что-то было не так, и я знала, что это как-то связано с теми двумя, которые были снаружи церкви.

Татуировки на их руках совпадали с татуировками Капо. Было понятно, что он когда-то бегал в их стае. Но я подумала... может быть, шрам у него на горле как-то связан с ними? Я не была уверена, а когда задала несколько наводящих вопросов, Капо сказал мне продолжать собираться. Я восприняла его отказ отвечать мне как *утвердительный ответ*. Может быть, он хотел увести Ахилла и Артуро подальше от семьи?

Нам потребовалось два часа, чтобы попрощаться со всеми. Они заставили меня пообещать, что Амадео скоро вернется. Они чувствовали, что он слишком долго находится вдали от “дома”. Я понятия не имела, как реагировать, когда они продолжали говорить мне, что любят меня и будут скучать.

Больше всего меня удивило то, что несколько слез скатились по моим щекам после того, как мы покинули семью. Я спрятала глаза за темными очками, чтобы скрыть это, но Капо заметил.

Он вытер слезу с моего лица, а затем слизнул ее с пальца.

— То, что мы уезжаем, еще не значит, что ты покидаешь это место навсегда. Ты вернешься.

Я все еще понятия не имела, куда мы направляемся, но после того, как мы сели на самую большую лодку, которую я когда-либо видела, я поняла, что мы отправляемся в морское путешествие. Капо встретил капитана, как только мы поднялись на борт. Он был каким-то образом связан с кланом Фаусти - что естественно.

Капо поправил меня, когда я назвал корабль лодкой. Это была *яхта*. Лодка. Яхта. Плавающий особняк. Все эти названия означали для меня одно и то же. На корабле было множество шикарных кают, множество эффективных рабочих, и все, чего бы мы ни *захотели*, было в нашем распоряжении, стоило только попросить.

Я заснула где-то на Сицилии, а проснулась в Кала-Гононе, городе на Сардинии. Мы провели там целый день. Вода была сапфировой, топазовой и изумрудной, всех оттенков, которые даже было сложно описать словами. При этом можно было видеть самое дно. Море представляло собой водяную дельфинью нору, переносящую пловцов в другой мир. Море было прохладным, моя кожа разгоряченной, губы Капо солеными, когда они касались моих, и я не могла представить себе более совершенного места, даже если бы попыталась.

В ту ночь я заснула на Сардинии, а проснулась в порту где-то в Греции.

Греция!

Я знала, что Капо, скорее всего, рылся в моих вещах, когда я сдавала их в Клубе. Пребывание в Греции подтвердило и утвердило меня в моих догадках *наверняка*. В «Путешествии» я писала о Греции и о том, как сильно хочу туда поехать. Один из клиентов «Хоумрана» был из Греции, и он рассказывал самые удивительные истории о восходах и закатах, ярких домах, ослепительном море, ветряных мельницах, горах, еде и людях.

Первое, что сделал Капо после того, как один из основных рабочих судна высадил нас на сушу, - нашел магазин, где продавали фотоаппараты. Он сказал мне, что это просто неприемлемо, что я складываю пальцы наподобие объектива, кладу их перед своим лицом, а затем издаю *щелчок*, если в кадре находится вид, который я никогда не хочу забывать. Если мне нужен был фотоаппарат, нужно было его купить.

Капо купил мне шикарный, и мне потребовалось два часа, чтобы понять, как сделать снимок, но как только я его сделала, меня уже ничто не могло остановить. Редко я была без своего

фотоаппарата, висящего у меня на шее. И я, должно быть, истратила пять цифровых карт, заполнив их все до отказа.

Рассветы и закаты, белоснежные дома, ослепительные моря, ветряные мельницы, горы, еда и люди. Капо и я. Просто... Капо. Камера любила его лицо и тело.

В наши дни, проведенные вместе, мне довелось узнать разные стороны его характера. Капо был более спокоен, и когда он чувствовал, что я трусила брать от жизни все, он убеждал меня делать вещи, которые я никогда не представляла, что буду делать раньше. Купаться голышом ночью под звездами с ним, ходить в походы по местам, которые были заняты только полевыми цветами и козами, танцевать до тех пор, пока мое лицо не казалось, что оно навсегда застыло в улыбке, сплавляться по горе Олимп, плавать на байдарках по воде, такой чистой, что поверхность напоминала стекло, а глубины-синие и зеленые сокровища, заниматься сексом в уединенных бухтах и есть вещи, которые требовали наличия желудка, способного переварить гвозди, ну, или салат из морских ежей (прямо из моря) и баранину. Я поставила жирную точку на жареном чернильном мешке осьминога и улитках, которые лопались, когда их клали в кастрюлю. Однако я влюбилась в гранаты, и шеф-повар держал их на кухне.

Мы пробывали в Греции уже месяц, когда Капо позвонил Рокко. Капо пришлось заткнуть ухо, чтобы услышать, что говорит Рокко. Мой муж удивил меня, когда мы провели вечер в Афинах. Греческая Национальная опера исполняла *«Кармен»* в Одеоне Герода Аттика.

Одеон Герода Аттика был внешним каменным театром, который находился там с 161 года нашей эры. Он был круглым, почти как чаша с высокими бортами. За ним располагался город Афины, а горы вдалеке отбрасывали неровные тени. Я никогда не была в месте с такой историей. Я не только могла дотронуться до него, но и чувствовала его запах в воздухе.

Капо закончил разговор и прикусил нижнюю губу. В нем тесно переплетались страсть и гнев. Он прикусывал нижнюю губу только когда хотел меня или когда злился.

— Что-то не так?

Капо не смотрел на меня, просто смотрел на актеров, играющих свои роли на сцене.

— Бу-бу-бу.

Я смотрела на своего мужа, пока он не встретился со мной взглядом.

— Мы уезжаем сегодня вечером, Марипоса.

Я боялась этого дня, но знала, что рано или поздно он наступит.

— Почему?

— Одно из моих зданий в Нью-Йорке было взорвано.

Эта линия перечеркивала наше дальнейшее пребывание в Греции.

На следующий день мы вернулись в Нью-Йорк, к реальности.

КАПО

Каждый мой шаг был спланирован. Я ничего не делал случайно. В моем мире непредвиденные обстоятельства могут тебя убить. После моей смерти я научился определять время своего дыхания с точностью до секунды. Слишком свежо было воспоминание о том, как шестьдесят секунд равнялись целой жизни — следующей, возможно, моей последней жизни.

Я был причиной войн. Я вошел туда незамеченным и убил братьев, сыновей, дядей и просто хороших друзей. Все улики указывали на семейство Скарпоне. Я даже связался с ирландцами. И, как я и планировал, начался настоящий ад. Никто никому не доверял, даже центу. Это был цент, который обычно держал их вровень друг с другом.

Я знал, кого убивать в каждой семье. Я знал, как все подстроить так, чтобы все выглядело иначе, чем было на самом деле. Когда-то я был именно таким - Принцем Короля, которого он иногда называл Красавчиком Убийцей. Когда Артуро хотел кого-то убить, кого-то, кто досадил ему лично, он обращался за помощью к Ахиллу или ко мне.

Мы были волками, преследующими овец на заклятие. Артуро никогда не думал ни о ком, кроме семейства Фаусти, как о конкуренте. Он называл их львами, это была другая порода животных. Нам не нужно было беспокоиться о них или уничтожать их, потому что у Фаусти была своя территория. Но когда дело дошло до уничтожения других волков, тех, кто бросил ему вызов, желая стать альфой, нас послали убивать.

Я отпустил дочь другого волка, и в глазах Артуро этот грех был непростительным. Поэтому он послал за мной стаю волков. Они были близки к тому, чтобы разорвать мне горло.

Потом я стал призраком. Я видел это на лице каждого человека, которого убил после своей смерти. Они думали, что я пришел, чтобы забрать их с собой в ад. Особенно приятно было видеть узнавание на лицах тех зверей, которые приложили руку к моей смерти. Трусов, которые держали меня за руки, пока лезвие ножа глубоко проникало в мою плоть. Тех, кто держал женщину против ее воли и нападал на нее передо мной, пока не разорвал ее на части.

Вам стоит знать одну вещь о смерти — у вас нет ничего, кроме времени. Так я и делал. Я выжидал. На какое-то время я потерялся в Италии. Для начала я стал называть себя Амадео. Затем визит к Марцио Фаусти вернул меня к жизни. Он одолжил мне достаточно денег, чтобы вложить их в разоряющийся бизнес. Взамен я убил бы ради его семьи, пока не верну ему все до последнего цента с процентами. Он предложил убить Артуро, но я попросил пощадить его. Я хотел сделать это по-своему.

Я хотел отомстить так, чтобы накормить душу, которая была вырвана из тела и голодала слишком долго.

После того как мои инвестиции окупились — отели, ресторан, клуб, плюс многочисленные инвестиционные объекты, а также инвестиции, которые делал Рокко для меня, — мой план действительно начал обретать форму. Он был похож на мстительного волка с зубами острее, чем у остальных. Я оставлял там и сям маленькие подсказки, достаточные для того, чтобы они уловили намек на новый, но также и знакомый запах.

Витторио?

Нет, этого не может быть.

Ах, ублюдки, но это так.

Маленькие подсказки вели к подсказкам среднего размера, пока ниточка не обрывалась совсем. Мои планы становились все масштабнее. Не настолько, чтобы выдать меня, но достаточно, чтобы усилить запах. Время от времени кто-нибудь из Скарпоне совершал поездку в Италию под предлогом «навещать семью».

Я рассмеялся, и изо рта у меня вырвалось холодное дыхание.

— Семья. — Я произнес это слово как насмешку, как шутку.

После последней поездки отца и сына, когда Артуро и Ахилл чуть не застали меня в церкви, они начали шарить по зданиям в Нью-Йорке. Зданиям, принадлежащим некоему Амадео Маккиавелло. *Если* я все еще был жив, они пытались вытащить меня единственным известным им способом - нанеся удар. Они, похоже, не могли найти доказательства моего существования никаким другим доступным им способом.

Ахилл даже пытался найти меня в Клубе после того, как его сын был убит. Я наблюдал за ним с верхнего этажа. Он сошел с ума от потери силы. Ахилл продолжал хватать черноволосых мужчин и разворачивать их, ища мое лицо в чертах их лиц.

Кстати, тело сына Ахилла так и не нашли. Моя пустая могила была последним местом, где они будут искать.

Это была весьма содержательная история. После того как человек, которого Артуро послал убить меня, решил, что дело сделано, он должен был забрать мое тело и сбросить его в реку Гудзон вместе с остатками плоти, от которых избавились. Однако, они не рассчитывали на ангела, который прибыл в последний момент.

Тито Сала.

Он появился незадолго до того, как я испустил последний вздох, и спас меня. С ним были Рокко и Дарио. Человек, который перерезал мне горло, погиб в автокатастрофе два дня спустя. У его тачки отказали тормоза. Очевидно, он никогда не говорил Артуро, что не бросил меня на корм рыбам, потому что не хотел, чтобы Артуро *убил* его. После того, как все подельники разбежались, и остался только тот, кто «убил» меня, он увидел тени, приближающиеся к нему в переулке рядом с «Дольче». Он сбежал, направляясь прямо к королю волку, чтобы донести ложь... *да, он ушел.*

Его ложь не спасла его. Ничего бы не случилось. Артуро никогда не оставлял свидетелей. Это было слишком рискованно. Поэтому он приказал убить этого человека. Но для меня это сработало, потому что Артуро убил его прежде, чем узнал правду.

Анжелина была уже мертва, наша кровь смешалась в переулке. Это было достойное прощание.

Фаусти оставили следы моей крови в переулке, но они также оставили следы, ведущие к Гудзону. Я не хотел, чтобы меня нашли, и я знал, что именно сюда этот человек приведет меня в следующий раз — когда он перерезал мне горло, он прошептал мне на ухо: — *Ты даже не настолько хорош, чтобы оставить тебя на улице рядом с мусорным баком. Твой старик хочет, чтобы ты пошел на корм рыбам Гудзона, в водяную могилу.*

Он слишком много говорил, когда пытался перерезать мне горло.

Детективы квалифицировали наши дела, мое и Анжелины, убийствами, но после того, как ни одна улика не указала на убийцу, дело закрыли, а ящик с уликами опечатали.

Да, они не слишком-то и старались. Даже если бы они и постарались, они бы никогда не нашли меня. Я был призраком, как некоторые называли меня.

Скарпоне чувствовали давление этого призрака. Когда среднего размера подсказки стали слишком скучными для меня, я начал подкидывать им подсказки побольше, те, которые могли бы привести их немного ближе. Я хотел трахнуть их головы, прежде чем отрубить.

В попытке убедить другие семьи, что это не они, Скарпоне подняли топор войны, убивая своих людей и забирая украденные грузы, они связали это с одним человеком.

Мной.

Человеком, которого они не знали. Человеком, который, ни с того ни с сего, начал топтать их тропы. Конечно, Артуро никогда не упоминал Витторио Лупо Скарпоне в разговоре с другими семьями. Если он это сделает, то Артуро станет неуравновешенным, а последнее, чего он хотел, - это чтобы его назвали сумасшедшим, если только дело не дойдет до насилия.

Видеть призраков? Поверить, что сын, которого ты убил, воскрес из мертвых? Да, это не очень хорошо для бизнеса.

Так что я оказался под ударом. На меня обрушивались удары со всех сторон, но через пару месяцев другие семьи двинулись дальше, убежденные, что виноваты Скарпоне, так как не нашлось ни одного человека, который хотел бы начать войну.

Однако Скарпоне не сдавались. Они были полны решимости выкурить меня, заставить показать свое лицо или развеять мой гребаный прах по ветру. За каждый объект моего имущества, которое они поджигали или взрывали, я делал то же самое с двумя объектами, находящимися в их собственности. А их поставки краденого? Пропадали. Пропадали. Пропадали. Так и не прибыли. Затем, через несколько дней, некоторые из их вещей всплывали со дна Гудзона.

Я никогда не видел, чтобы Ахилл плакал, даже после смерти своего сына, пока не пропали наркотики на миллионы долларов. Я видел его в доках, он разговаривал с наемным мастером, дергал его за волосы, крутился, проклинал небо.

О, нет. О, нет. О, нет. Бла-бла.

Его идеальная жизнь взрывалась изнутри, и он ничего не мог сделать, чтобы остановить это.

Вот что бывает, когда пытаешься поймать человека, которого собственноручно превратил в призрака.

Со времени нашего медового месяца прошли месяцы, и я потерял значительную сумму имущества и денег, но это было ничто по сравнению с полученным мной вознаграждением, которое не имело никакого отношения к *la moneta*⁴⁹. Я испортил репутацию семьи, к которой раньше никто не мог прикоснуться.

Скарпоне во главе с Королем Нью-Йорка и его безумным сыном Джокером.

По улицам ходили слухи, что семьи, которые первоначально решили помочь им выкурить меня, человека, которого никто из них не мог найти, на самом деле ушли, потому что хотели уничтожить семью Скарпоне. Их готовность помочь была военной тактикой. Сначала они согласились, но потом ушли в надежде, что я уберу Скарпоне. Полностью.

Еще немного времени, и весь Нью-Йорк будет мне должен.

Движение заставило меня поднять глаза. Какая-то тень подползла ближе к окну верхнего этажа и выглянула наружу. У Артуро было два волка-гибрида в качестве домашних животных, и они даже не потрудились отвести взгляд от своих угощений. Они лежали у моих ног, слизывая кровь с бифштексов, которые я им принес. Я управлял его домом, даже его собаками.

Да, спускайся, мы можем покончить с этим здесь и сейчас, если хочешь, старина. Артуро был стар, и любое решение он принимал из своего кабинета. Ахилл полностью контролировал свое тело, за исключением мозга и сердца. Он родился без мозга и сердца.

Когда я стоял под окном Артуро, облаченный во все черное, он не мог видеть меня, но зато я мог видеть его. Я даже слышал, как его жена, светловолосая красotka с фальшивыми сиськами, разговаривала с ним. Она тоже вошла в ресторан. И его жена была чертовски хороша. Она была глупее мешка, набитого кирпичами. Неудивительно, что она родила Джокера, когда ей было всего семнадцать.

Никто никогда не сможет заменить мне маму. Она подарила Артуро принца, а он уничтожил ее. Он убил ее невинность. Зарезал ее на корню. Потом мама покончила с собой из-за этого. Он взял то, что должно было быть уникальным, невинным, и превратил это в нечто грязное.

Экран моего телефона загорелся. На экране появилась фотография нас с Марипосой со свадьбы в Италии. Не прошло и секунды, как из динамика донеслась песня, под которую мы с Марипосой танцевали, - та самая, что звучала как песня, которая должна звучать в саундтреке Тима Бертона. Моя жена постоянно меняла фотографию своего профиля на моем телефоне и мелодию звонка. Поэтому я начал делать то же самое с ее контактом.

Но на этот раз она застала меня в неподходящее время. Это была моя собственная вина. Надо было поставить телефон на беззвучный режим.

Артуро стало любопытно, поэтому я отправил ее вызов на голосовую почту и отключил телефон. Я быстро отправил ей сообщение.

Я: На работе. Ты в порядке?

Через секунду пришел ее ответ.

Ваша жена (она запрограммировала это в мой телефон): В порядке, просто одиноко в этом большом доме без тебя.

⁴⁹ (итал.) деньги

Я усмехнулся.

Еще одно сообщение.

Ваша жена: Приятно иметь друга, который сидит дома и смотрит со мной старые фильмы. Я приготовлю попкорн и рутбир.

Во дворе зажегся свет, и собаки вскочили, направляясь к задней двери. Через секунду появился Артуро с пистолетом.

— Кто здесь? — он прищурился. Затем приказал своим людям проверить двор. На старости лет он стал слишком беспечным. Артуро должен был догадаться. Сначала послать людей. Одна пуля - и его жизнь была бы в моей власти.

Хотя это и так чертовски легко.

Я исчез еще до того, как его сторожевые псы успели спрятаться за деревом.

Экран моего телефона снова загорелся, когда я открыл дверь своей машины. Ветровое стекло было покрыто снегом, кожа казалась ледяной. Мое дыхание превратилось в облачко пара, когда я сделал еще один глубокий вдох.

Ваша жена: С другой стороны. Ты можешь остановиться и купить зефирок? У нас они закончились. Поскольку на улице холодно, горячий шоколад будет лучше.

Я: Ты будешь у меня в долгу.

Ваша жена: Таков был мой план.

Затем она послала мне подмигивающую улыбку.

Некоторое время я сидел на холоде, уставившись на телефон. Я нажал на фотографию, которую она сохранила. Мы сидели в увитой виноградом беседке, и я растирал Марипосе ноги. Фотограф поймал нас в откровенный момент. Марипосе он так понравился, что она его распечатала и повесила над нашим камином. Я пальцем прокручивал другие фото. Некоторые из них я снимал в Греции.

В тот момент я был лжецом. В своей жизни я однажды сделал то, что не входило в мои планы.

Она.

Она моя жена.

Она изменила весь ход моей дальнейшей жизни.

В первый раз Марипоса стала для меня сюрпризом, и еще раз, когда вернулась в мою жизнь. Нужно быть дураком, чтобы думать, что судьбы не существует, что некоторые вещи в этой жизни *вне* нашего контроля, как бы мы с ними ни боролись.

Марипоса Маккиавелло была моей во всех отношениях. Она была моей с того момента, как я нашел ее в такую же ночь. Темную. Холодную. Тогда шел снег. А воздух почти наэлектризовался от холода. Беззвездное небо. Тогда ей было всего пять. Всего пять. Ее невинность была ударом по моему сердцу.

Большая сумка ее матери была прижата к маленькой груди Марипосы, когда мы отъезжали от места, где Палермо прятал их.

— *Куда мы идем?* — *спросила она меня по-итальянски.*

— *Ты едешь домой, Марипоса,* — *ответил я на том же языке. Это было почти все, что она сказала. Дома отец говорил в основном по-итальянски, а на улице - по-английски. Ее мать покинула Сицилию и отправилась напрямик в Америку. Она плохо говорила по-английски.*

Ее брови поползли вверх.

— *К тебе домой.*

Я не ответил, и Марипоса продолжала смотреть на меня, ее ноги были такими короткими, что едва доставали до конца сиденья.

— *Ты знаешь, что значит «Марипоса»?* — *спросил я ее.*

Она покачала головой.

— *Non*⁵⁰.

*Non ho capito*⁵¹. *Она ничего не понимала.*

⁵⁰ (итал.) Нет

— Это значит «бабочка», — сказал я. — *Farfalla ma in spagnolo*⁵².

Она задумалась на минуту, прежде чем кивнула.

Если бы Скарпоне нашли Марипосу, игра приняла бы совершенно иной оборот. У меня больше не было бы ничего, что они могли бы украсть или взорвать. Я больше не был бы призраком, а стал бы человеком, которому есть что терять.

Она была единственной вещью в этом мире, которая что-то стоила для меня.

Всего.

Моя жена стоила для меня всего с той холодной декабрьской ночи, когда она попросила меня порисовать с ней в ее книжках-раскрасках, когда дала мне четки, потому что сказала, что я нервничаю. Марипосу выбила у меня почву из-под ног, когда я увидел ее впервые. Смотреть на нее было все равно, что смотреть на свое будущее, и, если она не выживет, вся остальная моя жизнь не будет иметь значения. Это было похоже на то, как если бы я обменял все свое зло на то, чтобы в мире осталась малая толика добра.

— *Да чтоб меня, — выдохнул я. Где я был до того, как стал чертовски мягким? Марипоса суется.*

Ее мама, Мария, знала это об этой ее особенности вместо того, чтобы дать ей что-то детское, вроде мягкого одеяла или мягкой игрушки, она дала Марипосе четки, чтобы та перебирала их, когда ей было тревожно. Когда я увидел, как она делает это в церкви после похорон моего деда, это вернуло меня к тому времени, когда ей было пять лет, и я не мог не задаться вопросом, сколько еще всего Мария привила ей, даже в таком юном возрасте.

Убирайся отсюда, Капо. Думая о своей жене, находясь на территории Скарпоне, ты лишь подпишешь себе смертный приговор.

По крайней мере, пока.

Я включил фары, в лучах которых кружился снег. Я включил передачу и тронулся. Прежде чем ехать напрямик домой, я отправлялся в другое здание. Я бы воспользовался смежными зданиями, чтобы дойти до другого, а затем сесть в другую машину и уехать с другого выхода. Я бы понял, если бы они следили за мной. Я отследил их всех на своих компьютерах.

Но даже компьютеры не внушали достаточного доверия. Вот почему моя жена оказалась в пожарной части. Даже если они взорвут другое здание, она будет в безопасности на другой стороне. Кроме того, весь квартал «принадлежал» Луке Фаусти, отцу Рокко. Никто его не трогал. Если бы они это сделали, то пожалели бы об этом.

Скарпоне даже не проехали бы этот квартал, не говоря уже о том, чтобы прикоснуться пальцем к одному из его владений. Лука Фаусти не любил Артуро. Так было всегда. И после того, как Марцио рассказал ему о том, что случилось со мной, он был слишком нетерпелив, чтобы поставить свое имя на плаху в качестве прикрытия.

И все же. Я сделал еще один шаг, чтобы убедиться, что Марипоса в безопасности. На заброшенную пожарную часть даже не взглянешь.

Хотя мне чертовски не нравилось, что Скарпоне видят ее, приближаются к ней так близко, как это было в Италии. Они знали, что, если меня что-то и выманит, так это похороны деда. Я был в нескольких секундах от того, чтобы быть обнаруженным, когда Рокко - а на самом деле, моя жена, так как она искала меня - остановила их.

В то время мне было все равно. Легче было умереть, чем чувствовать боль от потери человека, который научил меня всему, и как жить. Потом *mia farfalla* привела меня обратно. Жизнь в ней снова заставила меня почувствовать настоящий голод.

Я ударил по тормозам, когда человек, бегущий по улице, решил перейти дорогу. Он бежал прямо перед моей машиной, притормозив, когда миновал капот. Он остановился на секунду, уперев руки в бока и тяжело дыша. Татуировка волка на его руке выделялась, свет моих ламп подчеркивал чернила. Он прищурился, пытаясь разглядеть машину сквозь тонированные стекла. Он не мог.

⁵¹ (итал.) Я ничего не поняла

⁵² (итал.) Это значит «бабочка» на итальянском

— Джокер. — Мой голос был низким, грубым. — Ты пытаешься увидеть того, кого больше не существует.

Я приветственно поднял руку. Он снова прищурился, но не двинулся с места. Я медленно тронулся с места, наблюдая за ним в зеркало заднего вида. Он отошел от тротуара и остановился посреди улицы, пытаясь разобрать номерной знак. *Ради бога*. Он получит какое-нибудь случайное имя и номер.

Он всегда был тупым ублюдком. Не мог видеть дальше того, что было прямо у него под носом.

Да, моя жена была защищена от них, от этой мстительной жизни, которую я выбрал. Присяжные все еще не определились с моей судьбой. Я не знал, кто для меня опаснее - Скарпоне или она.

МАРИПОСА

Капо опаздывал. Я тоже, но это к делу не относится.

С тех пор как мы вернулись из Греции, он все чаще «работал» допоздна. Капо не стал рассказывать о том, что случилось с его зданием, или о том, что еще там происходило, но назовите это интуицией жены — я знала, что он вел битву, которая держалась в секрете.

Я думала, что его дом или здание, разнесенное вдребезги, попало бы в новости, но этого не произошло. Я смотрела новости каждый вечер и... ничего. Предполагаемые «войны» между связанными семьями утихли, сообщили в новостях, и вскоре после того, как это было улажено, все снова было посвящено политике.

Обычно я не возражала, когда он опаздывал, но сегодняшний вечер был важен по двум причинам. *Первая*. Кили дебютировала на Бродвее. Она играла главную роль. Какую-то крутую шотландскую женщину-воина, которая к тому же была отличным лучником. *Вторая*. Мне не хотелось думать о второй причине. Она заставляла меня нервничать, продолжая зацикливаться на этом, поэтому, когда это произошло, это произошло.

— Марипоса, — позвал Капо, входя в спальню. Он нашел меня сидящей в ванной голой и поправляющей макияж.

Капо остановился, перекинув пиджак через руку, и оглядел меня.

— Именно так, как я хочу тебя, — произнес он низким голосом. — Встань.

Капо бросил пиджак на стойку и ослабил галстук, не сводя с меня глаз. Безумие, которое существовало между нами, что-то плотское, казалось, питало его желание так же, как и мое.

Долгое мгновение, казалось, растянулось, прежде чем что-то взорвалось внутри меня, прежде чем его тело создало физический эквивалент между его грудью и моей. Наши тела врезались друг в друга, мои пальцы жадно впивались в кожу Капо, его рот пожирал мой. Моя спина ударилась о душ, и без его наставлений мои ноги обхватили талию моего мужа, убеждая, умоляя, *требуя*, чтобы он унял возникшую боль.

Я поняла, что то, *что* было между нами, было первобытным, но основным, животным. И вот так мы рвали друг друга на части, как животные, которые не отличают добро от зла, у которых нет других мыслей и чувств, кроме этого *здесь* и *сейчас*. Прошло всего несколько часов, но боль пронзила... *прямо сейчас!*

Звуки, которые мы издавали, эхом разносились по огромной ванной, а звуки, которые издавал его рот от удовольствия, отражались во мне, достигая каждой впадинки, прокатываясь от кости к кости, проникая прямо в мою кровь.

Капо поднимал меня все выше и выше, моя спина скользила по дверям душа, его толчки были жесткими и безумными. Капо читал язык моего тела, может быть, то, как я начала дрожать, и какими громкими становились мои стоны - может быть, мольбы становились только хуже. Затем, в другом взрыве, мы кончили вместе, его гортанное рычание поглотило мое более мягкое, когда он пролился в меня с таким удовольствием, что я почувствовала себя самой сильной женщиной в мире.

Какое-то мгновение мы стояли рядом, наши дыхания слились, и когда я, наконец, нашла в себе силы открыть глаза, я улыбнулась Капо. Он наблюдал за мной.

— Добро пожаловать домой, Капо, — сказал я срывающимся голосом.

Он ухмыльнулся и поставил меня на ноги.

— Мое любимое время дня, — сказал Капо.

— Мое тоже, — ошеломленно прошептала я, когда он потащил меня в душ и намочил всю косметику, которую я нанесла, и мои волосы.

Мы собирались *опоздать*.

Я поспешно переделала то, что Капо испортил, нанесла косметику на лицо, и попыталась сделать что-нибудь с моими волосами, не слишком суетясь. Сегодня вечером был повод

нарядиться, поэтому я надела сапфировый шелковый комбинезон и бриллиантовые, сапфировые и золотые браслеты на запястья, чтобы соответствовать.

— Синие, — ухмыльнулся Капо, выходя из гардеробной и протягивая мне пару туфель, которые я попросила его найти. Моему мужу потребовалось десять минут, чтобы одеться.

— Мой фирменный цвет, — сказала я.

Он кивнул.

— *Sempre bella in blu. Всегда прекрасна в синем.*

Несколько мгновений мы молча смотрели друг на друга. Напряженность в его глазах было трудно не заметить, особенно когда образы прошлой ночи, когда Капо принес зефир домой, накрыли меня, проделывая со мной вещи, которые заставляли мою кожу дрожать при одном лишь воспоминании о них. На людях он держался как можно сдержаннее, но за закрытыми дверями... он был ненасытным *животным*. А когда у него появлялось немного свободного времени... отсроченное удовольствие было его целью.

— Это действительно преступление для любого мужчины - выглядеть так хорошо, как ты, — сказала я, не в силах сдержаться.

— Вот почему я женился на самой красивой женщине. — Капо накинул мне на руки парадный френч, помогая надеть его. — Никто не будет смотреть на меня, когда ты рядом.

Иногда я забывала, насколько Капо был затворником. Несмотря на то, что женщины пялились на него, куда бы мы ни шли, он, казалось, ничего не замечал. Чем скорее Капо окажется за закрытыми дверьми, тем скорее откроется мне.

Со дня похорон его деда, после того, что случилось в церкви, между нами что-то изменилось. *Нонно* говорил мне, что все перемены в жизни начинаются с главного. Он объяснил мне, что это такое - *решающий или самый важный момент в споре, его сердце*, - и когда оно менялось, менялся ход вещей.

— Сравни это с тем, как если бы ты решила пойти другим путем, — сказал Капо. — Иногда мы делаем это случайно, иногда мы делаем это по своей воле, но это меняет все за пределами этой точки. Это меняет историю, которая еще не произошла.

Греция только помогла. Капо был более расслаблен, более спокоен, хотя я знала, что он скорбит. Каким-то образом, однако, я знала, что Капо учил меня, как жить (пройдя через смерть), и казалось, что это было в честь чего-то. Хотя и не знала точно, чего именно. Может быть, того факта, что он спас мне жизнь? И чего-то значимого для него, потому что я знала, что цена должна быть, иначе все будет напрасно, если я не проведу здесь большую часть своего времени.

Нонно был философом. И его внук тоже. Я старалась не отставать.

Джованни отвез нас на Бродвей. На шоу был аншлаг, все билеты распроданы. Я помахала семье Кили, когда заняла свое место. Я так нервничала за нее, что моя нога все время постукивала по полу.

Капо сжал мое бедро, останавливая.

— *Dov'è il tuo rosario? Где твои четки?* — спросил он по-итальянски.

Я порылась в своем клатче и вытащила их. Мягкий свет заставил жемчужины мерцать на фоне темноты моих ногтей, когда я потеряла бусину между пальцами. Ему редко приходилось напоминать мне, чтобы я воспользовалась четками, чтобы облегчить свою тревогу, но сегодня мой разум бежал в слишком разных направлениях, разрывая меня на части.

Свет полностью погас, занавес поднялся, и представление началось. Капо взял меня за руку, и мы стали наблюдать.

Сказать, что я была горда, было бы преуменьшением. Если бы Кили не попала в новостной раздел со своим выступлением, все бродвейское сообщество могло бы заполучить ее, - вот как я была обеспокоена. После представления нас пригласили за кулисы. Я протянула ей цветы, которые принесла, и обняла Кили дольше, чем это было необходимо. Она пригласила Капо и меня поужинать с ней и ее семьей, но я отказалась. Это было неловко, и чем меньше времени мы проводили вместе, тем лучше.

Я заметила, что парень, который был на вечеринке в доме Харрисона, тот, который пошел за Кили, был там. Кэш. Не похоже, чтобы Кили хотела быть рядом с ним. Он что-то ей говорил, а она игнорировала его слова. Когда ей приходилось отвечать ему, Кили отвечала отрывисто.

Все это время Капо держал свою руку, ту, что с татуировкой, на моей шее, и мои волосы прикрывали ее. Казалось, он делал это нарочно, но я не была уверена.

Я не могла вздохнуть спокойно, пока мы не вышли из театра. Ночь выдалась холодная, и снег валил как из ведра. На самом деле это было приятно, и мне не хотелось идти прямо домой. Это была первая зима, когда я не боялась, что буду стучать зубами от холода всю ночь.

Чтобы выиграть время, я предложила перекусить. Капо согласился. Мы шли по улицам, его рука все еще лежала на моей шее. Город был украшен праздничными украшениями. Тысячи огней были развешаны, Санта-Клаусы махали колокольчиками на углах улиц, а окна были украшены красивыми вещами, умолявшими, чтобы их купили.

Капо молчал почти весь вечер. Интересно, о чем он думает?

Я взглянула на Капо.

— Ты что-то притих.

— Во время бродвейского шоу многого не скажешь. — Дыхание вырвалось у него изо рта облачком.

Я слегка улыбнулась, и Капо притянул меня ближе. После того, как он это сделал, я почувствовала, как его хватка сжалась на моей шее, как будто Капо увидел кого-то, кого знал в прошлой жизни, кого он хотел избежать. Но когда я снова подняла на него глаза, он смотрел на меня.

Замедляя шаг, я остановилась у витрины. В витрине была кучка фарфоровых зверюшек. В центре сцены вращалось целое колесо обозрения, заполненное счастливыми маленькими животными на своих местах. Еще несколько маленьких фигурок двигались, вращаясь по кругу на земле, как на карнавале.

Слон держал голубой воздушный шар. Два жирафа летели на воздушном шаре. Тигр летел на самолете с шарфом на шее. Бегемот в балетной пачке держал розовую сахарную вату. Колотушка: Черный Волк с запрокинутой головой и синей бабочкой на носу.

Маленькие фигурки выглядели как антиквариат. Может быть, французский. Я могла бы поклясться, что слышала доносящуюся из-за стекла звенящую музыку.

Я отвернулась от витрины и посмотрела на мужчину рядом со мной. Снег падал ему на волосы, на ресницы, а глаза казались еще голубее.

— Я говорю это не только потому, что ты мой муж. Ты действительно самый привлекательный мужчина, которого я когда-либо видела. — Капо выходил за рамки привлекательности, но я не хотела показаться слишком наивной, называя его красивым.

Его глаза метнулись ко мне.

— Ты уже достаточно похвалила меня сегодня. — Его голос был хриплым, как будто холод цеплялся за его шрам и мешал ему говорить.

Я посмотрела вниз, пуговицы на пальто Капо внезапно привлекли мое внимание. Я поиграла с одной из них, потирая ее между пальцами.

— Я беременна, Капо.

Трудно было смотреть ему в глаза. Рассердится ли он? Он сказал, что выбор за мной. Если я хотела ребенка от него. *Отлично*. Если я не хотела иметь от него ребенка. *Хорошо*.

Капо молчал так долго, что я глубоко-глубоко вздохнула и, наконец, подняла глаза. Я не знала, чего ожидать, но чего я не ожидала, так это того, как он внезапно побледнел. Руки Капо задрожали, когда он коснулся моего лица. Взгляд его глаз казался таким... неуверенным. Я никогда не видела у него такого выражения раньше.

Это меня напугало, но я не хотела, чтобы Капо видел, поэтому продолжала говорить.

— Ребенок должен родиться в августе. Доктор сказал, что все хорошо. Я ждала подходящего момента, чтобы рассказать тебе, но я слишком нервничала, так что...

Капо приподнял мой подбородок, заставляя посмотреть на него. Не говоря ни слова, он медленно подошел и поцеловал меня в губы.

Вот оно. Поцелуй.

Может быть, он был ошеломлен? Даже когда мы снова двинулись в путь, он ничего не сказал. *Это меня радует. Это отстой.* Ничего.

Когда мы подошли к дорогому итальянскому ресторану «Дольче», я остановилась. То, что они готовили внутри, пахло очень, очень хорошо. У меня не было утренней тошноты или чего-то еще, поэтому, когда врач подтвердил, что я беременна, в это было трудно поверить. Я беспокоилась, что отсутствие симптомов означает, что что-то не так. Она уверяла меня, что беременность так же уникальна, как и женщины, которые ее переживали.

Хотя у меня были некоторые симптомы. Чувствительная грудь. Более чувствительная Уна. Я нуждалась в сексе чаще, чтобы утолить потребность, что о чем-то говорило, потому что, казалось, это было все, чем мы с Капо занимались. Постоянная усталость, которая, как я думала, была вызвана сексом, была еще одним симптомом. О, и некоторые продукты пахли так вкусно, что от них невозможно было отказаться.

— Что это за место? — я ткнула в сторону ресторана большим пальцем. — Они известны тем, что...

— Телятина *по-пармезански*.

Я пристальнее взгляделась в его лицо. Капо вспотел? И это в снег-то? Его голос был ниже, даже грубее.

— Капо, — прошептала я. Я шагнула ближе к нему, и Капо сделал шаг назад, его глаза повернулись к переулку, который шел вдоль стены ресторана. Он прищурился, словно мог видеть сквозь темноту. Может, и мог.

Что-то было не так, но я понятия не имела, что именно.

— Мы можем пойти куда-нибудь еще, — сказала я. — Нам не обязательно есть здесь.

Из переулка донеслись голоса. Мужчины. Может быть, пьяные. Они были очень громкими. Неприятными. Прежде чем я успела среагировать, Капо прижал меня к стене ресторана, прикрывая своим телом. Он делал мне больно, почти прижимая меня к стене, но я не издала ни звука. Вместо этого я подняла руки и обвила их вокруг его шеи, пытаюсь заслонить его.

— Ох! — Один из мужчин завизжал, как женщина. — Я не могу поверить, что ты сделал это со мной!

— После того, как она пыталась разыграть тебя и его? — Другой мужчина усмехнулся. — Она заслужила все, что получила.

— Бобби, у тебя есть сигареты?

Когда мужчины подошли ближе, Капо прижался еще сильнее, а потом подошел и поцеловал меня, держа руку с татуировкой в волосах. Когда они проходили мимо, я почувствовал в воздухе запах виски, похожий на запах огня.

Все тело Капо дрожало под моими руками. Он *весь* вспотел. И когда мужчины ушли, я действительно заметила его глаза. Зрачки Капо были расширены, все голубое вытеснено черным, и он выглядел... безумным. Не злой, но почти безумный.

Еще четверо мужчин вышли из переулка секундой позже, и мне показалось, что мое сердце застряло в горле. Кирпич впился мне в спину от давления.

Эти ребята были моложе и даже не потрудились взглянуть на нас. Хотя один из них показался мне знакомым. Он напоминал мне Армино Скарпоне. Я попыталась разглядеть, нет ли у кого-нибудь из них татуировки волка, но они двигались слишком быстро, оставляя за собой сильные запахи из ресторана.

Мне до сих пор не было ясно, откуда мой муж знал Скарпоне, или что он сделал для них, и почему спас меня от них, кроме того факта, что он считал меня невиновной в той войне, в которую ввязался мой отец. Это Капо мне уже говорил. Действия моего отца навели Скарпоне на нас с матерью. Мы должны были заплатить за его грехи.

Даже после того, как мужчины ушли, Капо все еще прижимал меня к стене, не двигаясь. Мне стало трудно дышать.

— Капо, — прошептала я, просовывая руки ему под мышки. — Все в порядке. Давай. Давай найдем место, где можно перекусить.

Он не ответил мне. Это выводило меня из себя. Капо никогда раньше так себя не вел.

— Капо, — повторила я. — Мне холодно. Мы можем поесть дома. — Я сжала его пальто, положив голову ему на грудь. Я поцеловала его там, надеясь, что он это почувствует. — У нас есть остатки *лазаньи аль форно*. Давай просто пойдем домой. Позвони Джованни, пусть заедет за нами. Я нажму кнопку на часах.

Наконец, его руки накрыли мои. Капо притянул меня к себе, почти заставив споткнуться, и прежде чем я успела сказать еще хоть слово, он заставил меня идти. Ему больше было по душе, чтобы я шла в ногу с ним. Когда мы миновали переулок, Капо повел меня быстрее. Но не настолько быстро, чтобы мои глаза не заметили его. Здесь, казалось, стало холоднее, и пар поднимался из кухни белыми призрачными фигурами. Я вздрогнула, и мурашки побежали по моим рукам.

Я понятия не имела, почему это все напугало меня, но в ту ночь мне приснился кошмар.

Кровь Капо собиралась на цементе прямо перед кухней в большие темные лужи. В воздухе стоял густой запах железа. Его глаза были слишком голубыми для бледного лица. Его губы были почти бескровными. Четки, которые я ему дала, он сжимал в окровавленных руках. Его теплое дыхание в холодной ночи создавало туман.

Один раз. Другой. Затем он сделал последний вдох.

Его третий вздох. Дьявол приходит трижды.

Мои конечности были слишком тяжелы, чтобы двигаться. Замерзла. Я не смогла спасти его и закричала в агонии — тот же самый звук, который я слышала от одной из *zia*⁵³, когда они закрывали гроб *Нонно*. Кто-то отнял у меня Капо и разорвал мою душу надвое.

Заставив себя открыть глаза, я потянулась к Капо одной рукой, а другой - к четкам на прикроватном столике. Когда я включила лампу возле кровати, мой взгляд упал на пятно на четках, которое было покрыто чем-то похожим на ржавчину. На его старых часах были пятна того же цвета.

Рыдание почти вырвалось из моего горла, когда я поняла, что это не ржавчина, а кровь.

⁵³ (итал.) тетушка

МАРИПОСА

Февраль выдался чертовски холодным. Независимо от того, сколько слоев одежды я надевала, я все еще ощущала холод. Но я часто задавалась вопросом, было ли это связано с погодой или с морозом, который опустился на нас после того, что случилось в декабре, после бродвейского дебюта Кили.

Капо никогда не был столь отстраненным от меня. Он работал больше, чем когда-либо, и ни разу не поднимал вопрос о ребенке. Я знала, что это мое решение. Этот ребенок был моей ответственностью в прямом смысле слова, но я надеялась, что Капо, по крайней мере, проявит хоть какие-то эмоции по поводу рождения сына. Я надеялась, что когда-нибудь он посмотрит на него, думая о чем-то большем, чем о том, как Рокко однажды обозначил его во время одной из встреч... как финансовую ответственность Капо.

Сын. *Он.* Специалист по УЗИ сказала, что, хотя есть вероятность, что она может ошибаться... у нас все еще предстояло расширенное УЗИ обследование, чтобы подтвердить это наверняка, но врач была уверена, что будущий ребенок будет мальчиком. Его крошечные части уже были видны ей. Капо пришел со мной на этот прием, и впервые после того вечера у «Дольче» я увидела, как на его лице промелькнули какие-то эмоции. Но они испарились, как только мы с ним покинули кабинет доктора.

Я пыталась поговорить с Капо об этом, обо всем, но он всегда менял тему. Я не была ближе к *сердцу* и *венам*, которые он обещал мне во время нашей встречи.

Когда? Я часто задавалась этим вопросом. *Когда же он доверится мне настолько, чтобы поделиться своими секретами?*

Что бы ни случилось тем вечером напротив входа в «Дольче», это ожесточило его, и я снова оказалась за бортом. Капо провел четкую линию, не дав мне никаких объяснений, отбросив нас назад. Его требования ко мне также стали жестче. Места, куда я могла беспрепятственно пойти, были ограничены. Фаусти прислали еще больше подкрепления, чтобы следить за нашим домом. И Джованни все время был начеку до такой степени, что я чувствовала себя заключенной.

Я больше не могла этого выносить, поэтому решила позвонить Кили и спросить, не хочет ли она перекусить. Мы договорились пообедать в «Маккиавелло». Джованни считал, что это безопасно, так как это было указано в его списке под названием «Разрешенные места для посещения».

— Я поведу, — сказала я Джованни. Капо подарил мне на Рождество красный «Феррари-Портофино» цвета сладкого спелого яблока. В нем была коробка-автомат, так что у меня не возникало проблем с переключением передач. Капо научил меня водить машину в Италии. Он даже пошутил насчет того, чтобы держать меня подальше от главных дорог, пока я не стану достаточно безопасным водителем, чтобы не столкнуть какую-нибудь бедную трехколесную машину с горного склона. Я еще не ездила на Феррари, а мне очень этого хотелось. Казалось, это было идеальное время.

Мне нужен был какой-то контроль в моей жизни. Мне нужно было... *просто* обойтись без разрешения человека, который напоминал мне итальянскую версию Шрека. Кили вбила мне эту мысль в голову после того, как увидела Джованни. Она хотела знать, почему мне достался гоблин, когда у всех остальных были итальянские боги, призванные охранять их.

Джованни действительно не был похож на Шрека. Я склонила голову набок. Нисколечки.

— Не сегодня, Миссис Маккиавелло. — Джованни выхватил ключи из моей руки так быстро, что я даже не успела отдернуть руку. — Приказ Мистера Мака.

Забудь о внешности. Он больше *походил* на Шрека в начале первого фильма. Только вместо того, чтобы говорить мне: «*Проваливай с моего болота!*» он произнес: «*Отдайте мне ключи!*»

Я позвонила *Маку*.

— Почему я не могу сесть за руль?

Он вздохнул. Нетерпеливо.

— Это небезопасно. Увидимся вечером.

Я посмотрела на свой телефон. Он повесил трубку.

— *Uomo scortese*. — Я показала язык его фото на экране своего телефона. Я сделала ее в Греции, он бросал на воду вызывающий взгляд, соревнуясь с ней по насыщенности голубого пигмента.

Губы Джованни дрогнули. Ему не хотелось открыто смеяться. Я назвала его босса *грубияном*.

Мы обогнали большую часть машин и добрались до ресторана одновременно с Кили. Бруно оторвался от уборки стола. Его взгляд вернулся к грязной тарелке, которую он ставил на поднос, когда Бруно понял, что это была я - маленькая букашка.

Нас отвели в отдельную комнату. Человек, который обычно прислуживал Капо, Сильвестр, вошел, принимая наши заказы. Мы с Кили ели бифштекс. На улице было холодно, и, кроме того, блюдо с крабами было сезонным. Когда Сильвестр вернулся с бокалом Кили, она остановила его, прежде чем он ушел.

— Подождите. Что ты хочешь выпить, Мари?

Я подняла стакан с водой:

— Вот это.

Она сощурилась.

— Ты не возьмешь коктейль? Они такие... — ее глаза расширились.

Сильвестр ушел, не издав ни звука. Так тихо по сравнению с последовавшим за этим визгом Кили.

Она хлопнула ладонью по столу.

— Ты беременна!

Я улыбнулась и рассказала ей все подробности.

— Я собираюсь стать тетей! — Кили подняла свой бокал, поднимая тост за меня, обращая взгляд на каждый стул вдоль стола, делая вид, что на каждом из них сидят люди. — Этот ребенок будет самым хорошеньким. — Она сделала глоток своего напитка. — Почему ты не сказала мне раньше?

Я пожала плечами, заправляя прядь волос за ухо.

— Дело в Харрисоне... я не хотела, чтобы все стало еще более неловко. Я... держалась подальше. Я не хочу потерять тебя. И я не хочу, чтобы он чувствовал себя паршиво.

Кили с минуту смотрела на меня, потом взяла за руку.

— Все было бы по-другому, верно? Я дала ему время. И ты тоже. Но, несмотря ни на что, ты моя сестра до конца.

Я сжала руку Кили, и мы обе улыбнулись.

После сытного обеда беседа наша текла легко и непринужденно, как никогда раньше. На этот раз, однако, обе наши жизни, казалось, двигались в правильном направлении, и было весело говорить обо всех положительных вещах вместо обсуждения советов по выживанию. Мы смеялись намного больше, чем раньше.

Я расспрашивала ее о Бродвее. Она расспрашивала меня о Капо и ребенке.

— Он взволнован?

Я пожала плечами.

— Трудно сказать. Он много работает.

Кили все еще не знала о нашей договоренности, поэтому мне было трудно ей открыться. Я не могла рассказать ей ничего, пока она не знает правды.

— Хм, — она сделала еще глоток. — Ты не совсем честна со мной. — Я достаточно долго молчала. — Я знаю, что он любит тебя, Мари, но ты что-то скрываешь от меня.

Моя вилка с громким *лязгом* ударилась о тарелку, выпав из моих пальцев.

— Он любит меня.

Кили запрокинула голову и рассмеялась.

— Да. Ты дурочка. Он твой муж. Конечно, он любит тебя. По крайней мере, я на это надеюсь. Или зачем ему жениться на тебе? Только ради твоего тела? Да, оно отличное, но в Нью-Йорке для него тел пруд пруди. Должно быть что-то еще. Животное влечение. Настоящая любовь. Я вижу и чувствую и то, и другое.

Я не хотела казаться слишком взволнованной, поэтому старалась говорить ровным тоном.

— Правда?

— Действия, Мари. Не слова. Я могу судить по его действиям. Я видела выражение лица Капо, когда Харрисон признался тебе в вечной любви на кухне. Ревность - подлая сука, и она зажала Капо со всех сторон. Потом в Италии. То, как он смотрел на тебя, когда ты не видела. Когда вы шли к алтарю? Сомневаюсь, что в тот момент существовал кто-то еще. Я могла бы сказать, что ожидание убивало его. Одному из его великолепных друзей... Рокко?... пришлось положить руку ему на плечо, чтобы удержать на месте. — она вздохнула. — Твой первый танец. Как он растирал твои ноги в беседке.

— Ты это видела?

— Ага. Я послала фотографа сделать снимок. Я не хотела, чтобы вы видели. Это было так... трогательно.

— Это один из моих любимых снимков, — произнесла я.

Кили улыбнулась мне.

— Я никогда не видела тебя такой счастливой, Мари. И честно признаться... — она огляделась. — Я знаю, что это не имеет никакого отношения... ко всему этому. Деньги кажутся ответом на все, когда у тебя их нет, но когда ты жаждешь большего, - таких вещей, как страсть и любовь, даже безопасность, - ты обнаруживаешь, чего ты на самом деле жаждала, когда получаешь то, чего никогда не знала, чего хотела или в чем нуждалась.

Кили была права. Я не могла измерить свою жажду любви и страсти, когда она была омрачена элементарной необходимостью выжить. Страх высасывал жизнь из всего.

Страх быть слишком холодной или слишком горячей.

Страх быть атакованной на улице и не иметь никого рядом, способного защитить тебя.

Страх оголодать настолько, что единственным вариантом станет копание в мусорных баках.

Страх умереть прежде, чем по-настоящему ощутишь вкус жизни.

Я сделала глоток воды и выглянула в окно. Мое дыхание перехватило. Ахилл Скарпоне сидел рядом с зеркальной поверхностью стены и смеялся с одним из молодых парней из переулка. У молодого парня на руке тоже была татуировка волка.

Кили повернулась, чтобы посмотреть, на что я смотрю.

— Это как-то жутковато. — Она сморщила нос. — Это не так плохо, как, например, зеркало в ванной комнате или гардеробной, но все же, я бы не хотела, чтобы я ела, и кто-то, кого я не знаю, наблюдал за мной без моего ведома.

— Тебе бы это не понравилось, — произнесла я. — Но ты бы все равно этого не узнала.

— Ты знаешь, что я имею в виду, — она прищурилась. — У Капо такая же тату. Интересно, знают ли они друг друга? Что это значит?

— Не знаю, — прошептала я, словно Ахилл мог меня услышать. — Но он не выглядит дружелюбным.

Через минуту молодой человек положил локоть на стол, и Ахилл тоже. Парень помоложе встал после того, как они пожали друг другу руки, и отошел от оконной рамы. Может быть, он ушел? Ахилл задержался, заказывая официантке еще выпивку.

Я нажала боковую кнопку на часах, экран превратился в сенсорную клавиатуру, и я послала Капо сообщение. *«Здесь один из тех парней из Италии. Сидит прямо позади зеркального окна. Ахилл»*. Я надеялась, что правильно написала его имя. Это было странно. *А-убей-и*.

Секундой позже загорелись мои часы: *«Оставайся в нашей отдельной комнате. Я уже в пути»*.

В дверь постучали, и я подняла голову. Сильвестр.

— Миссис Маккиавелло, мне очень неприятно вас беспокоить, но детектив Стоун просит вас на пару слов.

На мгновение я уставилась на Сильвестра. Как чертовски не вовремя. Детектива Стоуна в эту комнату не пускали. Она использовалась исключительно для Капо и его гостей. Стоуна в списке гостей не было. А если я встречу с ним у входа, Ахилл может увидеть меня и узнать, и тогда, возможно, он будет чаще болтаться поблизости. При мысли о том, что я буду рядом с ним, бифштекс, словно вяленое мясо, застрял у меня в горле.

— Он может прийти позже? Я ужинаю. — Ужин был почти закончен, но он-то этого не знал. — Или попросите его позвонить и договориться о встрече.

— Нет, — Сильвестр покачал головой. — Он говорит, что ему нужно поговорить с вами сейчас. Он подождет, пока вы закончите ужинать.

— Пусть встретится со мной на кухне, — сказала я.

— Мне пора. — Кили резко встала, перекинув сумочку через плечо. Она крепко поцеловала меня в макушку. — Позвони мне завтра. Скоро мы отправимся за покупками для нашего малыша.

— Кили. — Я остановила ее. — Что происходит между тобой и Стоуном? Он поэтому здесь?

— Ничего. Между нами, я имею в виду. Я не знаю, почему он здесь. Если это из-за меня, скажи ему, что ты понятия не имеешь, где я.

— Не собираюсь.

— Тебе же лучше. — Она послала мне воздушный поцелуй и ушла.

Джованни проводил меня на кухню, держа крепче обычного.

— Неужели ты думаешь, что я сбегу с ним? — Я выдернула руку из его хватки.

— Прошу прощения, — сказал он. — С вами хочет поговорить детектив Стоун. Наедине.

— Это еще зачем?

Джованни пожал плечами.

— Маку это не понравится.

— Будем надеяться, что я смогу ответить на его вопросы до прихода Мака. — Я вошла в кухню одна. Работа кипела, и все эти суетящиеся тела и печи заставляли чувствовать себя будто ты уже в аду, где температура на градус выше.

Детектив Стоун стоял в углу, стараясь не мешать, и, заметив меня, подозвал пальцем.

Не успев подойти к нему, я услышала, как Бруно разговаривает с одним из помощников официанта. Он говорил о том, что не может дождаться, когда кто-нибудь уберет «Мака». Он надеялся, что это сделает Стоун.

Я похлопала Бруно по плечу. Он замер. Секунду или две спустя он медленно повернулся ко мне.

— Ты уволен, — сказала я. — Сплетни о делах моего мужа недопустимы. Ты подписал соглашение, когда начал здесь работать. Забирай свои вещички и проваливай.

— Уволен? — повторил он.

Я широко раскрыла глаза, пытаюсь настоять на своем.

— Тебе нужен словарь?

Его лицо приобрело неприятный оттенок красного. Бруно открыл рот, чтобы что-то сказать, но тут же закрыл его, как только Стоун приблизился к нам. Бруно повернулся и вышел, а потом несколько человек из кухонной прислуги негромко зааплодировали.

Стоун взял меня за руку после драмы на кухне и вывел наружу. Я запротестовала, но это было бесполезно. Он сказал, что отказывается говорить в ресторане. *Почему?* Потом я забеспокоилась, как бы Ахилл не выскочил из-за угла и не увидел меня. Он не мог убить меня на глазах у детектива, не так ли?

Наверное, это зависит от того, в кармане ли у него этот Стоун, цинично подумала я.

— Вы могли бы позволить мне накинуть пальто! — Я скрестила руки на груди, пытаюсь отогнать холод. Это было похоже на переход из адской жары в холод за одну секунду. — В чем собственно дело?

— А где Кили?

— Без понятия. — Я пожалала плечами. — Если вам нужна Кили, почему бы вам не пойти и не найти ее. Здесь так холодно!

— Что вам известно о Кэшеле Келли?

— Кроме его имени? Ничего, — я подняла руку в клятвенном жесте. — Честное слово.

С минуту он наблюдал за моим лицом в поисках каких-либо признаков нечестности. Может быть, ищет подсказку? Я засунула руки в карманы, пытаюсь не дрожать.

— Похоже, вы, девочки, храните много секретов друг от друга. Я думал, что вы подруги.

— Вы правы. Мы не подруги. Мы - сестры.

— Ну, в этом больше смысла. Сестры не всегда ладят так же хорошо, как подруги.

— Вы здесь из-за Кили? — Изо рта повалил пар.

— И да, и нет. — Он снова посмотрел на меня, на этот раз уперев руки в бока. На нем было пальто. Перчатки. Шляпа. Может быть, он думал, что если заставит меня стоять на холоде, я сломаюсь раньше. — Вы, девочки, всегда влюбляетесь в плохих парней, которых никогда не сможете изменить?

— По-моему, это чушь полнейшая, детектив Стоун.

— Я немного опоздал с поздравлениями, Миссис Маккиавелло. Я слышал, вы вышли замуж за Мака Маккиавелло, одного из самых богатых людей Нью-Йорка. Это человек, чье лицо редко можно увидеть. Он практически неуловим.

— Не нужно желать мне добра в моем браке. Вы меня почти не знаете. И опять - *чепуха*. Я здесь отмораживаю свою задницу из-за ерунды.

— Что вам известно о семье Скарпоне, Миссис Маккиавелло?

— На данный момент? Один из них сидит в ресторане. Ужинает.

— Его зовут Ахилл Скарпоне. Он младший сын Артуро Скарпоне.

— Я предполагаю, что другой парень, который был там с Ахиллом несколько минут назад, - это Артуро...

— Внук, — ответил за меня Стоун. — У Ахилла Скарпоне четверо сыновей. Что ж. Было. Помните Армино Скарпоне?

— Ага.

— Его считают мертвым. — Стоун позволил этому факту повиснуть в воздухе между нами.

— И что?..

— А то... Что, похоже, с тех пор, как вы связались с Маком Маккиавелло, все, кто угрожал вам тем или иным способом, просто сгинули.

— Например, кто? — солгала я.

Он поднял указательный палец.

— Квилло Замбони. Задушен. — Он поднял средний палец, что вполне подходило для следующего имени. — Мерв Джонсон. Избили до неузнаваемости. — Он поднял безымянный палец. — Армино Скарпоне. По-прежнему не найден.

— Позвольте мне освежить вашу память, детектив Стоун. Я видела Армино раза три. Он знал, что я была дома в тот день, когда он убил Сьерру. Он Скарпоне. Может быть, он и не мертв, если просто пропал - в конце концов, он убил девушку, и все признаки указывают на него. Так какое же отношение он имеет ко мне?

— Забудем об Армино. А как насчет двух других?

— Я не общаюсь с Квилло Замбони.

— Неверный ответ. Он воспитал вас.

— И что именно это должно значить? Я не видела его много лет.

— Куда вы ушли после того, как сбежали из его дома, Мари? Что заставило вас сбежать?

— Мне нужен адвокат, детектив?

Он улыбнулся.

— Это частный визит.

— Тогда давайте продолжим. — Я действительно начала дрожать. И дело было не только в холоде.

— У Артуро Скарпоне сейчас один сын, но у него было двое сыновей.

— Мы уже все обсудили...

— Вы, кажется, знаете, кто такой Ахилл, но знаете ли вы его старшего сына?

Я покачала головой, прижимая руки к груди.

проблемы с ней. Или с ним. Не желаю, чтобы ни одна из этих глупых проблем касалась моей жены. Все ясно?

В воздухе раздался тихий свист. Сначала я подумала, что это ветер. Потом я поняла, что его источником был человек. Я повернулась, чтобы посмотреть, но Капо крепко держал меня на месте.

— Дееее-тект-иив Стоун! Это вы? Мы должны хоть раз поболтать за пределами участка. Черт, я даже куплю вам выпить. Под этим дешевым костюмом вы должны быть человеком, верно? — Его гортанный смех отозвался эхом.

От знакомого голоса стало еще холоднее. Ахилл. Капо крепче прижал меня к себе. Он взглянул на меня, а потом встретился взглядом со Стоуном. Стоун, казалось, не знал, где задерживать взгляд дольше. На Капо или на Ахилле, который подошел к нам поближе.

— Похоже, наши дела здесь закончены. — Стоун кивнул мне и направился в сторону Ахилла.

Капо направил меня обратно на кухню, чуть ли не втолкнув в дверь, чтобы я успела вернуться обратно, прежде чем его брат увидел нас обоих.

По дороге в пожарную часть Капо не сказал мне ни слова. Я думала, что так будет лучше. У нас обоих было слишком много мыслей, чтобы вести нормальный разговор. Если бы он спросил меня, голодна ли я, я бы, наверное, выпалила:

— Ты Скарпоне? Ты что, издеваешься?

Я знала, что он бегал в их стае, может быть, когда-то был одним из их людей, но он был *одним* из них. Сыном короля Нью-Йорка!

Потом были и другие проблемы. Первая... это он убил моих родителей. Вторая... если его отец был Королем Нью-Йорка, его брат-Шутом, а мой муж - Принцем, что этот расклад означал для нашего с ним будущего? Для нашего будущего ребенка? Третья, и, вероятно, не последняя... в глазах всего мира мой муж был мертв, чертов Призрак, одетый в дорогой мужской костюм.

Неудивительно, что КАПО отказался посвятить меня в суть дела и в вены, как он их назвал на той встрече. Сердце, которое он собирался мне предложить, не билось, по венам его не текла кровь, потому что, опять же, оно было мертвым.

Человек, который шел рядом со мной в наш дом, не должен был использовать свои ноги по прямому назначению. Предполагалось, что он давно утонул в водах реки Гудзон с привязанными к этим ногам цементными гириями. Когда мне было пять лет. После того, как он спас мне жизнь. Его чертова кровожадная семья перерезала ему горло, потому что он не убил меня.

Кто на него донес?

Это был его брат?

Этот ублюдок был похож на Джокера. Он совсем не был похож на моего мужа, человека, которого Стоун называл Витторио, Принца-красавчика.

А Артуро? Какой же он был гребанный король. Убить собственного сына? Это дикость. Кто-то должен был оторвать *ему* голову.

Погоди, Мари.

Я остановила поток этих мыслей, пока они не унеслись прочь. Почему я так расстроилась из-за того, что они сделали с ним, когда я должна была быть расстроена из-за того, что он сделал со мной? Самое меньшее, что он мог сделать, это сказать мне, кто он такой с самого начала. Капо рассказал мне, кто я, что он сделал, но пропустил важную часть разговора.

Он убил моих родителей, прежде чем спас меня.

Капо не ждал, когда кто-то из этой порочной семьи позаботится о моих родителях - он сделал это сам, а затем изменил мое имя, мое место жительства, а затем нашел тех, кто позаботится обо мне. Он, по сути, подарил мне новую личность.

Почему он мне ничего не сказал?

Если это как-то связано с тем, что я приняла его предложение... какая разница, женится он на мне или нет? Сьерра или я, еще одно из тех лиц в клубе или я, он просто хотел голодную

женщину, женщину, которая не укусит руку, которая ее кормит. За сумочку от Gucci Сьерра плюнула бы Стоуну в лицо.

Почему он просто не отпустил меня, когда понял, что это я?

Зачем он играет со мной в эти игры?

— Я собираюсь принять душ, — сказала я, оставляя его в нашей комнате. — Мне все еще холодно.

Капо стоял у входа в ванную, прислонившись к косяку.

— Ты слушалась меня, Марипоса.

Я остановилась, повернувшись к нему спиной, но могла видеть его в зеркалах.

— Как же?

— Ты покинула отдельную комнату в ресторане, когда я велел тебе оставаться там.

— Я ничего не сказала Стоуну!

— Ты не... — он прикусил зубами нижнюю губу. — И все же. Не в этом, черт возьми, дело.

Если Капо хотел поругаться, то лаял не на то дерево. Он хотел подзадорить волка - но прямо сейчас наехал на волчицу.

— Какой во *всем* этом смысл? — спросила я сквозь стиснутые зубы.

— Мне нужно, чтобы ты была в безопасности. Ты моя жена. Мать моего сына.

Это меня шокировало. Его тон. Капо смягчился, но его голос все еще был хриплым. Гнев ненадолго разогрел мою кровь, что дало мне время все взвесить, чтобы начать возражать ему. Мне нужны были все факты, прежде чем я начну ему перечить. После разговора со Стоуном я поняла, что имею дело не с обычным человеком. Этот человек прожил половину своей жизни как призрак. Во имя чего? Мести?

— Я буду в кабинете.

Когда я обернулась, Капо уже и след простыл.

Должно быть, я приняла свой самый быстрый душ на секретной пожарной станции. Я старалась вести себя беспечно, сушила волосы и готовилась ко сну. Я надела самую теплую пижаму, которую откопала в шкафу, все еще чувствуя холод, и еще более теплые носки. Я скользнула в постель, прислонила подушки к изголовью, а затем достала ноутбук с бокового столика.

Последняя страница, на которой я была, оказалась сайтом для сохранения идей. Я думала о детской. Но ничто не могло сравниться с теми маленькими французскими статуэтками, которые я видела в витрине той ночью. Я хотела вернуться и забрать их, но не решалась. «Дольче» казался главным пристанищем Скарпоне. Может быть, я попрошу Кили зайти и узнать название магазина. Я могла бы позвонить им, купить статуэтку по телефону и заказать доставку.

Опустившись в конец страницы, я открыла совершенно новый поиск. Я набрал четыре слова: *Семейство Скарпоне из Нью-Йорка*.

На странице появились тысячи результатов.

— Слишком много. — Я вздохнула. Хотя я прочитала первые две статьи. *Беспощадные. Стая волков. Хитрость. Идут по головам в социальной иерархии.* Это были самые известные прилагательные. Я нашла несколько фотографий Артуро и Ахилла. *Шикарные приемы. Политические обеды. Рукопожатия. Все улыбаются.* Там была фотография с Артуро и его нынешней женой Бэмби, матерью Ахилла. Ахилл был идеальной смесью их обоих. Мой муж больше походил на родственников по материнской линии.

И тут что-то щелкнуло. Вот почему его называли Принцем-красавчиком.

В доме, полном дикарей, он выделялся.

Я прокрутила еще несколько страниц, но там были только подозреваемые в преступных делах. То, за что Скарпоне допрашивали, но никогда открыто не обвиняли. На этот раз я сузила круг поисков.

Витторио Лупо Скарпоне

— Не может быть, — пробормотала я, прищурившись от яркого света экрана. О нем упоминалось только в трех статьях. На первой была фотография красивой женщины, улыбающейся, идущей по улице. Я могла бы сказать, что это было где-то в Нью-Йорке. Я могла бы сказать, что

она куда-то идет, пытается уйти от камер, но все еще улыбается, показывая свою лучшую сторону. Если другая сторона была так же совершенна, как та, которую она демонстрировала, у нее не было недостатков.

Два королевства объединяются в одну могущественную семью

«Принц» Нью-Йорка собирался жениться на представительнице одной из лучших политических династий Нью-Йорка.

Витторио Лупо Скарпоне, сын Артуро Скарпоне и покойной Ноэми Скарпоне, и Анджелина Замбони, дочь Анджело и Кармеллы Замбони, поженились в Соборе Святого Патрика, после чего состоится тематический прием «Зимняя сказка в Стране Чудес» в поместье родителей невесты в северной части штата Нью-Йорк.

— Сукин сын, — прошептала я. Был ли Квилло родственником Анджелины? У них была одна и та же фамилия, и когда я посмотрела на нее чуть пристальнее, в ней что-то было. Не сразу, но сходство было - что-то в том, как они улыбались. Но больше их ничто не связывало. У нее было худое лицо. Загорелая кожа. Длинные, темно-русые волосы. Темные глаза. Высокая. Она казалась очень высокой. И ее нос был... совершенством, как и ее губы. Она была итальянской Принцессой для безумно великолепного итальянского Принца.

Я открыла отдельную страницу и напечатала ее имя. Не очень много результатов, но нашлось и про нее тоже. Квилло *оказался* ее братом. Остальные статьи были посвящены ее убийству.

Ее убийство.

Мужчины, и не один, напали на нее в переулке рядом с рестораном «Дольче», от чего у меня мурашки побежали по коже. Предполагалось, что Витторио погиб, сражаясь за Анжелину, прежде чем мужчины изнасиловали ее, а затем пустили пулю ей в голову. В статье говорилось, что она пережила ужасную смерть. Она также была беременна в момент своей кончины.

Мне пришлось на секунду закрыть компьютер и сделать глубокий-глубокий вдох. Потом я снова открыла его, когда почувствовала, что могу нормально дышать.

Кровь Витторио была повсюду, достаточно крови, чтобы они заподозрили, что его жестоко ударили ножом, а затем тело бросили где-то в воду. Но никто не нашел его тело.

— Конечно, нет, — сказала я экрану. — Он сидит в соседней комнате. *Я нашла* его.

Мне было невыносимо читать подробности убийства Анжелины или продолжать смотреть ее фотографии, поэтому я вернулась к другим поисковым запросам о Витторио.

Вторая статья шла о свадьбе, о гостях из списка А, которые должны были присутствовать, о том, сколько будет стоить свадьба года. Эту я тоже закрыла. Я не могла прочитать статью об их свадьбе после того, как представила себе их ужасную смерть.

В третьей и последней статье подробно рассказывалось о смерти Витторио. Впрочем, все это были лишь предположения. Никто толком не знал, что с ним случилось, но я могла сказать, что в статье намекали на его отца и брата, но автор слишком боялся выйти и прямо сказать об этом.

Витторио Лупо Скарпоне стал в некотором смысле городской легендой. В статье утверждалось, что некоторые люди не считают его мертвым. Они думали, что после покушения на убийство он взял спрятанные деньги и жил где-то на частном острове, чтобы избежать злых когтей своей семьи.

Как 2Рас. А еще лучше - Никколо Макиавелли. Суть теории о 2Рас. Даже Элвисе. Все эти журнальные заголовки: *«Он умер или все-таки жив?»*

— Да чтоб меня, — произнесла я.

С минуту я сидела, закусив губу, пока не достала четки. Я немного успокоилась после того, как натерла жемчужины до блеска, но не совсем. Мой уровень тревоги оказался еще выше после того, как я начала искать информацию по запросу Ноэми Раньери Скарпоне. Она была еще красивее Анжелины. Черные волосы. Голубые глаза. Загорелая кожа. Худенькая. Широкая улыбка. В самой первой статье говорилось о ее самоубийстве. Ходили слухи, что она давно страдает психическим расстройством.

Я немного прокрутила страницу вниз, знакомая с историей, но чего я не знала, так это того, что она оставила записку для Витторио.

В статье утверждалось, что никто никогда не видел записки, но ходили слухи, что в ней говорилось: *«Женись ради верности, а не по любви. Любовь убивает душу быстрее, чем острый кинжал в сердце»*.

Хотя мне от этого не стало легче, если Ноэми оставила это позади, это объясняло отвращение моего мужа к любви.

— Что-то ищешь?

Я издала звук, похожий на «а-а-а!», подпрыгнула, и компьютер полетел по воздуху, отскочив от моих коленей по касательной. Мы оба одновременно бросились к компьютеру, но он оказался быстрее. В любом случае это не имело значения; рано или поздно мы должны были поговорить об этом.

Я подумала, что Капо собирается посмотреть на то, что было на экране, но вместо этого он протянул мне компьютер. Потом сел на кровать спиной ко мне. Вместо компьютера я схватила четки, вертя их между пальцами.

Время. Прошло так много времени - десять минут? А мне казалось, что прошла целая жизнь. Наконец, я больше не могла больше выносить напряжения.

— Почему ты не сказал мне, кто ты, Витторио?

— Я разрешил тебе называть меня любимым именем, каким захочешь. Ты даже дала мне другое имя. Капо. Но это имя... это имя под запретом. Оно принадлежит кому-то другому.

— Призраку, — сказала я.

— Призраку.

— Ты убил моих родителей, — прошептала я.

— Другого выхода не было, — вздохнул Капо. — Я не возражал против убийства твоего отца, но не хотел отнимать у тебя твою мать. Она была хорошей женщиной, но вышла замуж не за того мужчину. Она знала, что я должен это сделать. Твоя мать умоляла меня. Если бы я не убил ее, не подарил ей легкой смерти, Ахилла послали бы вместо меня. В некотором смысле он глуп, но когда дело доходит до поиска кого-то, он неумолим. В конце концов, Ахилл бы ее отыскал. Слишком многие знали ее в лицо. Даже в Италии ее нашли бы. У них там тоже есть связи. В то время у твоих родителей было мало денег. Какое-то время они прятались от Артуро. То, что я сделал с ней, было милосердием по сравнению с тем, что сделал бы с ней Ахилл. Единственное, что было бы лучшим вариантом для Ахилла, - это заставить твоего отца смотреть, как он это делает.

— Он так и не нашел меня. — Я сжала четки, надеясь, что они не лопнут от напряжения.

— Есть один человек, который лучше его умеет выслеживать. И прятаться тоже лучше.

— Ты.

— Я был уверен, что они тебя не найдут. И они не нашли. Я даже дошел до того, что переименовал тебя в базе данных новорожденных.

— Как... как они узнали, что ты меня отпустил?

— В ту ночь в доме твоих родителей прятался человек, играющий за обе стороны. Он получал информацию от твоего отца, а затем передавал ее Артуро. Если Артуро казался чем-то обеспокоенным или дающим слабину, крыса говорила об этом твоему отцу. Он не знал, на кого ставить. Ты была непредвиденным обстоятельством, на которое я не рассчитывал. Я должен был проверить это место дважды, но не сделал этого. Я хотел вытащить тебя оттуда. Крыса пришла ко мне на следующий день и рассказал, что он сделал — он рассказал Артуро, что я не убивал тебя, что я спрятал тебя. Потом я убил его, но было уже слишком поздно. Он уже настучал Артуро и Ахиллу.

— Твой отец убил тебя, потому что ты отпустил невинного ребенка?

— И да, и нет. — Капо немного подался вперед, сжимая ладони. — Да. В этом мире вы не оставляете в живых ни одного члена конкурирующей семьи. Например, если бы ты позже узнала, что я сделал с твоими родителями, то, возможно, захотела бы отомстить. Если ты больше не существуешь, это решает проблему. «Да» также включает в себя неподчинение его приказам. Мне было приказано заставить твоего отца смотреть, как я убиваю тебя и твою мать у него на глазах. Артуро хотел, чтобы он страдал за то, что бросил ему вызов, за то, что пытался перерезать ему горло. В твоём отце была та же безжалостность. Он жаждал быть лидером точно так же, как жаждал

крови. Он хотел занять место Артуро в этом мире. Если бы я не убил Палермо, даже зная, что ты и твоя мать в опасности, он бы снова пришел за Артуро.

— А почему еще? — спросила я, когда он замолчал. — Ты сказал «и да, и нет». Ты объяснил мне, что значит «да».

— Это был только вопрос времени, когда я сделаю что-нибудь, чтобы меня казнили. Ахилл хотел заполучить трон для себя. Снова и снова я доказывал, что я такой же безжалостный, как он, даже умнее, и он не мог этого вынести. Что бы я ни делал, он возвращался и лил Артуро в уши о том, как я все испортил. Я был *«слишком хорош, чтобы править»*. Никто не воспринимал меня всерьез. Артуро дал мне право уйти, но я отказался. Я даже сказал ему, что вызову Ахилла на поединок, если это потребуется. Артуро сказал мне, что нет никакой необходимости сражаться с Ахиллом. Я буду править подле короля, а когда он станет слишком стар, королевство станет моим. И вот однажды вечером мы были на вечеринке. Все эти влиятельные политические деятели были там. Артуро пытался заполучить этого парня в свой карман, но так и не смог. Артуро увидел, что мы разговариваем, и подошел. Он сказал Артуро, что хочет, чтобы на него работал кто-то вроде меня. Я был умен. У него был план. *Такой же очаровательный, как и они*. После этого... — Капо замолчал, расправив плечи, словно сшитый на заказ костюм вдруг стал слишком тесен. — Я заметил в нем перемену. Он больше говорил со мной свысока и давал Ахиллу больше работы. И когда Ахилл пожаловался на меня, красавчика-Принца, который получил все, что хотел, Артуро заглотив наживку. Он изголодался по ней. Он беспокоился, что, как только я женюсь на Анжелине Замбони - договорной брак по его просьбе, что я завладею его королевством без передачи его мне по наследству. Анжелина могла бы очаровать бродягу, вытянув из него все до последнего пенни, если бы захотела. Она возлагала большие надежды на свою жизнь, на своего мужа.

Ее мужа. Мужчину, сидящего сейчас рядом со мной. *Моего мужа*.

— Почему они убили ее? — еле слышно спросила я.

— Наказание. Они сделали с ней то, что я был послан сделать с твоей матерью и тобой. Убить тебя на глазах у твоего отца. Но судьба Анжелины была еще хуже. Они не просто убили ее. Они насильовали ее по кругу, пока не разорвали надвое. Я не мог остановить их. Их было слишком много, а я был один. Человек, которого они послали перерезать мне горло, уже начал резать мне горло - мгновениями воспоминания накатывают как в тумане. А временами, я все еще чувствую запах крови.

— Это... — у меня даже слов не было.

— Они, наверное, изнасиловали бы ее и отпустили, если бы хотели наказать только меня. Но она трахалась с Ахиллом и со мной одновременно. Она сказала мне, что была беременна в ту ночь, когда это случилось. Он признался, прямо перед тем, как оставить нас на верную смерть, что она рассказывала ему обо мне. Верность ценится в этом мире, Марипоса. Ценится превыше всего, превыше денег и золота. Ахилл приказал убить женщину, которая была беременна его ребенком, потому что она обманула *меня*. Человека, которого он собирался отправить в могилу, потому что он угрожал забрать у меня все, что хотел.

— Ребенок был не твой, — выдохнула я.

— Нет. Его.

Щёлк. Щёлк. Щёлк. Кусочки пазла стали вставать на свои места.

— Это случилось прямо возле «Дольче». — Я сильно прикусила губу. — И по дороге она сказала тебе, что беременна.

— Сразу после бродвейского шоу, — сказал он.

— Она тебя подставила.

— Замбони вошли в историю как предатели. Никто из них никогда не был по-настоящему предан. Все они стремились возвыситься над остальными, чего бы это им ни стоило. Блестящие вещи. Они любили собирать блестящие вещи. Если бы ты продолжила поиск, то обнаружила бы, что большинство людей окрестили их семьей Иуды.

— Ты контролировал результаты моих поисковых запросов.

— Я все контролирую, — сказал он.

Вот почему нет его фотографий. Он убрал их все.

Мы оба притихли, но что-то внутри меня не позволяло мне молчать.

— Ты любил ее?

На ответ ему потребовалось всего мгновение.

— Кого?

— Анджелину, — сказала я. — Твою невесту.

Он улыбнулся, и у меня по спине побежали мурашки.

— Нет. Это был брак по расчету. *Любовь убивает душу быстрее, чем острый кинжал в сердце.*

Я вытерла глаза, ненавидя себя за то, что слезы были по краям, размывая границы моего мира. Я не знала, как ко всему этому относиться. Я тихонько встала с кровати, боясь, что если сделаю какое-нибудь резкое движение, то что-нибудь потревожу. *Его*. И вся борьба ушла из меня. Мне нужно было время подумать, переварить все это.

Я стояла у двери, а он склонил голову набок, наблюдая за мной.

— Почему ты не был честен со мной раньше? Почему ты с самого начала не сказал мне, что убил моих родителей? Ты не оставил мне выбора! Я понятия не имела... Я подумала, что ты, может быть, был в стае семьи Скарпоне. Я понятия не имела, что ты *один* из них. Сын короля. Его принц.

Через минуту Капо уже прижал меня к себе. Я попыталась отодвинуться, но не смогла. Стена впечаталась в мою спину, и я была вынуждена смотреть в его холодные голубые глаза.

— Я пропустил это мимо ушей, когда ты назвала меня Витторио. Я позволю последнему комментарию ускользнуть на этот раз, так как ты, черт возьми, понятия не имеешь, о чем говоришь. Я не его сын. Я не его принц. Когда ты называешь меня сыном короля. Когда ты называешь меня его принцем. Когда ты зовешь меня Витторио. Когда ты называешь меня чем-то, что имеет отношение к *той* жизни, ты говоришь мне самые отвратительные слова.

Внезапно из ниоткуда вспыхнул тлеющий уголек. Огонь последней борьбы живущей во мне.

— Самые ужасные слова? Нет, я так не думаю. Ты хочешь услышать три отвратительных слова, *муж мой*? Слова, которые отвратительнее и извращеннее, чем все те слова, которые ты позволил мне произнести? Я люблю тебя, и ты ничего не можешь с этим поделать. И что еще хуже, я не хочу! Я не хочу любить тебя, но я люблю! Я люблю тебя. Я люблю тебя. Я люблю тебя! Ты испортил меня этой... любовью! Этот кинжал? Ты вонзил его мне прямо в сердце. Ты заставил меня влюбиться в тебя прежде, чем ты был честен со мной - прежде, чем ты использовал этот кинжал против меня.

Не взяв ничего из своих вещей, я направилась в свободную комнату, которую планировала украсить для ребенка. Мой муж последовал за мной, и на его лице не было никакого выражения, которое я могла бы понять правильно. Но я не хотела видеть его лицо. Я не хотела иметь с ним ничего общего.

Он убил моих родителей.

Он спас меня, а потом спрятал.

И Скарпоне убили его за это. Заставили его стать свидетелем ужасных вещей. Они собирались бросить его в Гудзон после того, как он истечет кровью на цементе прямо перед кучей мусорных контейнеров. Принц, в жилах которого течет кровь Скарпоне. *Кровь, которая принадлежала им.*

Потом я нашла его много лет спустя.

А потом он снова спас меня от судьбы, к которой сам же привел. Его отец, как и мой, оба виноваты.

А потом, посреди всего этого гребаного безумия, каким-то образом я влюбилась. Я настолько влюблена, что больше не в силах отличить страсть от гнева. Мне хотелось дать ему пощечину и поцеловать одновременно.

Влепить Капо пощечину за то, что он мне ничего не сказал.

Одарить его поцелуем за то, что он спас меня. За то, что пострадал за меня. За все, что он пережил из-за меня.

Женись ради верности, а не ради любви. Любовь убивает душу быстрее, чем острый кинжал в сердце.

Он получил кинжалом в горло. Из-за меня.

Меня ударили кинжалом в самое сердце. Из-за него.

Я потрогала живот. Я навсегда буду связана с ним, доказательство его кровной клятвы сейчас в моей утробе.

Мы оба должны были пролить кровь за это.

Я подумала, не будет ли завтра наше соглашение недействительным из-за... любви. Оружия, от которого у него не было защиты.

Но это не имело значения. Ничто не имело значения. После того, как Капо ударил меня об эту метафорическую скалу, я была брошена на произвол судьбы.

Я захлопнула дверь перед его носом, прежде чем скользнуть в постель и спрятаться в темноте.

Прошла неделя. Мы не разговаривали. Мы не прикасались друг к другу. Мы даже не смотрели друг на друга.

По утрам я обычно готовила ему завтрак, прежде чем он уходил на работу. Мы общались в течение дня. Мы планировали ужин. Иногда Капо даже посылал мне грязную шутку. После нашей свадьбы не было ни одной ночи, да и дня, если уж на то пошло, когда бы мы не занимались сексом. Не прошло ни одного дня, когда бы я не видела его. Когда он работал слишком много, я чувствовала это - отсутствие самого важного для меня человека.

Я боролась с тоской по нему и не хотела иметь с ним ничего общего. Когда я чувствовала запах кофе на кухне после пробуждения, или запах его одеколona в нашей ванной, или видела одну из его рубашек в корзине, мне хотелось сжечь все это дотла, но в то же время смаковать каждый запах, каждое прикосновение.

Любовь не делает тебя больным, как утверждают люди. Она бесшумно проникает внутрь, порез за порезом, вызывая раны, которые, возможно, никогда не заживут. Ноэми была права в одном: Любовь - это не болезнь. Любовь - это кинжал.

На седьмой день молчания ко мне явился неожиданный гость.

Дядя Тито.

Он крепко обнял меня, прежде чем похлопать по животу.

— Как наш мальчик?

Я похлопала по тому же месту.

— Доктор сказал, что все очень даже хорошо. Он все еще выглядит как маленький мальчик.

Дядя Тито рассмеялся. Он протянул мне буханку чего-то похожего на пирог.

— Скарлетт хотела, чтобы я принес тебе это. Не могла бы ты поставить кофе, чтобы мы могли насладиться им в полной мере? Малышу понравится черника, я уверен.

Налив ему чашку кофе, я отрезала каждому по кусочку пирога, и мы ели молча. Время от времени он делал глоток кофе. На одном глотке мои глаза встретились с его, и доброта в них чуть не сбила меня со стула. Это случилось в самые неожиданные моменты.

— Я знаю, — ответила я. — Ты человек, который спас... моего мужа. — Мне было трудно называть его иначе, как мужем. Другие имена показались мне неправильными, и когда я вспомнила имя, которое ему дали при рождении, *Витторио*, это заставило меня подумать о мертвом человеке.

Он похлопал меня по руке.

— В другое время. В другом месте. Я только благодарен, что оказался рядом с ним.

Между нами снова воцарилось молчание. Я не знала, что сказать. Я все еще не разбираюсь в своих чувствах. Верность удерживала меня на месте. Любовь убивала меня, потому что давала ему силу вонзать кинжал глубже. Его секреты были ядовитыми стрелами.

Когда я подняла глаза, дядя Тито снова наблюдал за мной.

— Он послал меня сюда.

— Кто?

— Твой муж. Он не уверен.

— Это что-то новенькое для него, верно?

— Верно. — Он кивнул. — По моему скромному мнению, сердцу полезно чувствовать то, чего оно никогда раньше не испытывало. Теперь он чувствует все, а не просто существует ради мести.

— Насчет сердца я не согласна. Иногда, когда сердце чувствует то, чего никогда раньше не испытывало, это причиняет боль. Это очень плохо.

— Хорошо, что сердце обладает удивительной способностью исцеляться со временем, когда дело доходит до таких вещей, да? — Дядя Тито отхлебнул кофе и поставил чашку на стол. — Все, что сделал Амадео, *бабочка*, он сделал ради тебя. Ты ведь понимаешь это, не так ли? Ты показала ему то, чего он давно не видел. Такую невинность... невинность, которую он не видел со времен своей матери.

— Причина... — мое колено подпрыгнуло под столом. — Почему он мне ничего не сказал? Кто он такой? Что он сделал?

Дядя Тито улыбнулся, но доброта в его глазах сменилась грустью.

— Тогда он тоже не был уверен.

— Не уверен в чем?

Он взял наши тарелки и поставил их в раковину.

— Возможно, со временем ты поймешь. Я не вправе говорить об этом. Эти слова стоит разделять мужу и жене. Если хочешь знать, поговори со своим мужем. Просто начни диалог, — он глубоко вздохнул. — Ты говоришь о сердце. Сердце не может биться без крови. Если в нем есть тромбы. — Он пожал плечами. — Оно умрет. Подумайте о браке в таких же терминах.

Добрый доктор пробыл со мной еще около часа, и после того, как мы обменялись обычными семейными сплетнями со стороны родни Ноэми, он крепко поцеловал меня в макушку и ушел.

После его ухода в доме стало слишком тихо. Все, что я делала, это снова и снова мучилась над одними и теми же проблемами, мой мозг начинал замыкаться, мое сердце истекало кровью или, возможно, исцелялось. Дядя Тито дал мне больше поводов для размышлений, что лишь усилило мою потребность выбраться отсюда.

Джованни придется договориться с моим мужем, прежде чем строить какие-то планы. Я знала, что мой муж заставит меня взять Джованни, если я уйду из дома.

Мне нужно было быть подальше от *всего*, что связано с ним.

Может быть, без его влияния я смогу мыслить ясно, и если все не так плохо, как кажется, может быть, мое сердце начнет исцеляться. Или, может быть, избавиться от тромба, как сказал дядя Тито.

Я позвонила Кили и сказала, чтобы она встретилась со мной у нас через тридцать минут. Мы могли бы съесть немного пирога, который Скарлетт прислала с дядей Тито.

Видите ли, после переезда я кое-что выяснила.

Мой муж действительно знал все, но часы были для него способом следить за моими передвижениями. Джованни тоже мог, как только я переходила на другую сторону дома. Я всегда спускалась из спальни, так что он понятия не имел о тайной пожарной части.

Как раз до наступления обозначенного получаса я попросила Джованни поискать пару ботинок в моем шкафу. Я сказала ему, что у меня болят ноги. *Ложь*. Он подозрительно посмотрел на меня, но сделал, как я просила. Я никогда раньше не просила его сделать что-нибудь для меня. Я быстро позвонила в диспетчерскую и попросила проверить камеры в задней части дома. Мне якобы показалось, что на улице дерутся двое.

Оставив часы на кухонном столе, я выскочила через парадную дверь, жестом приказав Кили *не* выходить из машины. Она сразу все поняла и завела машину еще до того, как я села в нее. Как только я забралась в машину, Кили нажала на педаль газа, и мне пришлось захлопнуть дверь на полном ходу, пока мы жгли резину.

— Хорошо, — она посмотрела в зеркало заднего вида, чтобы убедиться, что за нами не следят. — Почему мы бежим из *твоего* дома?

— Мне... нужен перерыв. Сегодня мне не хочется быть в окружении мужчин.

— Ох. Медовый месяц закончился. Да начнутся игры!

— Это не игра, Кили. Это брак, — я махнула рукой. — Мы только что поссорились.

— По поводу того, какие подгузники использовать.

Только если бы наши проблемы были настолько простыми. Я не могла рассказать ей всю правду, так что придется обойтись основными отговорками.

— Что-то в этом роде.

— Ответ на один вопрос. Ненавидим мы его или нет?

— Нет. — Мой ответ пришел быстро. Как я могу ненавидеть его после того, как он пожертвовал своей жизнью ради меня? Но как я могла не рассердиться на него за то, что мой муж сразу не сказал мне всей правды? У меня было достаточно своих проблем, и я повернулся к ней лицом. — Кто такой Кэшел Келли?

Машина вильнула, и я посмотрела в зеркало, гадая, не догнал ли нас кто-нибудь из парней. Казалось, что нет, но они были хитры. Я ожидала, что они будут вести себя как полицейские и остановят нас в любую минуту.

— Кэш, — сказала она себе под нос. — Почти все зовут его Кэш. И Стоун рассказал тебе о нем.

— Не совсем. Он выуживал информацию в тот вечер, когда мы ужинали.

Она кивнула.

— Что ты ему сказала?

— Что я могла ему сказать, Ки? Я понятия не имею, что происходит!

— Кэш Келли - новый босс Харрисона.

Я выждала несколько минут.

— И?..

— Он не такой, каким кажется.

— Похоже, в последнее время это стало тенденцией. Продолжай.

Она повернулась ко мне и прищурилась.

— Подожди. Куда мы идем?

Я рассказала Кили о маленьких фигурках, но попросила разрешения проехать мимо, чтобы узнать название магазина. Она согласилась и сделала крюк, направляясь в нужном направлении.

— Ты влюблена в Кэша, Ки?

Она запрокинула голову и расхохоталась.

— Если бы Нью-Йорк был диким лесом из бетона, я стала бы лучником, а он - моей мишенью.

— Мне не нравится картина, которая представляется мне в моем воображении. Я все время вижу, как Кэш убегает от тебя с мишенью у себя на спине.

Кили усмехнулась.

— Нам не следует больше об этом говорить. Ребенок. Давай поговорим о ребенке. Расскажи мне подробнее об этих статуэтках и о том, что ты ищешь.

Несмотря на то, что я хотела вызвать Кили на откровенный разговор, я рассказала ей о статуэтках и о том, какие они милые. Когда она нашла место для парковки недалеко от магазина, прямо перед «Дольче», я покачала головой.

— Мне нужно только название, Ки! Пойдем. Мы пойдем за покупками в другое место.

— Почему у тебя такое бледное лицо? У тебя над губой пузырится пот, а кожа бледнее, чем шкура у белого медведя. С тобой здесь что-то произошло?

Я прикусила губу, вертя в руках сумочку.

— Ага. Здесь отвратная телячья вырезка под *пармезаном*. Просто ужасная

— Врушка. — Она сжала мою руку. — Оставайся на месте. Держи двери закрытыми. Я только сбегая и посмотрю, там ли они еще. Они, очевидно, много значат для тебя.

Прежде чем я успела остановить Кили, она выскочила из машины и поспешила к магазинчику.

— Дерьмо, дерьмо, дерьмо, — прошипела я. Я была в самом сердце территории Скарпоне. «Дольче». От этого названия меня чуть не стошнило. В этом ресторане и в том, что произошло прямо за его дверями, не было ничего приятного. Интересно, сколько людей было убито в этом

переулке? Если он принадлежал семье Скарпоне, то кто знает. Мои ноги подпрыгивали вверх-вниз. Я вытащила четки, снова перебирая их. На этот раз я продолжала думать: «*Пожалуйста, пусть она поторопится*».

Подняв глаза, я увидел четырех мужчин, выходящих из ресторана. Ахилл. Артуро. Один из его внуков, подумала я, тот, что похож на Армино. И, может быть, парень, которого Ахилл называл Бобби.

Все они выглядели как большие собаки в своих дорогих пальто и костюмах, трое из четырех курили сигареты, и все они имели одинаковое выражение лица а-ля «Мне принадлежит это гребаное место». Волчьи татуировки только усиливали их пугающие формы.

Кили шла по улице в то же время, когда они направлялись к ней.

Ахилл остановился, глядя ей вслед. Трудно было не заметить Кили. Она была ярким пламенем в крошечной тьме. Ее волосы были вьющимися, дикими и огненно-рыжими, и она подняла их по бокам вверх, из-за чего она казалась намного выше, чем была на самом деле. Приклеенный взглядом к ней, может быть, потому, что ему было чертовски холодно, он смотрел, как она направляется к своей машине, где заметил меня, сидящую рядом с ней. Его глаза сузились, и он сделал шаг ближе. Ахилл свистнул, и его сын с Бобби подошли и встали рядом. Он ткнул Бобби локтем под ребра.

— Кили. — Мой голос прозвучал так тихо, что я заставила себя говорить громче. — Вытащи нас отсюда к чертовой матери!

— Ты их знаешь? — прищурившись, она посмотрела в их сторону и завела машину.

— Езжай к ебаной матери! — крикнула я.

— Хорошо! Ладно! — Кили влилась в поток машин, едва не пропустив такси. Пролетая мимо, таксист подрезал нас. Затем он встал перед нами и продолжал нажимать на тормоза. — Это были Скарпоне?

— Откуда тебе это известно?

— Ублюдок! — Она вдавила клаксон до упора. Она объехала таксиста, показав *ему* средний палец, когда проезжала мимо. Потом она сделала то же самое еще раз. Подрезав его, она резко начала вдавливать педаль тормоза. — Я кое-что слышала. Мне было любопытно, поэтому я погуглила о них в интернете. Я не нашла ничего слишком пикантного, но эти татуировки что-то значат, не так ли?

— Это не имеет значения. — Я отмахнулась от татуировок, пытаюсь преуменьшить тот факт, что у моего мужа тоже была такая татуировка. — Они слишком пялились. Это напугало меня.

— Так и должно быть. Они сумасшедшие.

— Да, я поняла.

— Плохие новости. — Она глубоко вздохнула. — Никаких тебе статуэток.

Мое сердце громко стучало, но в этот момент оно ухнуло в пятки.

— Что с ними случилось?

— Кто-то их все скупил. — Кили посмотрела в боковое зеркало и свернула на другую дорогу. — Может быть, ты найдешь другой магазин, где они есть. Они французские, как ты и думала. Антиквариат. Продавец сказал, что они редкие. Дорогие. Он посоветовал мне поискать местечко в Париже. Он записал название. Оно у меня в кармане. Может быть, ты спросишь Скарлетт, знает ли она что-нибудь об этом. Помню, она говорила, что какое-то время жила там.

Мне не следовало рисковать ради статуэток. Надо было попросить ее посмотреть, когда она была одна. Когда меня не было в машине. Меня беспокоило, что кто-то купил их, но еще больше меня беспокоило то, что я сделала.

Возможно, я подвергла своего мужа еще большей опасности. Если Ахилл свяжет мою личность с Италией, с Амадео, может быть, он что-нибудь поймет. Или любопытствует, что я делала на его территории, после того как он увидел меня на ступенях церкви в другой стране в день похорон *Нонно*.

Что еще хуже, статуэтки исчезли. Риск того не стоил.

Мне потребовалось несколько минут, чтобы понять, что мы движемся в знакомом направлении.

— Куда мы направляемся, Ки?

— К Харрисону. Я сказала ему, что заскочу попозже, но тут позвонила ты. Я собиралась отдать ему бейсбольную перчатку, которую он носил, когда был маленьким мальчиком. Когда мы переехали от мамы, она каким-то образом оказалась в моих вещах, и я все время говорила ему, что забываю ее дома, когда он меня просил вернуть ему ее. Я отнесла ее в «Хоумран», не сказав ему, и попросила Каспара вставить ее в рамку с его старой бейсбольной майкой. Я надеялась удивить его. Я никогда не покупала ему подарков на новоселье. И у него появился новый щенок. Я умираю от желания увидеть его.

— Не думаю, что это хорошая идея, Ки. Мне пора домой.

— Да ладно тебе, Мари. Вы все еще можете быть друзьями. Нам не придется долго задерживаться.

Я на минуту задумалась. Если Скарпоне следят за нами, может быть, лучше не возвращаться домой сразу. С тех пор как мы оторвались от них, я смотрела в зеркало, но, может быть, не нужно было этого делать. Может быть, я попрошу Джованни забрать меня от Харрисона. Или, еще лучше, оттуда, куда бы мы с ней не отправились за покупками, покинув его дом. Да, это была лучшая идея. Я бы даже не стала упоминать Харрисона или дом на Стейтен-Айленде.

Я не хотела иметь дело с яростью моего мужа, когда он узнает, что я ускользнула, не сказав ни ему, ни кому-либо из мужчин в доме ни слова. Я обманула их всех, понимая, что мне придется чертовски дорого заплатить за это.

КАПО

Неужели Марипоса действительно думала, что я ее не найду? То, что она не взяла свои часы, не означало, что я не мог выследить ее другим способом.

Мне не потребовалось много времени, чтобы найти их. Мне потребовалось не так уж много времени, чтобы понять, куда она направилась сначала, и *кто* пристально следил за ней. Скарпоне. Она, должно быть, тоже это поняла, потому что вскоре после того, как ее подруга вернулась к машине, они сорвались с места, словно дьявол преследовал их по пятам.

Так оно и было, вот только дьявол оказался иного сорта.

Я последовал за ними на Стейтен-Айленд. Чутье подсказывало мне, что они направятся туда. После того, как ее подруга припарковала машину и они вышли, Малыш Хэрри встретил их в дверях, самая широкая гребаная улыбка расцвела на его лице, когда он заметил, что его сестра была не одна.

Улыбка предназначалась моей жене.

Она улыбнулась в ответ, но не так широко. Когда он подошел ближе, моя жена подняла руку, и он посмотрел на нее с минуту, прежде чем понял ее намерения. Вместо того чтобы обнять Малыша Хэрри, она дала ему пять. Его улыбка немного померкла, но я знал, что это не остановит его надолго.

Потом из двери выскочил щенок, белая немецкая овчарка. Моя жена сидела на крыльце, позволяя собаке атаковать ее своим языком, в то время как она смеялась тем смехом, который скрутил мое сердце странным гребаным образом. Малыш Хэрри отъел приличный кусок от него невидимой ложкой.

Так вот куда она направилась, когда убежала от меня.

Она сказала, что любит меня.

Она очень любит меня.

И затем решила сбежать на изведенную землю и в безопасный дом Малыша Хэрри.

Потребовалось много усилий, чтобы поставить меня в тупик, и Малыш Хэрри был здесь ни при чём. Несмотря на то, что он купил дом без моего ведома, он знал, что когда-нибудь, когда мы будем ссориться, она побежит к нему - в то место, где ей будет комфортно.

Твою же мать. К черту его.

К черту Малыша Хэрри.

К черту любовь.

Где та верность, в которой она мне поклялась?

Моя жена встала, пытаясь удержать собаку, а потом что-то сказала Хэрри. Он сделал жест, мол, «*Не спрашивай*», и через секунду она исчезла за входной дверью. Сестра стояла рядом с ним, положив руку Малышу Хэрри на плечо. Потом она подошла к машине, покопалась там секунду, а затем принесла ему фотографию в рамке - бейсбольную перчатку и футболку.

Малыш Хэрри обнял сестру, но женщина внутри была важнее.

Он что-то сказал сестре. Она что-то ответила. А потом Малыш Хэрри повернулся кругом, запустив руки в волосы.

Интересно, рассказала ли ему сестра о беременности моей жены?

Он не выглядел счастливым. На самом деле он был в ярости.

Я улыбнулся.

Его сестра кивнула и, прежде чем коснуться его руки, коснулась своего живота, а когда он махнул ей рукой, оставила его одного. Должно быть, она подтвердила новость. Марипоса была беременна моим ребенком.

Время было подходящее. С обеих сторон вспыхнули страсти.

С каждым моим шагом часы поворачивались вспять, и мне снова было семнадцать, и я шел за своим противником. Тот, кто продолжал меня допрашивать, но на этот раз это была женщина, и эта женщина была *моей* женой.

Наступил момент предельной ясности между моими ботинками на его лужайке и первым ударом, но это шокирующее слово мелькнуло в моем сознании в этом тонком пространстве. *Ревность*. Это было похоже на кочергу прямо из ада, которая не переставала колотить меня в больное место. Я ревновал, что этот ублюдок завладел вниманием моей жены.

Она отказывалась разговаривать со мной. Она отказывалась смотреть на меня. Она отказывалась меня кормить. Она отказывалась спать со мной. Она отказывалась трахать меня. Но вот она здесь, прогуливается по дорожке воспоминаний с этим неудачником, гладит его чересчур волосатую собаку.

Малыш Хэрри заметил мое приближение, поэтому не удивился, когда мой кулак врезался ему в лицо. Я был здесь не для того, чтобы убить его, а чтобы сразиться с ним. Смерть была самым простым решением. *Вот оно*. Это была борьба за ее честь. Я хотел, чтобы он знал и помнил. Я хотел, чтобы он запомнил, как я ударил его кулаком в челюсть, когда он думал о ней.

Казалось, что этот бой будет длиться очень долго.

Его отдача была равносильна моей. Вскоре соседи начали вытаскивать свои садовые стулья, наблюдая, как мы, будто две рычащие собаки на его лужайке перед домом, деремся за кусок территории.

— Ты украл ее у меня! — прорычал он.

Я нанес ему удар по ребрам, и соседи дружно *охнули*.

— Она всегда была моей, Малыш Хэрри. Ты не сможешь украсть ее, даже если попытаешься. Она у меня в гребаном переднем кармане.

Малыш Хэрри нанес мне удар в зубы, и один из соседей ухнул.

— Я предупреждал ее, — Малыш Хэрри снова замахнулся на меня, но промахнулся. — Когда ты облажаешься, она будет здесь, со мной. И где же она? *В моем доме*.

Я протаранил его, как бык, головой прямо в живот, и мы повалились на землю, крихтя и нанося удары везде, где только могли.

Первый удар брызг я пропустил, пока меня не обдало холодом. Адреналин закрутился в моих венах, и кровь закипела. Брызги только умножились. Малыш Хэрри вскочил первым, подняв руки в знак капитуляции, сплевывая кровь изо рта. Я встал сразу после этого и получил еще один резкий удар в грудь.

Шланг был у его сестры в руках.

— Хватит! — крикнула она. — Вы оба!

— Я... — Хэрри, без сомнения, попытался оправдаться, но сестра снова окатила его брызгами из шланга, попав ему на этот раз в рот.

— Харрисон. — Голос у нее был злой. — Прекрати это. Ты же знаешь, я не успокоюсь, пока ты не перестанешь оправдываться. А теперь тащи свою задницу внутрь, пока не простудился!

— Слабак, — пробормотал я.

Она снова окатила меня из шланга.

— Ты! Я принесу тебе сухую одежду, но только если ты заткнешься!

Я прищурился, глядя на сестру Малыша Хэрри, и она тоже прищурилась. Неудивительно, что Кэш Келли хотел ее. Она ни хрена не играла. Она тоже была метким стрелком, и, судя по тому, что рассказывала мне Марипоса, у нее была неоспоримая цель.

Вместо того чтобы смотреть на нее, я посмотрел на крыльцо, где стояла моя жена, держась за перила. Собака сидела рядом с ней, глядя вверх и высунув язык. Эта собака уже была предана ей.

— Что ты здесь делаешь, *mio marito*?

Не Капо. *Мой муж*. Не то чтобы я возражал, но она отказалась называть меня по моему настоящему имени. Имени, которое она мне дала. Это было единственное имя, которое я называл своим.

Ее подруга взяла шланг и начала сворачивать его, направляясь к стене дома. Давая нам подобие уединения, но, не отходя далеко.

— Я пришел забрать свою жену. Она убежала от меня.

— Нет, — она закусила губу и покачала головой. — Мне нужно было немного пространства.

— Его между нами предостаточно.

— Ты не злишься, что я ушла одна?

— Нет. Не злюсь. — Я прикусил нижнюю губу. — Я в ярости.

Какое-то мгновение Марипоса наблюдала за мной. Луч солнца упал прямо на нее, и что-то в моем сердце снова перевернулось. Свитер показывал выпуклость ее растущего живота. Я с трудом сглотнул, игнорируя тот факт, что мое горло напряглось.

— Это твой долг, — сказала она.

— Я никому ничего не должен.

— Но в этом-то как раз и проблема. Ты тот, кому *все* должны.

Я сделал шаг по направлению к ней. Она не двигалась. Моя жена стояла твердо, пока весь мой мир сотрясался.

— Ты мне ничего не должна, — произнес я.

— Даже преданности?

— Ты можешь дать мне ее, если пожелаешь. — Я сделал еще один шаг к ней. На этот раз Марипоса пошла направо, к ступенькам, и когда я сделал шаг вверх, она посмотрела на меня сверху вниз. — Я отказываюсь принимать то, что мне больше не хотят давать.

— От меня?

— Только от тебя. Я возьму то, что хочу от остального мира, и мне будет на это наплевать. Но что касается тебя, если это хорошо, и ты готова мне это отдать, то отдавая мне это, никогда не забирай назад.

Она кивнула.

— Я пришла сюда не для того, чтобы наблюдать...

— Это не имеет значения. — В тот момент это не имело значения. Быть рядом с ней снова казалось мне жизнью. Ее отсутствие в моей жизни ощущалось как смерть. Истинная смерть. Я знал разницу.

— Разве?

Я остановился прямо под моей бабочкой и упал на колени на ступеньках.

— Я не прогибаюсь. Я ни хрена не ломаюсь. Я не встаю на колени ни перед кем на это бренной земле. — Я не смотрел на нее, поэтому использовал свои пальцы, чтобы прикоснуться. Я обхватил ее бедра руками и прижался лбом к ее животу. — Кроме тебя, Марипоса. Ты та, кто может прогнуть меня. Ты можешь сломать меня. Ты единственная женщина, которая способна поставить меня на колени. Мне нужна твоя милость.

— Ты глубоко ранил меня, — прошептала она, и слеза скатилась по ее щеке, упав мне на руку. Это ранило меня глубже, чем шрам на моей шее. Это разбило мне сердце, о существовании которого я и не подозревал до нее. — Ты должен был сказать мне. Почему ты этого не сделал?

— Поэтому, — мой голос звучал обрывочно. Я крепче прижал ее к себе. — Из-за нас.

Моя жена провела руками по моим волосам, целуя меня в макушку.

— Я люблю тебя, Капо. Я так люблю тебя, что иногда мне трудно дышать. Ты... когда ты во мне, я хочу, чтобы меня унесло далеко. Мне все равно, если я утону в тебе. *Per sempre*. И я люблю тебя не из-за преданности. Я люблю тебя, потому что я... просто... люблю тебя.

Я посмотрел на мою жену, и ее взгляд был таким чертовски искренним. Ей было нелегко произнести эти слова, но она сделала это так сладкоречиво. Может быть, она думала, что снова причиняет мне боль. Или, может быть, она пыталась исцелить то, что больше никому не удавалось.

— Я пришла сюда не для того, чтобы убежать от тебя, Капо. Кили хотела подарить Харрисону подарок, который слишком долго лежал в ее багажнике. Я вошла внутрь, потому что мне нужно было в туалет. Из-за ребенка. — Она коснулась своего живота. — Вот почему.

— Вы видели эту машину раньше? — ее подруга появилась из-за угла дома, глядя на улицу.

Мы с Марипосой посмотрели одновременно. Это была типичная машина, то есть ничего особенного, кроме тонированных стекол. Я встал, держа Марипосу за спиной.

— Нет.

Марипоса оглянулась.

— И я нет.

— А я да, — ответила Кили. — Она проезжала мимо несколько раз.

Стекло машины начало опускаться.

— Ложись! — взревел я. Я толкнул жену на землю, но ее подруга замерла, наблюдая, как пистолет, направленный в сторону дома, собирается изрешетить пулями крыльцо дома.

Я прыгнул на нее и сбил с ног как раз в тот момент, когда в дом ударили первые пули. Со своего места на земле я вытащил пистолет из-за спины, целясь в шины.

Я попал точно в цель, прострелив две шины. Как только машина остановилась, я вскочил на ноги, глядя на двери. Из машины выскочили двое мужчин, и прежде чем я успел их разглядеть, водитель всадил пулю в голову пассажиру. Должно быть, у него были приказы, и согласно этим приказам ему нужно было удостовериться, что никто не заговорит. Включая парня на пассажирском сиденье.

Это было возмездие либо от ирландцев, либо от Скарпоне. Ирландцы находились в состоянии войны. Кэш сражался за улицы Адской кухни после того, как его старик был убит. Или Ахилл каким-то образом выследил мою жену в этом доме. Его сын-вундеркинд, вероятно, нашел что-то, что связало машину ее подруги с этим местом. Я был слишком занят внутренней войной, когда должен был присутствовать в реальности.

Я уже собирался выяснить, кому принадлежит этот человек, но не успел, как из дома донесся еще один шум, и когда я обернулся, то увидел Малыша Хэрри с пистолетом в руке, направленным в грудь водителя. Водитель уже собирался улизнуть на своих двоих, но почему-то снова повернул к дому.

Малыш Хэрри, должно быть, вышел на улицу во время нападения, он прикрывал своим телом мою жену, оказавшись поверх нее. Не буду врать. У него была хорошая цель, но этот ублюдок совершил серьезную ошибку. Он убил этого придурка прежде, чем я успел поджарить его.

Собака заскулила изнутри, желая, чтобы ее выпустили. После того, как Малыш Хэрри сел, моя жена на секунду наклонилась слева направо, моргая.

— Марипоса, — я опустил на одно колено рядом с ней и коснулся ее лица. Когда она сосредоточилась на мне, я провел руками по всему ее телу. — Ты в порядке?

Она кивнула, но указала на мою руку.

— В тебя стреляли!

— Со мной все в порядке. Иди в дом.

Хэрри помог сестре подняться с земли, а когда она поднялась по ступенькам, то сказала, что ответит Марипосу в дом.

Малыш Хэрри последовал за мной, когда я подошел к машине. Если это подарок Скарпоне, то в зеркале может быть камера. Скарпоне иногда требовали доказательств того, что сделанный ими заказ был выполнен. Они ввели такую практику после моей смерти. Они не хотели, чтобы вокруг бродило больше одного призрака. Хотя я сомневался, что в этой машине есть камера. Это была не одна из их машин — они любили машины с глубокими багажникам... но, с другой стороны, возможно, они пытались сделать это по-другому.

Младший сын Ахилла, вундеркинд, был тем, кто следил за камерами. У него был брат-близнец, который был на десять минут старше его. Вундеркинд знал, как заставить улики исчезнуть после того, как они получали то, чего хотели.

В любом случае, они не смогут хорошо рассмотреть мое лицо. Не сегодня.

Я достал телефон и написал сообщение Малышу Хэрри, чтобы он мог со мной связаться.

— Дай мне знать, как все обернется.

— Откуда у тебя мой номер?

Я отмахнулся.

— Позвони Келли и введи его в курс дела. Он должен знать об этом. Никто не знает, с кем он якшался и кого разозлил. Это может быть возмездие за ту форму жизни, которую он считает важной для себя.

— А как ты узнал об этом?..

— За работу, Малыш Хэрри. Болтать на улице небезопасно.
Вой сирен нарастал, приближался. Мне нужно было забрать жену и уехать.
— Мак? — позвал Малыш Хэрри.
Я даже не обернулся.
— Ты спас мою сестру.
— Не забудь сказать Келли, что за ним должок.

МАРИПОСА

— Капо, — сказала я, сжимая его руку. — Поговори со мной.

Он вытолкнул меня из дома Харрисона, дал ключи от минивена, который казался быстрее спортивной машины, и велел вести машину.

Он сказал мне направление, но это было место, где я никогда раньше не была. Капо позвонил дяде Тито и велел ему встретиться с нами в условленном месте.

После того, как мой муж повесил трубку, я продолжала говорить с ним, потому что количество крови, которую он терял, пугало меня. Капо сказал мне, что хорошо, что Кили облила его холодной водой, а на улице было холодно. Холод действовал как жгут, замедляя кровотечение. Я хотела включить обогреватель в машине, но он не позволил.

— Ты боишься, что я умираю, — сказал он.

— *Что?* А ты умираешь? — Все мое тело содрогнулось от страха. Я знала, что люблю этого осла, но понятия не имела, насколько сильно, пока не увидела, как он принял пулю вместо моей подруги. Женщины, которую я считала своей сестрой. Если я потеряю его, то потеряю все.

— В сотый раз повторяю. Нет. Ничего страшного. — Он ухмыльнулся. — Ты такая милая, когда волнуешься.

Я шлепнула его по руке, и зашипела.

— Не играй со мной, Капо. Я не в том настроении. И не называй меня *милой!* Я не капуста.

— Маленькая капуста, — медленно повторил он. — Как брюссельская капуста.

Капо пару раз сказал мне, куда повернуть, а потом замолчал. Он смотрел в окно с отсутствующим взглядом. Время от времени его охватывала сильная дрожь. Когда молчание затянулось, я прочистила горло.

— Я кое-что вспомнила, Капо. Когда мы были в доме на Стейтен-Айленде. Я вспомнила тебя. Но воспоминания приходили в обратном порядке. Я вспомнила, как выбежала за дверь, крича, чтобы ты вернулся после того, как оставил меня с Джослин и Папашей. Я не хотела, чтобы ты меня бросал. Ты встал на колени на ступеньке, чтобы я могла посмотреть тебе в глаза. Точно так же, как ты делал это до того, как те парни стреляли в нас. Я стояла на самом верху. Ты стоял на коленях на ступеньке ниже. Ты сказал мне, что я в безопасности. Что ты позаботился об этом. Что ты всегда будешь присматривать за мной. Потом я дала тебе четки. Надела их тебе на шею.

Я чувствовала на себе взгляд Капо. Я полностью завладела его вниманием.

— Твоя мать дала их тебе, чтобы ты перестала нервничать, — сказал он. — Ты спала с ними по ночам. Ты была нервным ребенком. Я был тронут тем, что ты дала мне единственную вещь, которая заставляла тебя чувствовать себя в безопасности.

Я кивнула, вцепившись в руль.

— Потом я вспомнила, что находилась в доме. Пряталась в шкафу. Ты заставил меня спрятаться там?

— Ага.

— Ты дал мне мои краски и книжку-раскраску. Я же говорила, что мой любимый цвет - синий. Ты велел мне нарисовать бабочку. Что я и сделала. Потом я услышала какие-то звуки, которые испугали меня. Через несколько минут ты вернулся за мной.

— Потом я привел тебя к Джослин.

— А потом ты бросил меня, — выдохнула я. — Не оставляй меня снова, Капо. Жизнь не стоит того, чтобы жить без тебя.

Это было не то, что можно купить за деньги. Это был мой муж. Любовь, которую я чувствовала от него.

Я почувствовала это, хотя и не знала тогда, что это такое. Ни один человек не жертвует собой так, как он, ради одной лишь невинности. Говорят, для этого нужно мужество, но я не

согласилась бы. Для этого нужна любовь. Может быть, то, что он почувствовал сначала, было невинной любовью - мне было всего пять лет, - но когда я стала женщиной, та же самая любовь переросла и превратилась в нечто совсем иное.

Капо повернулся ко мне, его рука скользнула по моему животу. Я чувствовала тепло от его прикосновения, хотя он был холодный. В первый раз ребенок зашевелился. Это был не сильный удар. Больше похоже на крылья, щекочущие меня изнутри. Это было самое странное, что я когда-либо чувствовала, но самое чудесное ощущение.

Я улыбнулась.

— Он толкнулся. Прямо сейчас.

Капо прижал руку к моему животу, пытаясь тоже его почувствовать. Я сказала моему мужу, что потребуется некоторое время, чтобы почувствовать это, движение было еле уловимым, как трепет крыльев. Потом я взглянула на него, и то, что я увидела в глазах Капо, заставило меня потерять самообладание. Он казался... взволнованным.

— Черт! — Я дернула руль в противоположном направлении, чуть не попав в отбойник с другой стороны. Мурашки побежали по рукам, и вовсе не от близости аварии. В коробке на заднем сиденье заиграла музыка. — Что это?

— Следи за дорогой. — Его голос снова стал твердым, как у *Капо*. Он повернулся и на секунду порылся на заднем сидении. Затем поднял руку, чтобы я могла видеть, что у него в руках. Это был черный волк с бабочкой на носу. — Для его комнаты.

— Ты их купил?

— Они на заднем сиденье, Марипоса. — Он указал на очевидное доказательство своих слов. — У владельца магазина пропало несколько штук из коллекции, поэтому я позвонил в магазин в Париже и тоже купил их. Чтобы у тебя был выбор. Мы можем либо забрать их, либо они отправят их нам.

Взрыв смеха, смешанный с не менее взрывным рыданием, вырвался из моего рта. Слезы застилали мне глаза. Потом я немного пришла в себя, все поняв.

— Ты ходил туда. К «Дольче». После всего, что случилось. Если бы они тебя увидели...

— Но они меня не видели. Я знаю их, Марипоса. Я знаю их привычки куда лучше, чем они сами. Я мог бы перерезать им глотки сто раз с тех пор, как они убили меня.

— А почему ты этого не сделал?

— Я призрак, который не оставит их в покое. Как только я убью их, все будет кончено. — На секунду он замолчал. — Я был в магазине, когда Кили припарковалась напротив «Дольче». Ахилл видел тебя.

— Так вот почему он обстрелял дом?

— Вполне возможно. Или это может быть кто-то другой.

— Кто-то еще?

— Кэш Келли ясно дал понять, что твоя подруга принадлежит ему. У него сейчас много врагов. Он сражается за территорию. Ходят слухи, что для него это очень важно. — Он пожал плечами. — Они уничтожат ее, чтобы доказать свою правоту.

— И если Кэш думает, что Скарпоне пытались убить его - кем бы Кили для него ни была, - он отомстит.

— Он еще не настолько силен, но уже поднимается. Келли только доставит им еще больше неприятностей.

— Он будет занозой в заднице.

— Ты говоришь так красноречиво. — Он ухмыльнулся.

Затем и я ухмыльнулась.

— Это правда, верно?

— Да, верно. Они не хотят больше неприятностей прямо сейчас. Я спровоцировал немало ссор между семьями. Но сделал вид, что виноват другой. Я призрак, Марипоса. Они считают, что я мертв. Артуро и его сын не могли сказать другим семьям, что они подозревают, что это Витторио имеет их всех. Даже если бы это *было* правдой, зачем мне нападать на собственную семью? Ведь они все точно узнают, что меня убил Артуро. Они все только начали вести себя хорошо, с тех пор

как Артуро убедил их, что войны затеял на их территории чужак. Скарпоне не могут позволить себе более длительных сражений. Я воровал их товар.

— Ты подставлял их.

— Почти.

Да, он был Беспринципным до мозга костей.

— Вот здесь, — он указал на здание. Капо нажал кнопку на часах, и гараж открылся. — Нет времени осматриваться. Держись поближе ко мне. Мы войдем и выйдем.

— Что значит... выйдем? Дядя Тито должен встретить нас здесь.

Мы уже спешили попасть внутрь здания. Капо схватил коробку с детскими фигурками и буквально заставил меня бежать. Здание было простым, но огромным. В нем была тонна разного дерьма. Наверное, все, что он украл у Скарпоне.

— В другом месте.

— Твоя рука!

— Все будет хорошо.

Он не был в порядке. Он истекал кровью. Рубашка была приклеена к нему.

Мы миновали, по меньшей мере, три здания прежде, чем оказались у другого гаража. Он нажал кнопку на массивном внедорожнике и велел мне снова вести машину. На этот раз я действительно сделала все возможное, чтобы дотащить наши задницы до того места, где мы должны были оказаться.

Еще один склад.

Дядя Тито, Рокко и брат Рокко, Дарио, были там, когда мы приехали. Прежде чем дядя Тито приступил к работе, Капо надел мне на запястье часы.

— Если ты снова снимешь их, — он прищурился, — тебя накажут.

— Я...

Он покачал головой, как бы говоря: «*Не оправдывайся*», и отошел, чтобы сесть на стол. В комнате их было два, по одному с каждой стороны. Вся комната была обставлена как врачебный кабинет или напоминала небольшое отделение неотложной скорой помощи. Дядя Тито заставил Капо снять рубашку, и когда он это сделал, из дыры на его груди потекли ручейки крови. Запах крови был сильным, но к нему примешивался запах антисептиков. Дядя Тито осмотрел рану и велел Дарио надеть на руку Капо манжету для измерения давления.

— Марипоса, — произнес Капо.

Мне пришлось несколько раз моргнуть, чтобы сосредоточиться на нем.

— *Sto bene*. Я в порядке, — сказал он.

Я кивнула, но чувствовала себя не очень хорошо. Когда дядя Тито достал из сумки скальпель, вся комната погрузилась в темноту. Когда я снова очнулась, то лежала на соседнем столе, и Капо ухмылялся мне.

— Приятно вздремнула?

Я попыталась сесть, но дядя Тито остановил меня.

— Отдыхай, *племянница*. — Затем он скользнул через комнату к другой кровати, на стуле с колесиками. Он проверил повязку на руке Капо.

— Что произошло? — спросила я, протирая глаза. — Ты в порядке?

— Ты потеряла сознание, — сказал Капо. — Сразу же, как только увидела скальпель. И у меня все хорошо. — Он погладил дядю Тито по голове. — Ангел жизни снова остановил смерть.

— Ах! — Дядя Тито потрепал его по щеке. — Чепуха! Не позволяй мужу играть на твоих симпатиях. Эта рана - ничто! Пуля оказалась на поверхности.

Я посмотрела на сверкающую серебром чашу, стоявшую на таком же зеркально-серебряном столе. В ней была окровавленная пуля. Я не осознавала, что снова потеряла сознание, пока не очнулась в пожарной части. Рокко нес меня. Я посмотрела направо. Капо уставился на нас, и в его глазах снова появился холод. Однако он был направлен не на меня, а на Рокко.

— Я могу идти, — прохрипела я.

— Чепуха, — сказал дядя Тито.

Капо бросил на него неодобрительный взгляд.

— Твой муж расстроен, что я не позволяю ему нести тебя. Рана у него неплохая, но он не должен пока носить тяжести, какой бы легкой не была ноша, — он указал пальцем на Капо. — Слушайся *меня*, или я свяжу тебе руки!

Я тихонько рассмеялась, но тут же прекратила, когда Капо бросил на меня неодобрительный взгляд. Потом я снова рассмеялась, вспомнив, как Джованни наблюдал, как мы все исчезли в главной спальне и некоторое время не выходили.

Капо велел мне устраиваться в постели, как только мы окажемся на секретной стороне. Он собирался проводить дядю Тито и Рокко. Прежде чем они ушли, я поцеловала их обоих и поблагодарила. Дядя Тито отмахнулся и дал мне указания, какие лекарства должен принимать Капо и что он может и чего не может делать.

Через несколько минут муж вернулся в спальню. Я не могла пошевелиться. Все произошедшее, казалось, настигло меня.

— Душ, — сказал Капо, указывая на ванную.

Я отрицательно покачала головой.

— Прими душ за меня. Ты не должен мочить руку. Приказ врача.

— У тебя есть два варианта. Прими душ вместе со мной. Или примешь душ со мной после того, как я перекину тебя через плечо.

Капо ухмыльнулся мне, когда я обернула его руку полиэтиленовой пленкой для пищевых продуктов до того, как мы с ним оказались под душем. Я взялась за ручку душа и направила его в сторону от него. Но когда я смыла все кровавые пятна, его плечи расслабились, и я могла сказать, что он был спокоен. И как бы я ни протестовала, Капо не позволил мне мыться самой.

После душа, пока мы вытирались, он уставился на меня.

— Что? — прошептала я.

— Твой живот, — он кивнул на него. — Он начинает расти.

Я отвернулась в сторону и улыбнулась.

— Так и есть. Интересно, он будет таким же большим, как ты? Надеюсь, у него будут твои глаза.

Прошло мгновение, и никто из нас не произнес ни слова. Капо взял меня за руку, и повел в сторону спальни. Я забралась в постель и похлопала по соседнему месту. Я сощурилась, когда он начал подкрадываться ко мне.

— Капо, — сказала я. — На этот раз я не сдамся. Доктор сказал...

— Мне *плевать*, что говорит доктор. Это то, что мне нужно. Ты. Подо мной. Выкрикивающая мое имя. Это мое единственное лекарство. Мое единственное лекарство в этом больном мире.

Я прикусила губу, не зная, что делать. Когда Капо подошел достаточно близко, он губами очень нежно вытащил мою закушенную губу из хватки моих зубов, и нежно пососал ее.

— *Ах*, — я тихо выдохнула. Потом мои руки запорхали по его плечам, вниз по рукам, по бокам.

Он с шипением выдохнул и потянул меня вниз одной рукой, подминая под себя. Капо целовал меня, нежно, медленно, пока я не почувствовала, что он забрал мою душу, и я была потеряна для всех, кроме него, а затем его язык проник еще глубже, еще сильнее. Но его прикосновения были... легкими.

— Что ты со мной делаешь? — прошептала я, когда его язык скользнул вниз по моему горлу, до самой груди.

— То, что я должен был сделать раньше. Что-то совсем иное.

После этого Капо ничего не сказал, но когда вошел в меня, это было не жестко и не грубо. Он не торопился, двигаясь в медленном, чувственном ритме. Мой муж требовал, чтобы я продолжала смотреть, а он удерживал мой взгляд, прикусывая свою нижнюю губу.

— Марипоса, — его глаза закрылись, и он издал сдавленный горловой звук.

Звук моего имени на его губах заставил меня раствориться в нем, и оргазм пронзил мое тело, хотя то, что Капо сделал со мной, было далеко не жестким. Он вонзился в меня после, безжалостно следуя за своим освобождением, и я снова кончила с ним.

Капо не двинулся с места, хотя и дрожал. Я боялась взглянуть на повязку, чтобы увидеть, не сделал ли он что-нибудь с рукой, и не хлещет ли кровь. От одной мысли об этом меня затошнило. Кровь обычно не беспокоила меня, но если речь не шла о его крови. Сон все время возвращался ко мне, такой свежий в моей памяти.

Я обняла Капо, уткнувшись лицом ему в грудь. Я поцеловала его в лоб четыре раза. Капо попытался встать, но я не отпустила его.

Мне так много нужно было сказать:

Любовь - не Кинжал, как ты думаешь. Он используется как оружие только тогда, когда тот, кого ты любишь, обращает его против тебя. Любовь - это щит от всего остального мира. Только мы вдвоем можем позволить чужакам проникнуть за наше укрытие. Любовь проистекает из стольких разных вещей. Дружеское общение. Дружба. Верность, а верность может породить любовь. Или любовь может породить преданность.

Я молчала, потому что не хотела, чтобы Капо подумал, будто я пытаюсь убедить его или склонить его в свою веру. Я не хотела указывать на очевидное. *Ты тоже меня любишь.*

Казалось, он уловил мои мысли.

— В моем мире любовь только убьет тебя, Марипоса. — Звук его голоса, низкого и прерывистого, заставил меня придвинуться ближе к нему. — Вот почему мама написала эти слова. Она знала, с чем мне придется столкнуться. Она часто говорила мне, что я слишком хорошенький. Настолько, что они собираются сожрать меня живьем. Но она не видела этого во мне. Она не видела, что красивое лицо не исключает жестокости в крови. Я такой же дикарь, как и они. Я держал себя в руках. Я доказал свою ценность.

— Ты все еще ценен. — Я нежно поцеловала его в шею. От Капо пахло пляжем, нашим временем на Сицилии и в Греции. — Тебе больше нечего доказывать. Ни черта, Капо.

Капо наклонился и поцеловал меня в макушку. Затем он выскользнул из меня, оставив меня опустошенной, стремящейся к нему. Капо оперся на здоровую руку, повернувшись ко мне лицом, и взял мои руки в свои, баюкая их.

— Мое сердце в твоих руках, Марипоса. Вены у тебя уже есть.

— Сердце... о. Вены - это те три плохие вещи. А теперь давай о хорошем?

Он поднес мои руки ко рту. Апельсиновый цвет. Он вдохнул вокруг моего пульса, задержав дыхание, а затем медленно выпустил теплый, обволакивающий воздух из своих легких.

— Хочешь знать, почему я не сказал тебе, кто я? *Semplicemente. Все просто.* Я не хотел, чтобы ты это поняла. Если бы ты это сделала, мне было бы страшно думать, что ты уйдешь от меня, что ты пошлешь меня к черту, выйдешь замуж за кого-нибудь другого. Я не сказал тебе, потому что, *semplicemente*, мне нужна твоя компания. Твое внимание.

Мне нужно исчезнуть, чтобы меня увидели. Он был одинок, чертовски одинок из-за этих безжалостных ублюдков.

— Ты нужна мне на всю оставшуюся жизнь, Марипоса. Мне нужно, чтобы ты вся полностью, без остатка принадлежала только мне. *Ossa delle mie ossa; carne della mia carne; la mia bella donna; mia moglie. Кость от кости моей, плоть от плоти моей, моя прекрасная женщина, моя жена.*

— Значит, тебе не пришлось ничего выдумывать? — Я моргнула, глядя на него. — У тебя все это время было сердце?

— Да, верно. Ты. Ты - мое сердце. — Капо взял мои руки и поднес их к своей шее, прямо над шрамом. — Если бы этого не было. Голоса. Как я мог бы сказать тебе, Марипоса? Если бы слов больше не существовало, если бы кто-то украл их, как бы мы общались? Действиями. Дела говорят сами за себя. Тебе не нужны слова, чтобы что-то сделать реальным.

— Действия, — прошептала я. — Твоя жизнь. Ты пожертвовал своей жизнью ради меня.

Он наклонил свою голову к моей.

— *Nel mio mondo l'amore ti farà solo uccidere. Sono un uomo morto dalla notte in cui ti ho lasciato alle spalle.*

Перевод его слов был немного расплывчатым, но их смысл был острее меча, готового убить за любовь.

В моем мире любовь только убьет тебя. Я был мертвецом с той ночи, когда оставил тебя.

Я отстранилась, чтобы лучше видеть его, но Капо только притянул меня ближе, так близко, что я не могла дышать. Так близко, что мое дыхание было его, а его - моим.

Non servono più parole. Больше слов не требовалось, так как он позволил мне спокойно плыть в потоке.

МАРИПОСА

Каким-то *чудом* мне удалось убедить мужа взять выходной. Не только день, но и ночь. После того как дом Харрисона был изрешечен пулями, было трудно находиться вдали от него.

Мои кошмары становились только хуже.

Это был один и тот же повторяющийся снова и снова сон, за исключением того, что крови с каждым разом становилось все больше. Я глядела вниз, и она медленно подползала все ближе и ближе к моим ногам. Я все еще не могла пошевелиться. Только кричать.

Наяву, а не во сне, он иногда стоял рядом со мной. В другое время Капо делал свое дело. Отомстить семье Скарпоне было для него делом всей жизни. Работой, которую он очень любил. Когда Капо признался мне, что не убивал их, потому что все было бы слишком быстро кончено, я сразу все поняла.

Это положит конец его процессу пыток над ними. Когда он наебывал их, играя с ними в своеобразную игру, он получал от этого кайф. Как только они умрут, все будет кончено, и ему придется иметь дело... с самим собой.

Больше всего меня беспокоило, доберется ли он до них первым? Или они, наконец, преуспеют и прикончат его?

Это была игра с очень высокими ставками.

Жизнь, зародившаяся у меня в животе, довела дело до точки невозврата.

Я провела рукой по животу. На прошлой неделе мой живот, казалось, взорвался. На мне было обтягивающее темно-синее платье, которое было эластичным, но облегающим, и со всех сторон было видно, что я беременна.

— Марипоса.

Мне потребовалась минута, чтобы понять, что Капо что-то сказал мне. После приема у врача, где УЗИ подтвердило, что ребенок-мальчик, он повел меня поесть в пиццерию «У мамы». Мы сидели впереди, на табуретах, повернувшись друг к другу.

— Да?

Капо ухмыльнулся мне, а затем взял фотографию УЗИ, которую я положила между нами, прислонив ее к меню десертов. Он сверкнул ей передо мной.

— Хочу, чтобы у него был твой нос.

— Твои глаза и мой нос? — усмехнулась я.

Капо вернул фотографию на место, провел пальцем по моему носу и поцеловал в кончик. Его руки обхватили мой живот, баюкая его, будто это был футбольный мяч.

— Мне приятно, что все знают, что я тот, кто сделал это с тобой.

Я чуть не выплюнула свой напиток, глоток которого сделала.

— Тебе нравится, что все знают, что я забеременела от тебя?

Капо наклонился еще ближе, держа руки на моем животе. Мое колено было близко к его промежности.

— Нет, что все знают, что это я тебя трахаю.

Я закрыла глаза, а мое дыхание вырвалось изо рта в резком порыве.

— Забудь про пиццу. Пойдем домой.

— Почему домой? У них есть задняя комната.

Я отстранилась от моего мужа, пытаюсь рассмотреть его лицо. Капо был совершенно серьезен.

Официантка поставила наши салаты с громким *звоном!* по старой стойке. Секундой позже мужчина в фартуке, повязанном вокруг талии, просунул нашу пиццу между двумя мисками.

— Вот и хорошо, — сказала официантка и поспешила в противоположную сторону, чтобы принять новые заказы.

Их обслуживанию клиентов не хватало утонченности, но эй, еда была потрясающей. Это было все равно, что иметь врача-мудака, напрочь лишенного манер у твоей постели, но он был бы *лучшим* врачом-мудаком без манер у твоей постели.

Мои глаза метались между едой передо мной: мужчиной - и *настоящей* едой передо мной - пиццей и салатами.

Капо откинулся на спинку стула, заливаясь хохотом.

— Ты только что скрутила мои яйца.

Не дожидаясь ответа, я принялась за салат. Иногда мне нравилось класть листья салата на пиццу и сворачивать ее. «У мамы» была *лучшая* итальянская заправка.

— Я не трогала твои яйца, Капо.

— Вот именно. Ты просто выбрала это, — он махнул рукой в сторону стола, — вместо меня. Ты ранила мои яйца, даже не прикоснувшись к ним.

— Я не выбирала одно из двух, — сказала я и откусила кусочек пиццы, чуть не застонав. — Ты - десерт.

Капо наклонился очень медленно, а кусочек салата, который я только что проткнула, был на пути к моему рту. Медленно, о, так медленно, Капо облизал мою нижнюю губу, слизывая с нее остатки заправки.

— Все куда вкуснее, если это побывало в твоём ротике.

Мне было трудно снова найти удовлетворение в еде, но через минуту или две, когда Капо начал есть, мой голод стал еще сильнее. Он даже не спросил. Капо заказал еще одну пиццу, заметив, как много я ем.

— Салат здесь тоже очень вкусный, — сказала я.

Он заказал еще.

— Так я и познакомился со стариком Джианелли. — Капо вытер рот салфеткой. Мы все еще смотрели друг на друга, и он протянул руку и тоже вытер мне лицо. — Я заглянул сюда за пиццей.

— Так вас двоих связала любовь к пицце?

Капо протянул руку и схватил меню с подставки. Он указал на какую-то точку внизу.

— «Все ингредиенты местного производства или импортируются из Италии», — прочитала я вслух.

— Старик Джианелли привозил им чеснок из своего сада. Старые хозяева дружили с ним. Мой дед приехал из Италии, и я привез его сюда. Они встретились. Поладили. Долгое время они играли в заочные шахматы по почте. Они перестали разговаривать после того, как я оставил тебя с ними. Поддерживать контакт было небезопасно.

— *Нонно* доверял Папаше?

— Ага. — Капо сделал глоток воды. — Он хорошо их узнал. Так я узнал обо всех бедах Джослин. Ты была желанной. Может быть, даже нужной в их жизни.

Я разорвала свою пиццу на кусочки.

— Я... я похожа на свою мать?

Иногда я чувствовала себя виноватой, но мысли о моем отце редко приходили мне в голову. Я винила его в том, что погибла моя мать. Он знал, что за люди эти Скарпоне, и все равно пытался обойти их. Даже когда он бежал, он все еще строил планы.

Больше всего меня поразила картина, на которой он покидал здание суда после того, как Скарпоне вытащили его из беды, когда они еще были в хороших отношениях.

Тем не менее, как я ни старалась, я не могла найти информацию о моей матери.

Плохое поведение Коррадо попало на первые полосы газет. Что касается Марии, моей матери, то ее доброта, ее любовь свели ее в неглубокую могилу.

Хотя я не могла вспомнить, как она выглядела, я часто думала о ней. Особенно когда я касалась ее четок. Даже в детстве мама пыталась научить меня, как облегчить мою тревогу верой.

Капо уставился на мое лицо, возможно, вспоминая. Он снова провел пальцем по моему носу.

— Твой нос. Твои глаза. Даже твои губы как у нее. Цвет твоих глаз... — Он склонил голову набок. — Похоже, они представляют собой смесь. Ее глаза были янтарными, как виски в стакане на закате. Она была красивой женщиной. — На мгновение он замолчал. — Твой отец имел

обыкновение припрятывать вещи. Оружие. Деньги. Ювелирные украшения. Документы. Когда я нашел его, он был в плохом районе. Из тех, где люди опускают головы и отводят глаза.

— Мне это знакомо.

Он коротко кивнул.

— В доме не было ничего, кроме потрепанной мебели. Когда он бежал, то прихватил с собой минимум вещей. Твой отец не стал бы избавляться от непосильно нажитого. Он верил, что сделает себе имя. Он верил, что станет новым *Капо* в городе.

— Ты думаешь, он мог закопать фотографии?

— Бинго.

— Я бы так и сделала. — Я со свистом опрокинула в стакан остатки своего напитка. — Мне бы очень хотелось ее увидеть. Для меня было бы очень важно, если бы у меня были ее фотографии. — Я потрогала живот. — Может быть, я увижу в нем что-то от нее.

Мы замолчали, когда официантка вернулась, чтобы снова наполнить наши стаканы. Но у меня на уме было только одно.

Я потянулась и взяла руку Капо, положив ее себе на живот.

— Вот поворот, которого они, вероятно, никогда не ожидали. Две семьи, которые ненавидели друг друга, теперь соединило в единое целое одно звено. Любовь. Этот маленький мальчик объединяет их в мире, хотя они того или нет.

Даже если Капо никогда не произнесет этих слов, этот ребенок был создан из любви и в любви. Когда я боролась за выживание, мне даже в голову не приходило иметь детей, но когда Капо предоставил мне выбор, я больше ничего не хотела. Держать плоть от плоти и кровь от крови моей в своих руках казалось самым удивительным сном. Видеть кого-то, кто, возможно, немного похож на меня, казалось нереальным. Я жаждала ощутить эту особую связь.

Капо взял из миски ломтик огурца и положил его мне на живот. Потом положил рядом еще один. Как будто у моего желудка были глаза.

— Вот тебе и поворот. Сейчас он размером с манго, хотя должен быть размером с огурец. Он будет большим мальчиком.

На моем лице медленно расцветала улыбка.

— Как его папа.

Капо подозвал официантку.

— Тогда давай не будем заставлять его ждать, чтобы поесть. — Капо заказал десерт «спумони» и мороженое. Он посмотрел на меня. — Начни с этой двойни.

— *Эй!* — Я начала смеяться, но съела огурцы, которые Капо положил мне на живот. Потом была уже *его* очередь смеяться. Я встала и провела рукой по платью. — Туалетный позыв перед десертом.

Улыбка не сходила с моего лица, пока я шла через ресторан. Когда я добралась до задней комнаты, где располагались уборные, то заметила комнату немного в стороне. Та самая комната, о которой говорил Капо. Пахло чесноком и помидорами. Я подумала, не могли бы мы проверить ее после того, как съедим наши «спумони»?

Посещение уборной не заняло много времени, и я все еще вытирала руки бумажным полотенцем, когда вышла и наткнулась прямо на руку Капо. Он стоял перед дверью ванной. Еще один человек стоял у кладовки. Он был гораздо ниже ростом, но отличался широченной грудью. Они уставились друг на друга.

Салфетка в моей руке упала на пол, когда я заметила татуировку на его руке.

— *Бобби, у тебя есть сигареты?*

Глаза мужчины метнулись ко мне. Потом снова к Капо.

— Какого хрена? Витторио? — голос мужчины прозвучал тихо, и легкая капелька пота выступила на его верхней губе. Он был бледен, губы мужчины казались слишком красными из-за того, что вся краска разом схлынула с его лица. Интересно, а у тех, кого убил Капо, у тех, кто пытался убить его, была такая же реакция, когда они думали, что видят его призрак?

Капо ничего не сказал, но кивнул так, словно хотел, чтобы я осталась позади. Я пошевелилась, но положила руку ему на бок, пытаюсь увидеть происходящее.

— Скажи мне одну вещь, девочка. — Мне потребовалось мгновение, чтобы понять, что Бобби обращается ко мне. — Ты тоже его видишь?

Я не знала, что сказать. Капо отказался отвечать, и я не была уверена, что этот парень собирается предпринять, если я подтвержу, что это был человек, которого они все считали мертвым. Неужели Бобби вытащит пистолет и убьет нас обоих? Если я буду молчать, а он разозлится? Что же тогда?

— Вижу кого? — прохрипела я.

— Человека, стоящего прямо перед тобой. Тот, к которому *ты* прикасаешься. Он должен быть ростом около шести футов. Ему перерезали горло.

— Это ты с ним так поступил? — Я была удивлена количеством яда в моем голосе, направленном на этого человека, которого я не знала, но ненавидела в принципе.

Бобби покачал головой, но не сводил глаз с Капо. Я не была уверена, то ли он оценивал моего мужа, боясь, что тот набросится на него, то ли все еще был в шоке, увидев его.

— Нет, это был не я, девочка. Я не прикладывал руки к его убийству. Одно время мы были близки.

Капо рассмеялся, но негромко.

— Это и есть та ложь, которую мы всем твердим в наши дни, Бобби?

Бобби вздрогнул при звуке голоса Капо и поднял обе руки.

— Клянусь головой моей матери, Витторио. Я кое-что слышал, понимаешь? Но это было между Артуро и Ахиллом. Мы все подозревали, но ты же знаешь, как это бывает. Что сделано, то сделано. Мы не можем пойти против босса. Ахилл признался в этом некоторым из нас несколько лет назад - подразумевалось, что мы все кончим как ты, если не будем делать то, что нам говорят, не задавая вопросов.

Капо ухмыльнулся, и на этот раз уже вздрогнула я.

— Тебе не следовало искать меня, Бобби. Тебе следовало оставаться под защитой стаи, которую ты называешь *семьей*.

Не успела я даже сделать вдох, как Капо бросился на Бобби, ударив головой о стену. Самым страшным было то, что все это заняло меньше секунды, и он почти не издал ни звука. Когда Бобби скатился вниз, Капо схватил его за воротник рубашки и потащил к кладовке.

— Марипоса, — голос Капо был резким. — Пошли.

Мне потребовалась секунда, чтобы сосредоточиться, но как только я это сделала, я поспешила не отставать. Как только мы вышли на улицу, Капо поднял Бобби и перекинул его через плечо.

— Ты не можешь убить его!

— Считай, что он уже мертв.

— Но он этого не делал, Капо! Он невиновен.

— Он стоял и смотрел, и я считаю, что он даже более виновен, чем те, кто в открытую использует нож. Он чертова крыса. А его жена слишком много болтает.

— Второй причины недостаточно! — Кроме того, я не знала их значения слова «*крыса*» - может быть, трус?

— Это бонус. Может быть, она закроет рот на пять секунд, достаточно долго для того, чтобы пролить фальшивую слезу.

Мы обогнули здание и направились прямо к машине, припаркованной прямо перед домом ресторанчика «У мамы».

— Кто-нибудь может увидеть! — прошипела я.

— Я мертв. Пусть попробуют найти меня.

Как только Капо открыл двери, рядом с нашей машиной остановились две машины.

— Садись, Марипоса! *Adesso!*⁵⁴

Я быстро забралась внутрь, как раз в тот момент, когда пули со звоном ударили по внешней стороне машины. Я прикрыла живот, боясь, что пуля пробьет пуленепробиваемый слой.

⁵⁴ (итал.) Сейчас же!

Через секунду Капо уже сидел в машине. Он включил передачу и рванул с места, ударив по боку одну из машин. Машины, остановившиеся перед рестораном, перекрыли движение. Заревели клаксоны.

— А где Бобби? — спросила я, задыхаясь.

— В конце концов, он оказался ценным заложником.

— Что?

— Он принял эти пули на себя вместо меня. Мы назовем это расплатой за то, что он не предупредил меня, что мне перережут горло, а потом просто стоял в сторонке как сторонний наблюдатель.

— Вполне справедливо. — Я крепко вцепилась в ремень безопасности. — Это были они? Скарпоне?

— Да, но не Артуро и не Ахилл. Молодые парни. Прикрывали задницу Бобби. — Он проверил зеркало заднего вида. — Держись.

За что? Я чуть не закричала, но сдержалась. Капо лавировал в потоке машин, даже не заботясь о том, что между нашей машиной и той, что впереди или позади нас, было пространство, которого еле хватило бы, чтобы сделать нормальный вдох.

— Они тебя видели?

— Они *тебя* видели.

— Но я думала, ты хочешь... *черт! Капо!* — Он свернул, едва не задев байкера. — Я думала, ты хочешь устроить грандиозный выход. Типа: «*Бу, ублюдки, я вернулся!*» Тогда они получат по заслугам.

— Ты не так уж далека от истины, но дело уже не во мне. Твое лицо видели слишком много раз. Слишком много совпадений произошло, чтобы они ничего не значили. Единственное, в чем они не уверены, так это в том, как Кэш Келли замешан в этом деле. Они пытаются связать тебя со мной или выяснить, одна ли ты из его людей.

— Италия, — произнесла я.

— Ага. Похороны моего деда. Если бы я был где-нибудь, я был бы там. Этот человек выдающийся для них.

— Так и было. — Я закрыла глаза, внезапно почувствовав, как меня укачивает. — Ты знал... ты хотел, чтобы тебя убили?

— Я был готов покончить с этим. Они умерли. Я умер... снова. Мы все должны были умереть. — Капо быстро повернул направо, и я впечаталась плечом в боковую стенку машины. — Они меня не увидели, хотя Бобби и закрыл мне лицо, а парни в этих машинах молодые. Они меня не узнают. Только не тогда, когда у них есть только поверхностные описания меня. Они охотились за тобой.

— Все эти люди охотились за мной? Почему Бобби не мог справиться со мной один?

— Что пугает тебя больше, Марипоса? Один человек или несколько?

— Один или несколько... — мой счетчик уровня страха резко взлетел вверх. Я подняла руку над головой.

— Бобби вошел через заднюю дверь, поэтому он не знал, одна ли ты. Это еще одна причина, по которой он позвонил. Увидев тебя, он вызвал подкрепление. Это был конец имеющихся у него сведений до того, как я появился на горизонте. Если они узнают, кто ты на самом деле, *Мариэтта*, все станет еще опаснее. Сейчас у них только зацепки. Ничего больше. Но этого достаточно.

Капо свернул в последнюю секунду, остановившись у входа в гараж, но это заняло меньше времени, чем один вдох. Как только он подъехал, ворота поднялись, едва не задев машину сзади, когда она проезжали через ворота, ускорившись на подъеме. На самом верхнем этаже - седьмом или восьмом? - он припарковался на открытой площадке, прямо под прямыми солнечными лучами.

Капо велел мне оставаться на месте, пока он не придет и не заберет меня. Когда Капо открыл мне дверь, я попыталась вытереть слезу, скатившуюся по щеке, но он заметил.

— Марипоса, — он вытолкнул меня из машины, свободной рукой поправляя бейсболку у себя на голове. Мой кожаный рюкзак покоился у него на спине. Я оставила его в машине, когда мы

зашли в пиццерию. Капо протянул мне пару солнцезащитных очков, прежде чем надеть свои. — Я собираюсь покончить с этим. Время пришло.

— Фотография ребенка. — Я пробормотала. — Мы оставили ее на прилавке.

Мы бросились вниз по гаражному склону к лифтам. Когда мы подошли к ним, Капо протянул мне что-то из кармана.

Мои слезы собирались внутри очков, почти затуманивая их, но сокровище в моей руке было ясно, как день.

— Ты прихватил ее.

— Я также расплатился по счету.

— Ты это сделал?

— Тебе там нравится, и у них память лучше, чем у Скарпоне, когда клиенты уходят, не заплатив. Поэтому я взял фото, оставил им двести баксов и пошел за тобой в уборную. Непредвиденные обстоятельства. Возьми за правило заранее обдумывать все сценарии, Марипоса.

— Бобби следил за нами?

— Нет. Он любит там поесть, но я уверен, что он позвонил им, когда увидел тебя. Он трахал одну из официанток. Она тихоня. Бобби мельком увидел тебя прямо перед тем, как ты пошла в уборную. Я не привлекал к себе внимания, до тех пор пока не появился перед ним.

Казалось, Капо больше нечего было сказать. Остаток пути мы проделали в молчании. Выйдя на улицу, он открыл другую машину и придержал для меня дверцу. Не успела я забраться внутрь, как на верхнем этаже гаража, который мы только что покинули, прогремел мощный взрыв.

— Они узнают, что мы... Я имею в виду, что это твоя машина, Капо.

— Нет. — Он достал с заднего сиденья компьютер и порывлся в нем. — В документах говорится, что автомобиль принадлежит парню, которого убили около полудня... — он мельком взглянул на циферблат своих старых часов. — Час назад. Скарпоне напали на него.

— Как скоро? — спросила я тихим голосом. Я уставилась на фотографию ребенка в своих руках. — Как скоро ты покончишь с этим?

— Они будут охотиться за тобой. — Капо завел машину и тронулся с места. Мы ехали по живописному городу, словно и не было последнего часа.

— Потому что они знают, что ты придешь за мной.

— Или надеясь на это... если я еще жив. — Он посмотрел в зеркало заднего вида. — Если они охотятся за тобой, то охотятся и за мной. Они уже забрали мой голос. Я встречу с ними в аду, прежде чем они заберут мое сердце.

КАПО

Перед моим уходом жена надела мне на шею четки.

Ритуал.

Обряд посвящения.

Символ ее любви и самопожертвования, чтобы я мог взять их с собой в бой.

После того, как убийца сделал достаточно глубокий надрез, чтобы воздух вышел из моего горла вместо носа или рта, я достал четки и сжал их в руках, прежде чем упасть.

Каждый вдох давался с трудом.

За каждый удар моего сердца боролись.

Я думал, что место, где Марипоса нашла свой рай - ее четки, - коснется меня. Потому что я знал, куда направляюсь. Черт. Перед последним вздохом мне захотелось прикоснуться к тому месту, где она обрела покой. Прикоснуться к тому, что сделала другая сторона, прежде чем сделать последний вздох.

К вере.

Из моей первой жизни осталось всего несколько мгновений, которые запомнились мне на долгие годы. Одним из таких моментов была мать Марипосы, Мария, прежде чем я нажал на курок.

Мария была первой, кого я убил, женщиной, предложившей мне прощение за то, что я собирался сделать. Она сказала мне, что знает, что у меня нет выбора. Она сказала мне, что я проявляю к ней милосердие. Она знала дикарей, с которыми я состоял в родстве. Что они сделают с ней, когда найдут.

Но в тот момент я пытался придумать, как спасти их обоих. У девочки должна быть мать.

В конце концов, мы оба знали, что это бесполезно. Если я собирался спасти ее дочь, маленькую девочку, которую она называла Мариеттой, все связи с ее прежней жизнью должны были быть разорваны.

— Я знаю, куда иду, Витторио. Возможно, я совершала ошибки в своей жизни - я вышла замуж за человека, который не был человеком Божьим, - но все же я женщина веры. Я не боюсь смерти, потому что вступаю в новую жизнь. Позаботься о моем ребенке.

Мария боялась только за свою дочь. Куда бы Мария ни направлялась, это было лучшее место. Она следовала за мужем самыми холодными ночами, самыми холодными днями и по самым грязным местам, которых только могли коснуться ее ноги. Когда я нашел их, они были близки к тому, чтобы умереть с голоду. Они не могли покинуть грязное место, в котором жили. Они даже не могли попросить соседа принести им еду, опасаясь, что их обнаружат.

Мы все равно их нашли.

Я убивал мужчин, которые плакали, как женщины, писались от страха, становились на колени и умоляли, когда смерть оказывалась на их пороге. Один мужчина даже предложил вместо него жену. Жизнь есть жизнь. Тело есть тело.

Так было с ними, но только не с Марией. У нее была вера, и вера придавала ей мужества. Тело ее погибло, но душа продолжала жить.

Она учила Марипосу тому же изначально. Когда ей было страшно, она могла прикоснуться к своей вере, чтобы обрести покой. У Марипосы было что-то, что всегда будет ее утешать.

Для некоторых четки представляли собой бусины на веревочке. Но для Марии это было физическое воплощение ее непоколебимой системы убеждений. Как бы близко ни были ее страхи, на ее стороне было нечто большее, чтобы победить их.

Я хотел умереть с таким же покоем. Я хотел ощутить его вкус на губах, почувствовать его в венах, чтобы он покорило мое сердце, прежде чем мои грехи настигнут меня, чтобы забрать с собой.

Я чувствовал, как тьма распадается, разбивается, словно стекло, и все чудовищные тени, выбравшиеся из нее, засасывают меня.

Один.

Два.

Три.

Больше никаких вдохов.

А потом я очнулся. Тито сидел рядом со мной. Я не мог говорить. Мне все еще казалось, что я не могу дышать. Но я знал, что жив, потому что мог чувствовать. Тито обернул четки вокруг моей руки и велел мне держаться.

Я был там, в метафорическом смысле, все еще держась.

Возможно, это был мой последний вздох.

Последний - четвертый.

В «Дольче» проходил вечер только для семьи. Ресторан закрылся для всех, кроме Скарпоне. Они будут пировать, как короли и королевы, они будут смеяться, как если бы Джокер только что поставил самое смешное шоу, и они будут рассказывать своим новым принцам истории о том, что их ждет богатое будущее. Какими могущественными они станут, когда станут королями.

Все. Твою же мать. Чушь.

— *Осторожно, ублюдки, —* хотелось мне сказать сыновьям Ахилла, — *когда убийца перережет вам горло, нож войдет как по маслу. Потому что вспыхивают новости: Может быть только один король. Как вам эти сказки? Да, они довольно высоко. Достаточно высоко, чтобы только один из вас смог добраться до вершины.*

После того как жены уходили, накинув шубы на плечи, надев драгоценности на запястья, надев лучшие туфли на недостойные ноги, их мужья оставались и играли в покер. Ахилл, возможно, ждет одну из своих шлюх, чтобы она могла поцеловать его на удачу. Только счастливицам удавалось покинуть квартиры, в которых он их селил, и появляться на людях рядом с ним.

Угадайте, кто придет сегодня играть, ребята?

Я наконец-то займу место, которое они зарезервировали для меня в воскресенье один раз в месяц.

Я рассмеялся, звук вышел хриплым и низким. Да, как насчет этого? Раз в месяц они резервировали для меня место за покерным столом, включая стакан виски. Мне даже не нравилась эта чертова игра. С годами шахматы старика превратились в покер Ахилла. Быстрее и меньше думать. Это был признак времени.

Трое сотрудников стояли внутри, чтобы обслужить семью. Остальные были из Скарпоне, включая тех, кто поклялся жизнь положить за короля и его сына-шута. Маленькие принцы тоже были там.

Вундеркинд думал, что он справится с их безопасностью. Я включил мониторы, будучи более *шустрым*, чем он. Все, что они увидят, - это ресторан, но без меня, стоящего сбоку и мерзнущего в переулке. Самой выделяющейся деталью в моем облике были четки на шее, но они были спрятаны под рубашкой.

Экран моего телефона загорелся.

Я обошел здание с другой стороны, на открытом месте, подняв воротник куртки. В воздухе все еще чувствовался февральский холод, хотя мы были одной ногой в марте, но холод редко касался меня. Он служил мне для того, чтобы спрятаться до поры.

Улицы были переполнены, и я заблудился в бетонных джунглях, чтобы проверить свой телефон. Я стоял перед магазином, где продавались маленькие фигурки, которые моя жена хотела подарить нашему сыну.

Твоя жена: Эй, ты забыл кое-что важное дома.

Я: Сомневаюсь. Все самое важное - дома. Но все равно скажи. Что я оставил дома?

Твоя жена: Меня.

Через секунду мой телефон завибрировал.

Твоя жена: Пожалуйста, возвращайся домой. Мы даже не придумали ребенку имя.

Я сделал глубокий вдох, и он вырвался из моего рта белым облаком пара.

Я: Саверио Лупо. Саверио означает «новый дом». Это созвучно именам Ксавье или Хавьер. Лупо по-итальянски означает «волк».

Твоя жена: Саверио - наш новый дом. Новый дом *волка* и его *бабочки*.

Я: Да.

Твоя жена: Я не знаю, как еще это сказать, и до того, как ты ушел, я не могла этого произнести. Ты нашел меня, а потом бросил, когда я была еще совсем ребенком. Потом я нашла тебя много лет спустя. В мире, наполненном всеми этими людьми и всеми этими словами, я нашла тебя. Так же, как ты нашел меня.

Прошло несколько секунд. Вибрация повторилась.

Твоя жена: Не оставляй меня больше, Капо. Я понятия не имела, чего мне не хватало всю мою жизнь, пока ты не прикоснулся ко мне. Я никогда не жаждала вещей. На самом деле жаждала, но все было куда сложнее. Это был ты. Я изголодалась по тебе. Ничто не может заменить тебя в моей жизни.

Она все ходила вокруг и около после того, что случилось «У мамы». С тех пор прошло три дня. Она сказала мне выждать день, но еще один день означал, что у них будет больше времени, чтобы узнать, кто она.

Я был чертовым призраком. Они уже убили меня. Но моя жена, она была девушкой, которую я спас; девушкой, сердце которой билось. Они не остановятся ни перед чем, чтобы использовать ее против меня.

Если они узнают, что она беременна моим ребенком... от одной мысли об этом у меня кровь застыла в жилах, а потом закипела.

Ахилл разорвет ее на куски, если доберется до нее первым. Артуро будет сохранять ей жизнь достаточно долго, чтобы она смогла родить ребенка. Тогда он убьет ее и воспитает моего сына как своего.

Последнее предательство, даже за убийство *его* плоти и крови, и последний *слово перед своим красавчиком сыном*. Если в смерти и есть хоть какой-то покой, он знал, что я никогда не найду его с моим сыном в его руках.

Этому нужно было положить конец. Слишком много непредвиденных обстоятельств.

Положив телефон в карман после того, как я его отключил, я посмотрел на часы.

Пора начинать игру, ублюдки.

Я спустился вниз и остановился перед «Дольче». Запах телятины *пармеджано* ударил мне в ноздри и сдавил горло.

Как по команде, двое мужчин в масках выскочили из ожидавшей их машины и поспешили в переулок.

Крики. Выстрелы. Кухонный персонал был мертв.

Бу. Бам. Бу. Трое убиты.

Снова выстрелы. Двое мужчин в масках выбежали из переулка. За ними бежали трое.

Машина с двумя мужчинами в масках умчалась прочь. Трое придурков побежали по улице к гаражу. Они собирались попытаться преследовать их.

— Да, — выдохнул я. — И как тебе это удалось в прошлый раз? Одни мускулы и никаких мозгов.

Я небрежно зашагал по переулку, опустив голову. Я стоял у кухонной двери и прислушивался. Кричал Артуро. За все годы, что он был королем Нью-Йорка, только одна живая душа посмела испытывать его терпение.

Коррадо Палермо.

К такому повороту событий он не привык.

Я немного посмеялся, слушая, как он ругает Ахилла. После того как старик уйдет на пенсию, он возьмет все на себя. Безумный Джокер будет править королевством неудачников.

Еще двое мужчин из стаи Скарпоне выскочили из двери, один за другим. Когда первый остановился, второй сделал то же самое, и первый ударил второго в грудь - условный сигнал, который означал: «Держи уши остро, глаза открытыми, а рот на замке». Другой парень кивнул.

Эти люди не сделали мне ничего, кроме того, что работали на семью внутри ресторана. Так что ничего личного. А перерезать человеку горло - это чертовски личное. Не говоря ни слова, я всадил каждому из них по пуле в затылок. Там был беспорядок, но кровь все равно уже текла из кухни. Пистолет был тише, чем два тела, упавшие на землю.

Я шагнул в кухню, как если бы был хозяином этого места. Как и предполагалось, на полу лежали три трупа.

Похоже, Кэш Келли отомстил, хотя и не смог добраться до основных игроков. У него будет некоторое влияние в этом городе, даже если двое его парней сбегут наутек чуть позже.

Скарпоне были ослаблены, но они, как известно, спасали свои гноящиеся лапы, чтобы спасти все тело. Из-за этого Кэш заслужит некоторое уважение итальянцев, даже если итальянцы будут более осторожны с ним и его мотивами. В общем, ирландцы и итальянцы работали вместе в мире и гармонии или держались подальше друг от друга.

Пока я не затеял эту заварушку.

Прежде чем новоиспеченные принцы успели наброситься на меня, я вывел двух сыновей Ахилла. Один из них впечатался в стену и соскользнул вниз, все еще держа в руке пистолет. Другой на мгновение выглядел потрясенным, его пистолет все еще был поднят, прежде чем он рухнул на картонный стол.

Ахилл и сын-вундеркинд вышли в переднюю часть ресторана. Как я и думал, чтобы проверить.

Я сел рядом с Артуро после того, как собрал оружие принца, прислонился спиной к стене и положил пистолет на колени. Это было мое почетное место с нетронутым стаканом виски.

— Не возражаешь, если я присоединюсь? — Я пододвинул к себе стопку карт и сделал глоток виски. В конце концов, все это было в мою честь. Я положил карты рубашкой вверх, глядя Артуро в глаза. — Похоже, мне достались дерьмовые карты. Я требую пересдать.

В его наплечной кобуре лежали два пистолета, и хотя ему не терпелось пустить их в ход, он ждал меня. Это было слишком хорошо даже для него, чтобы отказаться от такой возможности. В конце концов, чего ему бояться? Призрака с пистолетом? Человека, который был в меньшинстве три к одному?

Правильно, моя бабочка. Дьявол приходит трижды.

— А теперь уходи, — он прикусил зубами нижнюю губу. — И я оставлю тебя в живых.

Я наклонился вперед и взял еще несколько карт из стопки. Я пододвинул к нему свою расписанную руку.

— Оставишь меня в живых? — усмехнулся я. — После того, как ты был так добр, что перерезал мне горло и оставил умирать, как животное, в одиночестве, на холодном цементе, рядом с мусорным баком.

— Ты обманул меня. Никто не обманывает меня и продолжает жить при этом, трезвоня об этом на каждом углу.

— А. Но я это сделал. — Мое горло сжалось, и голос прозвучал резко и грубо. Зарубцевавшаяся ткань на шее иногда заставляла мой голос вытворять странные вещи. — И рассказываю об этом. — Я махнул рукой, вынимая карту и заменяя ее другой в стопке. — Это все старые новости. Пришло время упокоить призрака.

— Чего ты хочешь, Витторио?

— Чего я хочу? — я задумался. — Это ты мне скажи.

Он оглядел комнату.

— Тебе удалось пришить большинство наших наследников. Теперь я точно знаю, что это ты развязал войну между нами и другими семьями. Ты и ирландцев на нас натравил. Ты обкрадывал нас. Ты отомстил. Что еще тебе нужно?

— Ты, — сказал я, — в Гудзоне. Твои ноги с бетонными блоками на них. Джокер рядом с тобой. Скарпоне должны быть начисто стерты с лица этой земли. И я уверен, что тебе интересно

знать, почему я хочу, чтобы ты и твой сын-джокер оказались на дне Гудзона, когда рядом с мусорным контейнером места будет предостаточно. На этой земле есть мусор, а *есть* мусор, который нужно похоронить в ее недрах.

Артуро встал, возвышаясь надо мной. Посмотрел на меня сверху вниз. Как в старые времена. Только в этот момент он был старше. Его черные волосы поседели по бокам. Его лицо было обветренным. Нос у него стал больше. Плечи Артуро начали провисать под тяжестью бремени, которое он нес на себе, сколько бы лет он ни прожил на этой земле. Время идет, и это отражается на теле, но некоторые люди никогда не перерастают свои роли.

Наконец я снова встретился с ним взглядом. Когда я был готов.

— Почему ты послушался меня, Витторио? Почему ты предпочел ребенка Палермо своему отцу? Он пытался убить меня! Он собирался перерезать мне горло! У тебя был приказ!

— Твои приказы ничего не значат для невинного дитя.

— Невинное дитя? — выдохнул он. — Она - отродье Люцифера!

— Нет. Я - отродье дьявола. Сколько мне было лет, когда я впервые лишил человека жизни по твоему приказу? Когда я впервые убил человека. Пятнадцать? Шестнадцать? — Я придвинул карты поближе к себе, постукивая пальцем по верхушке. Один. Два. Три раза. — Ты когда-нибудь видел, как этот ребенок рисует в раскрасках? Или слышал из ее уст, что слово «синий» звучит как «Бу»? Или наблюдал, как она натирает четки до крови, потому что боялась? Боялась каждого шороха. Каждой тени.

Артуро не проронил ни слова за этот промежуток времени. Я услышал приближающиеся шаги, и Ахилл начал что-то говорить, когда вошел в комнату, но остановился, заметив меня. Я услышал, как щелкнул курок его пистолета, но Артуро поднял руку, чтобы остановить его. Ахилл всегда сначала действовал, не заботясь о последствиях в будущем.

Он убил не того парня? *Ох, черт возьми. Такова жизнь.*

Артуро знал, что за человек Ахилл. Вот почему он называл его Джокером. Ахилл был простым солдатом, исполняющим приказы, у которого не было возможности думать самостоятельно. Его нужно было направлять. Помыкать. Приказывать. Безжалостный скелет был необходим, чтобы выживать в этом мире, чего ему было не занимать, хотя стратегический ход мыслей был не менее важен.

Насилие занимало менее половины битвы. Стратегия превосходила кровопролитие. Если ваш разум был настроен правильно, кровопотери ваших людей можно было свести к минимуму, в то время как ваши противники принимали удар на себя.

Артуро тоже это знал, но в игре были и другие факторы. Он приказал убить меня, потому что я не убил дочь Палермо. Но он также приказал убить меня, потому что знал, что я победил его всеми способами, которые имели значение в затейной *им* игре. Я опережал его шаг за гребаным шагом, день за днем, год за годом. Терпение и стратегия были двумя моими сильнейшими сторонами.

Мат.

Когда пришло время, я посмотрел на них троих.

Рот Артуро медленно расплылся в улыбке, потом легкая улыбка переросла в улыбку пошире, после чего он уже хохотал в голос. Он так хохотал, что даже взвыл. Двое мужчин рядом с ним смотрели между нами, не понимая, что, черт возьми, происходит.

Когда веселье Артуро улеглось, он со вздохом вытер глаза.

— Тебе было жаль дочь Палермо. Это то, чего ты никогда раньше не чувствовал. До того, как эта маленькая сучка околдовала тебя, у тебя не было никаких чувств. А теперь ты влюблен в нее.

Он посмотрел на Ахилла.

— Перестань натравливать собак на суку, которую мы встретили в Италии. Я знаю, кто она. Мариетта Палермо. Я должен был догадаться. Этот чертов нос. Даже эти колдовские глаза. Она похожа на свою шлюху-мать.

Ахилл улыбнулся, но все еще держал пистолет наготове.

— Без шуток?

Вито, сын Ахилла, оглядел меня. На его лице не было улыбки. В его глазах ничего не отразилось. Внутри он был уже мертв. Я понимал, что он чувствовал еще до моей смерти. Ничто не могло меня тронуть. Внутри ничего не было.

Невинность Мариетты направила меня на другой путь, но мне понадобился поцелуй смерти, чтобы почувствовать себя живым. Если бы нож никогда не коснулся моего горла, я бы никогда не смог по-настоящему почувствовать ее любовь.

Любовь. Появилась новая гребаная концепция. Это было самое больное место, которое у меня когда-либо было, но в то же время, даже не убивая этих троих, я был неприкасаемым королем.

Ну и дела.

И все же. *Вернемся к сути.*

Я пнул стул напротив себя, как бы заканчивая эту встречу. Первым сел Артуро, за ним - Ахилл. Вито стоял дольше всех, но после того, как отец велел ему *сесть*, он так и сделал. Он смотрел на меня ничего не выражающим взглядом.

— Я не собираюсь сидеть здесь и играть с тобой в эту чертову игру, Витторио. — Ахилл швырнул мне карты. — Ты играл с нами все это время. Играл в гребаную игру как призрак, а не как человек. Разве это справедливо?

Я запрокинул голову и рассмеялся.

— Разве это справедливо?

В течение четырех ударов сердца заскрипели два стула, и все пистолеты были вытащены. Я выхватил свой быстрее всех, и мой пистолет был нацелен в голову старика. Артуро, Ахилл и его сын целились в меня.

— Даже если я умру, это не имеет значения. — Я провел зубами по нижней губе. — Я уже мертв.

— Зато Мариетта - еще нет, — Артуро улыбнулся. — Как только ты умрешь - на этот раз второго шанса не будет, Витторио, - мы найдем ее и убьем. Это будет нелегкая смерть.

Я ухмыльнулся, но улыбка вышла далеко не приятная.

— На этот раз мне не достанется места в первом ряду, чтобы увидеть это?

Ахилл ухмыльнулся, его сходство с Джокером никогда не было таким сильным, как тогда, когда его безумие становилось на ступеньку выше.

— На этот раз зрителем будешь ты, Красавчик Принц. Но на этот раз я буду тем, кто наиграется вдоволь. Я видел твою девку. Классная задница. И рот тоже красивый.

Я должен был держать голову прямо, сохранять хладнокровие, иначе он уже победил.

— Ты не нашел ее раньше. А теперь и подавно не найдешь.

— Мы найдем ее, — сказал Артуро. — Теперь мы знаем, как она выглядит. Мы знаем ее друзей.

— Она под защитой Фаусти. Убей меня, — я пожал плечами. — Она все равно будет в безопасности.

— Ты хорошо умеешь заключать сделки с дьяволом, Витторио. Я уверен, что это будет стоить тебе души.

— Мне это не стоило ровным счетом ничего, поскольку я - отродье дьявола, — сказал я по-итальянски. У Короля и Джокера было только общее представление о сказанном мной из-за минимального знания языка. Они оба терпеть не могли, когда я говорил на языке своей матери. — Но довольно обо мне. Давай поговорим о Палермо.

— Что там насчет Палермо? — Мысли Артуро крутились у него перед глазами. Он подвергал сомнению все, что, по его мнению, знал о смерти Коррадо Палермо. Был ли он еще жив?

— Спроси у Ахилла, — сказал я.

— Ахилл. О чем он говорит?

Ахилл уставился на меня с такой ненавистью, что я удивился, почему его пистолет еще не выстрелил от жара его ярости.

— Он говорит чепуху, папа. Ты собираешься слушать трусливого призрака?

Никто из них не заметил моего легкого движения, пока я не вынул бумагу из кармана и не положил ее на стол. Секундой позже Вито стал слишком возбужденным и нажал на курок. Пуля задела мою руку, мое пальто приняло удар, а затем пуля застряла в кирпичной стене.

Одно было в этом вундеркинде - у него был сбит прицел. Была причина, по которой Артуро держал его за экраном компьютера. Вот где он преуспел.

— Какого хрена, Вито! — Ахилл так сильно ударил его по затылку, что очки соскользнули с его носа.

Щеки Вито вспыхнули, прежде чем его взгляд, обращенный на меня, стал еще злее. Я ошибался. У него было только одно чувство. Ненависть.

Случай с пистолетом дал Артуро возможность прочитать записку, которую я ему подсунул. Выражение его лица подпитывало мою месть.

Артуро поднял листок.

— Вы сговорились с Палермо.

— Что? — Лицо Ахилла сморщилось. Он хотел взять листок, но Артуро отнял его у него. — Дай мне посмотреть, папа.

Артуро еще секунду смотрел на него, прежде чем протянуть ему листок. Ахилл пробежал глазами страницу.

— Это чушь собачья!

— Так ли это? — Мой тон был таким легким и беззаботным. — Палермо был скопидомом. У него вошло в привычку все записывать. Он вел дневник за дневником. Видите ли, он наивно полагал, что выберется из этой жизни живым. Ходили слухи, что он пытается стать новым королем Нью-Йорка, но правда заключалась в том, что он пытался стать не королем, а самым доверенным советником *нового короля*.

— Чушь собачья! — Взревел Ахилл, и его пистолет задрожал.

— У Палермо не было причин лгать. Там все записано. — Я кивнул на бумагу в его руке. — У него была внутренняя информация, за утечку которой пострадал Карло, крыса, играющая за обе стороны. Именно он предоставил ее ему. Это все время был ты. Ты дал Палермо нож и приказал убить его. — Я кивнул Артуро, чей мозг, будто по команде *щелк, щелк, щелк*, складывал все части воедино.

Артуро был так занят, ослепленный моей внешностью симпатичного мальчика и моим острым умом, что никогда не видел настоящей змеи в своем доме.

Ахилл был причиной того, что Палермо подвергал свою семью опасности. Он хотел править рядом с Ахиллом и основывал свои решения на обещаниях, построенных из лжи. Потом, когда все пошло прахом для Палермо, Мария поняла, что она — единственное живое звено, которое может пролить свет на ситуацию, и как только Палермо исчезнет, Ахилл позаботится, чтобы она последовала за ним. И ее дочь тоже, на всякий случай.

Вернувшись в дом, принадлежавший Палермо, в то время, когда он работал на Артуро, я начал копать. Моей главной целью было найти одну или две фотографии Марии, чтобы отдать их Марипосе. Если со мной что-то случится, я хотел убедиться, что у нее есть эти воспоминания.

Я откопал гораздо больше.

Похоже, Марипоса все-таки кое-что унаследовала от отца - потребность вести дневник.

По сути, Ахилл убедил Артуро, что мне нужно исчезнуть, после того как я оставил Мариетту в живых. Он вбил в голову Артуро, что раз уж я спас дочь Палермо, то солгу, чтобы спасти свою жизнь. Однако, оглядываясь назад, зная, что я сделал после прочтения воспоминаний Палермо, я понял, что Ахилл хотел моей смерти не только для того, чтобы получить все королевство, но и потому, что он понятия не имел, что сказала мне мать Марипосы перед смертью, да и сам Палермо, если уж на то пошло.

Ахилл больше не пытался напасть на Артуро, потому что это было бы слишком подозрительно. Доверенная группа Артуро была небольшой, и его местонахождение не было известно, пока он не приезжал. Это было бы слишком прямолинейно. Когда меня не стало, все стало просто. Все, что ему нужно было сделать, - это выждать.

Мы все стояли с пистолетами наготове, ожидая, а пистолет Артуро был направлен мне прямо в сердце. Затем рука Артуро дернулась, и пуля попала Вито прямо в сердце. Парень ударился о стену, соскользнул вниз, его очки съехали набок, рот открылся.

Артуро повернул пистолет к Ахиллу, но тот с быстротой юноши поднес пистолет к его голове и нажал на курок. Колени Артуро подогнулись, и он упал на пол. Я не упустил выражения его лица перед тем, как он проиграл битву со смертью - то был гнев. Он всегда был так чертовски полон ненависти, что даже смерть не смогла выбить ее из него.

Мы с Ахиллом кружили друг вокруг друга, все еще держа оружие наготове.

— Даже для мертвеца ты проиграл, Витторио, — фыркнул он. — Ты всегда считал меня тупицей. Может быть, я и не такой умный, как ты, но всякое дерьмо случается не просто так, и я умею складывать все воедино. У меня было видение, когда я был в больнице сегодня утром, копясь в морге в поисках моего пропавшего сына. Тито Сала. Он спас тебя в ту ночь.

— Один выстрел, Ахилл, — сказал я, устав от игры. Но при упоминании имени дяди я не решился нажать на курок. Если бы у него был Тито, никто бы толком не сказал, какую болезненную игру он затеял. — Один из нас должен закончить это. Один выстрел. Это все, что у тебя есть, чтобы убить меня на этот раз.

Ахилл сделал шаг назад, направляясь на кухню. Я двигался вместе с ним, шаг за шагом. Он остановился прямо у входа в помещение, где располагался шкаф для развешивания пальто. Артуро поставил его, потому что не любил, когда кто-то трогал его вещи. После Палермо он дважды задумался о том, что или кто может его погубить.

— Непредвиденные обстоятельства - это те еще суки, Витторио.

Он открыл шкаф, и оттуда вывалился Тито. Он был связан и с кляпом во рту. Ахилл поднял его одной рукой, приставив пистолет к виску. Очки Тито исчезли, и он моргнул, прежде чем полностью открыть глаза. Как только ситуация дошла до его сознания, он покачал головой, пытаясь заговорить. Я знал, чего он хочет, и без слов. Он пытался убедить меня не жертвовать своей жизнью ради него.

Я не мог выстрелить.

Непредвиденные обстоятельства.

Я ни за что не пожертвую жизнью Тито ради своей. Этот человек был ангелом, который стоял между смертью и мной. Если кто-то и заслуживал того, чтобы жить, даже если это должно было спасти их, так это этот человек.

— Опusti пистолет, Витторио, — приказал Ахилл, еще сильнее прижимая пистолет к виску Тито. — Сейчас же. Или твой добрый дядя будет мертв.

Подняв руки в знак капитуляции, я позволил пистолету упасть на пол. Тито начал бороться, но это было бесполезно. Я уже сдался.

Моя жена была в безопасности. Мой сын будет в безопасности.

Ахилл убьет меня, но никогда не прикоснется к ним. Рокко позаботится об этом. Особенно после того, как я пожертвовал своей жизнью ради Тито.

— На колени, Витторио, — приказал Ахилл. — На колени! — взревел он, когда я отказался двигаться.

Я держал руки поднятыми, заложив их за голову, но отказывался вставать на колени. Он все равно собирался меня убить. Будь я проклят, если встану на колени перед каким-нибудь простым человеком. Я бы согнулся, сломался, пошел ко дну только ради одного человека на этой земле - женщины, моей жены.

Я медленно опустил руки и потянулся к четкам на шее. Я вытащил их и прижал к сердцу.

Пистолет уперся мне в затылок, и я снова обрел покой в свой самый темный час.

МАРИПОСА

Перед уходом Капо подарил мне синюю коробочку, перевязанную голубым бантом. Он велел мне открыть ее после его ухода. Как только он вышел за дверь, я, не теряя времени, открыла ее.

Первое, что я нашла внутри, была записка на голубой папиросной бумаге.

«Марипоса,

В ту ночь, когда я привел тебя к старику Джанелли и Джослин, ты сказала, что твой любимый цвет - синий. Только ты произнесла это слово как «бу»⁵⁵. Впервые с тех пор, как мама покинула меня, я вспоминал об этом с улыбкой. Последний раз это повторится в тот момент, когда я выйду за дверь нашего дома и подумаю о тебе — ты больше не говоришь «бу», но ты все еще делаешь со мной что-то такое, что нельзя выразить словами.

За это я обязан тебе жизнью. Не я спас тебя в ту ночь, а ты спасла меня.

То, что лежит внутри этой коробочки, не может вернуть то, что ты потеряла по моей вине, но, возможно, эта часть тебя, которую ты потеряла, начнет понемногу возвращаться к тебе.

Капо»

В коробке, накрытый куском ткани, лежал альбом с фотографиями. Фотографиями, которые я и не думала увидеть когда-либо вновь. Моя мама. Моя мама держала меня на руках, как только я родилась. Многочисленные фотографии меня, пока мне не исполнилось пять. Похоже, она хранила только свои любимые. Фотографии, которые были достаточно важны, чтобы их стоило похоронить и спрятать.

После этого я написала Капо текстовое сообщение. Пока писала, внутри у меня все переворачивалось. Я слишком боялась сказать ему лично все, что мне было нужно, чтобы он знал, боялась, что мои слова могут что-то сглазить, и он никогда не вернется ко мне.

Капо не сказал мне, что собирается делать, но я знала. Весь день в нем было что-то необычное.

То, как он смотрел на меня.

Как будто это было в последний раз.

То, как он целовал меня.

Как будто это было в последний раз.

То, как он прикасался ко мне, как будто это было в последний раз.

Больше, чем слова.

Рокко уже ушел, а перед этим у них была назначена встреча в кабинете Капо. Мне не понравилось, как Рокко посмотрел на меня перед уходом. Как будто он смотрит на вдову, за которую скоро будет отвечать.

Опять же, больше, чем слова.

До того как Рокко ушел, я сунула ему в руку записку. Это был естественный жест, прощальное рукопожатие, и на этом все закончилось. У меня не было проблем с использованием всех моих слов.

Но я не могла усидеть на месте спокойно. Я отдала Капо четки, чтобы он взял их с собой, и мне не хватало возможности потирать четки между пальцами, чтобы успокоиться. Впервые с тех пор, как я вышла замуж за Капо, дьявол снова наступал мне на пятки.

Надев теннисные туфли, я перешла в другое здание и обнаружила Джованни на кухне.

— Есть новости от моего мужа?

⁵⁵ blue – «синий» по-английски звучит как «блу». Марипоса в детстве не выговаривала букву «л».

Он покачал головой.

— Нет, с тех пор как он уехал.

Я закусила губу и кивнула.

— Я хочу мороженого.

Он указал на морозильник.

— Он заполнен.

— Нет. Я хочу ванильное. У нас есть с другими ароматами - все, кроме ванили.

Некоторое время он наблюдал за мной, а затем позвал Стефано, своего заместителя, на кухню.

— Миссис Маккиавелло хочет, чтобы ты сгонял в магазин за ванильным мороженым.

— Я за рулем, — сказала я, подходя к ключам, висевшим на крючке в комнате, где хранилось большинство ключей от машин. Для входа требовался пароль. Остальные ключи были на нашей стороне, в тайной пожарной части. Капо продумал все до мелочей.

Капо предупредил Джованни, что не возражает против того, чтобы я сегодня вечером куда-нибудь сходила, если при мне будет один из телохранителей. Что служило верным доказательством риска, на который тот собирался пойти. Почему он был так уверен, что Скарпоне не будут охотиться за мной?

Джованни кивнул, и мы со Стефано вошли в гараж. На красном «феррари» зазвенела сигнализация, и мы оба скользнули внутрь. Прежде чем открыть гараж, я отправила Капо текстовое сообщение.

Я: Я еду со Стефано за мороженым. Сегодня вечером мы можем посмотреть старый фильм и выпить по бокалу рутбيرا. Ты вернешься ко мне домой, Капо.

И снова он не ответил мне. Капо не ответил мне и на мое первое сообщение ему. После того, как я излила ему свои чувства через электронное устройство. Внезапно мне вдруг разом захотелось... облечь в слова все мои чувства.

По правде говоря, мне было наплевать на мороженое. Я собиралась в «Дольче» посмотреть, где мой муж. Чтобы убедиться, что мой кошмар не сбудется - мой муж истекает кровью на цементе, сжимая четки в руках, оставляя меня навсегда.

Стефано заметил, что мы направляемся не в сторону магазина.

— Миссис Маккиавелло, мы едем не в ту сторону. — Он указал пальцем в другую сторону. — Магазин в той стороне.

Я проигнорировала его замечание. Он попробовал еще раз. Я по-прежнему не обращала на него внимания. Я начала набирать скорость, внутри меня возникло давление, природу которого я даже не могла объяснить, еще сильнее вдавливая педаль газа в пол. У меня была паническая атака.

— Миссис Маккиавелло...

Прежде чем я успела понять, что происходит, остальные слова слетели с губ Стефано, словно в замедленной съемке: «... *грузовик!*»

Это были последние слова, которые он произнес, прежде чем из ниоткуда появился огромный грузовик и врезался в пассажирскую дверь «феррари».

Все произошло так быстро, что, пока машина катилась по касательной, я не успела толком ничего осознать. Как только это произошло, мы вырулили, но все вокруг меня казалось искаженным. Размытым. Я протянула руку и коснулась своей головы. Я зашипела. Кровь текла по моему лбу, щипала глаза.

— Стефано, — прохрипела я.

Ответа не последовало.

Я снова произнесла его имя, нащупывая его, но ответа по-прежнему не было. Потом положила руку на живот, гадая, не навредил ли ребенку такой удар.

Мой ребенок.

Хотя слез не было - возможно, я была в шоке - что-то исходило от той части меня, которую я никогда раньше не встречала. Это было беспокойство прямо из самых глубин моего сердца и души.

Мысль о том, что что-то случилось с моим ребенком, повергла меня в глухую, безмолвную панику. Затем я ощутила легкое движение, и я расслабилась, но не чувствовала себя полностью в своей тарелке.

Дыхание с шипением вырвалось из меня, когда я попыталась открыть дверь. Неужели у меня сломано ребро? Я закашлялась, и мне стало еще больнее.

Откуда вообще взялся этот грузовик? Несмотря на то, что я ехала достаточно быстро, я была предельно внимательна. Фары не горели. У него не горели фары. Это был демон, врезавшийся в яркий свет.

В следующую секунду моя дверь открылась, и мужчина протянул руку и отрезал меня от ремня безопасности. После этого он вытащил меня на улицу за волосы. Я начала рыдать, сама того не желая. Моя грудь горела огнем.

Смысл, наконец, дошел до моего мозга. Этот человек оказался рядом не для того, чтобы помочь мне. Он был там, чтобы убить меня. Мужчина начал бороться со мной за часы на моем запястье. По волосам на его руках я поняла, что это был мужчина.

Он что, грабил меня?

— Отдай их мне, сука! — Он сильно ударил меня по лицу. — Если ты будешь продолжать драться со мной, я отрублю тебе запястье!

Я замерла при звуке его голоса. Я сосредоточилась на нем, по-настоящему сосредоточилась, и мое дыхание будто разом выбили из моих легких. Он сорвал часы, швырнул их на водительское сиденье «феррари», а затем вылил бензин из канистры, обойдя машину кругом. Может быть, даже облил и внутри нее. После этого он подошел ко мне поближе, ткнув ботинком мне в лицо.

Он знал о часах.

Он знал, что это была моя прямая линия к безопасности, к тому, кто придет за мной.

Что Капо найдет меня.

Спасет меня.

Капо... придет ли он? Я не могла вынести даже мысли об этом.

Я попыталась отползти, но это было бесполезно. Безумец потащил меня за волосы к ожидавшему его грузовику и швырнул внутрь. У меня кружилась голова, зрение то фокусировалось, то снова пропадало, и я даже не могла назвать его по имени. Оно вертелось у меня на языке, но разум отказывался оформить его в нечто членораздельное.

Он продолжал бормотать что-то, что он собирается сделать со мной, куда он меня везет, как сильно я буду страдать, но его голос продолжал проникать в мое сознание и исчезать будто в кипящей воде.

Последнее, что я помнила, - это то, как загорелся «феррари», когда мы отъезжали. Дьявол наконец-то поймал меня и утащил в ад.

КАПО

В воздухе раздался одиночный выстрел. Он был негромким, но все равно я его услышал. Моя хватка на четках стала крепче, но через секунду все, что я услышал, было тело, упавшее на пол.

Я перевел взгляд налево, потом направо.

Это тело было не моим.

Я все еще стоял прямо, четки врезались мне в ладонь.

— Амадео, — сказал Рокко, — помоги мне развязать эту несчастную «девицу», пока он не испарился.

Мне потребовалось мгновение, чтобы понять, что произошло. Рокко развязывал Тито. Ахилл лежал на полу позади меня, вокруг его головы собиралась лужа крови. Он был мертв.

Смерть окружала меня со всех сторон. И хотя их смерть удовлетворила меня, потому что они больше не будут беспокоить никого, это было больше облегчение от того, что они не могли навредить моей семье.

— Ты! — взревел Тито, когда Рокко сорвал скотч с его рта. — Я собственноручно покалечу тебя, когда Рокко развяжет эти руки. — Дядя Тито пошевелил ими, словно ему не терпелось схватить ими меня за шею.

Рокко ухмыльнулся.

— Может, нам снова заклеить ему рот скотчем?

— Не смей! — прорычал Тито. — Я вас обоих кастрирую!

— Дядя, — произнес Рокко. — Разве ты не должен был сделать это с... — он кивнул в сторону Ахилла, — прежде чем позволил ему похитить тебя?

— Я так устал! У меня был очень нестабильный пациент в больнице. Ахилл появился из ниоткуда в гараже. Когда я ничего ему не сказал, он ударил меня по голове, а потом связал! Так уж случилось, что он похитил меня в тот вечер, когда ты задумал осуществить план мести!

— Рокко. — Мой голос прозвучал напряженно, призывая его объяснить причину, по которой он здесь.

Ни при каких обстоятельствах я не хотел, чтобы Фаусти вмешивался в мои дела. Эта ночь должна была пройти на моих условиях. Если бы один из Скарпоне оказался наверху, кости бы так и покатались.

Игры. Так много гребаных игр. Но все игры кончились.

Мы с Рокко много раз говорили об этом. Я снова заговорил об этом после того, как он дал мне слово, что Фаусти позаботятся о моей жене, если со мной что-нибудь случится. Марипоса этого не знала, но еще до того, как она согласилась выйти за меня замуж, я попросил его позаботиться о ней. Она была единственной наследницей всего, что принадлежало мне.

Рокко перестал бороться с Тито и сосредоточился на мне. Он порылся в кармане и вытащил листок бумаги. Он был вырван из дневника. Рокко протянул его мне.

«Дольче». Сегодня вечером. Не делайте это как одолжение мне, сделайте это как одолжение любви. Я вам ничего не должна, ваша должница - любовь.

Марипоса. Моя жена. Я мог узнать ее почерк где угодно, особенно после того, как прочитал ее дневник от корки до корки. Я поднял клочок бумаги.

Рокко кивнул.

— Твоя жена. Она сунула его мне в ладонь, прежде чем я ушел от тебя. — Он пожал плечами. — Она говорила с романтичным старым дураком, что еще жив во мне.

— Освободи меня, племянник!

Мы оба посмотрели на Тито, который изо всех сил пытался освободиться. Но у нас не было времени. Вдалеке завывали сирены. Каждый из нас взял его за руку и понес, подняв с пола. Он ругался всю дорогу, но замолчал, когда мы посадили его в машину. Потом он просто *хмыкнул* и посмотрел в окно, как будто отказывался разговаривать с кем-то из нас.

Я достал свой компьютер, убедившись, что все меры предосторожности, которые я принял, сработали. Камера зафиксировала лишь несколько фрагментов той ночи.

Изнутри было видно, как люди в масках вбегают и убивают кухонный персонал, люди Скарпоне бегут за ними, Артуро убивает Вито, а затем Ахилл убивает Артуро. Записка от Коррадо Палермо все еще была у Артуро.

Полиция никогда не увидит видеозаписи, поэтому, когда дело дойдет до Ахилла, им придется строить самые смелые догадки. Список его врагов не мог поместиться на одной странице. Я сомневался, что закон приложит много усилий, чтобы найти убийцу Ахилла. Рокко оказал им услугу.

— Старина, — сказал я, все еще глядя на свой компьютер и обращаясь к Тито. — Однажды ты спас мне жизнь. Ты подарил мне второй шанс. Моя жизнь для тебя - это самое меньшее, что я мог сделать.

Дядя Тито хлопнул меня по затылку. Жестко. Краем глаза я заметил, как Рокко ухмыльнулся.

— Вот именно! Я старик по сравнению с тобой! Твоя жена! Что с ней?

— Если бы не ты, у меня не было бы жены.

— А твой сын? Кто бы его вырастил?

— Ты, — сказал я. — И опять же, без тебя у меня не было бы сына.

Дядя Тито начал ругаться по-итальянски. Несмотря на то, что он злился на меня за то, чем я был готов пожертвовать ради него, я, правда, полагал, что он злился на себя за то, что его похитил такой придурок, как Ахилл. Мужчины, вероятно, начнут называть его Связанным Тито или придумают ему какую-нибудь дерьмовую кличку в этом духе, чтобы ему было тяжело. Рокко ни за что не позволит ему пережить это.

И тут зазвонил мой телефон. *Джованни*.

— Мак. — У него перехватило дыхание, как будто он бежал. Он был крупным парнем, и его голос был естественно глубоким.

— Говори, Джи.

— Это... — он глубоко вздохнул. — Ваша жена. — Он начал бессвязно бормотать слова. *Ушла со Стефано. В магазин. Ванильное мороженое. Слишком долго. Ни со Стефано, ни с вашей женой не удалось связаться. Пошел искать их. Стекло на улице. Феррари. Сгорел до хрустящей корочки. В нем лежало тело. Со стороны пассажира. Не знаю, кто. Не могу сказать, мужчина это или женщина. На месте происшествия работают пожарные и полиция.*

Не сказав ему ни слова, я повесил трубку, достал из кармана телефон и включил его.

Новое текстовое сообщение.

Твоя жена: Я еду со Стефано за мороженым. Сегодня вечером мы можем посмотреть старый фильм и выпить по бокалу рутбира. Ты возвращаешься ко мне домой, Капо.

— Чуть собачья, — сказал я. — Она ехала не в ту сторону. — Марипоса ехала в «Дольче». Направлялась посмотреть, что со мной. Потом я велел Рокко остановить машину. Открыв на своем компьютере другую программу, которую я разработал, я изложил им суть ситуации. Мой голос звучал спокойно, сдержанно, может быть, даже холодно, но внутри меня извергалась гора Везувий.

Джованни был прав. Ее часы не показывали сигнала, как и рабочий телефон Стефано. Я даже отследил его личное устройство, и его тоже невозможно было обнаружить. Как и телефон Марипосы.

— Давай, моя маленькая бабочка, — прошептал я. Я переключил передачу, проверяя свое последнее средство - так я всегда следил за ней. Даже в доме Мальша Хэрри.

Ее обручальное кольцо.

Она никогда его не снимала. В металле за алмазом находилось следящее устройство. И в ее другом кольце тоже, если она когда-нибудь решит носить одно без другого. Если бы тот, кто это сделал, сделал это не для того, чтобы ограбить ее, ему бы и в голову не пришло забрать ее кольцо. Ее часы. Ага. Ее машина. Ага. Но ее кольцо? Его нельзя было бы заподозрить как следящее устройство.

Как только на экране забилося сердце, я закрыл глаза и сжал четки на шее. Стефано. Стефано был убит. Но тут холодная рука коснулась моей шеи, и я заговорил низким и напряженным голосом.

— Рокко. Отвези меня к Гудзону. — Я рассказал ему об этом районе. — Так быстро, как только сможешь. А по дороге позвони Брандо.

Брандо Фаусти когда-то служил в береговой охране. Он был водолазом-спасателем на Аляске. Он был лучшим из лучших. Этот ублюдок был как акула в воде. У него было все необходимое оборудование, и он мог видеть почти вслепую.

Второй нужный человек, доктор, уже сидел на заднем сиденье, подавшись вперед и прислушиваясь. Он что-то бормотал, медицинские термины.

Кто бы ни похитил мою жену, он увез ее на Гудзон. Я видел, как сердце на экране приближается к воде. Кто бы ни похитил мою жену, жену покойника, он собирался утопить ее.

МАРИПОСА

Сицилия. Я все думала о том, как проводила там время в воде. Опускалась под воду только для того, чтобы выскочить обратно. Моя голова вынырнула на поверхность прежде, чем звук полностью достиг моих ушей.

Моя голова. Здесь происходило то же самое.

Руки лапали меня. Я боролась с ними, как могла. Я царапалась, кусалась и кричала. Я не была уверена, что крик был достаточно громким. Находилась под водой, все было искажено.

Услышит ли меня кто-нибудь?

Если бы не мой ребенок, я бы сдалась, точно сдалась. Дьявол сцапал меня, и мой муж, вероятно, уже мертв.

Со мной было покончено. Я устала от борьбы, от погони.

Моя воля к жизни сгорела до тла.

Я так устала, когда нашла Капо. И после того, как он принял меня, дал мне кров, пищу и защиту, не говоря уже о том, чего мне так долго не хватало - любовь и безопасность, - я заснула. Нашла убежище. Но моя воля к жизни все еще была усталой, все еще жаждала сна, покоя в безопасном доме, удобной постели и крепких объятий.

Хотя я боролась не только за себя. Ребенок заслужил шанс прожить жизнь, которую еще даже не пробовал на вкус. Не просто выживать, а жить. Жизнью, за которую я была готова продать свое тело.

Оказалось, что я отдала его вместо него.

Капо. Мой ребенок. Саверио. Я даже не сказала Капо, как мне нравится это имя и его значение. *Новый дом.* Саверио был домом, который мы всегда делили. Он был нашей кровной клятвой, обретшей физическую форму.

Я вцепилась еще сильнее. Я надеялась, что мои зубы стали еще острее. И мой крик - даже если он выйдет хриплым, возможно, кто-то все равно услышит меня.

Моя спина ударилась обо что-то твердое, дыхание со свистом вырвалось изо рта. Я потеряла еще больше внимания, еще больше контроля над своими конечностями. Все мое тело было в огне.

Бормотание. Было так много бормотания.

Заткнись! - вот что мне хотелось закричать. Мой голос звучал приглушенно, но его - нет. Он звучал прямо у меня в ухе, кричал внутри моего разбитого черепа. Он, казалось, подпрыгивал из стороны в сторону, заставляя мою голову болеть еще сильнее.

Меня затошнило. Тошнило.

Жжение было таким горячим.

Мои ноги. Я не могла пошевелить ногами. Мои руки. Их я тоже не могла сдвинуть.

У меня не было ничего, абсолютно ничего, чтобы бороться с ним.

Огонь приблизился ко мне вплотную, облизывая каждый дюйм моей кожи, а затем произошло свободное падение в бездну, сильный шлепок ледяной воды по обжигающей плоти, а затем он поглотил меня. Меня засасывало все глубже, глубже, глубже, быстрее, чем я успевала сделать вдох.

Давление было огромным. Всепоглощающим. Оно потушило огонь, но отправило меня в другую спираль.

Замерзшие руки крепко держали меня, и тысячи рук кололи меня сотнями острых, холодных кинжалов. Потом вода хлынула мне в рот, попала в нос и поглотила легкие. Другой вид ожога, но все же ожога, который схватился, но не обуглился.

Бороться с этим было бесполезно. Я была связана. Меня тащат напрямиком в ад сквозь водяную могилу. Быстро. Это было хуже, чем когда Капо нажимал на спидометр в одной из своих машин, как будто мы летели, а не быстро мчались.

Интересно, приведет ли меня прикосновение к аду на путь в рай?

Должно быть, все было проще, спокойнее. *Может быть, поэтому смерть так тяжела.* Мы должны были заплатить за наши грехи, прежде чем обрести покой.

Я подумала о четках, о безопасности, которую нашла, поглаживая жемчужины между пальцами, а потом отпускала их, отдаваясь чему-то большему, чем я.

КАПО

Прежде чем машина полностью остановилась, я выскочил и побежал к пирсу, который тянулся к платформе со строительным оборудованием.

Вода была темной, и я не мог видеть дальше поверхности. Маленький огонек освещал платформу, но большой источник света был сосредоточен на определенном участке реки. Человек стоял рядом с приставленной к пирсу лестницей и касался верхушки Гудзона.

Ромео дожидался своего брата. Брандо уже погрузился. Водолазное снаряжение было разложено на пирсе рядом с Ромео вместе с аварийным оборудованием.

Услышав меня, Ромео вскинул голову. Он протянул руку, и когда обменялись рукопожатием, он притянул меня к себе.

— Амадео. — Он отступил назад, взгляд его темных, направленных на меня глаз, был тверд. — Мой *fratello*⁵⁶ отправился туда за *tua moglie*⁵⁷. — Подбежав, мы услышали всплеск. Брандо сумел разглядеть, в каком месте Марипоса ушла под воду. Это хорошо. Еще несколько секунд, и ему пришлось бы обыскивать весь район.

Рокко и Тито догнали нас. Тито с минуту смотрел на воду, потом подошел и принялся копаться в вещах, которые принесли Брандо и Ромео.

Рокко уставился поверх Ромео на человека, сидящего на пирсе. Его руки и ноги были связаны. Рот его был полон крови, на ногах - белые пятна. Его зубы. Все вокруг было завалено цементными блоками, веревками, ножами, ножницами, пакетами с цементом, пресс-формами и скотчем.

Он собирался сделать специальные формы для ног моей жены, установить ее в них, а затем убедиться, что никто не сможет вытащить ее. Время. У него кончилось гребаное время.

Бруно. Этот ублюдок врезался в мою жену грузовиком, похитил ее, сделал Бог знает что с ней по дороге, а потом бросил в Гудзон с цементными блоками, привязанными к ее ногам. И он убил хорошего человека. Стефано.

Ромео кивнул.

— Я уверен, что у тебя есть на него планы. Мне удалось остановить его до того, как он скрылся. Если он не хотел прыгнуть в воду, у него не было другого выбора, кроме как встретиться со мной лицом к лицу. Он был слишком труслив, чтобы решиться на такой шаг. Следовательно. — Он повел плечами. — Он меня поймал.

Я прикусил нижнюю губу.

— Вода была бы лучшим выбором, — сказал я по-итальянски.

Ромео согласился.

— Он будет страдать за это.

Потом мы больше ничего не говорили, повернулись и стали ждать, когда Брандо вынырнет на поверхность вместе с моей женой. Тито подошел и встал рядом со мной, положив руку мне на плечо, сжимая. Я не осознавал, как сильно дрожу, пока он не коснулся меня. Его рука была твердой в этом перевернутом вверх дном мире. Каждая секунда была хуже, чем тысячу раз перерезанное горло. Мне казалось, что сердце вот-вот выскочит из груди.

— *В любую секунду, Фаусти, в любую секунду*, — напевал я себе под нос. Чем дольше она оставалась под водой, тем меньше у нее оставалось шансов...

Я отказывался отдаваться злобным мыслям, нападавшим на мой и без того уставший рассудок. Внезапно мои колени подогнулись, и я приземлился на них. Пирс принял мой вес. Я закрыл глаза, сжимая четки на шее, задаваясь вопросом, было ли это расплатой за мои грехи. Цена жизни в теле с душой, сотканной из ненависти и мести.

⁵⁶ (итал.) брат

⁵⁷ (итал.) твоя жена

Пока не появилась она.

Она направила меня по другому пути, и когда мы столкнулись, мы оба разлетелись на миллион осколков от удара. Моя бабочка пробралась через мои бреши и пробежала по каждой полоске свинца, которую я проложил, чтобы держать себя в руках. Ее цвета сливались с моими, и на витражном стекле уже не было одинокой фигуры, а была одна с бабочкой на плече и сердцем на рукаве.

Не в силах больше сгибаться под тяжестью собственного веса, иначе я, блядь, сломаюсь, я встал, сбросив ботинки.

Любая гребаная секунда превратилась в *здесь и сейчас*. Я не собирался ждать ни секунды дольше, чтобы привести жену домой. *Обратно ко мне*. Даже если это означало, что я сгинул бы на дне Гудзона вместе с ней. Такова была моя судьба. Эта была моя судьба. Мы разделили ее вместе с ней. Она будет моей Джульеттой, а я - стану ее Ромео.

Рокко положил руку мне на плечо, Ромео - на другое, и они удерживали меня, пока Тито не подошел и не встал передо мной.

— Племянник. — Его голос был таким же серьезным, как и тогда, когда он спасал мне жизнь. — Ты не сделаешь своей жене одолжения, если пойдешь за ней, и нам придется потом и *тебя* вытаскивать со дна.

— Я не Брандо Фаусти, — сказал я, — но плавать, черт возьми, умею. — Я ударил себя в грудь. — Я отказываюсь стоять здесь и ждать, пока он вернет мне мою жену.

— Ты мне близок, как брат. — Рокко сжал мое плечо. — Так что поверь мне, когда я это говорю. Брандо ее вернет. Он вернет ее. Он самый лучший из всех. Пусть делает свою работу.

Его работу. *Моя жена*.

Как только эта мысль пришла мне в голову, самый прекрасный звук, который я когда-либо слышал, казалось, взорвался вокруг меня. Брандо вынырнул на поверхность с моей женой на руках. Казалось, он двигался быстрее, чем акула в воде. Подняв ее по трапу, он уложил Марипосу на пирс.

Тито направился прямо к ней. Брандо сбросил маску, и после того, как Ромео помог ему с баллоном, он направился прямо к Тито, и они оба начали работать.

— Гипотермия, — пробормотал Тито, проверяя ее пульс. — Мы должны быть очень осторожны. Брандо. Избавь ее от этой одежды. Потом накинь на нее теплые одеяла. Сейчас же!

Моя жена безжизненно лежала на пирсе. Ее кожа была бесцветной. Губы у нее посинели. На лбу у нее была глубокая рана. Она была глубокой и красной, но крови не было.

Я подполз к ней, взял ее за запястье и проверил.

— Дядя. — Мой голос был напряженным, грубым, низким. — У нее нет пульса.

Тито наблюдал за моим лицом, пока Брандо раздевал ее до лифчика и нижнего белья, а затем накрывал одеялами.

— Вода... — у нас была тяжелая зима... она слишком холодная. Она слишком холодная. Нам нужно поднять температуру ее тела.

— Искусственное дыхание, — сказал я, прочищая горло. — Компрессия грудной клетки. У них...

— Я начну делать искусственное дыхание, но не раньше, чем приедет скорая. Мне нужно продолжать, как только я начну. Я не остановлюсь, пока не верну ее обратно. Сейчас ее пульс слишком низкий, чтобы его можно было определить. Но это не значит, что мы не можем вернуть ее.

Вдалеке завывали сирены. Скорая помощь была уже в пути. Но если Тито не мог спасти ее, то никто не мог.

Ромео проводил Бруно до машины, пока не приехала полиция. Наши глаза встретились, когда он проходил мимо. Он улыбнулся мне, во рту больше не было зубов, но на лице не было ничего, кроме удовлетворения. Я бы содрал с него кожу заживо, с головы до ног, а потом приспособил бы его к цементным блокам. Потом он отправится в недра Гудзона. Крабы могли полакомиться его внутренностями. Им не придется беспокоиться о его коже. Они получат очищенную закуску.

— Племянник! — взревел Тито.

Мне потребовалась минута, чтобы повернуться к нему и сосредоточиться на чем угодно, кроме своего гнева. Мое желание убивать ощущалось во рту, как кровь, а я был словно изголодавшийся зверь. Крик мертвеца, когда с него дюйм за дюймом снимали кожу - вот что сейчас представляли мое сердце и душа.

— Сосредоточься! — Тито кивнул в сторону моей жены. — Поговори с ней!

Поговорить с ней.

Моя жена.

Пульса у нее не было, но я был мертвецом.

Я не хотел думать о том, почему Тито приказал мне говорить с ней.

Я отказывался.

Но если это был конец, то он был окончательным для нас обоих.

Я больше никогда ее не увижу.

Она бы оказалась на небесах. Я был бы в аду.

Мы никогда не смогли бы быть вместе дольше, чем мы были на этой земле.

Я поднес ее руку ко рту, обдувая ее теплым воздухом, мои губы сомкнулись.

— Марипоса, — мой голос дрогнул. — Ты забыла кое-что важное, бабочка. Ты оставила меня умирать самой страшной смертью. Быть вдаль от тебя - это самая худшая смерть. Это более болезненно, чем все, что я когда-либо испытывал. — Но слова произносить было бесполезно. — *Послушай меня, Марипоса.*

Было время, когда я не знал, смогу ли когда-нибудь заговорить, нож пронзил мое горло так глубоко. Тогда я понял, насколько бесполезны слова. Я требовал большего, чем слова, и это было то, что я поклялся дать ей.

Почувствуй мою боль и позволь ей вернуть тебя ко мне. Ты единственная, кто может спасти меня от этого. Моя жизнь и моя смерть. Моя прямая линия между ними...

Голос Брандо прорезал мои мысли, из мешанины слов вырывались: *«Температура. Вода. Слишком долго. Веревка. Разрезать, чтобы освободить ее от цементных блоков. Переохлаждение. Пульса нет. Беременная».*

Эти слова проскользнули в мой разум, вытесняя все остальное, отравляя мою душу, пока мужчины обсуждали мою жену и ее нынешнее состояние.

Безжизненная.

В ней не было жизни.

Все, что ей оставалось делать на этой земле, обрушилось на меня. Все, что она упустила, пронзило меня, как тысяча ножей. Все дни и ночи, когда она страдала. Она сказала мне, что никогда не касалась истинного мира, пока мы не поженились. Впервые в жизни она могла спать, могла отдыхать, и не только физически. Дьявол, следующий за ней по пятам, был слишком далеко позади, чтобы поймать ее - ее туфли наконец-то подошли и удержали ее на ногах.

Она так чертовски долго боролась с жизнью. Изо всех сил пыталась перейти от выживания к жизни. И теперь она мертва. Моя бабочка исчезла после того, как получила свои крылья.

Когда мужчины подошли ближе, я притянул Марипосу ближе, не осознавая, что прижимаю ее к своей груди, покачивая.

Я отказывался ее отпустить.

Я отказался позволить им забрать ее у меня. Я бы оторвал им руки зубами.

Ей было так холодно. Я чувствовал, как ледяная вода просачивается мне под рубашку. Ее кожа стала еще холоднее, как будто из нее высосали всю кровь.

Наш сын. Без нее он не выживет.

Все, что было моим, исчезло в считанные минуты.

Непредвиденное обстоятельство. Человек, жаждущий мести.

Моя собственная месть привела меня *туда*, когда она нуждалась во мне *здесь*.

— Племянник. — Тито наклонился, глядя мне в глаза. — Отдай ее мне. Я позабочусь о ней. Доверься мне. — Он ударил себя в грудь.

Я позволил медикам забрать мою жену, в то время как Тито руководил ими на каждом шагу.

— Я и есть доктор! А теперь послушайте *меня!*

Тито все время повторял, что есть шанс, что ее пульс слишком слабый, чтобы его можно было обнаружить. Если она достаточно согреется, есть шанс, что она еще выживет.

Шанс. Шанс. Шанс. Жизнь *моей* жены, моя, зависела от гребаного *шанса*.

Медики не спорили, но они уже объявили ее мертвой в своих головах.

Они настороженно наблюдали за мной, один из них разглядывал мою татуировку, пока я шел за ними к ожидающей нас скорой помощи. Я отказывался оставлять ее одну. Они подключили мою жену к мониторам внутри и... ничего. Ничего, кроме ровной линии и звука машинного сигнала тревоги.

Последовал контролируемый хаос.

Тито выкрикивал приказы, как солдат на поле боя. Они делали компрессию грудной клетки, в то время как использовали другое согревающее одеяло, чтобы попытаться поднять ее температуру.

— Ничего, — сказал один из санитаров, проверяя мониторы, а затем взглянул на Тито. — Пульса по-прежнему нет.

— Мы продолжаем реанимационные мероприятия! — рявкнул Тито. — Марипоса. Давай, бабочка. Серьезно. Дыши для меня.

Я отвернулся, мое вновь бьющееся сердце умирало тысячью разных смертей при виде этого. Звук машины, которая в панике отключилась, потому что не могла обнаружить жизнь, казалось, эхом отозвался в моей душе.

— Марипоса, — прошептал Тито.

Звук его голоса вырвал из моей груди последний клочок надежды.

— Скажи мне, — попросил я. Я отказывался смотреть на него, потому что не был уверен, что буду делать, когда встречу с его сочувствующим взглядом. Тон его голоса подтвердил мой худший кошмар. Моя бабочка исчезла.

— *Farfalla*, — сказал Тито чуть громче. Прошла секунда или две. — Он есть! — почти крикнул он. — Пульс!

Я поднял глаза. Санитар принялся лихорадочно возиться со своей аппаратурой, и, словно наблюдая, как вершина горы пробивает твердую почву, линии начали подниматься, подниматься, подниматься. Ее пульс участился. Даже порез на голове начал кровоточить.

Моя бабочка застонала, а через секунду, когда мы наехали колесом на выбоину, вскрикнула от боли. Затем, не открывая глаз, она сжала мою руку, и вот так я снова ожил, чтобы рассказать о тысяче смертей, и о той единственной жизни, которую мне еще оставалось прожить. С ней.

5 Месяцев Спустя

Моему сыну было всего несколько часов от роду, но он уже правил нашими мирами.

Он был тем, кого Тито называл чудесным ребенком. Он выжил, несмотря на обстоятельства. Он пошел в свою маму. Она сказала, что он тоже пошел в меня.

У него были густые черные волосы, карие глаза, которые казались достаточно светлыми, чтобы когда-нибудь стать янтарными, и кожа цвета миндаля. У него были широкие плечи, длинные руки и ноги. Он был большим мальчиком.

Марипоса сказала, что у него есть черты моего лица и мое телосложение, но у него нет ни ее носа, ни моих глаз - двух вещей, которыми мы оба хотели, чтобы он обладал. Но между важностью получения определенных черт или наличием силы, необходимой чтобы выжить в этом жестоком мире, я был благодарен небесам, что последнее в нем преобладало над первым.

Один мудрец однажды сказал мне, что мы часто получаем не то, что хотим, а то, что нам нужно.

Когда-то я мечтал стать королем. Когда-то я хотел править всем этим. Не желал, а требовал.

Я получил и то, и другое, но так, как никогда не предполагал, что мне это нужно. Я был королем сердца моей жены и правителем этого мира, который мы создали вместе. Если бы это было в моей власти, у моего сына было бы все, что ему нужно.

Неся его к окну, открывая его, позволяя миланскому солнцу светить на его лицо, я позволил миру впервые увидеть этого новорожденного принца.

Мой сын.

Саверио Лупо Маккиавелло.

Он был новым принцем, но принцем нашего мира. Ему не придется доказывать свою безжалостность, чтобы править. Он только что это сделал. Независимо от его шагов, пути, по которому он пройдет, выбора, который он сделает, у него всегда будет королевство, в которое он сможет вернуться. Безопасное место, куда можно убежать, когда дьявол будет наступать ему на пятки.

— Он такой же красивый, как и его папа.

Я обернулся и увидел, что моя жена пристально смотрит на нас. Она спала, но после одиннадцати часов родов выглядела очень хорошо... совершенно обновленной. Кем-то, кого я никогда раньше не встречал. Она была мягкой снаружи, достаточно податливой, чтобы родить сына, но ее душа была душой королевы-воительницы. Она была женщиной, которая обрела нерушимую веру, силу, неведомую даже самому сильному мужчине на земле. Ее плоть и кости могли сгибаться, могли ломаться, но ее душа была несгибаемой, несокрушимой.

Только эта женщина показала мне, что я мужчина. Пот все еще покрывал мою кожу и одежду от степени интенсивности всего этого.

— Он тоже будет таким же большим, как его папа. — Марипоса поморщилась. — Он серьезно ранил мою Уни.

Я рассмеялся, а мой сын моргнул, зевая.

— Оставь воспоминания на потом, когда он подрастет, когда ты не захочешь, чтобы он делал что-то, чего ты не хочешь чтобы он делал. — Я пожал плечами. — Дав почувствовать ему вкус вины.

Она улыбнулась усталой улыбкой, но солнце осветило все ее лицо. Она выглядела такой здоровой. Живой. Марипоса похлопала по кровати и раскрыла объятия.

— Ближе. Я хочу, чтобы вы оба были ближе.

Медсестры продолжали приходить, желая забрать его, но мы оба отказывались. После того, что случилось с моей женой, я хотел, чтобы моя семья была как можно ближе ко мне. *Шанс* отпустить его на несколько часов не стоил того.

Марипоса взяла у меня Саверио, прижала его к своей груди, вдыхая его волосы, как воздух. У него их было так много, что мы могли их расчесывать. Я ухмыльнулся и провел по ним руками, заставляя их встать дыбом.

— Капо, — прошептала она.

Мне потребовалось мгновение, чтобы взглянуть на нее. Было трудно не смотреть на него. Интересно, смогу ли я когда-нибудь остановиться?

— Марипоса, — я наклонился и поцеловал ее в лоб. Она закрыла глаза, но ее лицо не было полностью спокойным. У нее было что-то на уме. — Используй все слова.

Она кивнула. Она открыла глаза. Потеребила одеяло.

— Я собиралась простить его, понимаешь? Бруно. Прямо перед тем, как я ушла под воду. Я чувствовала, что должна была. Но я не могла. Прямо перед тем как я сделала свой последний вдох... Я не смогла. Я могла бы простить его за то, что он убил меня, но не его. — Она прижала Саверио к груди, прижалась губами к его головке. — Я не смогла бы простить ему то, что он убил моего ребенка.

Ее слова были твердыми, но для моих ушей жуткими, как будто ее мать говорила через нее. Мария простила меня, но не простила бы, если бы я причинил боль ее дочери. В мои намерения не входило причинять вред Марипосе - я был полон решимости спасти ее. Поэтому Мария простила меня за то, что я лишил ее жизни без малейшей дрожи в голосе.

Я погладил Марипосу по щеке большим пальцем.

— Ты была создана для этого. Для него. Ты убьешь ради него. Умрешь за него.

— Как и я была создана для тебя, — ее голос был мягким, и она отказывалась смотреть на меня. Моя жена поправила ему волосы. — Ты умер за меня. Ты убивал ради меня. Ты любишь меня, нас, *это*, за пределами того, что ты можешь понять. Вот почему он здесь, почему он наш, потому что ты любил нас настолько, что пожертвовал всем ради этого момента.

Марипоса посмотрела на меня, встретилась со мной взглядом и коснулась моего горла.

— Я люблю тебя, Капо. Я всегда буду любить тебя. Ты со мной во всем этом навсегда.

Я взял руку моей бабочки и поднес к губам, целуя пульс дольше обычного.

Она усмехнулась.

— *Più delle parole, mio marito*, — прошептала она по-итальянски. *Больше, чем слова, муж мой*. Потом она начала напевать, глядя на нашего сына.

В дверь постучали. Марипоса даже не потрудилась поднять глаза. Она была невероятно уставшей и уже давно влюбленной в ребенка на руках - она была безумно счастлива.

Вскоре после рождения Саверио я выставил нашу семью за дверь. Марипоса нуждалась в отдыхе, а мне нужно было время, чтобы изучить его черты, не деля его ни с кем, когда одна из женщин схватила его за руку. Так что я понятия не имел, кто это может быть - может быть, одна из медсестер, но они обычно стучали, а потом входили.

Кили, Кэш Келли и Малыш Хэрри стояли по другую сторону двери. У Кили в руках были подарки.

Я прищурился, воззрившись на двух мужчин, когда Кили пронеслась мимо меня, направляясь прямо к Марипосе и Саверио.

Хэрри кивнул мне.

— Ты не возражаешь, если... — он кивнул в сторону моей жены.

Когда он спросил, Марипоса подняла глаза. Кили уже обняла Саверио, корча ему рожи, но тоже подняла глаза. Все взгляды были устремлены на меня.

Я кивнул, но ничего не сказал. Он думал, что между нами все улеглось после того, как я спас его сестру, но он всегда будет ходить по тонкому льду в отношениях со мной. Он все еще был влюблен в мою жену, даже после того, как проявил некоторый интерес к моей кухне Джиджи.

Кэш стоял в дверях, не входя.

— У тебя найдется свободная минутка, Маккиавелло?

Я повернулся к Марипосе. Она закусила губу, сжимая одеяла, прикрывающие ее ноги, ее взгляд был настороженным. Ей не нравилось, что Кэш был здесь.

— Всего минутка, — сказал я ей.

Она кивнула, но ничего не сказала. Кили что-то сказала ей, но она не отвела от меня взгляда, пока не поняла, что ее мысль была поймана и принята близко к сердцу: *«Не связывай себя обязательствами ни перед чем, что могло бы отнять тебя у нас»*.

Прикрыв за собой дверь, мы стояли в коридоре, прислонившись спиной к стене. Кэш стоял рядом со мной.

— Поздравляю, — сказал он, засовывая руки в карманы. — Твоя жена прекрасно справилась. Ваш сын - большой, здоровый мальчик.

У него не было сильного ирландского акцента, но мелодичность присутствовала.

Я кивнул.

— Ты проделал весь этот путь, чтобы поболтать о моей семье? Сомневаюсь. Давай ближе к делу.

Он вздохнул.

— Скажи мне, где я стою по отношению к новому Королю Нью-Йорка. До меня доходили слухи. После того, как Артуро и Ахилл были убиты, не осталось сыновей, чтобы претендовать на трон, ходят слухи, что ты - тот человек, который взшел на трон. Обычно мы не вращаемся в одних и тех же кругах, — он ухмыльнулся. — Но непредвиденные обстоятельства, гравитация, возможно, втянули нас в эту серую зону одновременно.

— Ты стоишь там, где стоишь. Я стою здесь. Мы не друзья и не враги. Я сделал тебе одолжение. Ты сделал мне одолжение. Теперь мы в расчете. Но я не собираюсь брать на себя ответственность за семью Скарпоне. Это наследие умерло вместе с людьми, которые превратили его в то, чем оно было. Что это было? Зависит от того, кого спросишь, но если спросишь меня, вот мой ответ. Это было то, в чем я не хочу участвовать. Я сам устроил свою жизнь. Я буду править так, как считаю нужным. Я работаю на одну семью, которая стоит по одну сторону с моей - семьей Фаусти. Кроме того... — я пожал плечами.

У меня были мои инвестиции, мой бизнес, достаточно для меня и моей семьи, чтобы жить комфортно до окончания наших дней.

Я намеревался стать новым королем Нью-Йорка, новым королем волков, но непредвиденные обстоятельства - жена, сын - изменили направление моих стремлений. И эти шаги привели меня обратно к двери, за которой меня ждало мое царство.

ЭПИЛОГ

МАРИПОСА

10 Лет Спустя

— *Пож-а-у-у-й-с-т-т-т-а. Мама, пожауйста!*

Все мое тело наклонилось влево, рука дернулась, плечо задрожало вверх-вниз.

— Эвелина, дитя мое, успокойся. — Я улыбнулась своей отважной пятилетке. Она была нашим третьим ребенком из четырех и единственной девочкой. Сказать, что она была светом Папиных очей, было бы ложью - она была всем его миром. И бедняжке достался мой нос. По крайней мере, у нее были глаза ее отца.

Малышка перестала трясти меня, и я увидела, что мысли движутся в ее сапфировых глазах, словно мед. Ее черные волосы хлопали по загорелой коже. Ее губы были полными и розовыми, и она сморщила их в самый раз. Эвелина рано поняла, что для ловли бабочек нужен сахар, а не соль.

— Мама. — Ее голос был таким мягким, таким сладким, и она поднесла мою руку к своим губам, нежно поцеловав мой палец. — *Пожалуйста*, могу я взглянуть на это кольцо? — Она подняла руку, которую держала, показывая ее мне.

Она хотела примерить мои обручальные кольца. Она вошла в тот возраст, когда ей нравились принцессы, и если что-то было блестящим, как вещишки принцесс, она хотела именно их или, по крайней мере, хотя бы примерить.

Я редко снимала кольца. В последний раз я снимала их, когда делала фрикадельки, но только для того, чтобы мясо не застряло между гранями. Я положила его в специально отведенное место, пока не вымыла руки. Прошло максимум минут десять, и они снова были на моей руке. Иногда я даже оставляла обручальное кольцо и просто чистила его щеткой, когда заканчивала.

На нашу девятую годовщину Капо подарил мне бриллиантовое кольцо, чтобы я носила его на правой руке, на безымянном пальце, и я никогда не снимала его. Четыре бабочки кружили вокруг моего пальца, как всегда они будут кружить вокруг моего сердца. Каждая бабочка символизировала одного из наших детей.

Эвелина часто просила позволить ей посмотреть его, но это был первый раз, когда она попросила надеть мои обручальные кольца. Это были символы, от которых я никогда не устану.

Символ его. Нас. Провести эту жизнь вместе. Жить этим.

— Я верну их обратно. — Она захлопала густыми ресницами. — Честное-пречестное, *пожалуйста*.

Я рассмеялась над тем, какой милой она была. Мисс Пушинка. Такой была наша дочь - Эвелина Ноэми Мария.

— Хорошо. — Я вздохнула. — Но ты должна сидеть за кухонным столом. И тебе позволено надеть их всего на секундочку. Эти кольца - как важная одежда для мамы. Мне нужно, чтобы они были надеты на моем пальце, тогда я буду готова к предстоящему дню.

Она хихикнула, взяла меня за руку и повела к столу. Я подхватила ее прежде, чем она успела вскарабкаться наверх, и она закричала: «*Уииии!*» когда я усадила ее милую маленькую попку на стул.

Мы были на вилле на окраине Модики. Это был небольшой дом, но мы сделали его комфортным для нашей семьи. Мы превратили его в семейное гнездышко. Кухня была моей любимой комнатой. Большую часть времени мы проводили там.

Я сняла оба кольца и надела их ей на палец. Они были такими большими, что почти соскользнули, но она удержала их вместе. Я поцеловала руку дочери, прежде чем встать, наблюдая, как ее глаза сияют от того, какими красивыми они были.

— Они такие милые, мама, — выдохнула она. — Мне они нравятся. — Затем она обхватила себя руками, как будто не могла быть счастливее, чем в тот момент.

На плите зазвенел таймер, и я повернулась на секунду, вспомнив, что должна вынуть пирог с красным перцем. Семья собиралась отужинать в нашем саду на нашу годовщину.

— Эвелина. — В моем голосе прозвучало предостережение. — Сиди здесь и не двигайся. Ты слышишь маму? Я только достану пирог из духовки.

Она отчаянно закивала головой, взволнованная тем, что я позволю ей носить кольца еще секунду. Я поспешно достала пирог и поставила его на плиту, мысленно прикидывая, что еще нужно сделать.

— Что это значит? — спросила Эвелина.

Я обернулась и увидела, что она смотрит на мое обручальное кольцо. Она сняла его и поднесла к свету.

— Вот. — Я протянула ей руку и показала на левый палец. — Пора надеть их обратно. Я ведь не могу ходить без штанов, правда?

Она хихикнула, как будто это была самая смешная вещь в мире, поцеловав меня в нос, когда я наклонилась, чтобы она снова надела кольца. Сначала она надела мое основное кольцо, но прежде чем надеть обручальное кольцо, показала мне металл.

— Что это значит? — снова спросила она. Ее маленькие глазки были прищурены, брови нахмурены. Когда она это делала, я могла бы поклясться, что в такой момент она была копией Капо.

Она не умела читать, но узнавала слова. Хотя я не была уверена, о чем она говорит.

— Здесь ничего не... *сказано*, — хотела возразить я, но остановилась, заметив, на что она указала.

Впервые за десять лет я заметила надпись на внутренней стороне обручального кольца.

— Да чтоб меня, — выдохнула я.

— Что это, мама?

— А, — я поняла, что произнесла это вслух. — Надурил *меня*.

— Я люблю дурачиться!

Я громко чмокнула ее в щеку, пытаясь обыграть свое внезапное высказывание.

— Я знаю это, малышка! Как насчет этого? Как насчет того, чтобы найти папу и твоих братьев? Держу пари, ты увидишь бабочку в саду!

Эвелина отказалась остаться на улице с мальчиками, потому что хотела помочь мне готовить. Она любила пачкать руки на кухне, но дело было не только в этом. Она просто хотела первой заграбастать конфеты.

— О! — взволнованно воскликнула она, спрыгивая со стула, прежде чем я успела ее остановить. Она бросилась к двери и остановилась только тогда, когда Капо открыл дверь и поднял Эвелину, перевернув вверх ногами, заставив визжать от восторга.

— Скажи это, Эвелина. Скажи волшебное слово.

— Бу! — Это было то, что она говорила вместо слова «синий». В данный момент это был ее любимый цвет. — Бу, папа, бу!

Капо вернул ее в вертикальное положение, и она притянула его лицо ближе к себе, сжимая его так сильно, что ее глаза зажмурились.

Каждый раз, когда я снимала кольца, он появлялся вскоре после этого. Это было странно, как будто он знал, что я потерялась.

— А где мальчики? — спросила я.

Саверио был нашим старшим. Сальваторе был нашим вторым сыном. Эвелина была нашей третьей. А четвертым был наш малыш Ренцо. Ему было три года, и если кто-нибудь вслух называл его ребенком, он хмурил брови и корчил Капо рожу а-ля «*Я очень зол*».

Капо прищурился, заметив, как я задыхаюсь, прежде чем посмотрел на мои руки.

— Саверио повел Сальваторе и Ренцо встречать Фаусти. *Тетушки* пошли с ними. — Он смотрел на меня еще секунду, прежде чем кивнул мне за спину, безмолвно приказывая следовать за ним.

С годами потребность в словах между нами становилась все меньше и меньше, потому что иногда его голос становился все ниже и ниже. Его действия всегда были громче слов.

Капо взял меня за руку, когда я подошла достаточно близко, поднес мое запястье к своему рту, прижался губами к моему пульсу. Он снова взглянул на мои кольца. На этот раз, казалось, он проверял, чтобы убедиться, что их расположение было верным. И снова это было *странно*.

— Поцелуй и меня, папочка. — Эвелина протянула ему руку, скорее прижала ее к его губам, и он громко поцеловал ее запястье. — Я твоя принцесса, папа.

— Ты моя принцесса. *Per sempre*.

Как только мы вышли в сад, он опустил Эвелину на землю, позволив ей свободно бегать. Она направилась прямо к одной из станций с сахарной водой, которые мы установили, наблюдая, как несколько бабочек расправляют крылья в вечернем воздухе, впитывая нектар и золотой солнечный свет. Несмотря на то, что Эвелина вообще была шумным ребенком, около бабочек ее учили быть тихой, доброй, уважать их.

Я стояла в стороне и восхищалась всем, что сделали мои мальчики.

Над столом, от лимонного дерева к лимонному дереву, были развешаны фонарики-бабочки, расставленные и готовые для более чем двадцати человек, а на заднем плане играла тихая музыка - то, что Саверио называл музыкой для «стариков». Как изменились времена. Если я была стара, то мой муж был еще старше, и ему это нравилось не больше, чем мне, когда наши дети напоминали нам об этом.

Сад, который мы разбили с *Нонно*, никогда не был так прекрасен, как в тот момент. Цвета взрывались в вечернем свете, и бабочки были в постоянном движении, наслаждаясь всей красотой.

Корни. Здесь у них были корни. Так же, как и у меня. И всякий раз, когда представлялась возможность, мы рассказывали нашим детям истории о человеке, который показал нам, как сажать и лелеять их. Каждый из наших детей знал историю волка и бабочки лучше, чем мы.

Я вертела в руках обручальные кольца, желая, надеясь, что Фаусти не слишком торопятся добраться до нас. Мне было трудно сосредоточиться на ком-нибудь, на чем угодно, кроме моего мужа.

Время было благосклонно к нему. С годами он стал только привлекательнее. Он был так же здоров, как и всегда, ни унции жира на его теле, и любые изгибы, которые он приобрел за эти годы, вписывались в понятие «прекрасного зрелого мужчины». Несколько седых прядей пробивались по бокам его черных волос, несколько прядей в щетине отражали свет и искрились серебром, но это только делало его мудрее.

Он все еще держал себя в руках.

Он все еще заставлял меня чувствовать себя в безопасности.

Он все еще заставлял меня задыхаться.

Он по-прежнему заставлял мое сердце совершать «ужасно злые» поступки, а бабочки в животе бешено трепетали.

Он все еще заставлял меня хотеть его, жаждать его, чувствовать голод по нему - каждый день, каждую ночь, иногда каждую секунду моей жизни. Пустое пространство, которое он заполнял, никогда по-настоящему не заполнялось. Оно только росло, чтобы вместить в себя еще больший голод. Удовлетворенная, но вместе с тем не полностью.

Я все еще любила его, но это было уже не то. Я любила его еще больше, во всех смыслах. Как моего лучшего друга. Моего возлюбленного. Мое сердце. Отца моих детей. Моего короля-волка. Моего босса. Мое все.

С каждым днем наша любовь только крепчала. Как и сад вокруг нас, наши корни уходили все глубже и глубже в почву, которая всегда будет приветствовать нас дома. Чего бы это ни стоило, мы сделали все, чтобы сделать все *правильно*.

— Если это не то, чего ты хочешь. — Капо сделал шаг ко мне, и у меня перехватило дыхание. Заходящее солнце ударило ему прямо в глаза и напомнило мне о плавании гольшом в море летом, только мы вдвоем, тело скользит по телу. — Говори сейчас или навсегда замолчи, бабочка.

— Слишком поздно для сожалений, не так ли, Капо? — Я сделала шаг ближе к нему, проводя рукой по его груди, останавливаясь на шраме вокруг горла.

— У вас есть что-нибудь из этого, Эсквайр?

Он иногда так меня называл. После рождения Саверио я вернулась в юридическую школу, став адвокатом. Я работала бок о бок с Рокко, время от времени занимаясь семейными делами. Я также помогала детям, которые, как и я, нуждались в помощи, когда система отказывала им. В основном я хотела заботиться о своих детях, но было приятно иметь что-то и для себя за пределами нашего мирка.

— Сожаления? — Я отрицательно покачала головой. — Ни единого.

Мы оба обернулись. Эвелина была в своем собственном мире. Она играла со своим маленьким внешним волшебным миром. Она что-то шептала феям, не желая тревожить порхающих вокруг бабочек.

Капо ухмыльнулся, но прежде чем он успел заговорить, я схватила его за плечи и прижалась губами к его губам, желая его так сильно, что у меня зануло все тело. Я нуждалась в нем внутри себя, не дающего ни единого шанса оторваться от него.

Когда Капо прервал поцелуй, я закрыла глаза и положила голову ему на грудь. Его сердце медленно билось у меня в ушах.

— *Ti amo*, — выдохнула я, держа его рубашку в своих руках, отказываясь когда-либо отпускать его. Два слова, которые означали для меня жизнь или смерть - два слова, которые он выгравировал на моем обручальном кольце.

Он отстранился, изучая мое лицо.

— Через десять лет. — Он покачал головой. — Наконец-то ты его прочитала.

— Десять лет? — Я моргнула, глядя на него. — Ты выгравировал эти слова еще до того, как мы поженились?

— С тех пор, как я заказал для тебя кольцо.

Смех, сорвавшийся с моих губ, вышел мягким от восторга.

— Лучше поздно, чем никогда.

Он был терпеливым человеком - и в мести, и в любви.

— Самое время, блядь. — И он прижался своим ртом к моему, возвращая все то, чем я поделилась с ним, не используя никаких слов. — Если я не мог вытатуировать эти слова на сердце, то сделал второй лучший поступок. Я начертал их на твоём кольце, а потом надел его тебе на палец. Ты не снимешь мое кольцо, даже спустя десять лет, я знаю.

— Как насчет твоего тела? — Мои брови взлетели вверх. — Разве я не должна быть там, Капо?

Он ухмыльнулся и положил руку мне на шею, прямо на бешеный пульс.

— Мы оба знаем, что это дело решенное, Марипоса. Ты на мне, во мне, во всех отношениях. Ты моя. Сегодня. Завтра. *Per sempre*.

На руке у него была вытатуирована маленькая голубая бабочка, прямо над головой волка. Она была под цвет глаз волка. Но если шрам на его шее и не был достаточной отметиной, то я не была уверена, что он имел в виду. Он вел себя так, как будто татуировка была чем-то большим, как будто цена моего спасения не была самой высокой в его жизни.

Что-то тут меня озарило. Я знала его достаточно хорошо, чтобы сложить два и два после того, как обнаружила надпись на большом кольце.

— Наше соглашение. — Эти два слова на секунду повисли между нами. — Если бы ты знал, что любишь меня раньше...

На его лице появилась волчья усмешка.

— А другие женщины? — Он пожал плечами. — Да, это была бы договоренность, не более. Условия были бы установлены, и их нельзя было изменить. Единственная причина, по которой я подписал с тобой соглашение... — Капо смотрел на меня минуту или две, растягивая момент, прежде чем выдохнуть. — ...мне нужно было обойти твоё отвращение к доброте. Что может быть лучше, чем договоренность? В каком-то смысле это было реально - ты получишь все, если я умру, - но кроме этого, это ничего не значило. Соглашение или нет, но это кольцо было на твоём пальце навсегда.

Все это время он был моим «навсегда».

— Помнишь, как мы играли в «двадцать вопросов» после свадьбы?

— Здесь нет маленького человечка, бегающего с банкой табака, — передразнил он мой голос.

— Да, — сказала я, несколько не удивленная его памятью. — Тогда я спросила тебя, был ли ты когда-нибудь влюблен.

— Я же сказал тебе, что нет.

— *Следующий вопрос*, — сказала я, вспомнив, что он сказал.

— Ты не спрашивала, влюблен ли я, ты спрашивала, *был* ли я когда-нибудь влюблен. А я не был. Пока не встретил тебя. Слова, Марипоса, нужно использовать с умом.

— Да чтоб меня, — прошептала я, а затем смех вырвался из моего рта.

Эвелина заставила меня замолчать, приложив палец к губам.

— Ты только что напугала букашку, мама!

Мы с Капо придвинулись еще ближе друг к другу, тихо смеясь. С каждым годом под лучами солнца с ним становилось только лучше. Мне не терпелось прожить с ним еще сотню лет.

— Миа! — вскрикнула Эвелина шепотом, бросаясь навстречу малышке. Саверио шел рядом с ней. Она была ровесницей Эвелины.

Мы не двигались, пока группа не подошла достаточно близко, чтобы я могла обнять всех, а Капо - пожать всем руку. Наша группа, наша *семья*, выросла за эти годы, и не только наша семья утроилась. Мы были неотъемлемой частью семьи.

То, что я получила в этой жизни, было намного больше, чем я могла когда-либо желать. Это выходило за рамки того, на что я когда-либо смела надеяться. Больше, чем я когда-либо мечтала, чего желала. Это было то, что мне всегда было нужно.

В моей жизни были моменты, когда я и не думала, что проживу еще десять минут, не говоря уже о десяти годах.

Миллион лет с моим *капо* и нашими детьми не насытят меня, если только навсегда, пока я живу с ними.

КОНЕЦ

КАПО

Теперь вы знаете...

Ее любовь к жизни.

Ее дикий смех, который в клетке не сдержать.

Ее заразительную улыбку.

Ее царственный профиль.

Ее мягкие, как пух, губы.

Ее неотразимый аромат.

Ее яростную страсть.

Ее *лазанья аль форно* и ее любимый рутбир.

Ее любовь к старым фильмам.

Ее любовь к детским книжкам-раскраскам.

Ее любовь к дневникам, к коллекционированию слов.

Ее любовь к старым и новым песням.

Ее голос, когда она поет нашим детям.

Ее прикосновение - больше, чем слова.

Когда ее ноги обвиваются вокруг меня, и она выкрикивает мое имя, когда я погружаюсь глубоко в нее.

Она.

Моя жена.

Мою возлюбленную.

Мою лучшую подругу.

Мою любовь до гробовой доски.

Мою королеву.

Моего самого надежного советника и доверенное лицо.

Мое сердце.

Мои четки.

Мои витражи, мою мозаику.

Мою бабочку, *mia farfalla*, мою Марипосу.

Мое все.

Я люблю ее.

Мать моих детей.

Я люблю ее.

И если вы кому-нибудь расскажете наш секрет, я, на хрен, вас убью.